ФАНТАСТИКА
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЕСЛИ
12'2007
ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: 73196, 42916. ИНТЕРНЕТ: WWW.ESLI.RU

БОРИС РУДЕНКО
ЧИСТАЯ ПЛАНЕТА

АЛЕКСАНДР ГРОМОВ
НИКОЛАЙ ГОРНОВ
НАТАЛЬЯ РЕЗАНОВА
ДМИТРИЙ КОЛОДАН

СЕРГЕЙ ШИКАРЕВ:
ПОКОЛЕНИЕ В ПОИСКАХ ЦЕЛИ

SHOUT
SHARE
IT

- ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
  - ПРОЗА
    - Наталья Резанова
    - Николай Горнов
      -
    - Александр Громов
      -
    - Чарли Розенкранц
      -
    - Христо Поштаков
      -
    - Дмитрий Колодан
      -
    - Алексей Калугин
      -
    - Борис Руденко
      -
  - ВИДЕОДРОМ
    - СЕМЬЮ СЕМЬ
    - РЕЦЕНЗИИ
      -
    - ГЕРОЙ ЭКРАНА
      - ШОУ МАСКИ
  - КРИТИКА
    - ОБИТАТЕЛИ ПОТЕРЯННЫХ КОВЧЕГОВ
    - РЕЦЕНЗИИ
      -
  - КРУПНЫЙ ПЛАН
    - ДЖАЗ В СТИЛЕ КОСМО
  - СТАТИСТИКА
    - ОДИНОКАЯ ПЛАНЕТА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ
  - ВЕХИ
    - ОСЕНЬ ПАТРИАРХА
  - КУРСОР
    -
  - PERSONALIA
    -
- notes
  - 1
  - 2

ЖУРНАЛ «ЕСЛИ»
2007 № 12

ПРОЗА

Наталья Резанова
ПЕЧАЛЬНЫЙ ОСТРОВ

Печальный остров — берег дикой…

А. С. Пушкин

Вообще-то, говорят люди, изначально этот остров назывался Пищальным. Якобы в гарнизоне Итильгородского кремля, усиленного после Смутного времени и столь же усиленно скучавшего, развлекались стрельбой из пищалей, в рассуждении: долетит пуля до острова или нет. Скорее всего, это вранье, потому что Волга в этом месте очень широка, а остров как раз посередине, так что туда пуля даже из снайперской винтовки не долетит, не то что из пищали.

Как известно, Петр I повелел сжечь в Итиль-городе все мосты и новых не строить — в целях развития судоходства. Этот указ в

точности соблюдали лет сто. Потом решили, что совсем без мостов тоже не слава богу, тем более что город протянулся уже и за Волгу. Навели понтоны, а чтоб судоходству не мешали, в положенное время разводили. Но острова посреди Волги это не коснулось. По понтонному мосту пустили извозчиков, позже — трамвай, и песчаный горб, щетинившийся леском, только мешал бы транспорту.

Наверное, тогда остров и назвали Печальным.

Шлепали по воде колесами пароходы; орали песни, проплывая в лодках, пьяные мастеровые с Костанжогловских заводов; гремели копыта по понтонному мосту — жизнь проходила мимо.

Настоящие мосты появились много позже. Без них стало никак нельзя. Количество заводов и фабрик, произраставших в Итиль-городе, обгоняло если не всю Европу, то всю Россию точно. И обе части города, Гора и Заречная, должны были сообщаться между собой. Но мосты опять пролегли в стороне от Печального острова — там, где река была поуже. Впрочем, со временем мост, опять-таки понтонный, к Печальному острову подвели — с одной стороны, с Заречной. Теперь уже название «Печальный» звучало как насмешка. Остров стал излюбленным местом купания и пикников. В летние дни сюда устремлялись изнемогающие от жары толпы, благо помимо песчаного пляжа там имелись и заросли, где можно укрыться в тени.

Лет двадцать, а может, и более, длилось такое веселье, потом прекратилось. Санитарные врачи прекратили. Производство-то развивается, напомнили они. И не абы какое, а тяжелое. Здесь вам не Иваново — город невест, с его ситцами. Автомобили у нас куют, самолеты, пароходы. Плюс химические заводы. А также — хоть не принято об этом говорить, но вообще-то каждый горожанин старше трех лет в курсе — заводы военные. И отходы от всего сливаются в Волгу. Рыба передохла давно, а народ здесь купается. Короче, надо строить очистные сооружения, а пляж закрыть.

Очистных сооружений, понятно, строить не стали, а вот мост до Печального острова разобрали.

Народ, конечно, такой заботой о своем здоровье повозмущался. Летом в здешних краях очень жарко, и возможность смотаться за город есть не у всех. Но лишь маньяк стал бы утверждать, будто вода в великой русской реке чистая. После купания приходилось долго отмываться от грязи, а из чего состояла эта грязь, и говорить не хочется.

Но были и такие, кому на острове не загорать-купаться хотелось, а выпить пива-водки. Непременно не на квартире, не в

парке, а под сенью струй. И они упорно пытались добраться до привычного места отдохновения на лодках. Супротив таких отрядили речную милицию на катерах, а лодочную станцию закрыли. Конечно, никто не может усторожить сторожей, и милиционеры, возможно, сами проводили досуг на острове. Но роща и кустарник, прежде занимавшие часть острова, бесконтрольно разрослись, подобравшись к самой кромке воды, и пляж перестал существовать сам собой. Чтоб удобно разместиться, прежде надо было вырубить пространство среди зарослей — но кому нужны такие усилия?

Для любителей культурно выпивать среди зеленых насаждений вокруг города есть леса, и там можно расположиться, не напрягаясь.

И остров перестали посещать. С берегов казалось, что он покрыт шапкой, летом — зеленой, зимой — черной. В прежние времена, в пору весеннего паводка, Печальный остров полностью скрывался под водой. Но из-за множества плотин Волга сильно обмелела, и остров разве что подтапливало, не заливая целиком.

Так проходили годы и десятилетия. Рост промышленности, из-за которого остров отрезало от города, давно сменился спадом. Утверждали, будто в реке вновь появилась рыба. Но возвращать понтонный мост местные власти даже не думали. Не по злокозненной сущности своей — о Печальном острове просто забыли. У всех было полно забот, жизнь стала совсем иной, чем в те времена, когда вершиной удовольствия было растянуться на прогретом солнцем островном пляже. Все куда-то спешили, и разве что застряв в пробках на мосту, кто-то из горожан поворачивал голову в сторону острова посреди Волги. Правда, его было плохо видно. Над островом вечно висело либо марево, либо туман. Наверное, виноваты были резкие колебания температур, особенно участившиеся в последние годы.

И было бы так пусть не до скончания времен, но весьма и весьма долго, если б где-то там, в неведомых кабинетах, не подсчитали, что гидроэлектростанции в их нынешнем состоянии не снабжают в достаточной мере энергией приречные города. Слишком обмелела Волга, мощностей не хватает. Строить электростанции на других источниках энергии — долго и дорого. Да и зачем, когда проблема разрешается проще некуда. Нужно только поднять уровень воды за счет Алатырско-го водохранилища, что вверх по реке от Итиль-города, и все прекрасно заработает.

Недовольные, конечно, были. Но они всегда есть. И кто их нынче слушает, недовольных-то? Чай, не проклятые перестроечные времена.

Ну, зальет пару-тройку деревень, сказали те, кому надо говорить, так население заблаговременно вывезут. Или вам АЭС в городской черте надобно? Сами же протестовали — и нет ее, потому что вас тогда слушали.

И никто из них — властителей, и чиновников, и экологов, и вечно недовольных горожан, и охваченных паникой жителей деревень — не вспомнил о Печальном острове.

Но все, что было раньше, растянувшись на века и десятилетия, это присказка.

Остров ушел под воду. На это не обратили внимания. Слишком много было других проблем. В деревнях до последнего дня надеялись, что потоп отменят, и когда потоп все же пришел, к нему оказались не готовы. Конечно, вызывали спасателей со всей страны, тонущий народ вывозили на вертолетах и заселяли, куда придется. И если для людей еще находился какой-то приют, то с домашней скотиной дело обстояло хуже.

В городе, точнее, в тех его районах, что находились в низине, во многих домах залило подвалы, и откачивать стоячую воду, как тут же выяснилось, было некому и нечем.

И новое поколение санитарных врачей предрекало различные эпидемии — гепатита, дизентерии, а памятуя о погибшей по деревням скотине, еще и похуже. Да мало ли какие скотомогильники там размыло!

И кто в такой обстановке будет вспоминать о поглощенном рекой острове? Мало ли таких микроатлантид кануло в небытие в русских реках?

И кого в эти дни взволнует сообщение, будто по стенам обычного строения ползло неведомое чудовище, напоминавшее разом кошку и летучую мышь, а некий гражданин, зашедший отлить в кусты, повстречал там такое страшное, что теперь страдает недержанием денно и нощно?

Однако же сообщения такие были. Алюдей нельзя потчевать одной чернухой, для разнообразия сгодится и *другая* чернуха. Даже если она той породы, что с крыльями и крякает.

— Есть мнение, что народ надо отвлечь от этих безобразий, — сказал редактор «Итильской недели» журналисту Славе Замятнину. — Инопланетян уже не берут, светская хроника людей только злит. Стало быть, надо заняться этими монстрами.

— Какие монстры? Пить меньше надо, тогда и монстры мерещиться не будут.

— Конечно, поддают сограждане на нервной почве больше обычного. Но матерьяльчик из этого сварганить можно. Или тебе гонорар не нужен?

Гонорар Славе, разумеется, был нужен. Семья его не отличалась большими запросами, но все равно хотела есть и, желательно, каждый день. Поэтому он не стал выпендриваться, согласившись заняться журналистским расследованием. Тем более что, по его мнению, никуда для этого ходить не надо. Залез в сеть, откуда все равно черпается большая часть публикуемой информации, зашел на несколько знакомых форумов, исправно собирающих местные сплетни — и сенсация провинциального розлива готова.

Ознакомившись с разговорами на этих форумах, Слава пожалел, что готовить нужно заказанную сенсацию, а не серьезную работу на тему «Природа массовых психозов». Иначе пришлось бы признать, что значительная часть сограждан Славы сидит на тяжелых наркотиках, а до такой степени продвинутости русская провинция, к счастью, еще не дошла. Вот слухи, приобретающие самые уродливые формы — это да, этим Итиль-город всегда отличался. В Москве, говорят, в давние времена был обычай — когда льют очередной церковный колокол, запускать по городу слухи один нелепей другого: иначе колокол звонить не будет. А в Итиле и колоколов не нужно было, слухи пускали из любви к искусству. За несколько часов Слава узнал подробности про летучую кошку (да, уверяли многие, это была не мышь, а именно кошка, только с крыльями) и про мохнатую рептилию, напугавшую того пьяницу, а также получил сведения о других существах, не попадающих ни под одну известную классификацию. Рыбаки на Нижней набережной (неизвестно, удавалось ли им хоть что-либо выловить, но они там сидели) заметили вылезавшее из воды нечто, напоминающее крокодила. Влюбленная парочка, обжимавшаяся в сквере Красных Матросов, в панике бежала, когда с памятника тем самым матросам на них упала трехголовая змея. Упоминались также жабы-альбиносы и лысые крысы. Но более всего произвело впечатление на Замятнина описание собаки с перепонками на лапах, сделанное персонажем под ником BikTupogub. Оно выдавало человека с профессиональным знанием биологии. Криптоисториков нынче расплодилось немеренно даже в провинции, а вот криптозоологи, по мнению Славы, по-прежнему водились только в книжках. Так что, скорее всего, выступление Tupoguba тянуло на душевный, со вкусом сделанный розыгрыш. Может, это он и начал «лить колокол», а впечатлительные сограждане, чью нервную систему всколебал потоп, подхватили. В других своих выступлениях BikTupogub обращал внимание на то, что все новоявленные существа были замечены только в кварталах старого города. И в самом деле, отметил про себя Слава, чудовища среди блочных

строений — это не то. А вот в домах прошловековых — ничо так, готичненько. Или это попытка привлечь внимание городских властей к проблемам ветхого фонда?

Отмечалось также, что никому из видевших «итильгородских монстров» не удалось их запечатлеть. И это в наше время, когда мобильники с фотофункциями если не у каждого, так через одного! Стало быть, люди были либо слишком напуганы, либо они все же пытались снимать, но изображение не получилось. Похоже, все неведомы зверушки попадались на глаза поздно вечером или ночью. Из чего следует, что это животные ночные, а при свете дня предпочитают скрываться в тени.

Это не довод, мысленно отметил Слава. Чудовище Лох-Несское сколько столетий люди видят, а ни одного приличного снимка до сих пор нет.

Однако теперь у него появился предлог, чтобы поговорить с криптозоологом. Слава написал, что при наличии хорошей фотокамеры, а не «мыльницы» или мобильника, возможно, удалось бы сделать снимок.

Собеседник живо заинтересовался этим соображением, и они договорились о встрече. Слава, кстати, не блефовал — цифровая камера у него имелась. Договорились встретиться у пресловутого памятника Красным Матросам. Место было приметное, единственный окультуренный сквер вблизи Нижней набережной, этакий оазис посреди четырех оживленных трасс. Слава часто проезжал мимо, но не мог припомнить, когда останавливался здесь. Приезжие постоянно восхищались, какие в Итиль-городе раскидываются виды, а местным некогда было этими видами любоваться. Следовало воспользоваться моментом.

Портовые здания отчасти заслоняли панораму реки, и все же Славе показалось, что Волга стала шире. Из-за того, что вода поднялась? Наверное, хотя из бетонного ложа все же не вырвалась. То ли дело позапрошлый век, когда на том берегу волнорезов еще не понастроили, и по весне Заречье могло успешно конкурировать с Венецией!

— Заслав? — обратились к нему эдак деликатно.

Под этим ником Слава выходил в сеть. Он обернулся. У ног брутальных чугунных матросов стоял мужчина лет сорока (плюс-минус), в сером цивильном пиджаке, с редкой бородкой и необильной шевелюрой.

— Бык-Тупогуб, — представился он. — Фома Аркадьевич. На шутника он определенно не был похож.

— Вы биолог? — спросил Слава.

— Совершенно верно, — ответствовал Бык-Тупогуб и уточнил: — Преподаю.

«Школьный учитель, — сделал для себя поправку Слава. — Торчит на этой работе, потому что там свободный и бесплатный выход в сеть».

— Замятнин Вячеслав.

— А чем вы занимаетесь, если не секрет? Врать Слава не собирался.

— Работаю в газете. — Слово «журналист» не хотелось употреблять. Нынче это отдавало дешевыми понтами, хуже было только «писатель». Но, видимо, собеседник был не в курсе таких тонкостей.

— Пресса, — задумчиво сказал он. — Пресса — это хорошо. Даже если вы всего лишь гоняетесь за жареным.

— Пока что ничего не догнал. Какие у вас соображения?

— Для начала исследуем окрестности. У меня есть сомнения, что мы найдем эту змею, но все же следует поискать.

— Думаете, уползла?

— Думаю, эти существа отлично мимикрируют.

— Какие существа?

Но Бык-Тупогуб не ответил. Он увлеченно шарил по кустам. Было бы неловко, если б его задержали за порчу зеленых насаждений, но, очевидно, у милиции нашлись более важные занятия. Впрочем, Бык-Тупогуб действовал довольно осторожно; потому что боялся змеи или просто не хотел топтать траву. Она была высокой — Итиль-город не славился аккуратной стрижкой газонов.

Слава некоторое время походил за ним, для очистки совести «щелкнул» монумент и заскучал.

— Вы сами-то видели кого-нибудь из этих? Кроме собаки с перепонками? — спросил он, предполагая ответ: «Я — нет, но вот один друг (знакомый, родственник, сослуживец)…»

— Конечно, видел. Как-бы-кошку. Кстати, не так далеко отсюда — у старого крепостного рва.

— Кошку, с которой все началось? Крылатую? Она и в самом деле летала?

— Нет, прыгала с края обрыва на дерево. Как белка летяга. У нее в самом деле крылья, но вряд ли они были пригодны для полета, скорее, рудиментарные отростки.

Слава хмыкнул. А может, там и вправду белка была? Хороший заголовок — «Здравствуй, белочка…»

— Подобные явления, когда у животных развивались дополнительные части тела, вплоть до лишних голов, отмечались в прошлом веке в Чернобыльской зоне, — добавил Бык-Тупогуб.

— Да, но у нас тут ничего атомного не взрывалось!

— Вы уверены, что не взрывалось? На военных заводах

старались скрыть такие вещи, — сказал Бык-Тупогуб с интонацией опытного конспиролога.

— Ну… — Слава не нашелся, что ответить. И не успел. Поблизости захрустели кусты и послышался женский голос. Точнее, девичий.

— Юра-а! Юрочка!

Конец поискам, с грустью констатировал Замятнин. Стемнело, и к подножию Красных Матросов непременно притащится какая-нибудь парочка.

Он угадал. Парочка появилась. Но эротических намерений молодые люди не выказывали.

— Да посмотрел я уже, нет ее там, — пробасил Юрочка.

— Ищи, ищи, должна быть! Может, в кусты заползла?

— Ты по траве в босоножках не шастай, Танька. Укусит еще. Девица ойкнула во все девичье горло.

— Вы поняли, кто это? — шепотом спросил Бык-Тупогуб.

А чего тут не понять… Слава таких видел каждый день. Типаж «блондинка провинциальная», слава богу, знать не знающая про анорексию и бронзолексию, и ее приятель, стараниями отечественной рекламы к двадцати с чем-то годам заработавший пивное пузцо. Контингент канала MTV и шоу «Прасекс» Моти Лермонтовой.

Но Бык-Тупогуб имел в виду нечто иное, и Слава догадался, что.

— Это те, которые видели трехглавую…

Однако глазастая молодежь теперь углядела и Славу с Тупогубом.

— Эй, мужики, вы тут случайно… — как можно более солидно начал юноша.

Его спутница проявила неожиданную смекалку.

— Юрочка, глянь, у него цифровик! Они на наше место пришли! Они сами сфотать хотят!

Юрочка заворочал выцветшими бровями — это действие, несомненно, сопровождало мыслительный процесс.

— Мы первые, первые ее нашли! Это наше! — заявила Татьяна. — Вы не имеете права…

Но Бык-Тупогуб, по роду деятельности общавшийся с учащейся молодежью, не был смущен, а Слава тем более.

— Любая информация, размещенная в сети на сайтах открытого доступа, становится всеобщим достоянием, — спокойно провозгласил он.

Однако девицу тоже нелегко было сбить с толку.

— Все равно мы первые! И фоту *мы* должны сделать и продать! Слава встрепенулся.

— И кому продавать собрались?

— Так мы и сказали, — Юрочка проявил трезвость мысли, а девушка подхватила:

— Да у нас такую фоту любое агентство с руками оторвет! Хоть в Москве, хоть в Америке!

Все ясно. Ребятишки насмотрелись боевиков, где лихие репортеры получают за снимки бешеные бабки. Ни с одной конторой в реале дела не имели, волшебного слова «фотожаба» не слыхали. Оторвать-то у вас, может, что и оторвут… Руки, скорее всего.

— Ладно, Бог в помощь, — сказал он, — ищите свою змеюку. Молодые люди не ожидали такой уступчивости.

— А вы чего? — растерянно спросил Юра.

— А мы дальше пойдем. Правда, Фома Аркадьевич?

— Совершенно верно. Главное было — найти исходную точку. Замятнин подхватил криптозоолога и повлек прочь — не дал рассыпать цветы красноречия перед посторонними.

Однако Таня заподозрила подвох.

— Юрочка! — громко зашептала она. — Они что-то знают! Иначе бы не ушли. Пойдем за ними!

Юра поковырял пальцем в ухе.

— А пошли.

Искать змею в кустах у него желания не было, даже за большие доллары.

— Итак, главное было найти исходную точку, и сдается мне, она где-то здесь, — продолжал вещать Бык-Тупогуб. — Вернемся к тому, с чего начали. Все появления — на правобережье, в старой части города. Я обозначил на карте города все места, где видели монстров, и попытался понять, что их объединяет.

— Да тише вы! Эти папарацци доморощенные поперлись за нами.

— Ну и что? Наша задача — увидеть. Пара лишних наблюдателей не помешает.

Бык-Тупогуб то ли не страшился конкурентов, то ли ему и впрямь важнее всего был результат. С другой стороны, Слава тоже пришел не в погоне за сенсацией, а как бы наоборот. Если они что-то увидят — пусть будут дополнительные свидетели. Если не увидят ничего, тем более.

Они прошли сквер насквозь.

— Куда дальше? — спросил Слава.

Бык-Тупогуб остановился, раздумывая. Стемнело окончательно, и Нижняя набережная была пуста. Итиль-город все же оставался провинцией, даже летом. Хотя днем из-за обилия пробок в этом можно было усомниться. Однако ночная жизнь там

не то чтобы не существовала, но в основном происходила за запертыми дверьми. Выплескивалась наружу она на Горе, где обычно проходили всяческие гуляния и уличные представления. А эта часть города спокон веку считалась деловой. После работы те, у кого были средства и желание, оттягивались по барам и ночным клубам. Движение замирало, можно преспокойно разгуливать по проезжей полосе, которая пару часов назад была забита машинами, и ни один милиционер не сделал бы по этому поводу замечания. Милиционеров, впрочем, в эту пору тоже надо было поискать. Нет движения — нет штрафов, так зачем же париться?

От набережной, за старыми домами, узкие кривые улицы ползли вверх по склону. Ближайший холм скобкой охватывала трасса, проходившая по дну бывшего крепостного рва. Тень от горы, на которой стояла крепость, ложилась на весь прибрежный район, и на серо-свинцовых, тускло дрожащих волнах рисовались зубчатые отражения стен и башен.

Слава задал вопрос — но Бык-Тупогуб медлил с ответом. Он обводил взглядом склон — особняки с осыпающейся лепниной, новехонькие церкви в сусальном золоте куполов и краснокирпичные складские здания, — словно стремясь угадать, на котором из них затаилась очередная химера. Поэтому он, как водится, не заметил того, что происходило поблизости.

Татьяна снова ойкнула — не то чтоб панически, скорее рефлекторно. По улице прокатил джип с затемненными стеклами. Но девушка не этого испугалась. Не Москва, чай, и даже не Чикаго, в прохожих из машин не палят. Но, приглядевшись, что происходит, Слава хмыкнул.

Ну конечно — единственный автомобиль на пустынной ночной улице, и обязательно должен был сбить собаку.

— Вот гад, и не остановился, — произнес Юра. — Чего уж там! Он и ради человека бы не притормозил. — Похоже, в парне проснулась классовая ненависть. Это чувство прекрасно уживается со стремлением срубить бабла. — А тут собака…

— Это не собака, — сказал Бык-Тупогуб.

Голос его был ровен, криптозоолог, казалось, сохранял полное спокойствие.

Твердым шагом он двинулся к поверженному животному. Первую помощь оказать решил?

Слава собак любил, но, будь он один, вряд ли бы кинулся помогать… тем более, Бык-Тупогуб говорит, это и не собака вовсе… Немного помедлив, он пошел вслед за Тупогубом. Неловко как-то.

Юра с Таней, выдержав паузу, тоже приблизились к жертве

дорожного происшествия.

И тут Таня завизжала. На сей раз по-настоящему, как визжат перепуганные вусмерть юные девушки.

Существо, лежащее на асфальте, перепутать с собакой можно было лишь в темноте, на значительном расстоянии или проносясь на большой скорости. Больше всего оно напоминало варана, да только варанов, покрытых густой жесткой шерстью, не бывает.

— Перво-наперво нужно взять кровь на анализ, — произнес Бык-Тупогуб. Слава не понимал: исследовательский азарт придает тому хладнокровия или это всего лишь маска. В любом случае в руках Фомы Аркадьевича оказались пробирка и стеклянная трубочка.

Неужели криптозоолог предвидел столкновение, раз приволок это хозяйство с собой? Или у него в кармане и скальпель есть?

Может, был и скальпель, но препарировать животное Бык-Тупогуб не успел. Существо распахнуло пасть и глаза одновременно. Неизвестно, где криптозоолог успел выработать мгновенную реакцию, но он стремительно отскочил в сторону. Пасть, усыпанная треугольными зубами, была такой величины, что Славу замутило — он представил себе, что произошло бы с рукой Фомы Аркадьевича, не прояви тот недюжинную прыть. Конечно же, это была не собачья пасть. И глаза тоже напоминали глаза рептилии.

— Крокодил, — сглотнув, диагностировал Бык-Тупогуб. — Более всего форма тела, в особенности челюсти, напоминает крокодила.

Он по-прежнему старался сохранять спокойствие, но у него не очень получалось.

— Какой крокодил? — со злостью выкрикнул Слава. — Где вы видали шерстистых крокодилов?

— Реактивная мутация. Существование шерстистых носорогов в ледниковый период научно доказано. Могли быть и шерстистые крокодилы. Так же, как многоголовые змеи. Между тем выдвигается обоснованная гипотеза, что так называемое глобальное потепление — всего лишь предвестие нового ледникового периода. Эволюционный зигзаг…

— Фома Аркадьевич, побойтесь Бога. Перед вами Волга, видите? Не Нил. Откуда здесь крокодилы?

— Это Зона, — внезапно подал голос Юрочка.

— Что?

— Ну, как в этом… где атомный взрыв был… и развелись всяческие мутанты. — Неужто он своим умом дошел до того же, что и Бык-Тупогуб? Но следующая фраза прояснила источник

знаний: — И сталкеры туда ходили, хабар брали, с мутантами махались. Еще игрушка такая есть…

Исходный текст про сталкеров был ему явно не знаком.

— И того не легче. Еще скажи, что здесь инопланетяне приземлялись. Прикинь, мы посередь города, какая Зона?

Слава прервал свои обличительные речи, потому что раненое существо (шерстистый крокодил, Canis pseudovaranis, или как там его еще назвать) приподнялось. Таня отшатнулась и вцепилась в своего кавалера. Но монстр не сделал попытки напасть, а пополз прочь, через дорогу. Несмотря на то, что его задние лапы волочились по асфальту — очевидно, были перебиты, — передвигался он довольно быстро.

— За ним! — призвал Бык-Тупогуб. — Возможно, он выведет нас к своему… э-э-э… убежищу.

Слава и Юра подчинились.

— Я боюсь! — пискнула Татьяна, но попытки дезертирства не предприняла — преследовать монстра было не так страшно, как оставаться на ночной улице в одиночестве.

Однако бежать им пришлось недолго. Несчастный монстр перебрался с проезжей части на набережную, прополз между лжеконструктивистским зданием пароходства и ближайшим причалом и, перевалившись через кромку пристани, устремился по бетонным плитам к черной воде.

Слава мысленно перебирал разные версии. Если это существо и вправду крокодил, то в реке ему самое место. Может, у него там гнездо… звучит, как в тупом анекдоте. А вдруг оно что-то соображает… не хочет, чтоб его потом препарировали… пытается утопиться?

В любом случае силы его оставляли. Существо двигалось все медленнее, рывками. Юра готов был полезть за ним, но его остановил свистящий шепот Татьяны:

— Смотрите!

Что-то черное спикировало с водосточной трубы пароходства. Слава видел летучих мышей только в кино, а потому не мог сказать, похоже оно или нет. Но он инстинктивно пригнул голову, а когда поднял ее, то рядом с прежним, практически родным существом увидел другое. Нет, это была не мышь, а, наоборот, кошка. Та самая летучая кошка, о которой было столько разговоров. Самая настоящая кошка… если бы не крылья. То есть, как выразился Бык-Тупогуб, рудиментарные отростки, покрытые мехом. Летать на них было невозможно, а вот планировать — вполне. И эта летучая кошь, ухватив крокодила за шкирку зубами, словно котенка, хотя сама много уступала ему в размерах, пыталась тащить его вниз, к воде. Может, тяжесть оказалась бы

для нее неподъемна. Может, Юра все же набрался бы решимости и двинулся по бетонке вниз. Но его опередили.

Они переползли через парапет, посыпались с набережной к реке. В первый миг Славе показалось, что их очень много. Ему было так страшно, что он слышал, как стучат собственные зубы. Но он заставит себя успокоиться. Мужчина он или где? Даже Таня уже не визжит…

…Не так много. Не больше дюжины. Сколько в точности — трудно разглядеть в темноте. Но они были здесь, наверное, все, о ком твердила молва. Стая зверей, изначально напоминавшая нечто знакомое и домашнее. Собак и кошек, да. Но все они были отмечены признаками, у нормальных животных отсутствующими. Крылья и перепонки, мех там, где его не должно быть, и голая кожа вместо шерсти.

Сказки дедушки Босха.

Надо было снимать, но Слава, захваченный зрелищем, забыл о камере. Что странно, Юра тоже не делал снимков, которые, по идее, должны были его обогатить. Возможно, из-за темноты.

Стая подхватила своего раненого собрата и повлекла его дальше, благо расстояние было невелико. Еще несколько минут — и все они плюхнулись в воду.

— Мама дорогая! — пробормотал Слава. — Что это? Типа лемминги? Ритуальное самоубийство?

— Нет, — отвечал Бык-Тупогуб. Он несомненно пришел в себя. Звери плыли. Те, кто вряд ли мог удержаться на воде, сидели на плечах у более сильных.

Луна выглянула из-за туч, и в ее призрачном свете видно было направление заплыва.

— Остров, — тихо произнес Фома Аркадьевич. — Печальный остров.

— Так он же потонул! — возразила Таня.

— Вот именно. Много лет остров был местом отдыха. А народ у нас сентиментальный, любит брать на отдых домашних любимцев. Собак, кошек… Аживотные на природе имеют привычку убегать. В густом ивняке найти их трудно. Особенно, если хозяева выпивши. Некоторых, возможно, просто забывали. Вероятно, по мосту туда же из города добирались крысы…

Слава нервно рассмеялся.

— Я вспомнил… в старых подшивках «Итильской недели» читал. На том берегу шапито каждый год ставят, у ярмарки. И зверинец. Так однажды у них крокодилица пропала! Решили, что сперли какие-то умельцы… на сапоги…

— А она уплыла и отложила яйца… только климат у нас не африканский…

Хорошо, что у этих циркачей осьминог не пропал, подумал Слава. А то было бы сейчас пробуждение Ктулху на Волге…

— Ну, вы поняли меня. Остров оказался отрезан. Предоставлен себе. Замкнутая система. Впрочем, не совсем замкнутая. Химические отходы, радиоактивные отходы… все попадало на остров с каждым весенним паводком. Мутации пошли скачкообразно, создалась собственная биосфера. Разросшийся лес способствовал этому. Юра прав — это была Зона, Зона посреди города. Никаких взрывов и инопланетян не понадобилось. Все сделали мы сами. Остров даже сталкеры не тревожили! А потом остров затонул. Эх, какой уникальный эксперимент загублен!

Звери доплыли до середины реки и кружили по воде, точно стремясь отыскать свое безвозвратно утерянное обиталище.

— Остров не затонул, — сказал Слава. — Его затопили. И зверям стало негде жить.

— А они должны были уметь плавать… или летать… иначе бы они не смогли прокормиться все эти годы! И они сумели добраться до берега! Вот почему их видели только в ближних кварталах. Дело вовсе не в старом городе. Они просто старались держаться ближе к реке!

— Да. — Слава смотрел на реку. Стая, бесцельно покружив, развернулась и поплыла назад. Отсюда не было видно, по-прежнему ли они тащат раненого или его отпустили, дабы он упокоился на дне. На острове. — Я думаю, что они этот заплыв совершают не в первый раз. Они ищут свой дом, а дома нет.

— Поэтому они устроят себе жилище здесь, — подхватил Бык-Тупогуб. — Станут размножаться… на них начнется охота… они будут уничтожать бродячих собак и кошек… займут их место… Какая интересная перспектива!

Юра снова прервал молчание.

— Мужики, — спросил он, — а человека… человека там забыть не могли? По пьяни-то?

Николай Горнов
3000 МЕТРОВ НИЖЕ УРОВНЯ МОРЯ

Потрепанный Ми-8 с натугой набрал километровую высоту, заложил крутой вираж, подставив бок ветру, но почти сразу выровнял горизонт и вполне уверенно двинулся вперед. Олег непроизвольно сглотнул густую слюну. Он ожидал худшего — разных там воздушных ям и подбирающейся к горлу тошноты. Ничего подобного. Грузная машина шла спокойно, без рывков, легко вращая ротором и посвистывая лопастями. Чуть смущала Олега только дыра в хвосте, через которую просвечивал кусочек серого неба, но и с ней он быстро примирился. Его теперь больше занимала темная полоса на левой коленке. Мог бы догадаться и захватить джинсы попроще. Ведь если влез в какой-нибудь несмываемый солидол, то придется несколько дней щеголять с пятном, которое на светлых штанах от Черутти никак не скрыть…

Вздохнув, Олег поддернул обе брючины, осмотрел кроссовки и, удовлетворенный результатом, осторожно подвинулся к иллюминатору. Опустил на нос темные очки, глянул вниз, где

быстрая речка Тура прочертила зигзаг и скрылась за кронами хвойно-березового леса. Над далекой зеленоватой водой выгибалась арка моста. Дорогу к нему проложить по зиме не успели, вот и стояло дорогостоящее сооружение почти без дела. А за мостом до самого горизонта и взгляду зацепиться не за что. Лишь монотонная зелень тонула в сероватой дымке.

— Под крылом вертолета о чем-то поет зеленое море тайги! — хохотнул Марек, словно сумел прочесть его мысли.

— Что? — Олег наклонился. — Слышу плохо. Шумно здесь… Вибрация от ротора передавалась на борт. Пассажирская скамья дрожала и громыхала всеми своими металлическими суставами…

— Шумно, — согласно закивал Марек. — И трясет, как в тракторе. Но другого транспорта на Сизое нет. Ты уж потерпи, Заболоцкий. Если на Игл-Яхское или Туманное еще можно машиной добраться, то на Сизое — только зимой, когда болото замерзает. А с апреля по октябрь эти черти живут там, как на острове…

Марек — он же Машка, он же Сёма, он же Гоша, он же Горец, он же Васёк, он же Ботвинник, а в миру Марк Валентинович Машкарин — бывший друг, бывший однокурсник и бывший хороший человек. Уже пять лет он служил заместителем Турского межрайонного прокурора, и на Сизом ему делать было абсолютно нечего. Марек увязался туда за компанию. Олег вызвонил его по старой памяти, когда приехал в Туру, а дальше все как по накатанной: встретились, посидели в главном городском ресторане «Тура», завернули в гости к привлекательному, но почему-то совершенно одинокому существу по имени Янина (старшему помощнику прокурора, как выяснилось позже). У нее и просидели почти до утра. Марек заверил, что с начальником Турского нефтегазодобывающего управления компании «Нафта-Восток», которого за глаза все здесь звали Рыжим, он договорится сам, поэтому, мол, Олегу беспокоиться не о чем. Под весом этого довода Олег и отключился. Обратной дороги в гостиницу память уже не сохранила…

На лавке напротив ерзал Кулёк. На начальство он старательно не смотрел. Нет, Кулёк был не глуп. Определенно не глуп. Просто ленив и крайне неудачлив. Судьба свела их с Олегом два года назад. Кулька пытались тогда привлечь к уголовной ответственности по «безразмерной» сто пятьдесят девятой за мошенничество. Но с казенным домом, где ему предстояло провести лет семь, Кулёк благополучно разминулся и покинул зал суда благодаря Олегу свободным человеком. Тем не менее без малого год он успел отсидеть в СИЗО и за это время не только похудел, но и проникся к Олегу таким уважением, что с тех пор

бросался без раздумий выполнять любое его поручение.

Вот только Олегу от этих искренних порывов Кулька бывало часто жарковато. Последний раз, например, Кулёк сам вызвался найти шамана, после чего пропал куда-то на целых две недели, не отвечая на звонки, а когда объявился — грязный, вонючий, без копейки денег, но с довольным выражением на неумытой физиономии, — то оказалось, что телефон у него попросту украли. И мотался Кулёк вовсе не по дальним поселкам Алтая, Тувы, Эвенкии или Приморья, а занесло его каким-то ветром совершенно в противоположную сторону — за Урал. Там он и разжился, не долго думая, Кайратом Малдыбаевичем Абилевым — актером оренбургского театра-студии «Арт-Нуво».

Нет, против оренбургских театров как таковых Олег ничего не имел, как и против актеров, но ему-то требовался шаман. Настоящий. Такой, чтобы клеймо ставить было некуда. А у коренастого юноши из Оренбурга, которого Кулёк энергично толкал впереди себя, имелись, как минимум, два недостатка. И оба сразу бросались в глаза. Во-первых, слишком молод. Во-вторых, казах. С актером ненецких, бурятских, эвенкийских, тувинских или каких-нибудь иных кровей малых народностей Сибири еще можно было бы смириться, но с казахом…

Олег непроизвольно перевел взгляд с Кулька на Кайрата. Тот нарядился в какую-то бесформенную и долгополую хламиду неопределенной расцветки, сильно напоминавшую изрядно поношенный и хорошо засаленный бухарский халат, украшенный веревочками, кожаными лоскутками и медными бляшками, а снизу — подбитый облезлым, пыльным мехом с вышивкой и кисточками. После посадки в «вертушку» Кайрат довольно натурально изображал кармическое спокойствие, а между колен бережно сжимал кожаный бубен с размытым рисунком и металлическими пластинками по кругу. Заметив взгляд Олега, он звякнул колокольчиками, зловеще прищурился и поднял взгляд к рифленому потолку кабины…

Поначалу Олег был в ярости. Время ушло безвозвратно, и найти настоящего шамана за оставшуюся неделю было нереально. Но уже на следующий день, хорошенько подумав, Олег успокоился и решил, что отказываться от проработанного плана из-за глупости Кулька просто нелепо. Впрочем, и юноша из рода Абилевых оказался не по годам сообразительным. В свою новую роль он вживался буквально на глазах и выглядел в ней вполне убедительно. Особенно если не знать, что всю свою шаманскую амуницию он позаимствовал из битого молью реквизита родного театра. Олег неожиданно для самого себя пообещал прибавить к его гонорару пять тысяч американских «рублей», после чего

Кайрат стал приплясывать и бить колотушкой в бубен еще истовее…

Мысли Олега, сделав привычный круг, вернулись в вертолет. Марек не замолкал ни на минуту. Сначала он рассказывал о своих охотничьих трофеях, потом перешел на ружья двенадцатого калибра («Ремингтон» или «Винчестер» — вот в чем вопрос!). А в итоге сбился опять на каких-то готовых ко всему девиц, с которыми непременно на этой неделе нужно сходить в баньку и пропарить кости, пока Олег «не сгинул навсегда в этом своем городе». Плавная речь бывшего друга сливалась с равномерным гулом винтов, и Олегу для поддержания разговора достаточно было кивать периодически: да, конечно, о чем базар, старик. После каждого такого кивка Марек приободрялся, довольно рычал, потирая потные ладони, и лез с дружескими объятиями.

— Слушай, а Сизое — оно вообще где? — поинтересовался Олег, чтобы хоть как-то сменить тему.

— Где? — немного растерялся Марек. — В Турском районе… Или ты расстояние имеешь в виду? Примерно три сотни километров на северо-восток от Туры. Подлетное время — около двух часов. А что?

— Далеко… — сделал вывод Олег.

— Не то слово… Сизое — это дыра на все сто процентов. Дырее и придумать сложно, уж ты мне поверь! Два квадратных километра намытого песка, а вокруг только тайга и болото. Никогда не мог понять, честное слово, почему у нас в Сибири нефть в таких вот дырах и прячется. Видать, кто-то ее туда специально сунул. Думал, что мы, русские, ни за что не догадаемся!

Марек хихикнул. В этот момент «вертушку» тряхнуло. Третий член экипажа, большую часть пути просидевший на откидном креслице у приоткрытой двери кабины, вынырнул из своих глубин и взглянул на прокурорского заместителя с явным неодобрением. Марек съежился, словно из него выпустили лишний воздух, и весь следующий час не проронил ни слова. Олег так и не понял, что именно его смутило, но передышке искренне порадовался. Он сполз пониже, вытянул ноги, насколько позволяли габариты салона, уперся затылком во что-то жесткое и закрыл глаза. Времени, по его ощущениям, прошло не больше минуты, когда кто-то произнес над самым ухом:

— Приехали!

Голос был и знакомым, и незнакомым одновременно. Олег нехотя открыл один глаз и с удивлением узнал Марека. Тот сразу заулыбался. Олег подтянул ноги и непонимающе посмотрел в иллюминатор. Пейзаж снизу нисколько не изменился — зелень

до самого горизонта.

— Куда приехали? — удивился Олег.

— На кудыкину гору, — фыркнул Марек.

— И где она? — Олег поморщился. От неудобной позы затекла спина, да и шея отзывалась болью на каждый поворот головы.

— По левому борту факел видишь? Это оно самое и есть — Сизое.

«Вертушка», как по заказу, завалилась на левый борт, и Олег разглядел желтую песчаную плешку, над которой топорщилось переплетение труб. Обогнув по длинной дуге самую высокую трубу с огненным хвостом на верхушке, машина перемахнула через три огромные серебристые емкости и стала опускаться неподалеку от одноэтажного строения, выкрашенного в синий и желтый — фирменные цвета «Нафта-Восток».

— Вот и хозяева нас встречают! — удовлетворенно отметил Марек. Олег и сам успел заметить людей на краю бетонного пятачка. Пока «вертушка» устраивала репетицию пыльной бури, они отвернулись, прикрывая одной рукой лицо, а второй придерживая одинаковые сине-желтые каски. Олег не успел еще спуститься по приставному трапу, а Марек уже облобызал встречающих и жизнерадостно сообщил, махнув рукой в его сторону:

— А это мой лучший друг. Прошу любить и жаловать… Вы чего такие кислые? Или дорогим гостям не рады?

— Рады, рады, — смутился тот, что стоял по центру. Он даже попытался улыбнуться, правда, улыбка вышла у него больше похожей на оскал.

Олег по очереди пожал все протянутые руки, искренне не понимая, какая из них главнее. И на всякий случай вежливо всем представился:

— Заболоцкий.

— Семенов, — ответил один.

Остальные промолчали. Церемония рукопожатия вышла формальной и вялой.

Впрочем, такая реакция нефтяников понятна. А как еще они должны встречать пижона-юриста, его долговязого помощника жуликоватого вида и юношу в странной одежде, вооруженного кожаным бубном? Даже со ста метров и в полной темноте такую команду трудно было принять за бригаду подземного ремонта и обустройства скважин…

Олег вяло отмахнулся от настырных комаров, поежился и вытащил вторую сигарету. Солнце почти скрылось за верхушки

берез. Стало резко холодать. Раньше Олегу даже в голову не могло прийти, что и в июне куртка может оказаться совсем нелишней.

— Не помешаю? Олег обернулся.

— А, это вы…

У проволочного забора переминался с ноги на ногу Семенов. Вообще-то Олег ждал, что начальником нефтегазодобывающего управления будет огромный, медлительный, расплывшийся от нездорового питания, прокопченный всеми северными ветрами дядька, которому очень далеко за пятьдесят. А Семенов, как ни странно, оказался живым, поджарым, словно скаковая лошадь, и до неприличия молодым. На вид — около тридцати. Даже моложе Олега.

— Извините, если нарушил одиночество. Я только хотел извиниться, — весомо произнес Семенов. — Мы вас не слишком-то гостеприимно встретили.

— Бывает, — равнодушно сказал Олег и посмотрел на тлеющий кончик своей сигареты.

— Но вы поймите нас…

— Понимаю, — оборвал Олег. Ему жаль было тратить время на пустой разговор. Понятно, что Семенов дозвонился своему далекому московскому начальству на тридцатый этаж офисной высотки, которую «Нафта-Восток» отстроила себе на Юго-Западе, и начальство вправило ему мозги, напомнив прописную корпоративную истину про желание акционеров, которое сильнее любых законов. В том числе физических. И добавило (наверняка): мол, если Семенов не хочет быть самым умным среди безработных, то лучше бы ему, темпераментному, молчать в тряпочку и делать так, как приказывают. После чего Семенов повесил трубку, немного подумал и пошел искать Олега…

— Как разместились? Поужинали, надеюсь?

— Спасибо, все нормально. Мы довольны. И разместились, и поужинали…

Вопреки ожиданиям, комнаты в жилом блоке, построенном по канадскому проекту, оказались вполне пригодными для жилья. Все одноместные, хотя и небольшие — метров шесть. Выбор мебели был не ахти, зато в каждой комнате имелись индивидуальные удобства — душ и унитаз. А в столовой нефтепромысла при минимальных ценах кормили вкуснее, чем в большинстве ресторанов города. Так что условия, на взгляд Олега, были вполне приемлемыми. На взгляд Кулька — очень хорошими. А для Кайрата Абилева — так и вовсе шикарными. Тот индивидуального унитаза, да еще канадского, в жизни не имел…

— Вам не холодно?

Олега неожиданная забота Семенова искренне удивила.

— У вас же курить можно только за территорией…

— Правила для всех одинаковы, тут я бессилен. Но могу выдать вам теплую спецовку. Не откажите в любезности. А то, глядя на вас, я и сам начинаю мерзнуть.

После недолгого раздумья Олег кивнул.

— Не откажусь.

Семенов вытащил из внутреннего кармана попискивающую рацию.

— Харин, ты чем там себя развлекаешь? Опять в преферанс режешься? Как давление, в норме? Прием.

У Харина, как показалось Олегу, сразу что-то упало. Причем с грохотом.

— Обижаете, Сергей Сергеич, — наконец откликнулся он. — Давление в норме, прием!

— Ты вот что, Харин. Оторвись на минутку от монитора и загляни в мой кабинет. Там в шкафчике увидишь новый утепленный комплект. Бери его — и бегом ко мне. Я с восточной стороны жду, в курилке. Одна нога здесь, другая — там. Понял? Прием.

— Понял, Сергей Сергеич. Одна нога уже у вас…

Через минуту Олегу была вручена сине-желтая куртка на подкладке из синтепона и плотные штаны темно-синего цвета. То и другое было чуть великовато, но выбирать Олегу не приходилось. Всего за десять минут он продрог не на шутку. Да и гламурные штаны от Черутти, которые заляпались почти до колен, пора было сменить на что-то более соответствующее местным условиям…

— Присядем? — предложил Семенов. — Теплопотерь, я думаю, можно уже не опасаться.

Олег примостился на плохо оструганном березовом чурбаке, который заменял лавочку, и прикурил очередную сигарету.

— Хотелось бы уточнить ваши планы на завтра. — Семенов сел рядом и слегка поморщился от дыма.

— Наши планы на завтра, — эхом откликнулся Олег и наморщил лоб. — Мне представляется, что ничего значительного завтра не произойдет. Мы встанем пораньше, позавтракаем, а потом захотим осмотреться. Так сказать, на местности. Есть же у вас местность?

— Хотите увидеть вообще все или что-то конкретное?

— Для начала, конечно, хотелось бы осмотреть скважины, — пояснил Олег с легкой усмешкой. — Их сколько, кстати?

— Эксплуатационных осталось шестнадцать. Пятый куст — три, седьмой — пять, а остальные на восьмом, самом дальнем.

Бурение новых скважин мы уже приостановили. Восемь скважин законсервировали. Еще две готовим к консервации. Их тоже желаете осмотреть?

— Не могу, к сожалению, оценить вашей иронии, — пояснил Олег. — Надо будет — все посмотрим. А пока начнем с работающих.

Семенов нахмурился, произнес какое-то маловразумительное: «э-э-э», после чего замолчал уже надолго. Олег молчал тоже. Он уже согрелся, и спешить ему было некуда. Сделав длинную затяжку, Олег выпустил струйку дыма вверх и засмотрелся на облачные разводы быстро темнеющего неба…

Семенов не выдержал долгой паузы:

— Вы действительно верите в то, что этот ваш, с бубном… Он что, сможет объем добычи увеличить?

— Почему бы и нет? — Олег сделал самое серьезное лицо. — Вас парень смущает или его инструмент? Парень, кстати, в своих кругах авторитетный. Мало того, что он потомственный шаман, так еще и родословную ведет от самого Ворона. А про бубен я вообще молчу. Ему лет триста, не меньше. С таким инструментом грех не промчаться по Нижнему миру… К тому же парень совсем не новичок, можете мне поверить. Камлает так, что любо-дорого посмотреть. Он, как это говорится, широкого профиля специалист. Так что с вашими местными духами как-нибудь разберется. Главное, ему не мешать. А там и нефть появится. О дебете тоже не извольте беспокоиться. Будет вам и дебет, и кредит, и премия к Дню нефтяника…

— Понятно, — мрачно кивнул Семенов. — У вас, если не секрет, какое образование? Вы хоть представляете себе, что такое нефть? Что-то о технологии нефтедобычи знаете? Или думаете, у нас тут ясли? Просто для информации: за последние полгода на этом месторождении объем нефтедобычи сократился втрое, а дебет отдельных скважин упал почти в десять раз. По оценке академика Петренко, запасы Сизого — это двадцать пять миллионов тонн при коэффициенте извлекаемости шестьдесят пять процентов. На сегодняшний день добыто всего семь миллионов…

В этот момент Семенов смахивал на грустного ослика, и Олег на долю секунды ему даже посочувствовал. Но бизнес есть бизнес. Ничего личного. Пойди что не так, Семенов его точно не пожалеет…

— У вас закончились вопросы? — спросил Олег, когда заметил, что Семенов выдохся. — Тогда отвечаю в порядке, так сказать, их поступления. По образованию я юрист. Окончил юридический факультет Иркутского Государственного

университета. Нефть видел только по телевизору. Но там были крупные планы, поэтому я хорошо ее запомнил. Это такая горючая маслянистая жидкость, которая встречается в осадочной оболочке. Химически она представляет собой сложную смесь из алканов — метановых углеводородов, некоторых циклоалканов и аренов — ароматических углеводородов, а также различных кислородных, сернистых и азотистых соединений. Вообще, если мне не изменяет память, в составе нефти больше тысячи различных органических веществ, которые содержат до восьмидесяти семи процентов углерода, до четырнадцати процентов водорода, до трех процентов кислорода, а еще один процент азота и примерно полпроцента серы. Один из обязательных компонентов нефти — твердые метановые углеводороды. Иначе говоря — парафины. Их содержание колеблется от полутора до двадцати процентов. Чем меньше парафинов, тем лучше, насколько я помню. А еще встречаются незначительные примеси разных минеральных соединений — ванадия и никеля. На отдельных месторождениях в нефти есть ртуть и мышьяк. Различают нефть легкую, среднюю и тяжелую. Теплоту сгорания навскидку не припомню, но могу, в принципе, напрячься. Кажется, чуть более десяти тысяч килокалорий на килограмм. По оценке ОПЕК, более ста сорока миллиардов тонн нефти хранят сегодня земные недра. Или духи Нижнего мира. Это уж как вам приятнее. Хотя, по мне, нет совершенно никакой разницы…

— Похвально, — подытожил Семенов. — Во всяком случае, школьный курс органической химии вы еще не забыли. И что из этого следует?

— Ничего. — Олег коротко пожал плечами. — Сегодня у меня вообще нет желания дискутировать. Я устал и хочу спать. Давайте договорим завтра. Нет возражений?

Олег тщательно затушил окурок, бросил его в самодельную урну, плотнее запахнулся в спецовку и рывком поднялся, давая понять, что приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

Но Семенов и не думал возражать.

— Завтра, так завтра, — пробормотал он и тоже поднялся. — Спокойной ночи.

От дыры в сетчатом заборе они разошлись в разные стороны. Олег направился в жилой блок, а Семенов — в операторскую. Впрочем, спешка Олега объяснялась другими причинами. Ему не терпелось узнать, чем занят в данный момент Кулёк. Полчаса назад на стук в дверь тот не отзывался. Либо заснул крепко, либо… Лучше бы, конечно, заснул. Олег прекрасно знал

деятельную натуру своего помощника. Знал и ее неприятные стороны. Фактически любой несанкционированный контакт Кулька с нефтяниками мог быть потенциально опасен. И волновался Олег, как оказалось, не зря. Спать Кулёк и не думал. За неимением других азартных игр, он увлеченно гонял в ближайшем холле бильярдные шары на пару со свободным от двенадцатичасовой вахты электриком.

Олег многозначительно прокашлялся.

— Кульков, можно вас на минуточку?

Кулёк обернулся и сразу скис. Пристроив кий на край стола, он бочком приблизился к Олегу и сразу опустил глаза в пол, будто не было ничего увлекательнее, чем изучение узоров на сером линолеуме.

— Не спится на новом месте? — шепотом поинтересовался Олег.

— Так мы же по мелочи. Пятьдесят рублей партия… — Кулёк вздохнул.

— Даю тридцать секунд. — Олега было трудно разжалобить. — Вежливо прощаешься с партнером и сразу идешь к себе…

Кулёк вздохнул еще тяжелее, молча махнул рукой электрику и понуро проследовал за Олегом.

— Завтра подъем в семь, — напомнил ему Олег и на всякий случай отстучал условный сигнал в дверь Кайрата.

— Да на месте он, я проверял полчаса назад, — сразу оживился Кулёк. Приглядывать за подопечным — это была его святая обязанность, как «переводчика с тувинского». Правда, Олег и сам этого «тувинца» надолго из виду старался не упускать…

— Кто там? — донесся голос Кайрата из-за двери.

— Свои, мать твою! — рявкнул Олег, а когда дверь приоткрылась на ширину любопытного глаза, рванул ручку на себя. Влетев в комнату, он толкнул опешившего актера в грудь, быстро защелкнул за собой замок и включил свет. «Шаман» в заношенных трусах «боксер» и растянутой синей майке уже сидел на кровати и растерянно потирал затылок. Видимо, когда падал, приложился об деревянную спинку кровати.

— Больно? — шепотом спросил Олег. — Будет еще хуже, гарантирую. Я тебе, клоун дешевый, что говорил? Из комнаты носа не показываешь и сидишь тихо, как мышь. Если ты только вчера с горы спустился и по-русски двух слов связать не можешь, как же ты, бык безрогий, можешь орать на весь коридор: «Кто там?»

— Не подумал… Больше не повторится, честно! — горячо заверил Кайрат.

— Конечно, не повторится, — согласился Олег. — На первый раз оштрафую тебя на тысячу американских «рублей». Теперь, надеюсь, запомнишь, что твоя святая обязанность — не раскрывать рта при любых обстоятельствах. Только «наша ваш не понимай».

Кайрат закивал так отчаянно, что, казалось, еще немного, и голова совсем отвалится. Она и так-то непонятно на чем держалась.

— А это еще что такое? — Олег схватил со стола книгу и чуть не задохнулся от возмущения. — Я спрашиваю: это что? Марк Аврелий? Скажи мне: кто видел хоть одного тувинца, который читал бы на досуге Марка Аврелия? Никто не видел. Ты единственный. Больше таких нет. И уже не будет. Потому что я задушу тебя своими собственными руками!

Олег опустился на кровать рядом с Кайратом.

— Помнишь хоть, как тебя зовут, лицедей?

— Алдын-Херел, — прошептал тот одними губами и на всякий случай втянул голову в плечи. Похоже, он поверил, что если и дальше будет вести себя неподобающим образом, то навсегда оставит свою молодую жизнь в сибирской тайге.

— Слава Господу, не забыл!

Олег взвесил на ладони размышления римского философа и с громким хлопком впечатал книгу в ухо Кайрату. Тот дернулся, всхлипнул и попытался прикрыться подушкой.

— Ой, извините, — скривился Олег. — Опять больно, да? Еще книги есть?

— Есть, — сразу признался Кайрат.

— Значит так: всю подрывную литературу на стол!

Олег покрутил в руках томик со следами белил на переплете и не смог удержаться от смеха.

— Нет, я просто глазам своим не верю: Арсений Тарковский. Дай угадаю, кто пойдет следующим номером: Аристотель, Фома Аквинский, Карлос Кастанеда…

— Больше ничего нет. Я вам правду говорю. Только не бейте…

— Ладно, верю, — вяло отмахнулся Олег. — Все эти источники знаний я у тебя реквизирую, чтобы они ненароком не попались кому-нибудь на глаза. Впредь свою комнату будешь открывать только мне. На условный сигнал. В коридор не показываться. Даже не выглядывать. Рот — на замок. А завтра и послезавтра у тебя будет шанс реабилитироваться. Помни о гонораре. Осталось не так уж мало — двадцать девять тысяч этих самых. Вполне приличная сумма. До конца жизни не хватит, конечно, но если постараться, можно растянуть года на три…

Всю ночь Олегу снилась нефть. Сначала она настигала его в привычном образе маслянистой горючей жидкости. Стоило оказаться в закрытом помещении, как густая черная жижа тут же начинала сочиться из стен и капать с потолка, растекаясь жирными лужами по всему полу и вытягивая в сторону Олега хищные щупальца. Он убегал, прятался, перебирался в другое место, просыпался, но ничего не помогало. Стоило ему перевести дыхание и опять задремать, как все начиналось снова. А под утро нефть превратилась в чернокожую красавицу, сильно похожую на элитную фотомодель Лакомбу Тай, более известную под псевдонимом Наоми Мосс. Обнаженная мулатка эффектно изгибалась, принимая для Олега самые немыслимые позы, и так обольстительно крутила у него перед носом своей внушительной грудью, что сдерживаться не было сил.

Олегу даже в голову не приходило, что можно закрыть глаза и убежать подальше от жарких объятий черной красавицы, от тепла ее шикарного тела, хотя он и чувствовал, что погружается в нее все глубже и глубже. Наверное, так и задохнулся бы. Но тут появился Кайрат Абилев в своей растянутой синей майке, встряхнул бубен и стал громко выбивать колотушкой рваный ритм, напомнивший Олегу легендарную «Желтую подводную лодку», а в такт еще и двигал левой ногой, словно исполнял матросский танец «Яблочко». Красавица-мулатка замерла, разжав объятия, медленно обернулась и многообещающе потянулась навстречу Кайрату.

В этот момент Олег и проснулся. Совершенно разбитым. В холодном поту, с тяжестью в паху и сильным ощущением жажды.

До семи оставался час. Значит, проспал он не больше четырех. Ближе к полуночи примчался перевозбужденный Марек с большой железной флягой. Где он ухитрился ее раздобыть в условиях сухого закона, традиционного для всех нефтепромыслов, так и осталось для Олега загадкой. На прямые вопросы Марек не отвечал, но после нескольких наводящих Олегу все же удалось выяснить причину позднего визита. Оказалось, что в Туру неожиданно вернулся из города прокурор. И ему зачем-то потребовался Марек, вследствие чего тому придется отбыть с утра обратно. Вот он и решил, что друга утром беспокоить не резон, а отъезд можно отметить вечером…

Воспоминания отозвались тошнотой и тяжестью в голове. Олег жадно влил в себя стакан воды, укрылся с головой одеялом и попытался опять уснуть. Не получилось. Так он и промучился оставшийся час, вздыхая и ворочаясь с боку на бок. Ближе к семи в дверь стал царапаться Кулёк. Пришлось встать, через силу

умыться, одеться и выдвинуться в столовую. Хотя утреннее меню и обещало множество гастрономических радостей, а по ценам вообще не имело себе равных, но Олегу от всего великолепия пришлось отказаться. Не вызвал у него отторжения только крепкий чай…

Кулёк, опасаясь очередного гнева начальства, ел молча. Тувинский шаман Алдын-Херел, «только вчера спустившийся с гор», периодически трогал себя за красное ухо и тоже боялся глаза поднять от своей тарелки. Что оказалось весьма кстати. Позвякивающая разнокалиберными колокольчиками хламида и так вызывала повышенный интерес у завтракающих нефтяников. Минут через двадцать появился и Семенов. Он поздоровался с Олегом коротким кивком и заказал себе кофе с пончиками. Обе поварихи сразу захлопотали вокруг начальства, уже не обращая внимания на остальных.

Семенов, на взгляд Олега, тоже плохо спал. Он быстро съел свои пончики и, ни на кого не глядя, сразу покинул помещение столовой. Олег вышел следом.

— Мы хотели осмотреть скважины, — напомнил он.

— Машина ждет, — равнодушно сказал Семенов. — Только мне бы хотелось поехать с вами.

Олег пожал плечами.

— Вы здесь главный. Как прикажете, так и будет…

На стоянке все погрузились в желто-синюю «Газель». Кулёк с шаманом забились на дальнее сиденье. Олег устроился на переднем. Семенов — рядом с водителем.

— Миша, сейчас на пятый куст…

Внутрипромысловая дорога представляла собой невысокую песчаную насыпь в лесной просеке. Когда-то на эту насыпь бросили железобетонные плиты, от дождей и прочей непогоды стыки разошлись, и «Газель», как показалось Олегу, пересчитала их практически все. К счастью, ехать было недалеко.

— Уже? — удивился Олег, оглядываясь по сторонам. — А где скважины?

— Прямо перед вами. — Семенов обернулся. — Три нагнетательные, три эксплуатационные. Из них нефть и добывают. А что, не похоже?

Прямо перед собой Олег видел только хлипкий заборчик из ржавой проволочной сетки, за которым из земли торчало шесть одинаково белых труб. Разница между ними была только в задвижках. Одни выкрашены в желтый цвет, другие — в красный. Никаких буровых вышек и «качалок», таких привычных по телевизионной картинке, на горизонте не наблюдалось…

— Разберемся, — решительно сказал Олег и выбрался из

машины. За ним двинулся Кулёк, подбадривая взглядами шамана. Впрочем, казахский тувинец показал себя молодцом. Не растерялся, во всяком случае. Пошел сразу в верном направлении — к трубам.

Семенов проводил его взглядом и покосился на Олега.

— И что теперь?

— Я уже вчера вам говорил! — огрызнулся Олег. — Не мешать — это главное. Алдын сам справится.

Семенов недоверчиво причмокнул губами и отвернулся.

— Вот искренне не понимаю вашего скептицизма. — Олег уже справился с некоторой растерянностью и был готов атаковать. — Вам что важнее: процесс или результат? Сизое истощается. Это факт. Алдын может здешнюю нефть опять пустить фонтаном. И лично мне нет никакой разницы, каким способом он этого добьется. Договорится с духами? Да на здоровье!

— Но это же противоречит здравому смыслу, — не сдавался Семенов.

— О-о-о, а вы, как я вижу, крепкий орешек, — покачал головой Олег. — То есть, извините, закоренелый материалист и в существование Нижнего мира не верите по глубокому убеждению. Еще вы, наверное, потомственный нефтяник и закончили, не иначе, Институт нефти и газа имени Губкина, которому в народе дали довольно точное и очень емкое название «Керосинка»…

— Да, потомственный, — с некоторым вызовом произнес Семенов. Чувствовалось, что спорит он не с Олегом, а как бы продолжает диспут со своим собственным начальством. — Мой отец всю жизнь был буровым мастером. Я действительно закончил «Керосинку». На отлично, кстати. И всю эту мистику вашу на дух не переношу. Духи у них из Нижнего мира, понимаешь!

— Вот-вот, — обрадовался Олег. — На дух, значит, духов не переносите. Странный вы человек. Вроде бы интеллигентный, а так нетерпимы к чужим верованиям. Почему? Они кажутся вам наивными? А я могу вам напомнить, как всего лет сто назад один ваш коллега — нефтепромышленник из Пенсильвании — на полном серьезе уверял, что нефть происходит из мочи китов, которая откладывается на дне полярных морей, а потом по подземным каналам попадает в Пенсильванию. Не менее интересную теорию о происхождении нефти высказывал в начале девятнадцатого века один варшавский богослов. Он считал, что Земля в райский период была настолько плодотворна, что на большой глубине содержала жировые примеси. После грехопадения этот жир частично испарился, а частично

погрузился в землю, смешиваясь с различными веществами. А уже Всемирный потоп содействовал превращению этой смеси в нефть.

— Я в курсе, — хмуро заметил Семенов. — Тогда было много теорий. В том числе и таких.

— Тогда — это когда? Между прочим, и сегодня половина населения страны совершенно не представляет, что такое нефть и откуда она вообще берется. Очень многие из тех, кто с точностью до цента знает стоимость барреля марки «Брент» на Нью-Йоркской бирже, искренне уверены, что нефть скапливается под землей в нефтяных озерах. Да я и сам, не стану врать, еще недавно думал так же. И чем, по-вашему, современные знания людей вполне цивилизованных отличаются от верований тувинских язычников? Сколько вообще лет современной теории происхождения нефти?

— У меня сложилось впечатление, что вы сами знаете ответ на свой вопрос…

— Хотелось бы услышать вашу точку зрения, — настаивал Олег.

— Хорошо, — согласился Семенов. — Только я предупреждаю сразу: моя точка зрения совпадает с общепринятой. О происхождении нефти ученые и геологи спорили действительно долго. Если не касаться совсем уж глубокой древности, не обращать внимания на курьезы, о которых вы уже упоминали, и не вдаваться в подробности, то основными можно назвать две теории — органическую и неорганическую. Считается, что самую обоснованную гипотезу о происхождении нефти из органики выдвинул Ломоносов еще в середине XVIII века в своем трактате «О слоях земных». До середины XIX века были распространены идеи, близкие к гипотезе, выдвинутой Ломоносовым. Но были и сторонники другой, неорганической гипотезы. У них авторитетом был Менделеев. Он считал, что во время тектонических сдвигов поверхностная вода просачивалась в глубь земли по трещинам, рассекающим земную кору, достигала металлических масс и взаимодействовала с карбидами железа, что и приводило к образованию окислов металла и углеводорода, после чего углеводороды насыщали пористые породы… Я вас утомил?

— Нет, мне очень интересно, — заверил Олег, изо всех сил сдерживая зевок. — Будем переходить к современности?

— Давайте к современности, — легко согласился Семенов. — Этот период принято отсчитывать с 1932 года, когда вышла в свет работа Губкина «Учение о нефти». Именно он впервые обосновал теорию образования нефти из рассеянного органического вещества, накапливавшегося в осадках морских бассейнов. В 1950 году гипотезу Губкина подтвердили одновременно и наши, и

американские геологи, когда обнаружили углеводороды в относительно молодых осадочных породах. Тогда же подтвердилась рабочая гипотеза о том, что для процессов нефтегазообразования не нужны какие-то экстраординарные условия и они могут происходить в любых субаквальных осадках…

— Конечно, конечно, — с готовностью закивал Олег. — Никто не умаляет достижений геологической науки. На какой глубине, кстати, залегают нефтеносные породы на месторождении Сизое?

— Около трех тысяч метров. Или вам нужны точные цифры?

— Нет, мне вполне достаточно приблизительных, чтобы испугаться. Это же целых три километра. Мама дорогая, да разве можно точно знать, что там происходит на этой глубине? Не оттого ли геологи спорят до сих пор о происхождении нефти?

— Никто давно не спорит, — отмахнулся Семенов. — Не говорите ерунды. Теория осадочно-миграционного происхождения нефти и углеводородных газов признана сегодня всеми.

— А что вы тогда скажете по поводу новой гипотезы, высказанной недавно группой молодых ученых? — не сдавался Олег. — Они считают, что нефтегазообразование — это процесс не столько геологический, сколько климатический, и он тесно связан с современным геохимическим круговоротом воды и углерода. Якобы нефть своим появлением обязана переносу подвижного углерода водами, инфильтрующимися под земную поверхность в ходе регионального климатического круговорота. Поступающий с водой углерод в форме гидрокарбоната в условиях земной коры и восстанавливается до углеводородов, которые в геологических структурах-ловушках формируют скопления нефти и газа…

— Чушь, — заключил Семенов. — Кретинизм в последней стадии!

— Это вы так считаете. А вот группа молодых ученых полагает, что девяносто процентов всех месторождений нефти и газа обязано своим появлением именно такому механизму. И лишь десять процентов образовалось из органических отложений в земной коре. И они готовы доказать, что пополнение большей части месторождений углеводородами происходит всего лишь за пару-тройку десятилетий, поэтому делают весьма оптимистичный вывод о том, что ресурсы нефти и газа в масштабах всей планеты фактически неисчерпаемы.

— Полный бред, можете мне поверить… Или вы сами только что придумали эту гипотезу?

— Я? — удивился Олег. — Вы считаете, что я, юрист, сумел

бы самостоятельно придумать альтернативную теорию происхождения нефти? Я польщен, конечно, но у меня более скромные представления о собственных способностях. Все это я прочел в прошлогоднем номере авторитетного журнала «Геохимия сегодня». А придумала такую заковыристую штуку не группа проходимцев, но ученые мужи из Института проблем нефти и газа СО РАН, которые работали над этой темой под руководством кандидата физико-математических наук Азария Викентьевича Варенбаума. Не слышали такой фамилии?

— Нет, — признался Семенов. А подумав, добавил: — И слышать не хочу.

— Напрасно. Они, надо полагать, тоже материалисты. Значит, вы должны быть по одну сторону баррикады. Или вы уже согласились со мной, что та теория происхождения нефти, которой придерживается наш тувинский специалист по подземному ремонту скважин Алдын-Херел, ничуть не хуже других в этом длинном ряду. Кто знает, может, лет через пятьдесят она вообще станет доминирующей. Кстати, Алдын на этом пятачке уже закончил. Пора перебираться на следующий… э-э-э… куст… Я правильно вспомнил название?

Олег даже в пылу дебатов не забывал следить одним глазом за перемещениями своего шамана. Тот старался, как мог, создавая видимость важной работы. Ходил, кивал головой, сильно размахивал руками, присаживался возле каждой трубы, замирал ненадолго, словно прислушивался к происходящим под землей процессам. Но длительного испытания не выдержал бы Кулёк. Сначала он честно пытался ходить за шаманом след в след, но вскоре утомился и, не зная чем бы себя еще занять, повис на одной из больших задвижек, пристально изучая многочисленные манометры.

— Уверен, дальше вы справитесь и без меня, — вымучил из себя Семенов. — Водитель дорогу знает.

— Воля ваша! — Олег не смог сдержать победной ухмылки. — Я тоже не думаю, что мы заблудимся. А грибы, кстати, в этом лесу есть?

— Не знаю. И вам не советую проверять. Категорическая рекомендация: дальше, чем на пять метров от кустовой не удаляться. И с обочины дороги не спускаться. Кругом болото.

— Что, уже были случаи? — заинтересовался Олег.

— Пока нет. Или вы хотите стать первым?

Кустовые они объезжали почти до ужина. И на каждой старались изобразить деятельность. Пусть Семенов и капитулировал почти сразу, но пожилой водитель Миша, как

показалось Олегу, присматривался к своим пассажирам очень даже внимательно. Не исключено, что был на этот счет проинструктирован, поскольку не отлучился даже на обед, а предусмотрительно захватил с собой термос с чаем и бутерброды, чем они все и перекусили между переездами…

После третьей по счету площадки с торчащими, похожими словно братья-близнецы, трубами мастерство оренбургского актера окрепло уже настолько, что он без видимых усилий смог исполнить импровизацию на полтора часа. А с последней кустовой шамана вообще пришлось увозить чуть ли не силой. Парень так увлекся, что потерял счет времени. Кулёк тоже держался достойно. Не скулил и не жаловался по мелочам. Олег же, заглушая ворчащую пустоту в желудке, уничтожил без остатка полную пачку сигарет…

За ужином все почувствовали сильную усталость. Даже Олег. О шамане и говорить не приходилось. Тот задремал еще на обратной дороге, в машине. Даже на ужин сначала не хотел идти. Пришлось Олегу вести его в столовую силой. Кулёк, уничтоживший две порции, тоже осоловел почти мгновенно.

Сон не брал только Олега. Промаявшись полчаса над томиком Тарковского, он все же распечатал новую пачку сигарет и отправился на улицу. Впрочем, от сигаретного дыма стало только хуже. Тогда Олег втоптал окурок в песок и вытянулся во всю длину самодельной скамейки. Последние лучи солнца пробивались через высокие облака, отчего они стали походить на багровые кровоподтеки. Олег закрыл глаза и с удовольствием ощутил, как по спине идет приятное тепло от нагревшегося за день дерева.

Когда вернулся в жилой блок, он уже почувствовал себя вполне дееспособным. Проверив, что коридор пуст, достал из сумки спутниковый терминал. С нетерпением дождался, пока на маленьком экране покажется логотип глобальной сети, набрал код России, потом код города и нужный номер.

Трубку сняли через три гудка.

— Ну, и кого там принесло так поздно?

— Это я, — тихо сказал Олег. — Узнал?

— Конечно. Рад тебе. Как поживает мама? — Тембр голоса стал более приветливым.

— Мама выздоравливает, — сообщил Олег. — Я оставил ей твои подарки. Она тебе тоже передавала привет. Ты его получил?

— Получил. Вполне устойчивый такой привет… Ты не один?

— Один. И мне от этого грустно.

— А ты не грусти, — посоветовала трубка. — Ты думай о мамином переезде. Представляешь, какая будет для всех нас

радость? У нее планы-то не изменились?

— Пока нет. Если мама передумает, я тебе звякну. Пока вроде она в хорошем настроении. Ну, до связи?

— Звони, как скучно станет…

Олег автоматически сунул трубку под подушку и мысленно перебрал события прошедшего дня. Итог получался в его пользу. Шаман не подвел. Семенов если еще не деморализован, то уж точно пребывает в сомнениях. «Маячки» работают. Координаты всех шестнадцати эксплуатационных скважин Сизого известны теперь с точностью до десяти сантиметров — не промахнешься.

На этом первый подготовительный этап можно смело считать завершенным. Пора приглашать господ нефтепромышленников на старт этапа второго…

Проверив еще раз, что в опасной близости от его двери никого нет, Олег сверился с записной книжкой и набрал московский номер. Сигнал прошел еще быстрей.

— Приемная слушает.

Голос «приемной» всегда напоминал Олегу небесный звук буддийского колокольчика. Хотелось бы ему хоть раз встретиться вживую с его обладательницей…

— Могу ли я Павла Львовича оторвать от важных дел?

— Как вас представить?

По секретному номеру чужие не звонили, но даже своим прорваться к великому и могучему Герцу было непросто.

— Представьте меня высоким голубоглазым блондином, — попросил Олег, с трудом сдерживая раздражение. — Ростом метр девяносто восемь и объемом бицепса в пятьдесят два сантиметра. Когда женщины представляют меня таким, они тают от восторга, как эскимо на палочке.

— А-а, это вы…

— Я, — подтвердил Олег. — Так что, на месте ваш Павел Львович?

— Сейчас попробую соединить… — Смешок из далекой Москвы проник в глобальные системы связи и без малейших искажений попал в сибирскую тайгу. А следом прилетела и дурашливая мелодия офисной АТС. Пока она звучала, Олег подсчитывал в уме потерянное время и умножал его на тариф в восемь долларов за минуту, попутно переводя полученную сумму в рубли по текущему курсу Центрального банка. Цифра получалась не пугающая, но и не особенно приятная…

— Соединяю, — сказала наконец «приемная», и на том конце повисла тишина.

— Павел Львович? — на всякий случай уточнил Олег. Он уже знал дурную привычку Герца подолгу молчать в трубку,

наматывая на кулак нервы собеседника. — Это Олег Заболоцкий беспокоит…

— Я-а-а по-о-онял, — как обычно нараспев произнес Герц и опять замолчал.

— Извините, если помешал, Павел Львович. Я хотел сказать, что у меня все складывается как нельзя лучше. Алдын уже провел предварительную, так сказать, разведку. Уверяет, что готов камлать. Только и мне бы хотелось получить обещанные гарантии. Помните, о чем мы говорили?

— По-о-омню…

— А когда мои деньги будут на счету? Хотелось бы, так сказать…

— Не во-о-олнуйтесь, Оле-ег. Я-а-а — челове-е-ек сло-о-ова.

— Значит, как только ваши люди подтвердят, что добыча выросла не менее чем на пятьдесят процентов, вы мне передадите номер счета и пароль.

— И-и-именно та-ак. Вы извини-и-ите, я сейчас о-о-чень за-а-анят…

— Я позвоню послезавтра, — заторопился Олег, но трубка уже захлебнулась короткими сигналами отбоя.

Олег от всей души высказался вслух по поводу «индюков обдолбаных» и прочей дворовой живности, но легче ему от этого не стало. После столь содержательной беседы он теперь не уснет еще пару часов. Пять миллионов долларов — это ведь не просто большая сумма. Она гигантская. И на что может уповать никому не известный провинциальный адвокат? Да ни на что, собственно. Только на свое дикое, буквально первобытное везенье…

Олег вытер вспотевший от волнения лоб и помассировал левую половину груди. Сердцу было как-то неуютно. Откопав в сумке таблетки валерианы, он сжевал сразу горсть и пристроил голову на подушку. Минут через десять приступ депрессии должен отступить, и все опять будет в порядке. Как всегда. Нужно пережить только эту секунду. Всего одну секунду, поглотившую прошлое, которого уже нет, и будущее, которого может и не быть. Есть только «здесь» и «сейчас». И только эта секунда…

Про Герца «великого и ужасного» Олег старался не думать. Но мысли возвращались к нему с пугающей настойчивостью. Герц был навязчив, как зеленая обезьяна из суфийской притчи. Не думать о Герце почти невозможно. Он вездесущ. Открыл воду из крана — оттуда Герц. Включил свет — Герц. Не говоря уже о телевизоре. В бесконечном клубке из акционерных обществ и компаний с ограниченной ответственностью, зарегистрированных на разных «банановых» островах, Герцу принадлежали минимум тридцать процентов холдинга «Коммунальные системы», который

контролировал все водоканалы крупных городов. У него были блокпакеты более чем сорока региональных энергокомпаний, а также контроль над Сибирско-Уральским угольным холдингом и множеством различного рода нефтедобывающих и сервисных предприятий. «Нафта-Восток» была даже не тридцатой в шестом ряду, а шестой в тридцатом.

Журнал «Форбс» оценивал личное состояние Герца в девять с половиной миллиардов и поместил его в середину списка из ста богатейших людей планеты, что Герцу, как говорят, весьма польстило. Увидеть такого человека издалека — удача. Поговорить с ним по телефону равнозначно троекратному выигрышу джекпота в «Русском лото». А встретиться с ним лично почти так же трудно, как слетать на Марс. Олегу удалось и то, и другое, и третье. Как именно — он и сам уже не мог понять. И вряд ли смог бы повторить еще раз такой успех. Пройти дважды по длинной цепочке из случайностей и ситуаций с совершенно непрогнозируемым результатом — невозможно. Как невозможно остаться при этом живым и даже невредимым…

Иссушающая мозг тоска немного отпустила, и Олег отправился на поиски Семенова. Тот коротал вечер в своем кабинете (если можно назвать кабинетом помещение размером с собачью конуру, где кроме рабочего стола помещались только два стула). Олег окинул взглядом спартанскую обстановку и замер на пороге.

— Вечер добрый, Сергей Сергеевич.

— И вам того же, — ответил Семенов, не поднимая глаз. Беспорядочно разбросанные по столу распечатки он сгреб в кучу.

— Не хотите узнать результаты?

Не дожидаясь ответа, Олег присел на свободный стул и небрежно забросил ногу на ногу.

— Результаты чего? — Семенов вздохнул и подпер голову рукой.

— Ну, Алдын сегодня славно поработал, вы не находите? Он завершил предварительный сбор данных. Лично меня они порадовали. Думаю, вас они должны порадовать тоже. Поэтому я не стал дожидаться утра. Пришел поделиться радостной новостью незамедлительно.

— Оставьте свой оптимизм при себе. Он вам еще понадобится.

— Напрасно вы так, Сергей Сергеевич. — Олег покачал головой и демонстративно развалился на стуле. — Беспокоитесь о том, что скажут коллеги? Но победителей не судят. А вы не позже чем послезавтра им станете.

— Кем стану? — удивился Семенов.

— Победителем, — с нажимом повторил Олег. — Повторяю специально для тех, у кого рация на батарейках. Алдын взялся решить ваши проблемы. Вы разве не рады?

Семенов хмыкнул, но промолчал.

— Неужели не рады? Странно… — Олег еле сдерживался, чтобы не рассмеяться. — Скучный вы человек, Сергей Сергеевич. А что касается Алдына, то он слов на ветер не бросает. И хотя его семейный онгон находится отсюда дальше, чем десять конных переходов, и не сможет оказать ему поддержки в полной мере, но такими рисками, скажу вам откровенно, можно пренебречь…

— Можно пренебречь? — Семенов запыхтел, как начинающий закипать кофейник. — А временем моим тоже можно пренебречь? Торчу тут, понимаешь, с ними третий день. Мне давно на Прирахтовском нужно быть, а я всю работу бросил и сижу!

— Вы не сдерживайте себя, не сдерживайте, — подбодрил Олег. — Если проблемы не копить, тогда их решать будет проще. С вами хоть и скучно, но вы человек разумный. В широком смысле этого слова, естественно. Вы ведь не из тех, кто не верит глазам своим. Совсем наоборот. Помните замечательную строчку у Арсения Тарковского: «Порой по улице бредешь — нахлынет вдруг невесть откуда и по спине пройдет как дрожь, бессмысленная жажда чуда»… Признайтесь, где-то в глубине души у вас тоже живет жажда чуда. Я прав?

— Да пошли вы… со своими чудесами! И шамана своего можете туда же прихватить…

— Вот и договорились. — Олег встал. — Значит, я пошел. Не буду докучать вам своим присутствием. Расскажу только о планах на завтра, пока не забыл. Если не возражаете, мне бы хотелось прогуляться по промыслу… Кстати, Алдын считает, что камлать лучше всего следующей ночью. Наступает время Черной Луны. Не имею ни малейшего представления о том, почему он считает именно так, но если вы намерены поприсутствовать, то советую отоспаться. Мероприятие может затянуться…

Не дождавшись ответа, Олег прикрыл за собой дверь и вернулся в жилой блок. Все свободные от вахты нефтяники уже отдыхали, и коридоры затягивало пустой гулкостью. Олег шел и улыбался. Он был доволен собой. И в эту ночь спал как убитый.

С утра Кайрат выглядел не слишком отдохнувшим. Олег зашел к нему без всякой цели, но бледный вид шамана и его воспаленные глаза нельзя было не заметить.

— Дружище, ты случайно не заболел? — забеспокоился Олег. — Вот сейчас точно не время. У нас назначена большая премьера.

— Все нормально, — шепотом заверил его Кайрат и закутался в одеяло по самую макушку. — Устал немного. Но я отлежусь до обеда, Олег Викторович, честное слово!

— А я тут извиниться хотел. — Олег нерешительно потоптался у кровати. — За книги и вообще… Погорячился, короче… Ты уж прости. И про штраф забудь. Это шутка была. А для поддержания бодрости духа могу тебе по большому секрету сообщить одну хорошую новость. Вчера вечером собиралось правление нашего консорциума. И в моем лице правление единогласно проголосовало за то, чтобы выдать Абилеву Кайрату Малдыбаевичу премию. Так сказать, за доблестный труд. Премия учреждена в виде дополнительного денежного вознаграждения, а также внеочередного почетного звания актера самой первой категории. Ты как, не возражаешь? Зато на пенсии получишь право бесплатного проезда в общественном транспорте города Кызыл-Орда.

— Не возражаю… — Кайрат через силу улыбнулся.

— Тогда еще десять тысяч американских денег у тебя уже в кармане. Итого получается сорок. Голова болит?

— Слегка, — признался Кайрат и поморщился.

— Сейчас я тебе занесу парацетамол. Растворишь пару таблеток, и все пройдет. Ты только не раскисай. И на завтрак сходи непременно.

— Не раскисну, — пообещал Кайрат. — Схожу. Непременно…

Сам Олег позавтракать не успел. На ходу зажевал кофе бутербродом и, прихватив полусонного Кулька, отправился с «экскурсией» по промыслу. Чтобы не вызывать подозрений, начали с операторской. Потом повосхищались для порядка видом компактных дизельных генераторов и только в последнюю очередь нагрянули на дожимную насосную станцию. «Экскурсантов» узнавали, гостеприимно встречали и охотно объясняли про все механизмы. Олег с готовностью эти объяснения выслушивал, чем приводил персонал в радостно-возбужденное состояние.

Ему с удовольствием рассказали и про воду, которая подается в пласт через нагнетательные скважины и поддерживает там избыточное давление, чтобы нефть могла поступать в эксплуатационные скважины, и про трубу, через которую на станцию поступает смесь из добывающих скважин. Не забыли продемонстрировать и свои «самые большие в мире» насосы — они из смеси удаляют «подтоварную» воду и попутный газ. И пока Кулёк отвлекал разговорами кокетливую лаборантку, Олег успел сделать самое главное: разыскал пластиковую емкость, где хранился ингибитор минеральных солей, и заменил один белый

порошок на другой. По внешнему виду они не отличались ничем. Но ради этой манипуляции Олег готов был терпеливо выслушивать нефтяников хоть оптом, хоть в розницу. И даже три раза подряд.

Порошок, который он принес с собой, именовался реагентом LQ-12. Примерно через час, если все расчеты верны, LQ-12 должен был поступить вместе с водой во все нагнетательные скважины, а потом в нефтесодержащую породу. Что произойдет дальше, Олег понимал не очень хорошо. В этом вопросе он рассчитывал только на знания и опыт Константина Аркадьевича. Хотя в общих чертах тоже знал о технологиях и реагентах, увеличивающих коэффициент нефтеотдачи месторождений. Для этих целей применяются обычно реагенты-бактерициды, ингибиторы коррозии и даже сульфат-восстанавливающие бактерии. Слышал Олег и о технологии флотационной очистки «подтоварной» воды, а также о методике осаждения минеральных частиц в загрязненных водах. Об этом Константин Аркадьевич мог рассказывать целыми сутками, так что хочешь или не хочешь, но знания застревали у Олега даже в подкорке.

Только LQ-12 был другим. В обычных условиях его активность оставалась невысокой, зато под одновременным воздействием давления и электромагнитного поля LQ-12, растворенный в воде, приобретал удивительные свойства и буквально за пару часов проедал огромные каверны в песчаниках и других относительно мягких породах, высвобождая из них нефть. При этом LQ-12 оставался совершенно инертным к ценному углеводородному сырью. Константин Аркадьевич неоднократно пытался объяснить Олегу, почему так происходит, что там высвобождается в результате химического процесса и что с чем вступает в реакцию, но уже через пять минут его объяснений у Олега, как правило, начинала раскалываться голова. А потом он научился пропускать объяснения мимо ушей. Достаточно того, что механизм действует и его можно применить на практике.

Впрочем, с практикой была как раз неясность. Константин Аркадьевич уверял, что полевые испытания проводились на реальных скважинах, но Олег в этом вполне обоснованно сомневался. Дело в том, что изобрел LQ-12 не сам Константин Аркадьевич, а его бывший аспирант Дима Шагин. Он же его и синтезировал. Как раз накануне аварии, когда Шагин перелетел на своем «Харлее» через ограждение скоростной магистрали и врезался на полной скорости в опору моста. ДТП случилось ночью, свидетелей не нашли, и дознаватель дорожно-патрульной службы так и не смог установить точно, что же послужило

причиной. Известен только результат: молодой ученый-химик пролежал до утра под остатками своего мотоцикла и умер, как уверяют врачи, не приходя в сознание. С собой в могилу Дима Шагин унес и секрет синтеза LQ-12.

Подробных записей аспирант либо не делал вообще, либо надежно их спрятал. В любом случае Константину Аркадьевичу обнаружить ничего не удалось. Кое-что он, конечно, смог восстановить, что-то в технологии додумал сам, но воспроизвести процесс синтеза реагента ему не удалось. Шагин был стопроцентным гением. Так что в распоряжении лаборатории имелись лишь остатки реагента. Оттого Константин Аркадьевич и не спешил делиться открытием с остальным научным миром. Хотел сначала получить от реагента максимальный экономический эффект, поэтому стал предлагать его производственникам. Но либо много просил, либо не умел толком объяснить выгоду, которую господа нефтяники получат от применения LQ-12. В общем, найти клиентов ему так и не удалось.

Что весьма странно, думал Олег. Выгода была вполне зримой. По предварительным прикидкам, только на одной нагнетательной скважине — при объеме закачиваемой «подтоварной» воды до пяти тысяч кубометров в сутки — среднегодовая экономическая эффективность применения чудо-реагента могла бы составить не менее пяти миллионов долларов США. Именно такую сумму Олег и взял потом за базовую. Но это было намного позже. Когда они только познакомились с Константином Аркадьевичем, ни о каких деньгах речь не заходила. Знакомство вообще было случайным и весьма, как тогда казалось Олегу, поверхностным, поскольку и не могло быть ничего общего между доктором химических наук и адвокатом, специализирующимся на уголовных делах в экономической сфере. Первая жена Олега когда-то дружила со старшей дочерью Константина Аркадьевича. Вот и все. А остальное — это уже дело случая…

Сначала было небрежно оброненное слово, потом сумбурные и короткие беседы, за которыми последовали малопонятные сетования пожилого профессора на неудавшуюся жизнь и собственную глупость. А когда они сошлись чуть ближе и оказывались уже в одной компании, то Олегу приходилось не раз выслушивать «под рюмку чая» монотонные жалобы Константина Аркадьевича, разбавленные терминологической абракадаброй. Но в какой-то момент все эти разрозненные фрагменты бесед с пожилым ученым сложились у него в одну общую картину. Реагент LQ-12 занял в голове Олега ту ячейку памяти, которая

словно для него и предназначалась. Когда рядом улеглась информация о невинных слабостях могучего Герца, в голове у Олега раздался колокольный звон…

Но когда он в сильно возбужденном состоянии примчался в институт к Константину Аркадьевичу и с видом победителя изложил все свои соображения по поводу возможного применения LQ-12, пожилой профессор отнесся к идее весьма скептически. Сначала его смутила мысль о необходимости ведения каких-либо переговоров с самим Герцем. На это Олег твердо пообещал, что замкнет все контакты с олигархом на себя. Тем более что шанс пробиться с такой идеей к Герцу был весьма велик. Олег чувствовал это селезенкой. Он уже неоднократно убеждался в том, что путь к сердцам и головам неприлично богатых людей пробивают самые, казалось бы, маловероятные идеи. И чем менее они вероятны, тем легче проходят. А потом Константин Аркадьевич засомневался, что сам технологический процесс с применением реагента удастся скрыть от персонала нефтепромысла.

Мол, подбросить LQ-12 или заменить им другой — это вполне реально. Можно подменить банки, а там уже лаборанты сами все сделают. Тем более, что для десятка-полутора скважин вполне хватит и килограмма LQ-12. Сложнее (а вернее, совершенно невозможно) скрыть от посторонних глаз работающий генератор электромагнитного поля. Он ведь должен находиться рядом со скважиной, а где его спрячешь на кустовой площадке? И электропитание для такого генератора нельзя подключить незаметно. Значит, нужна машина для автономного энергоснабжения. Да и вообще, генератор нужной мощности привезти на нефтепромысел незаметно не удастся. Видел ли Олег его в натуре? Это же не чемоданчик, а огромный шкаф весом в пару тонн. Его только в автоприцепе и можно транспортировать. Да и то не в любом.

Впрочем, эти доводы если и остудили горячую голову Олега, то ненадолго. Через месяц у него уже были ответы на все вопросы. Орешек знаний оказался не так уж тверд. А помогли его расколоть давние связи с закрытой от внешних воздействий тусовкой физтеха, где обретались молодые математики-физики-программисты. Сначала Олег попытался, конечно, использовать тусовку «втемную», но быстро прокололся. В итоге по рекомендации старого университетского приятеля ему пришлось взять в долю некоего Илью. О чем, по правде говоря, Олег ни разу потом не пожалел. Довести технологическую схему до ума без Ильи точно не удалось бы. Только в его удивительно светлую голову могла прийти мысль о том, что генератор вовсе не

обязательно брать с собой на нефтепромысел. Для этой цели можно использовать, например, спутниковую систему подавления радиолокационных станций противника, которая проходит по космическому ведомству, а в настоящий момент без всякого дела болтается на околоземной орбите.

Илья нашел и Пашу — сообразительного паренька-хакера из Вологды. По соседству с этим городком, некогда славным кружевом и сливочным маслом, размещалась умеренно секретная военная часть, откуда и шло управление космическими системами вооружений. В том числе спутниками радиоэлектронной разведки и подавления радиоэлектронных средств противника. Всего за десять тысяч в американской валюте Паша вызвался настроить канал связи с орбитой и на десять минут перехватить управление боевым спутником «Тарантул», мощности которого, по уверению Паши, вполне хватит и для использования в мирных целях. Плохо только, что в ходе подготовки к этой операции Олег исчерпал все свои сбережения. Пришлось слетать в Вологду, чтобы побеседовать с юным хакером, внести авансовый платеж и лично познакомиться с неким прапорщиком Клячко, которому тоже требовалась значительная сумма в иностранной валюте. Не за красивые погоны, естественно, а за то, чтобы в нужный момент прапорщик не забыл установить в секретную аппаратуру несложный микрочип, который, собственно, и открывал канал для хакера Паши и позволял ему синхронизировать свою домашнюю машину с управляющим комплексом «Орбита-Север»…

Время, которое до обеда едва тянулось, к вечеру понеслось вприпрыжку.

Олег перебросился парой фраз по телефону с Ильей, и тот опять подтвердил, что юный вологодский хакер уже на связи и ждет отмашки. Семенов тоже притих. Почти сразу они договорились, что Алдын будет камлать на дальней кустовой. Именно там, где наибольшее количество эксплуатационных скважин. Семенов, как заметил Олег, вообще стал соглашаться с его предложениями на удивление быстро. То ли просто устал сопротивляться, то ли в материалистическом мировоззрении Семенова образовалась трещина. Немного смутил его только открытый огонь, но Олег настоял, что разведение костра — это важная и совершенно необходимая часть шаманского ритуала. В итоге Семенов смирился с откровенным нарушением правил техники безопасности. Только предупредил, что его присутствие в таком случае обязательно. И еще потребовал, чтобы на все время проведения ритуала в непосредственной близости от кустовой площадки дежурил пожарный расчет. Олег посопротивлялся для

виду, а потом великодушно согласился на пожарных. На том и расстались.

Кайрат съел ужин с видимым аппетитом, что Олега тоже порадовало. Значит, к ночи шаман точно будет в полной боевой готовности. Пошла на пользу и их прогулка по территории промысла. И хотя она вышла короткой, Кайрат, просидевший двое суток взаперти, был рад и недолгой свободе. Лицо шамана посвежело, взгляд стал более осмысленным. Олег успел подбодрить и Кулька, сыграв с ним несколько партий в бильярд. На предложение «погонять вместе шары», Кулёк откликнулся с таким азартом, что сразу забыл обо всех прошлых обидах. На кон они поставили пятьсот рублей, и Кулёк бился за них, как ягуар. В итоге выиграл три партии подряд и с довольной улыбкой, уже без всяких напоминаний, отправился к себе. Вот только вздремнуть Олегу не удалось. Едва он прилег на кровать, сонливость мгновенно улетучилась. Не помогли ни прохладный душ, ни стихи…

На кустовую выехали, когда стало темнеть. Впереди двигался пожарный расчет. С пожарными сел и Семенов. «Газель», где разместилась команда Олега, замыкала колонну. На тряскую дорогу уже никто не обращал внимания. Кулёк делал вид, что спит. Кайрат смотрел в одну точку — куда-то слева от затылка водителя Миши. Помимо ежедневного шаманского наряда на нем был внушительного вида металлический нагрудник. В одной руке шаман держал бубен с колотушкой, а в другой сжимал ритуальную плеть — ташуур. На голове была традиционная шапка бурят и тувинцев — малхэ, украшенная символами тотема. В свою малхэ Кайрат густо натыкал куриных перьев, покрашенных черной тушью, что должно было символизировать древнюю мудрость рода Ворона…

Промежутки между столетними деревьями, мелькавшими вдоль дороги в узких клиньях света, стали уменьшаться. Серыми хлопьями заклубился по обочинам туман. Пока они добрались до места, почти совсем стемнело, и от вида сплошной черной стены, нависающей над кустовой, Олег непроизвольно поежился. Смутное беспокойство засело в голове занозой. Чтобы хоть как-то развеяться, он затеял спор с командиром пожарного расчета. Тот настаивал на ста метрах от забора кустовой, Олег — на двадцати. Пока Кулёк собирал хворост, сошлись на отметке в пятьдесят метров. Пожарный покосился на невозмутимого Семенова и, не получив поддержки, огорченно махнул рукой:

— А-а, да делайте вы, что хотите, — после чего сорвал злость на подчиненных: — Вам тут чё — цирк? Подгоняйте, елки зеленые, аппарат. Или оглохли!

Кулёк тем временем аккуратно сложил костровище, сунул в середину хворост и хвою, плеснул сверху бензина и щелкнул зажигалкой. Огненный вихрь разобрался с сучьями и очень быстро взялся за поленья, постреливая в ночной воздух длинными искрами. Темнота постепенно отступила на дальние позиции — к лесу. Кулёк, не зная, чем бы себя занять, попытался еще подбросить веток в огонь, но эту попытку жестко пресек Семенов. Хватит, мол, и так уже огня достаточно. И будто в подтверждение его слов, Кайрат вскочил на ноги, поднял лицо к небу и затянул неожиданно низко:

— Хэ-э-эй-я-аа хэ-э-эй-аас ой-йа ой-йха!

Потом он несколько раз с силой ударил колотушкой в бубен и замер, словно дожидаясь, пока его песня долетит до неба. Олег непроизвольно поднял глаза вверх и отступил на несколько шагов. Именно в эту минуту где-то на далекой орбите разворачивала свои излучатели боевая спутниковая система «Тарантул», нацеливая их на маленький пятачок сибирской тайги. Паша, конечно, обещал сфокусировать луч, чтобы электромагнитное поле никого из присутствующих не зацепило, но все же Олегу не хотелось проверять воздействие излучателей новейшего спутника на себе…

Когда Кайрат несчетное количество раз обошел вокруг костра, звеня колокольчиками и напевая что-то неразборчивое, Олег почувствовал, как в животе стала разрастаться холодящая пустота. На какой-то миг ему даже страшновато стало. Властным выражением состарившегося лица, скупой пластикой движений, неожиданно тяжелой походкой шаман совсем не походил на молодого оренбургского актера Кайрата Абилева. Олег не сразу сообразил, что произошло, когда шаман вдруг захрипел, крепко прижал к груди бубен и рухнул лицом в песок, как подрубленное дерево. Да и никто, собственно, не успел сообразить. Почти целую минуту над кустовой висела ватная тишина. И только всполошившаяся ночная птица вывела Олега из странного оцепенения.

Он попытался перевернуть шамана вверх лицом, но вялое тело никак не поддавалось.

— Да помогите же мне, мать вашу! — закричал Олег. — Он не дышит!

Первым подскочил Семенов. За ним — Кулёк.

Глаза Кайрата были закрыты, лицо искажено гримасой. Но в этот момент не растерялся Семенов. Одной рукой он ухватил шамана за запястье, а второй почти профессионально оттянул веко. После чего облегченно произнес:

— Без паники: жив ваш покоритель Нижнего мира.

— Точно? — не сразу поверил Олег. — А почему не дышит?

— Дышит, — успокоительно проворчал Семенов. — Только тихо. И пульс есть, хотя и слабый… Врач нужен…

Семенов отошел в сторонку и что-то забормотал в свою рацию. Почти сразу завелась и с ревом унеслась в ночь «Газель».

— Я Мишу за нашим лекарем отправил, — пояснил Семенов, заметив, каким взглядом Олег провожал машину. — Знал бы, сразу его с собой бы захватил. Может, у вашего шамана эпилепсия?

— Да откуда же я могу знать?! — пробормотал Олег и взглянул на Кулька. Тот сразу сжался.

Пока ждали помощи, Олег не отходил от Кайрата ни на шаг. А руку постоянно держал на запястье, считая пульс. Кулёк, не зная, чем помочь, громко вздыхал и ходил кругами. Семенов хмурился и периодически посматривал на часы. Заслышав шум приближающейся машины, все трое облегченно вздохнули.

Впрочем, врач тоже ничего определенного сказать не сумел. Лишь подтвердил, что сердечный ритм хоть и слабый, но ровный.

— Вероятнее всего, обморок. А теперь у него, похоже, очень глубокий сон. Вы от меня чего хотите? Могу только дать нашатырь. А анамнез без клиники — это нереально. Нужно хотя бы томографию сделать. И не мешало бы узнать, бывали ли у него такие обмороки раньше…

— Значит, тащим вашего шамана в «Газель», — принял решение Семенов. — А на месте уже разберемся. В худшем случае завтра на «вертушке» отправим его в Туру, в районную больницу.

От запаха нашатыря Кайрат очнулся сразу. Ничего не понимающим взглядом посмотрел на врача. Хотел что-то сказать, но Олег с Кульком быстро схватили его с двух сторон под руки и помогли подняться. До машины Кайрат добирался уже вполне самостоятельно. Правда, как только он оказался в своей кровати, то снова уснул. Когда ушел врач, Олег отправил отдыхать и Кулька. А сам пристроился с книгой под настольной лампой. Спать ему расхотелось. Правда, усталость все же взяла свое. Вроде бы только на секунду закрыл глаза, а когда открыл, через шторы уже пробивалось солнце.

Кайрат сидел с ногами на кровати, завернувшись в одеяло, и прижимал к груди бубен. Олег отдернул штору, посмотрел в окно, с кряхтением поднялся со стула. Позвоночник громко хрустнул.

— Олег Викторович, нам надо поговорить…

— Поговори, — с улыбкой разрешил Олег и потянулся. — Только не хлопайся больше в обморок. На какую тему говорить

будем?

— Вы не думайте, что у меня планка упала… Я это… Первый раз я тоже решил, что мне почудилось. Но несколько раз подряд не могло… Я не знаю, что мы сделали, но он сказал: мы нарушили договор. Был у него договор с людьми, а мы нарушили…

— Что еще за бред? — искренне удивился Олег. — Какой договор? Кто нарушил? Кто тебе сказал? Ты можешь говорить понятнее?

Кайрат отрицательно замотал головой, еще крепче прижимая к себе бубен.

— Не можешь понятнее, тогда рассказывай хотя бы по порядку, — мягко попросил Олег. — Он — это кто? И о каком договоре вообще идет речь?

— У него много имен. Хара Эдзен, Даин Дерхе. Еще какие-то есть, я просто не запомнил все. И про договор я тоже толком ничего не понял. Он твердит постоянно, что мы его нарушили…

Олег опять почувствовал тот же пугающий холодок пустоты. Только теперь эта пустота была не в животе, а растекалась по всей спине…

— И где ты повстречался с этим Даин Дерхе?

— Трудно объяснить, — Кайрат смутился. — Он нигде — и всегда рядом… Вы мне не верите?

— Понимаешь, Даин Дерхе в мифологии степняков — это дух, который живет в Нижнем мире и охраняет земные недра. Довольно трудно в такое поверить…

Олег постарался изобразить на лице улыбку, но она вышла не слишком ободряющей.

— Еще он говорил, что мы все умрем…

— Понятное дело, — кивнул Олег. — Все люди смертны.

— Нет, он говорил, мы умрем очень скоро. За то, что нарушили договор… Вы правда не думаете, что у меня крышу снесло?

— Не думаю. — Олег опустил взгляд и вздохнул. — Просто ты устал. Отдохнешь, и все само пройдет. Главное, не грузись. Вспоминай про гонорар. Со вчерашнего дня — это пятьдесят тысяч американских «рублей». Вот и напряги мозги, как их потратить. Это не простое дело. У тебя есть девушка?

— Нет, — неохотно признался Кайрат.

— Значит, скоро появится, — успокоил его Олег. — Девушки — они такие. Деньги сразу чувствуют…

Кайрат заметил, что Олег собирается уходить, и поинтересовался:

— Вы далеко?

— Скоро вернусь, — пообещал Олег. — А ты пока с Кульковым пообщайся. Только ничего ему не рассказывай про этого Даин Дерхе. Договорились?

— Не надо Кулькова. Мне и с бубном не страшно. Только вы сами далеко не уходите, Олег Викторович. И от леса старайтесь держаться подальше…

Семенова Олег нашел в операторской. Дебет скважин рос. К утру объем добычи увеличился почти вдвое и упорно не хотел останавливаться. За процессом наблюдали почти все, кто был свободен от вахты. Но сам Олег отчего-то не смог в полной мере насладиться триумфом. Хотя пластиковый стаканчик с шампанским взял и честно пригубил.

— Я же вам говорил: если Алдын возьмется, то у вас будет нефть, — не удержался Олег от шпильки в адрес Семенова.

Тот развел руками и участливо поинтересовался:

— Как он, кстати, ваш шаман? Сегодня «вертушка» свободна. Если нужно, отправим в Туру.

— В Туру? — Олег задумался. — Пожалуй, это хорошая мысль… А мы можем сейчас отойти в более тихое место. Нужно уточнить пару моментов…

Кабинет Семенова снова был завален бумагами. Еще сильнее, чем в прошлый раз. Какие-то распечатки лежали даже на стульях. Перед тем как присесть, Олег аккуратно переложил их на край стола.

— Что-то мне лицо ваше сегодня не нравится, — рассмеялся Семенов.

— Мне оно и самому не нравится, — признался Олег. — Никак не могу вспомнить, кто здесь вел разведку в 1969 году, когда было открыто Сизое. Не напомните?

— Омский филиал Новосибирскнефтегазгеологии.

— А как фамилия геолога, кто непосредственно открыл месторождение?

Семенов поднял глаза к потолку.

— Вообще-то главным геологом управления был тогда, если не ошибаюсь, Александр Данилович Петренко. Он руководил бурением поисковых скважин. Сначала было Сизое, а потом Игл-Яхское, Туманное, Речное, Восточно-Крапивинское. А вам это зачем?

— Не отвлекайтесь, — попросил Олег. — Расскажите мне о Петренко. Это что, тот самый, который стал академиком? Это его институту вы заказывали проект уточнения предварительной оценки Сизого? Он и экспертное заключение давал, когда стал снижаться дебет скважин?

— Тот самый, да… — Семенов почувствовал, что вопросы

Олег задает не из праздного любопытства. — Только я не понимаю…

— Сергей Сергеевич, не отвлекайтесь от темы. Если Сизое было открыто в 1969 году, то почему его разработка началась тридцать лет спустя?

— По многим причинам, как я думаю. Хотя если говорить реально, в то время уже открыли Самотлор. А это сотни богатейших месторождений буквально в пятистах километрах севернее. Видимо, в Госплане решили, что разработку здешних запасов нефти вести не так рентабельно. Для них была сделана предварительная оценка, а потом все поисковые скважины геологи законсервировали.

— А сейчас?

— Сейчас условия изменились. Не геологические, естественно, а экономические.

— Так-так… — Олег побарабанил пальцами по крышке стола. — Во всем, значит, виноват Госплан…

— У вас какие-то проблемы?

— Надеюсь, что нет. Просто собираю информацию… А ваш вертолет можно вызвать прямо сейчас? Хотелось бы уже сегодня оказаться в Омске.

— Можно, но «вертушка» будет здесь через пару часов, не раньше…

— Нас устроит, — кивнул Олег. — Спасибо за понимание. Я пошел собираться. И последняя просьба: напишите мне на бумажке название того института, который возглавляет сейчас академик Петренко. Боюсь забыть…

На обратном пути Олег разбудил Кулька, потом заглянул в комнату к Кайрату. Тот так и замер в одной позе.

— Я скоро, — пообещал Олег. — Только еще один звонок сделаю. Илья на том конце ответил сразу и облегченно выдохнул:

— Наконец-то. Ты куда пропал? Как мама?

— Не волнуйся, мама собрала вещи. — У Олега совершенно вылетело из головы, что нужно было позвонить сразу. Видимо, Илья так и просидел всю ночь у телефона.

— Папа мне уже всю плешь проел…

— Передай папе, что в его возрасте нужно беречь нервы, — проворчал Олег. — Мы скоро будем дома. А теперь бери бумагу, ручку и записывай фамилию: Петренко Александр Данилович. Возглавляет НИИ нефтегазгеологоразведки Сибирского отделения РАН. Записал? Только не перебивай и ничего не спрашивай. Эта контора находится в Новосибирске. Мне срочно нужен мобильный телефон этого человека. Как найдешь, сразу позвони…

Минуты шли. Мысли все больше путались. В голове Олега, как в тигле, медленно перемешивались лица: и ничего не понимающий, но очень напуганный Кайрат Абилев, и Павел Львович Герц, который в своей Москве досматривает сейчас третий сон, и Илья, и вся прошлая жизнь Олега с множеством маленьких радостей и больших огорчений. Трубку Олег отодвинул в самый дальний угол стола. И на часы старался не смотреть. Он и так знал, что Илья сделает все возможное. И даже невозможное…

Сигнал вызова раздался на двадцать второй минуте. Ничего неожиданного Олег не услышал. Илья лишь подтвердил его догадки. Академик слыл большим любителем «дикого» отдыха, лодок и таежных рек, что для геолога неудивительно, впрочем. И надо же такому случиться, что неделю назад директор института взял отпуск и отправился с тремя друзьями в Томскую область, чтобы спуститься вниз по речке Шишка. Так что в данный момент мобильный Петренко Александра Даниловича, увы, недоступен…

— А спутниковый? — на всякий случай спросил Олег. — Такие люди никогда не уезжают без аппарата. Не поверю, что с ними вообще нет связи.

— Это вторая часть моего сообщения, — пояснил Илья. — Телефон есть. И номер я узнал, хотя это было очень трудно. Сам понимаешь — академик. Вот только на связь с Большой землей эти сплавщики не выходили со вчерашнего дня. Родные и близкие, с которыми он созванивался каждый день по два раза, уже начинают беспокоиться. Они оповестили все руководство института, и если к вечеру академик не отзовется, будут бить тревогу. Но ты запиши номер на всякий случай…

Олег послушно нацарапал обломанным карандашом цепочку цифр, продиктованную Ильей, но он уже знал, что этот номер ему не понадобится. Звонить бесполезно. Академик не ответит…

— А что хоть случилось? — не выдержал Илья.

— Не по телефону, — жестко отрезал Олег. — Кстати, ты за грибами не собирался на днях?

— Собирался, — подтвердил Илья несколько удивленно. — Завтра поездку планировал. Такие белые пошли — чисто звери. Грузовиками люди привозят…

— Ни в коем случае, — предупредил Олег. — Дождись меня. Понял? Подтверди, что понял. Код: «красный». Из города — ни ногой!

— Понял, — сказал Илья после недолгого молчания. — Код: «красный»…

Оставшийся час все просидели в комнате Кайрата. Было душно. Они почти не разговаривали. О чем думал Кайрат,

догадаться было трудно. А Олег перебирал мысленно все странные совпадения последнего года. Хотел позвонить Герцу, но не смог себя пересилить. Воспоминания о заработанных пяти миллионах если и всплывали, то на периферии сознания. Больше всех мучился Кулёк. Он вообще ничего не понимал и все время пытался сбежать к бильярдному столу, но Олег каждый раз усаживал его на место тяжелым взглядом. «Нет, так нет», — бормотал Кулёк, падал обратно на стул и опять отворачивался к окну. Он первым и увидел Ми-8, заходящий на посадку над промыслом…

— Подъем, — скомандовал Олег.

Из жилого блока они выходили по очереди. Впереди Кайрат с бубном. Последним — Олег.

Вертолет нетерпеливо подпрыгивал, готовый оторваться от земли по первому сигналу, и нещадно теребил винтами кроны ближних берез. И только в этот момент Олег сообразил, что посадочная площадка находится очень близко от леса.

— Быстро, быстро, — торопил он всех, отплевываясь от колючего ветра, перемешанного с песком.

На краю бетонного пятачка нарисовался Семенов в своей неизменной сине-желтой каске, и Олег успел крикнуть:

— Увидимся, Сергей Сергеевич! Семенов махнул в ответ рукой.

Грохнул закрывающийся люк, и рев от вращающихся лопастей перешел в свист. Вдоль бетонного пятачка взметнулись песчаные смерчики. Железная машина клюнула носом и стала тяжело набирать высоту. Олег проводил взглядом удаляющийся факел и вспомнил, что забыл свои темные очки. Но мысль о потерянных очках быстро ушла на задний план. И Олег понял наконец, что именно его смутило во время посадки — слишком длинные тени от деревьев. Неправдоподобно длинные. В такой час тени никак не должны дотягиваться до вертолета…

Олег закашлялся и обвел взглядом салон. Вслушался в звук от вращающегося ротора. Потом заглянул в приоткрытую дверь кабины пилотов и подергал за ногу Кулька. Тот открыл глаза и насупился в ожидании очередного подвоха.

— Странное дело, Кульков, но мне никогда не хватало времени поговорить с тобой по душам, — посетовал Олег. — Вот скажи, ты истинно верующий?

— Ну, — смутился Кулёк. — Верующий…

— Тогда помолись за нас, Кульков. Хорошо помолись. Прямо сейчас. Очень тебя прошу…

Александр Громов
КОТ — ТАКТ

Позор! Позор всем, наступившим на кота! Во веки веков!

Себе же хуже делаете, между прочим.

Лежу это я, никого не трогаю, погружен в себя. Решаю мировую проблему. Какую? А вам что за дело? Моя проблема, я и решаю, любопытных и помощников не приглашал. Ну и ступайте себе мимо, не мешая и не мешкая, а если вам неймется не обойти меня, а перешагнуть — я и на это согласен. Но наступить? Ногой?!

Нечаянно? Скажите пожалуйста! Да какая мне разница, нечаянно или с умыслом?!

Не по заслугам дан двуногим большой рост и нешуточный вес, ох, не по заслугам…

И ведь обнаглели до того, что ругают несчастную жертву, чудом ими не раздавленную! Не нравится им, видите ли, кошачий крик. А как бы вы заорали, если бы на вас наступил бегемот?

Не знаю, не видел. Но бьюсь об заклад: громко и очень

немузыкально.

Сегодня опять: лежу на спине, передние лапы на груди сложил, задние вытянул. Я всегда так лежу, когда думаю о чем-нибудь приятном. Ну и конечно, бежит Дылда. Из всех двуногих он самый противный. Бежит, аж переборки трясутся. И огромной своей ступней — прямо мне на лапу! Каково! Я свету невзвидел и давай орать. Он как подпрыгнет да как впечатается макушкой в потолок! Аж гул по отсекам пошел. И кто виноват, спрашивается? А не бегай по кораблю сломя голову! Или хотя бы помни, что в некоторых коридорах потолки низкие и ничем мягким не обиты.

Нет, если честно, то даже среди людей иногда попадаются неплохие экземпляры. Как исключение. Они сразу бы поняли, что кот ни в чем не виноват. Коты никогда ни в чем не виноваты — виноват тот, кто не знает, для чего они нужны.

А никто по-настоящему не знает, между прочим. Даже лучшие из двуногих. Очень уж они ограниченные и самодовольные до смешного.

Но Дылда не из лучших. И не из средних. Он еще хуже — как ушиб никчемную свою макушку, так сейчас же захотел меня пнуть. Вы представляете? Меня! Пнуть. Ногой. Ждать пинка я, конечно, не стал и удалился чуточку быстрее, чем обычно, но все-таки не теряя достоинства. А уж что он кричал мне вслед!

Я не утерпел и ответил ему, кратко и емко охарактеризовав его моральные качества. Жаль, что он не понял.

— Опять животное мучаешь? — вылетела в коридор Разиня, услыхав глупые проклятья Дылды и мой полный справедливого негодования ответный мяв. — Наступил? Наступил, да?

Дылда сразу стушевался. Перед Разиней многие тушуются. По меркам двуногих, она красивая и решительная. Двуногим не видна ее глубинная сущность.

Зато она превосходно видна мне. Нерешительная и закомплексованная особа с детства упрямо работала над собой и загнала свои недостатки вглубь. Когда все душевные силы уходят на то, чтобы не дать им выползти наружу, на многое просто не хватает внимания. На моей памяти Разиня уже дважды упускала шанс получить в командование такой же корабль, как наш, и — вот умора — оба раза не заметила этого. Так и состарится простым штурманом на пассажирском лайнере.

Лучше бы она не покидала рубки. При входе в диспетчерскую зону возможно всякое, а возле Мю Цефея движение особенно оживленное. Столкнуться с каким-нибудь грузовозом, нежданно вынырнувшим из гиперканала, — удовольствие сомнительное.

— Ну ладно, ладно… — забормотал Дылда. — Не сильно-то и наступил… Этот твой любимчик нарочно ложится так, что не

хочешь, а наступишь…

— А тебе трудно под ноги посмотреть? Садист! Ты его убьешь когда-нибудь. Киса, где ты? Кис-кис… Штиблет! Кис-кис… Штиблетушка…

Штиблет — это я. Мне известно, что означает это слово на языке двуногих. Иногда я даже снисхожу до того, что откликаюсь, хотя нимало не похож ни на какую обувь. Еще чего не хватало! Мы похожи только на самих себя и вполне тем довольны.

— Кис-кис-кис… Вон ты где! Иди сюда, Штиблетик…

Не иду. Прекрасно вижу: Разине просто хочется приласкать меня и тем успокоить. Вот еще! Если бы она сообразила предложить мне что-нибудь вкусненькое — ну тогда так и быть. А коли не догадалась — мерси, мне и в одиночестве хорошо. Самое же существенное вот в чем: я вижу, что погладить меня ей важнее, чем мне быть поглаженным. Какой уважающий себя кот не устыдится, поняв, что доставил человеку больше пользы, чем получил от него? Подхалимов мы не уважаем. В честном кошачьем бою им всегда достается по первое число — кишка тонка у подхалимов драться как следует.

— Кис-кис… Ну же, Штиблетушка… Беги сюда. Ага, так я и разбежался.

Вздохнула Разиня, ушла в рубку. Это правильно. Инструкции для кого писаны? Это я имею право гулять сам по себе, а двуногие закабалены великой кучей ими же придуманных правил. Рабы они, хоть и мнят себя царями природы.

Впрочем, после посадки надо бы подойти к Разине, потереться о ногу. Иногда и рабы заслуживают поощрения. На то мы и высшие существа, чтобы изредка проявлять великодушие.

Как правило, самки двуногих лучше самцов. По крайней мере, с поверхности. У самок все лучшее на поверхности. В глубине они часто не менее, а более жестоки, чем самцы. Наше счастье, что они обожают ласковых и пушистых.

Мы, мэйн-куны, как раз пушисты и ласковы, любим помурчать, а еще игривы. Это у нас от ума. Нам необходимо, чтобы нас обожали. Чем сильнее обожают, тем полнее миска. Мэйн-куны крупны, и еды нам требуется больше, чем другим кошкам. Самки двуногих изрядно глупы, они не видят того, что у них перед глазами: наши подбородки и кисточки на ушах. У кого из кошачьих есть кисточки на ушах? А? Как по-вашему, у рыси добрый характер? А наши выпяченные подбородки прямо указывают на несгибаемую силу воли и недюжинную целеустремленность. Если не верите, попробуйте искупать мэйн-куна. Что он подумает, вопрос второй, но обязательно сделает вид, будто ничуть не боится воды. Это ли не характер? Что до

нашего ума, то вот вам лишь одно, сравнительно мелкое его проявление: мы скрываем от двуногих свою истинную сущность и тем привязываем их к нам. Не так ли в свое время поступал и человек, мало-помалу приручая скотину?

В пассажирских отсеках — а они, чтоб вы знали, занимают пять шестых полезного объема корабля — я бывать не люблю. Пассажир — самое никчемное существо, а хуже всех дети. Их леденцами не корми, дай покуситься на мое достоинство! У них это называется — поиграть. Разве я игрушка? Вы имеете дело с личностью, молодой человек! Хотите сделать себе приятное за мой счет — сделайте что-нибудь приятное и мне, а я рассмотрю, эквивалентен ли обмен. Если нет — свободны!

По своей воле я бы вообще никогда не выходил к пассажирам, но ритуал ежедневного обхода владений — это святое. Должен я проверить, все ли в порядке, или нет? Ясно — должен. И у котов бывают обязанности.

Я уже знал, что в этом рейсе никто из пассажиров не везет с собой ни котов, ни кошек. Была одна вздорная собачонка карманного формата — столь мелкая, что, узрев меня, совершающего обход, опять, как в первый раз, напустила лужу и, отчаянно скуля, попыталась скрыться в штанине хозяина. Разумеется, я степенно продефилировал мимо, даже не повернув головы. Еще не хватало обращать внимание на всякую мелочь! К непорядку в моих владениях она уж точно не относилась.

К непорядку относилось другое. Девчонка лет восьми — совершенно никчемное существо с полным отсутствием центров торможения в курином мозгу — не придумала ничего лучше, как метнуться ко мне со скоростью хищника, схватить меня за задние лапы и слегка приподнять. Ей было интересно, как я буду ходить на одних передних, точно в цирке. Откуда ей знать, что в цирке соглашаются работать лишь те из нас, кто не видит лучшей перспективы — парии, изгои, отбросы кошачьего общества? Разве я циркач?

Извернувшись, я выпустил когти и дал волю передним лапам. Маленькая дрянь истошно завизжала, к ней кинулась мамаша, а я унес ноги. К счастью, пассажирам вход в служебные отсеки лайнера строжайше воспрещен. Еще не хватало, чтобы ненужное вздумало качать права!

А вообще черт знает что такое! Тут не лежи, там не ходи… Мой это корабль, в конце концов, или не мой?!

Нашел укромный уголок, умылся, успокоил растревоженные нервы и отправился в рубку к Разине. Вот теперь можно потереться о ее ногу и помурлыкать. Почему теперь? Потому что она занята, а значит, я ей помеха. Но запомнит, что я подходил, а

она меня отшила. Глядишь, на почве комплекса вины принесет с камбуза что-нибудь по-вкуснее того комбикорма, что мне обычно скармливают. Так и надо. Никогда не иди навстречу желаниям двуногого — первая заповедь умного кота. Взаимность приедается. Чересчур ласковых кошечек двуногие рано или поздно начинают шпынять. В них нет непостижимого для двуногих кошачьего «я», они разгаданы и малоинтересны. Поэтому всегда тщательно выбирай время, чтобы показать, какой ты замечательный кот! Это вторая заповедь.

Иные уходят в открытую оппозицию — и кончают свою жизнь на помойках. Глупые. Совсем не трудно уразуметь правильную линию поведения: не потакай, но и не тяни в обратную сторону. Найди баланс.

Разиня выразила притворное недовольство, не отрываясь от своих приборов и экранов, а Сушеный Подлещик отвлекся на мгновение, чтобы бросить: «Пшел вон, Штиблет!» Как я и предвидел, им было не до меня. Тем лучше. Я уселся возле переборки и принялся умываться с оскорбленным видом. Пусть устыдятся.

На обзорном экране между тем росла Мю Цефея — Гранатовая звезда, как ее иначе называют. Мне от нее не по себе, очень уж она красна и велика, а для чего существует — неясно. Двуногие, разумеется, думают, что исключительно для их удобства. Они все меряют удобством. Видите ли, одна из планет Гранатовой удобна им как пересадочная станция. Астровокзал здесь. Даже два астровокзала — пассажирский и грузовой. А между ними что-то вроде города с уймой гостиниц для транзитных пассажиров и всевозможных, но неизменно громадных складов, теснящих пустыри по окраинам.

Мне — тьфу. Это все выдумки двуногих. Хоть всю планету прибери под свои нужды, только о коте не забывай. Я здесь не впервые, и Разиня не раз выпускала меня на прогулку. Ничего планета, жить можно. Конкурентов мало, гуляй — не хочу, травка на городских задворках растет знакомая, нездешняя, для желудка полезная, пырей называется. Редко-редко заорет кто-нибудь, заявляя свои права на территорию. Ну и я поору — само собой, больше для приличия. Не молчать же. Подраться? Я готов. Только мало находится желающих сцепиться с мэйн-куном. Поорет-поорет конкурент да и отступит. Пусть бежит. Я преследую только самых отпетых нахалов.

Кстати, поискать бы Эвольвенту. Хорошая кошечка. А что на улице живет, так это ничего. Она чистюля. У меня с нею много чего было и еще будет.

Самое худшее, что придумали для нас двуногие, это силовой

поводок. Затянут у тебя под мышками ременный поясок, а в нем вшитая дрянь. И когда хозяин включит крохотную коробочку на браслете, что застегнут на его запястье, эта дрянь тащит меня туда, куда хозяину нужно. У меня всегда нервы расстраиваются, когда меня тащит что-то такое, чего не видно. По обыкновенному поводку хоть можно стукнуть лапой, демонстрируя возмущение, а здесь по чему стучать? Ничего же нет, одно сплошное ничто, лапа свободно проходит. Я-то уже попривык, а молодые коты с таких штук, бывает, шалеют до полной невменяемости. Не понимаю я этой страсти двуногих — унизить кошачье достоинство. Зачем это им? Чтобы самим возвыситься?

Хотя если подумать, то что с них взять? Как были обезьянами, так и остались. Правда, кое-чему научились, но ведь не тому, чему надо! Нет, не тому!

Ну, сели мы на планету. Увидел я поясок от поводка у Разини в руках — заметался. Не от страха, а для порядка. Спину выгнул, пошипел сколько положено. Уж она меня уговаривала! А я ведь не дурной, понимаю, что без поводка меня на планету никак не пропустят — такие уж у двуногих правила, и Разиня против них бессильна. Но выразить законное негодование обязан всякий уважающий себя кот. После чего можно и смириться на время, особенно если помнить, кто тут на самом деле хозяин. Поводок — штука обоюдная. Ведет двуногий кота и не понимает, что это кот ведет его. А если кот хочет в одну сторону, а двуногий тянет в другую, полезно знать: грубая сила никогда не служила мерилом интеллекта. Вот, скажем, слон — преогромная зверюга, может раздавить двуногого одним притопом, а много ли ему с того пользы? Двуногие на нем, дураке, бревна в джунглях возят.

Нет, люди не совсем дураки, но уж больно много о себе мнят. Вот и Разиня — ведет меня на поводке, приговаривая умильно: «Молодец котик, умница ты мой, Штиблетушка», — и невдомек ей, что в действительности не она меня ведет, яко пса позорного, а я сам иду, сохраняя достоинство. Да и никакой я не ее кот, я свой собственный кот.

А вот Разиня — моя. И нет ничего странного в том, что иногда мне приходится и претерпеть от нее. Человека тоже может боднуть коза, так что же ему, человеку, из-за этого не считать козу полезным домашним животным? А что двуногих нам еще приручать и приручать, так это дело обыкновенное. Дайте время, приручим. Коза небось тоже не сразу приручилась.

Ну, прошли мы въездной контроль, повеяло на меня местными запахами. Благодать! Пахнет чужепланетной пылью, земным пыреем и, кажется, Эвольвентой. Эй, двуногое недоразумение, отпусти уже кота! Он погулять хочет. Только, чур,

покорми сперва!

Не тут-то было. Как только рассталась Разиня с Дылдой, Сушеным Подлещиком и прочими двуногими придатками к нашему космолайнеру, так ноги в руки — ив гостиницу. Глаза у нее при этом, как у Эвольвенты в брачный период, и неспроста: у Разини шуры-муры с одним пилотом, что ходит в рейсы к Фомальгауту. Иной раз случается, что дни отдыха пересекаются у них именно здесь, на Мю Цефея. «Случается» — это, по-моему, от слова «случка». И весьма бурная, я вам доложу.

Мне — тьфу! Это их дело. Я даже использую его в своих целях: поднимаю мяв, как только эти двое начинают предаваться блуду. Ну и, натурально, меня выгоняют вон, а мне того и надо. Разиня знает: я вернусь, как только покончу со своими делами. Еще ни разу не опоздал к очередному рейсу, между прочим! Ну просто добропорядочный корабельный кот. А я никакой не корабельный — я свой собственный. Захочу — уйду. Обязан я кому, что ли? Ни в коем случае. Имею полное право уйти. А не ухожу, потому что не слабоумный.

В этот раз искомого Разиней пилота на планете не оказалось. Ну-ну. Мне что, я иду себе и в ус не дую. Встречные языками щелкают: «Ух ты, какой зверь! А морда-то!..» Разиня в расстроенных чувствах. А я не упираюсь, не ору и вообще не позволяю себе никакого своеволия, потому что в данный момент толку в нем нет.

В гостиничном номере — иное дело. Обнюхал я все предметы, как заведено, а уже потом голос подал. Как раз, по моим расчетам, Разиня слегка успокоилась и не станет швыряться в меня разными предметами. Так и вышло. Но и мяв мой ей поперек души. Добился: покормила она меня, а когда я поел, но не замолчал — обругала в сердцах и выпустила за дверь. Вот как надо. Учитесь! А впрочем, кому я это говорю! Только очень глупый кот не умеет пользоваться двуногими.

Коридор, холл — и вот я уже на воле. Небо серое, висит в нем кирпично-красное солнце — Гранатовая, видите ли, звезда — и на нервы действует, но я к такому уже привык. Галопом выбрался из человеческого муравейника, травки пожевал, обхожу неспешно территорию. Эй, подружка, где ты?

Неудача. Нашлась Эвольвента, а при ней выводок котят, и она на меня смотреть не хочет. Один котенок меня за хвост лапой тронул, а я стерпел. Как знать, вдруг он мой отпрыск? Окрас, во всяком случае, похож: черный тигровый. А Эвольвента шипит! Конечно, кошки украшают жизнь, но даже лучшие из них чересчур подвержены эмоциям. Пришлось сделать вид, что не огорчен, и потрусить обратно. Ладно, переживем.

Вернулся. В гостиничном холле изобилие двуногих — кто просто так сидит, а кто тянет из стакана через соломинку какую-то отраву. Обратили на меня внимание, а коту тоже иной раз хочется покрасоваться, пусть даже перед низшими существами. Только я лег на ковер у всех на виду, как — бац! Конкурент.

Рыжий и крупный, хотя не крупнее меня, конечно. И тоже небось считает эту территорию своей, несмотря на то, что она моя. Ладно уж, когда я в отсутствии — пользуйся. Но когда я здесь — не попадайся на глаза!

Нахалов учить надо. Вскочил я, издал боевой клич. В ответ конкурент заорал премерзостно. Хвостом себя по бокам хлещет. Но я же вижу: трусит рыжий перед мэйн-куном и удрать готов, только не с позором. Ну так и быть, поори, но, чур, недолго!

Краем глаза вижу: двуногие зашевелились, заерзали азартно на табуреточниках. Табуреточник — это что-то местное, живое. Выглядит как массивная табуретка, умеет лениво передвигаться, перебирая толстыми гнутыми ногами, но больше стоит в неподвижности, а когда двуногий садится на него — принимает форму, удобную седалищу. В местных гостиницах ни стульев, ни кресел отродясь не водилось. Зачем они, если на планете водятся табуреточники?!

У двуногих плебейское развлечение — поглазеть, как два высших существа будут выяснять отношения. Портье недоволен, но на него рукой махнули. Подначки с трибун пошли:

— Эй, тигровый, в челюсть его!

— Не робей, рыжий, встречай прямым справа! Дави верзилу!

— За ухо его куси!

— Ставлю три к одному на тигрового!

— Еще чего! Ставь пять к одному, тогда подумаю.

— В угол зажимай! Эй, секунданты рыжего, приготовьте полотенце! Кажется, это называется у них чувством юмора. Двуногие вообще склонны задирать нос, но своим чувством юмора они особенно гордятся. Было бы чем. К тому же выставлять напоказ свои сильные стороны — вообще глупость. Серьезного врага этим не испугаешь. Да и юмор у них глупый, одно слово — человеческий. Тоже мне, сильная сторона!

Я медленно иду на рыжего. Тот орет, испугать меня думает. Не на такого напал. Двуногие ликуют, предвкушая зрелище.

И вдруг… шуточки и хохот как отрезало, повисли в воздухе проклятья. Это все табуреточники, сколько их было в гостиничном холле, одновременно и не очень-то вежливо стряхнули с себя двуногих и потянулись к выходу. Из людей кто вскрикнул от неожиданности, растянувшись на полу, кто ругается, кто пытается словить убегающего табуреточника, а кто,

ничегошеньки не поняв, кричит о землетрясении. Портье призывает к спокойствию, да где там.

Рыжий под шумок удрал. Кинулся я было догнать его и устроить нахалу трепку, но притормозил. Самому любопытно стало. Слыхал краем уха, что такое здесь иногда случается, но сам не видел. Двинулся я за табуреточниками. А они знай себе идут сквозь мембранную дверь, вытянувшись в колонну, а за дверью разбредаются кто куда. И ведь чую: довольны табуреточники жизнью в крайней степени!

Как чую? Вам этого не понять, если вы не кот. Собака еще могла бы понять, они худо-бедно ощущают настроение двуногих. Ну и всяких прочих тоже. С котами им, конечно, не сравниться, куда им, рабам наших рабов.

Увязался я на улице за одним табуреточником и даже о рыжем конкуренте забыл. Идет табуреточник, ногами переступает. По тротуару идет, под механические повозки не лезет. Как я и думал, двинулся он к городским задворкам, но, конечно, не в сторону астровокзала, а поближе к дикой природе. А навстречу ему — глядь! — сразу несколько табуреточников. И откуда только взялись? Вовсю поспешают. Притормозили возле моего, молча посовещались о чем-то — и чуть ли не галопом к гостинице! В дверь ломятся. Мембранная дверь с них пыль счищает, так что портье даже не шевелится — знает, что новые сидячие места в протирке не нуждаются. А по какой причине произошла замена «мебели» — то портье не интересует. Мол, так и надо. Дурак.

Подошел я тогда к табуреточнику, понюхал его, вибриссами потрогал да и потерся о его ножку, устанавливая контакт. Мысли его уловил и все понял. Не мы одни используем двуногих, в то время как те уверены, что это они используют нас. Табуреточники поступают так же, только их не миска с кормом интересует, а эмоции двуногих. Уважаю! Не конкуренты они нам, коли жаждут от двуногих того, в чем мы не нуждаемся. Подпитается табуреточник эмоциями какого-нибудь туриста, присевшего на него отдохнуть, насытится да и пойдет себе усваивать корм, телепатически дав понять собратьям: занимайте, мол, мое место. А некоторых из них двуногие увозят на другие планеты, чтобы и там было на чем посидеть, так что табуреточники мало-помалу распространяются по Вселенной. Совсем как мы.

«Привет, сиденье», — невербально сообщаю я табуреткоподобному собрату, и он отвечает мне:

«Привет, хвостатый. Спасибо тебе».

Я сразу понял, за что спасибо. Ну какие могут быть эмоции у двуногих, ожидающих чего-то в холле? Ленивые, вялые. Никакой

питательности для представителей местной цивилизации ходячих табуреток. То ли дело буря эмоций под шоу, которое устроили мы с рыжим! Это же для табуреточников истинный пир, деликатесы в огромном количестве!

Ну и пожалуйста. Один раз не жалко.

«Как насчет регулярных выступлений?» — деловито интересуется табуреточник, уловив мои мысли.

«Рассмотрим, — отвечаю я тактично, но уклончиво. — Вообще-то мой народ уважает регулярность только в еде и сексе».

«Согласен и на нерегулярные, — телепатирует он. — Размер и форму оплаты обговорим позже».

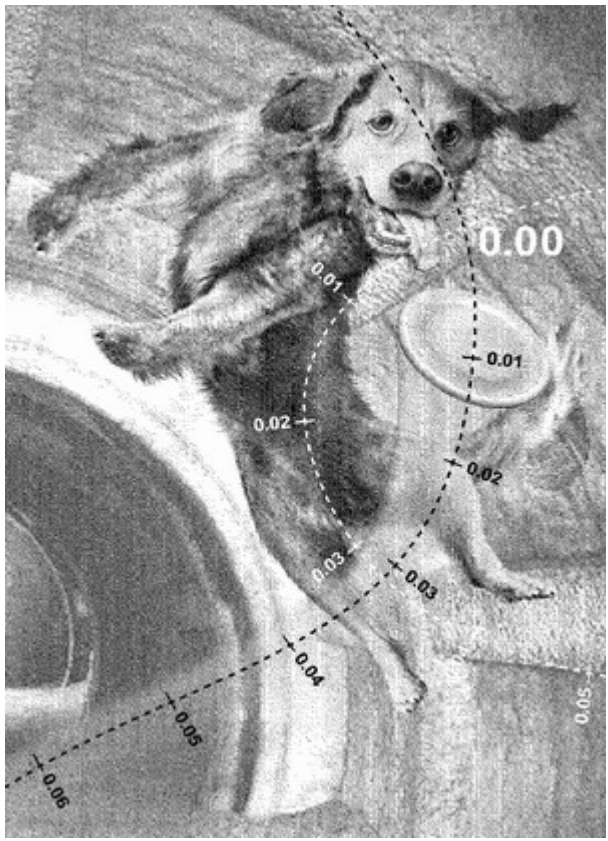
И побрел себе в свою сторону, пошатываясь от сытости, а я побрел в свою.

Нахлынула было досада — и прошла. Ну в самом деле, неужели мы, кошачьи, одни такие? Другим вот тоже хватило разума воспользоваться двуногими. И знаете, я уверен, что нам с табуреточниками хватит ума поделить взимаемую с двуногих пользу к обоюдному удовольствию. И даже многократно преумножить ее, как водится у всех разумных. Но это потом. Сейчас главное то, что мы нашли и поняли друг друга.

А двуногие пусть себе ищут братьев по разуму, почем зря бороздя галактические просторы. Вряд ли они когда-нибудь найдут братьев по такому, с позволения сказать, разуму, какой у них.

Да им, по-моему, и не надо.

Чарли Розенкранц
УГРОЗА ГАЛАКТИКЕ



Одним прекрасным апрельским утром «Боинг-757», летевший из Лас-Вегаса, заходил на посадку в международном аэропорту Хьюстона, когда часть днища дезинтегрировалась. Из-за ударной волны и исчезновения части корпуса контакт с беспощадной поверхностью Земли получился преждевременным, почти у самой взлетной полосы.

Тремя милями южнее местный житель, который только что закончил кашлять на своего начальника в сотовый телефон, изображая грипп, ехал вместе с двумя приятелями и своей собакой Спартаком на ралли, когда его внедорожник испарился. Спереди остался только радиатор и все, что было после него. Сзади выжили одно большое колесо и половина детали из сверкающего красного металла и искрящегося хрома, ну и треть бензобака. Произошло извержение бензина, которое подожгло парикмахерскую и воспламенило улыбающуюся картонную фигуру мэра, претендовавшего на переизбрание.

К северу от этого места бродячий цирк, который в тот момент стоял на месте, лишился одного из своих трейлеров, когда сферическая область пространства диаметром в восемь футов волшебным образом исчезла. Оставшиеся концы трейлера разнесло в разные стороны, в результате чего была уничтожена парочка цирковых шатров, но в этом случае возгорания не случилось.

В центре города женщина-медиум, общающаяся с животными, как раз закончила описывать глубокое чувство потери и ненависти к самому себе, связанное с чрезмерным желанием царапать все подряд, и собиралась получить плату за свои труды, когда ей пришлось вместе с ее колдовством покинуть земную твердь. Восьмифутовая сферическая зона сублимации, в которой твердые тела мгновенно превращались в газ, также стала причиной несчастного случая с люстрой в квартире снизу. Хотя ближайшие окна и взорвались, большая часть тепла и разрушительной силы необъяснимо исчезли вместе с прорицательницей. Паника нарастала по мере того, как сотни подобных случаев происходили по всему Хьюстону один за другим. Но паника не ограничивалась одним лишь Хьюстоном или даже великим штатом Техас. То же самое происходило во всех остальных штатах — и во всех странах мира.

Люди, державшие Эндрю Харрисона с обеих сторон, почти несли его по туннелям. Наконец они добрались. Сквозь звук сердцебиения, стучащий в ушах, как отбойный молоток, он услышал, как стальная дверь со стуком встала на место. Под ногами ощущалась вибрация.

— Ты чуть не вырвал мне руку, — сказал он, бросив сердитый взгляд на человека слева.

— Простите, мистер президент. В следующий раз я буду осторожнее.

— В следующий раз? Запиши: следующего раза не будет! Президент осмотрелся. Бункер был обширным, но в то же время казался сжатым, как будто президента привели в сарай на заднем дворе рядом с гаражом. Никогда еще жилье, стоившее налогоплательщикам так много, не казалось столь неприглядным, столь второсортным. Президент подошел ко второму человеку из спецслужбы, который сидел перед компьютером за столом для переговоров. Этот человек клевал клавиатуру пальцем правой руки и разговаривал с рукавом левой.

— Что, черт возьми, происходит?

— Мы не знаем, мистер президент. Какое-то нападение с использованием высоких технологий. Взрывы, или дезинтеграция,

или… мы не знаем, что делается, но это происходит по всей стране.

— Что значит «по всей стране»?

— Везде, сэр. Тысячи случаев. Так много, что мы даже не можем их сосчитать. Отчеты приходят из всех городов США.

— Господи, — колени согнулись, как поливочный шланг, в который перестали подавать воду. Президент упал на стул. В последние несколько минут хаоса ему успели сообщить только о необъяснимых взрывах в Вашингтоне, один из которых произошел на тротуаре перед Белым домом.

— Кто это производит?

— У нас нет ни единой зацепки, сэр.

— Немедленно приведите сюда Суика. И найдите директоров ЦРУ и ФБР, — он пересел на другое место и схватил телефон: — Это Харрисон. Дайте мне Макнаба. Сейчас же.

Министр обороны вышел на связь:

— Энди, ты в порядке?

— Что происходит? — президент требовал, забыв о любезностях. — Кто нас атакует?

Первым ответом была тишина. А второй прозвучал так:

— Мы не имеем ни малейшего представления.

— Что?! И это все, на что ты способен?

— Послушай, Энди. Этим занимаются несколько тысяч человек. И люди из всех остальных ведомств, которые могут хоть как-то помочь. Тем не менее… ничего. Повсюду гибнут люди и здания, но ничто не указывает на то, как и почему это происходит.

— Ерунда! Мне нужны ответы. Кто способен на такое?

И снова молчание. Затем вялый ответ.

— Никто. Размах бедствия превосходит все, что мы когда-либо считали возможным.

Руки Харрисона похолодели, даже несмотря на то, что шее стало теплее. Он почувствовал, как в нем растет желание обидеть старого друга — наорать, чтобы облегчить боль, задушившую мысли. Однако сделать этого он не успел.

— Минуточку, Энди. Мы получаем кое-какие данные. Подожди. Когда министр обороны Макнаб вернулся к трубке, его голос дрожал.

— Мистер президент, — начал он. Формально. И это было нехорошо. — НАСА и войска противовоздушной обороны сообщают, что Землю берут в кольцо неопознанные объекты.

Понимая, что происходящему теперь кое-как нашлось объяснение, Харрисон склонился над столом, словно застывшее изображение полной беспомощности. Факты продолжали

поступать: предположительная высота полета вражеских кораблей — восемьсот миль, обнаружено семнадцать объектов, слишком далеко для ответного удара, причиной разрушения являются испаряющиеся сферические области пространства, диаметр зоны поражения от восьми до пятидесяти футов, аналогичные отчеты поступают из всех стран, принцип воздействия неизвестен, количество атак уже исчисляется сотнями тысяч, предположительно миллионами, никакого принципа или видимых причин, города и страны погружены в хаос.

Телефонная трубка, казалось, стала тяжелой ношей. Силы покинули президента вместе со способностью мыслить. Его порыв никогда не сдаваться, никогда не отступать в бою был забыт. Во время этого беспомощного оцепенения он представил себе конец своей жизни, своей семьи и всего человечества. Министр обороны, испуганный и беспомощный, спросил, есть ли у него какие-нибудь предложения — снова не то, что президент хотел бы услышать.

Он не сказал ничего. Все, что он мог сделать, — это подумать, как сказать «мы сдаемся» на том инопланетном языке, на котором изъяснялись нападающие, если, конечно, у них вообще был язык.

Директор ФБР была ранена. Ее задело осколком стекла во время одной из атак. Директор ЦРУ, сообщивший по телефону, что он заболел, продлил таким образом отпуск, который проводил в своем втором доме в Истоне, штат Мэриленд, и больше о нем не было слышно.

Два аналитика ЦРУ, Киммелс и Бликс, сосредоточенно изучали отчеты на своих портативных компьютерах, периодически бросая нервные взгляды на президента. Он смотрел на них с подозрением. Они должны быть надежны, эти аналитики, раз быстро продвинулись по карьерной лестнице, но в данный момент президентом владела паранойя. Окружающие не давали ему ответов, а ведь это было их основной обязанностью.

К тому же разговоры с лидерами других держав оказались не полезнее болтовни с телефонистками налоговой службы. Русские, китайцы и руководители НАТО сказали только, что их постигла та же участь. Все они соглашались с тем, что нужно твердо сопротивляться агрессии и не отступать ни на дюйм. Бесполезные заявления.

Президент посмотрел направо.

— Мне нужно выйти в эфир и выступить с обращением. Надо их успокоить… Если мы переживем все это, если нас всех не зажарят, люди отвернутся и поджарят меня на избирательных

участках в следующем ноябре.

Его бледный спичрайтер кивнул и уставился в пустой блокнот. Три телевизионных экрана, висевших на стене, показывали мигающие картинки — бесконечные сообщения о большом количестве малых разрушений по всем континентам. На одном из каналов брали интервью у горожан. Какая-то женщина говорила:

— Все как-то очень несправедливо. Мы никому ничего не сделали, а они нас бомбят. Может, нам надо как-то… спрятаться или что-нибудь типа того? Я бы здорово разозлилась, если бы не была настолько растеряна. Что мне делать?

Остальные знали не больше.

— Я не вижу в этом никакого смысла, сэр, — раздался голос из-за стола. Бернард Суик, помощник президента по вопросам национальной безопасности, заметно дрожал. — Их технологии настолько превосходят наши, что мы не можем даже определить, как это работает, и не имеем ни малейшего понятия о том, что это. Нет никакого обнаруживаемого луча или передачи энергии. К данному моменту они уже давно могли бы нас уничтожить. Но их атаки абсолютно случайны. Они направлены не по нашей основной инфраструктуре, системе обороны или высоким технологиям. В основном по гражданским. Абсолютно хаотически. Полная бессмыслица!

— Если только они не хотят посеять страх перед тем, как уничтожить нас. Если только у них нет каких-то других мотивов. Если, если, если… Вы с министром обороны должны определить, что они делают и как они это делают. Немедленно. Найдите любой их просчет, который можно использовать. Каков бы ни был их план, я хочу, чтобы вы им помешали. Понятно?

— Да, сэр. — Суик встал, собираясь уйти, но службист не открывал дверь, пока президент не обернулся и не рявкнул на него.

Харрисон погрузился в вихрь беспорядочных мыслей, пытаясь поймать хоть одну из них. По крайней мере, его жена Британи и двое детей в безопасности. Во всяком случае, сейчас. Они находились в другом бункере — пещере дяди Сэма,[1] со всеми удобствами. Но что же означало это отсутствие логики? Что означали эти атаки?

Он сел напротив одного из аналитиков.

— Что связывает все эти атаки? Что-то же должно их объединять! Киммелс наморщил лоб, как будто у него было время на раздумья.

— Ну, мистер президент, я не могу сказать, что в выборе целей есть какая-то логика, но мы все же смогли сделать парочку

выводов.

— Которые, скорее всего, не относятся к делу, — заметил Бликс.

— Да, но не совсем, — парировал Киммелс.

— Это точно, — согласился Бликс. Киммелс посмотрел налево.

— Перестань перебивать. Ты меня отвлекаешь. Бликс закрыл рот и вызывающе уставился на стену.

— Видите ли, мистер президент, большая часть атак происходит на поверхности. Дома, машины, парки, жилые дома. Зона поражения всегда сферическая. И обычно составляет восемь футов в диаметре или около того.

— Но не всегда, — заметил Бликс.

Киммелс бросил на него злобный взгляд. Бликс вернулся к своему компьютеру.

— Некоторые из этих сферических зон больше. Очень немногие. А под землей они всегда больше. Во всех отчетах о нападениях на подвалы, погреба и всякое такое упоминается зона поражения от двадцати футов и более. И, похоже, дело здесь в глубине. Вот, например, нападение на одно офисное здание. На минус первом подземном этаже — зона поражения двадцать футов в диаметре. А несколько минут спустя с другой стороны того же здания на минус втором этаже — уже двадцать восемь футов. Печальный факт — погиб полицейский вместе со своим псом, множеством наград и орденов, он расследовал…

— Полицейский, не пес, — вмешался Бликс.

— Что? — Киммелс остановился.

— Полицейский имел множество наград. Просто уточняю.

— Конечно, полицейский! Бликс, ты мне мешаешь! — Киммелс вновь повернулся к Харрисону. — Моя гипотеза, господин президент, если только мне дозволено будет договорить, заключается в том, что чем глубже под землей находится помещение, тем больше сфера, — он сделал глубокий вдох. — Это может означать, что они каким-то образом тестируют свое оружие.

— Но мы считаем это маловероятным, — вставил Бликс.

— Верно. Они могли тестировать его где угодно. Не здесь и не сейчас, атакуя нас. Тогда это может означать, что активация их оружия требует большей мощности, когда цель со всех сторон окружена почвой и камнями.

— Но мы и это считаем маловероятным, — заметил Бликс. Киммелс вздохнул.

— Да.

Харрисон подался вперед.

— Переходите к делу. Каково наиболее вероятное заключение?

— Ну, это может означать, что их технология обнаружения и/или прицеливания использует данные, собираемые со всех сторон — в трех измерениях, — и поэтому менее эффективна под землей.

— Я не понимаю. Почему это приводит к взрывам большего размера?

Киммелс выставил свои указательные пальцы и уставился в пространство между ними, как будто ответ находился там, и его можно было волшебным образом извлечь именно оттуда.

— Ну, если у них возникают трудности со считыванием признаков жизни или получением точного прицела на чье-то местонахождение, они могут просто увеличить количество используемой энергии и уничтожить большую область… теоретически.

Трудности со считыванием признаков жизни.

С небольшим оттенком надежды в голосе Харрисон почти прошептал:

— А есть какие-нибудь отчеты об атаках на этой глубине?

— О, нет, сэр. Ничего даже близкого.

Харрисон почувствовал, как его плечи расслабились, и испытал прилив надежды. Только в этот момент он осознал тот мерзкий факт, что его напряжение, в основном, было связано с опасениями по поводу выживания собственной персоны, а отнюдь не сограждан-американцев. Частично осознавая, что сколько-то лет спустя он будет испытывать вину за подобное малодушие, он все же не позволил этой мысли столкнуть его с рельсов, ведущих к чувству облегчения. Бликс усмехнулся.

— Но с точки зрения статистики, мистер президент, это значит не так уж много. В конце концов, на такой глубине работает очень мало людей. Так что, если атаки производятся в случайном порядке, учитывая вероятность, уйдет довольно много времени, прежде чем…

— Да, я понял, — вот вам и все облегчение. Он посмотрел на Киммелса. — Есть в этих атаках какая-нибудь система? Хоть что-нибудь?

— Понимаете, мистер президент, кругом царит такой хаос… И поступает столько сырых данных, что обработать всё — колоссальная задача для штаба. Мы получаем всю существенную информацию, как только ее для нас собирают. Целями были дома, офисы, ветеринарные лечебницы, салоны красоты, полицейские участки, самолеты, парки, даже укрытия охотников на уток, города, села… все, что угодно.

Харрисон опустил взгляд и поднял указательный палец

правой руки, показывая, что на данный момент он услышал достаточно. В его сознании нервно кружился образ охотничьего укрытия, этот образ неистово искал место, где сумел бы стать кусочком мозаики, чтобы все сошлось в единое целое. Но у него ничего не вышло.

— Хорошо. Как насчет размера… зоны поражения? Вы сказали, что некоторые из них были больше остальных.

Киммелс глуповато улыбнулся.

— Ну, самая большая, о которой нам сообщали, была, что нехарактерно, на поверхности земли, и там оказалось то, что мы с Бликсом назвали «автобусом слепых фанатиков».

— Вы шутите, — Харрисон уставился на пару аналитиков, спрашивая себя, кто их нанял. А еще он спрашивал себя о том, как вышло, что он застрял посреди кризиса именно с этими двумя людьми. — Автобус слепых фанатиков, — скептически повторил он.

— Именно, сэр, — подтвердил Киммелс. — Это был взятый на прокат автобус, наполненный слепыми членами ку-клукс-клана. Они направлялись на вечеринку в Билокси, штат Миссисипи. Они ездят туда каждый год на Пасху, чтобы все выходные спускать деньги в игорных домах. В результате нападения исчез водитель, пассажиры, весь автобус и громадный кусок трассы № 10. Предположительный диаметр — шестьдесят футов. И целая куча других машин, ехавших позади, попала прямо в кратер.

Харрисон потер глаза. Злясь на самого себя, он думал о том, как слепые могли играть в азартные игры. А потом он подумал, что если все они были членами ку-клукс-клана, то как же они узнавали, что не надели свои капюшоны задом наперед? Он потряс головой и решил, что, видимо, уже сказывается влияние его нынешнего окружения.

— Почему так долго выполняется мой приказ связаться с пришельцами? — президент обвиняюще уставился на Бликса.

— Ну, сэр, они работают над этим, но у нас сейчас мало людей. Кто-то отправился к своим семьям, кто-то проспал. Прошлой ночью была большая вечеринка в карибском стиле. Меня не пригласили, но… подождите, — посмотрев на экран своего компьютера, он осклабился.

— Представьте себе, пришло сообщение, что они готовы! Иногда, если вам что-то нужно и вы очень постараетесь, то получаете желаемое. Я как раз рассказывал Киммелсу…

— Заткнись и приготовься послать мое обращение, — Харрисон заставил себя сконцентрироваться на ближайшей проблеме. Он подумал о призывах лидеров других стран — твердо стоять на своем, занимать жесткую позицию в переговорах

с пришельцами, угрожать массовым возмездием. Большой блеф. Он вспомнил обо всех людях, которые умирали с каждой уходящей минутой, и обо всех людях, которые умрут, пока он будет делать вид, что может сражаться с чужаками: те, скорее всего, превосходят нас так же, как мы превосходим наших пещерных предков. Он размышлял о том, какой из него лидер, если он даже не попытается мужественно сражаться. Он подумал о толпах, поддерживавших его во время избирательной кампании, об этих дружелюбных лицах.

— Скажите им, что мы сдаемся. Скажите, что мы окажем им любое содействие, если они прекратят атаку.

Сообщение прошло кружным путем, чтобы скрыть местонахождение президента, а затем было послано в небо на разных частотах. Началось ожидание.

Харрисон ходил вдоль стола для переговоров, пытаясь избавиться от удушающего чувства вины за свое бессилие и сконцентрироваться на решении. Внезапно он остановился и повернулся к Киммелсу.

— Какие объекты не атакуют?

— Сэр?

— Вы рассказали мне, что они атакуют. А что они не атакуют?

— Ну, сэр… Я…

— Кинотеатры, — сказал Бликс. — Ни одного отчета об атаках на кинотеатры.

— Ну, раз уж на то пошло, мистер президент, — вступил Киммелс, — мы еще не слышали о нападении на бакалейные лавки.

— Или больницы, — добавил Бликс. — Кроме одной. Буквально несколько минут назад мы получили один отчет об атаке на подвал клиники. Минус третий этаж. Сорок футов в диаметре. Исчезли все, кто там прятался. И кусок морга. Но это пока единственный случай.

— Люди гибнут при каждой атаке?

— Ничего подобного, — ответил Киммелс. — На многие дома было совершено нападение, когда хозяева отсутствовали.

— Возможно, они пошли в театр, — добавил Бликс.

Киммелс посмотрел на своего коллегу, обернулся к президенту, сделал глубокий вдох и сказал:

— В любом случае… нет. В одном из отчетов человек сообщает, что в результате атаки исчезло несколько овец. И его лучшая пастушья собака. И еще у нас есть отчеты от лесников из заповедника к северу от Лос-Анджелеса о взрывах в лесах, на совершенно незаселенных территориях. И от лесников из других

мест. А еще есть отчет, который иначе как странным не назовешь…

— Мы получаем ответ! — закричал Бликс. — Они отправили нам сообщение. Сейчас появится.

Харрисон проехался по столу и остановился рядом с Бликсом. На экране возник текст: НАМ НЕ НУЖНА ВАША КАПИТУЛЯЦИЯ. НАМ НЕ НУЖНО ВАШЕ СОДЕЙСТВИЕ.

Харрисон уставился на экран. Это их ответ?

Некоторое время спустя он сказал:

— Пошлите еще одно сообщение: «Тогда почему, во имя человечества, вы нас атакуете?», — он рухнул на стул.

— Следующий ответ должен прийти быстрее, — заметил Бликс. Харрисон, мрачный и обессиленный, поднял голову и посмотрел на него. — Понимаете, сэр, они же должны научиться отвечать. Может быть, даже выучить наш язык. Заметьте, они ответили вполне грамотно и вразумительно.

Затем он вернулся к своему компьютеру. Выражение энтузиазма на его лице потухло под взглядом президента.

Бликс оказался прав. Вскоре пришел ответ: МЫ НЕ АТАКУЕМ ВАС.

Кипя гневом, Харрисон произнес:

— Что они тянут, черт возьми? Ладно. Отправьте это: «Вы атакуете весь наш мир. Немедленно прекратите. Мы не будем сидеть сложа руки, пока вы уничтожаете нас», — он посмотрел на потолок. — Как будто мы можем их остановить, — прошептал президент.

Он перешел к другому концу стола и начал дискутировать со спичрайтером, блокнот которого был подозрительно пуст. Киммелс и Бликс воспользовались возможностью поспорить друг с другом, после чего вернулись к своим исследованиям, но лишь до тех пор, пока Бликс не обвинил Киммелса в том, что тот не проявил ни проницательности, ни отваги, которую обнаружил бы в подобной ситуации агент Малдер.

Вскоре они вновь подозвали Харрисона. Прибыл ответ: МЫ НЕ АТАКУЕМ ВАС. МЫ НЕ УНИЧТОЖАЕМ ВАШ ВИД.

Бликс поднял одну бровь и посмотрел на Киммелса, который, в свою очередь, гневно взглянул на Бликса, словно наиболее раздражительная половинка давно женатой пары.

— И?

Бликс поднял обе брови. Глаза Киммелса вспыхнули.

— Слышать не желаю!

Харрисон, вихрь мыслей которого потерял скорость и дерзко свалил все летавшие в нем идеи в одну кучу, проигнорировал эту ссору.

— Просто безумие! Что они делают? Как нам это остановить? Ладно. Посылайте это: «Если вы не атакуете нас, то что, черт возьми, вы делаете?» Да, именно так и передайте: «Если вы не атакуете нас, то что, черт возьми, вы делаете и зачем?» Отсылайте немедленно.

Президент в отчаянии посмотрел на Киммелса.

— Значит ли это, что они пытаются обмануть нас своими ответами? Или… наши способы мышления столь различны, что они не понимают нас… или мы не понимаем их?

— Любой из этих вариантов возможен, — сказал Киммелс. Бликс кашлянул. Киммелс продолжил:

— Похоже, что они отвечают только на прямые вопросы. Поэтому мы получаем столь немногословные ответы. Но на этот раз вы спросили, что они делают и зачем. Возможно, это вызовет более детальный ответ. Хотя, может, они нас и не понимают.

— Или все-таки понимают, — вставил Бликс. Киммелс неожиданно нервно вздохнул:

— Мистер президент, Бликс развивает одну теорию и считает, что такое возможно… Понимаете, основываясь на характере некоторых атак и на их последнем ответе насчет того, что они не уничтожают наш вид… видите ли, сэр… существует… вероятность, что на самом деле они атакуют наших… домашних животных… сэр.

Харрисон на несколько секунд закашлялся и за это время поклялся себе, что, если директор ЦРУ окажется жив, он задушит его собственными руками при первой возможности.

— Вы шутите. Или сошли с ума.

Бликс развернулся, собираясь горячо отстаивать свою теорию.

— Если быть более точным, мистер президент, я думаю, что они атакуют наших собак, — он посмотрел на Харрисона широко раскрытыми невинными глазами, из-за чего показался еще более нелепым. — Сначала, во время паники, выявить это было трудно, но целью всех атак, вероятно, были собаки. Люди, скорее всего, стали случайными жертвами. Так же, как и овцы, — он усмехнулся.

Харрисон, скорее ошеломленный, чем разозленный, попытался осмыслить эту информацию. Хорошо, вместе с овцами исчезла собака. И у полицейского была собака. В парках часто гуляют люди с собаками. Семьи, пытающиеся спрятаться, отправились в подвалы вместе со своими… В ветеринарных клиниках полно… Ладно. Ладно. Но это еще ничего не доказывает. Как только он собрался произнести это, в сознании всплыло изображение охотничьего укрытия. На этот раз там находились два охотника и английский сеттер. Нет. Как, во имя

косоглазого, курящего крэк дяди Сэма, он мог поверить в такое?

— А как же самолеты? — выпалил он.

— Все самолеты были уничтожены в результате взрывов в грузовых отсеках, — ответил Бликс, — где перевозят собак. К тому же недавно мы получили два отчета о людях, пораженных во время прогулки со своими любимцами. Многие дома были атакованы в отсутствие хозяев. Именно ваш вопрос насчет мест, которые они не атакуют, подтолкнул меня к этой теории. Кинотеатры. Когда вы в последний раз видели собаку в кинотеатре?

Харрисон проигнорировал этот вопрос. Он не собирался приветствовать с распростертыми объятиями ни эту теорию, ни ее создателя.

— А что насчет взрывов в лесах? — он обнаружил, что его кулак давит на крышку стола.

— Думаю, дело было в койотах. Или в волках. Знаете, это один и тот же вид.

— Нет, не один, — опроверг Киммелс.

— Один, — процедил Бликс сквозь стиснутые зубы.

— Ладно, при чем здесь эти… этот автобус ку-клукс-клана?

— Слепые, сэр. Собаки-поводыри. Думаю, там была целая свора собак-поводырей.

Харрисон страстно желал поверить в сценарий, который не вел к уничтожению человечества, но все равно он не мог воспринимать идеи этого безумца всерьез. Он надавил кулаком на стол еще сильнее.

— Вы всегда были склонны к диким теориям?

— Нет, мистер президент. Совсем нет… Ну, на самом деле… Смотрите! Они нам ответили!

Неподвижные, словно гранит, словно три горы, они уставились на экран. Сообщение гласило: ПО ЗАПРОСУ ВИДА, С КОТОРЫМ МЫ ВСТУПИЛИ ВО ВЗАИМОВЫГОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО, МЫ УНИЧТОЖАЕМ БУДУЩУЮ УГРОЗУ БАЛАНСУ СИЛ В ЭТОЙ ЧАСТИ ГАЛАКТИКИ. ВАШ ВИД, НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЙ УГРОЗЫ, НЕ УНИЧТОЖАЕТСЯ. ПРОГНОЗЫ ПОКАЗЫВАЮТ, ЧТО ВАШ ВИД НЕ ВЫЙДЕТ ЗА ПРЕДЕЛЫ ДАННОЙ СИСТЕМЫ ИЗ-ЗА СВОЕЙ САМОРАЗРУШИТЕЛЬНОЙ ПРИРОДЫ. БОЛЕЕ ТОГО, МЫ СВЯЗАНЫ МЕЖЗВЕЗДНЫМ СВОДОМ ЗАКОНОВ, ЗАПРЕЩАЮЩИМ ПОЛНОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ ВИДОВ, ИМЕЮЩИХ РАЗУМ. НАША ЗАДАЧА ПО ДОГОВОРУ СОСТОИТ В ПОЛНОМ УНИЧТОЖЕНИИ ВАШЕГО СЕМЕЙСТВА ПСОВЫХ. ПРОГНОЗ ПОКАЗЫВАЕТ, ЧТО ОНИ, ЕСЛИ НИЧТО ИХ НЕ ОСТАНОВИТ, ОБРЕТУТ РАЗУМ ЧЕРЕЗ 178 000 ВАШИХ ЛЕТ ИЛИ ЕЩЕ РАНЬШЕ, ЕСЛИ ЛЮДИ БУДУТ ПОМОГАТЬ ИМ В ЭТОМ.

ПОСЛЕ ЭТОГО, СОГЛАСНО ПРОГНОЗУ, ОНИ СТРЕМИТЕЛЬНО РАСПРОСТРАНЯТСЯ ПО ГАЛАКТИКЕ И НАРУШАТ ПЛАНЫ ТЕХ, ЧЬИМИ ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ МЫ ЯВЛЯЕМСЯ.

Харрисон почувствовал, как его измученный разум неожиданно скрипнул. Президент подозрительно посмотрел на Бликса. Нет. Нет, даже этот бездельник не рискнул бы создавать фальшивые ответы в качестве извращенной шутки. Эти послания, скорее всего, настоящие.

Президент потряс головой.

— Убийцы по контракту. Наемники. Посланные через межзвездное пространство, чтобы совершить упреждающий удар и убить наших собак? Абсурд. Я не могу обратиться к народу с такой историей. Даже если все это правда. Как мы можем быть уверены в том, что они не хотят уничтожить нас?

Бликс хмурился, глядя в экран своего компьютера, и, кажется, не слышал вопроса, но Киммелс с готовностью ответил:

— Понимаете, сэр, нас с самого начала смущал недостаток повреждений. Это…

— Недостаток повреждений?

— Да, сэр. Я имею в виду малый объем повреждений в результате каждой отдельной атаки. Видите ли, уничтожение такого количества твердого вещества должно вызывать выделение огромного тепла и появление гигантской ударной волны. Но большая часть тепла и силы каким-то образом рассеивается. Как будто они на самом деле пытаются защитить нас.

— И планету, — добавил Бликс. — Иначе двести миллионов таких энергетических выбросов почти наверняка разрушили бы Землю.

— Двести миллионов? — переспросил Харрисон с содроганием.

— Да. Это количество собак на Земле. Но только по приблизительным данным. Скорее всего, их больше. Я мог бы…

Харрисон вскочил со своего стула. Парад эксцентричных фактов в его голове обратился в жестокое понимание. Он подбежал к спичрайтеру.

— Нет времени составлять речь. Просто дайте мне свои заметки. Мне нужно выйти в эфир в течение двух минут. Мне нужно предупредить всех, чтобы они держались подальше от своих собак!

Спичрайтер замер с открытым ртом, уставившись на президента так, словно тот был лунатиком, играющим с оружием. После того как Харрисон сел и объяснил ситуацию, спичрайтер слегка расслабился, и они быстро стали готовить речь.

— Я понимаю, что некоторые владельцы собак могут быть

несколько… фанатичны, — сказал Харрисон. — Думаете, они меня послушаются? А может, откажутся и исчезнут вместе со своими собаками в отчаянном акте преданности и самопожертвования?

— Не знаю, мистер президент. Я люблю кошек.

— Ага. Я тоже, — произнес Харрисон, размышляя о том, ошибся ли он, не став заводить собаку несколько лет назад. Неожиданно его охватила новая тревога. Он рванулся к Киммелсу с Бликсом.

— Нам нужно хотя бы попытаться отговорить их. Мы не можем просто позволить им уничтожить наших собак, — теперь, когда он больше не боялся гибели человечества, ему приходилось бороться с неугомонными пророческими видениями, в которых толпы разъяренных собаководов шли маршем на Белый дом.

Бликс вскочил.

— Я так рад, что вы сказали это, мистер президент! Не может быть, чтобы собаки обрели разум всего за 178 000 лет. Они просто… ну… не хочу сказать ничего плохого, но они просто недостаточно сообразительны для этого. Здесь вкралась какая-то ошибка, собаки не могут эволюционировать настолько быстро.

Это дало Харрисону возможность заявить в своей речи, что он лично пытался сделать все возможное, чтобы остановить атаку инопланетян дипломатически, коль скоро не было возможности остановить их силой.

Но основная часть его речи сводилась к тому, чтобы люди немедленно удалились от своих собак. Или удалили их. Из-за срочности он еще даже не говорил с лидерами других стран. Нужно спасать жизни, а он в первую очередь отвечает за граждан Соединенных Штатов.

Это хороший штрих, подумал он. Конечно, его подчиненные уже связывались со всеми правительствами мира, но это была та маленькая деталь, которую лучше приберечь до момента, когда потребуется все его политическое влияние.

Он добавил в свою речь сочувствия. Он понимал их боль, но другого пути не было. Он чувствовал печаль и осознавал всю глубину их жертвы, но каждый, у кого есть собака, должен немедленно действовать, чтобы защитить себя и своих детей. Как могучая сосна, которая продолжает жить, несмотря на то, что ее сердцевина опустошена жестокими силами природы, мы должны выполнить свой долг. Мы, как нация, должны выстоять.

Едва он закончил составление своей речи, пришельцы прислали сообщение: МЫ НЕ ОШИБЛИСЬ В ПРОГНОЗАХ. УКАЗАННЫЙ ВРЕМЕННОЙ ИНТЕРВАЛ ТОЧЕН.

Обдумав все как следует, они послали еще одно сообщение,

желая получить ответ, состоящий более чем из девяти слов: «Согласно нашим данным об эволюции, способностях собачьего мозга, собакам потребуется как минимум в десять раз больше времени, чтобы эволюционировать до такой степени. Почему вы рассчитываете на столь быстрое развитие?»

Вскоре пришел ответ: ВАШИ ПРИМИТИВНЫЕ ЭВОЛЮЦИОННЫЕ ТЕОРИИ И ПРЕДПОЛОЖЕНИЯ НЕ ТОЧНЫ. ОЧЕВИДНАЯ СПОСОБНОСТЬ ВИДА К ОБУЧЕНИЮ НЕ ТАК ВАЖНА ПРИ ДОЛГОВРЕМЕННОМ РАЗВИТИИ, КАК САМО ЖЕЛАНИЕ УЧИТЬСЯ. НИ ОДИН ДРУГОЙ ВИД НА ВАШЕЙ ПЛАНЕТЕ НЕ ПРОЯВЛЯЕТ НАСТОЛЬКО СИЛЬНОГО ЖЕЛАНИЯ ОБУЧАТЬСЯ, КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ СЕМЕЙСТВА ПСОВЫХ. ДЛЯ ВАС ЭТО ДОЛЖНО БЫТЬ ОЧЕВИДНО ПО ТОМУ, С КАКОЙ ОХОТОЙ ОНИ ВЫПОЛНЯЮТ РАЗЛИЧНЫЕ ТРЮКИ ИЛИ КОМАНДЫ, ВНЕ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОГО, НАСКОЛЬКО ОНИ УНИЗИТЕЛЬНЫ ИЛИ НАЗОЙЛИВЫ. ИМЕННО ЭТА СПОСОБНОСТЬ, ВМЕСТЕ С ОПАСНОЙ ПЛОДОВИТОСТЬЮ, БЫСТРО ПРИВЕДЕТ ИХ К ОБРЕТЕНИЮ РАЗУМА И ДОМИНИРОВАНИЮ В ЭТОМ РУКАВЕ ГАЛАКТИКИ.

«Быстро приведет их…» — Харрисон всматривался в неумолимую безапелляционность этих слов. Обдумывая план дальнейших действий, он в то же время пытался понять, откуда инопланетяне так много узнали о нас. Телевидение, без сомнений. Телевизионные сигналы, болтающие о нас каждый день, распространяющиеся во всех направлениях. Он неоднократно говорил своей жене и няне, чтобы они не давали детям смотреть это самое телевидение. Его детям, столь искусно уклонявшимся от выполнения школьных заданий. Его потомкам, которые определенно не представляли угрозы для космоса.

На протяжении следующих нескольких дней он напрасно старался остановить инопланетян. Они отказывались. Он пытался выиграть время, чтобы устроить переговоры или обсудить другие варианты. Они отклоняли все предложения — время было существенным фактором в их контракте с видом, который они представляли. Вскоре с поверхности Земли исчезли все собаки, а также волки, шакалы и койоты. А потом пришельцы удалились так же неожиданно, как и появились.

Разрушения и страх, посеянные этой атакой, вызвали всемирный экономический кризис. Он был суровым, хотя и не таким великим, как тот, что случился десятилетия назад. Зато оказался глубже. Люди испытывали эмоциональную потерю, некоторые даже называли эту потерю духовной. Планету осквернили.

Люди проклинали безымянных пришельцев, которых прозвали Мясниками. Оплакивавшие потерю своих питомцев не могли им ответить и были лишены даже образа, лица, которое можно было бы ненавидеть.

Многочисленные случаи беспричинных нападений на владельцев кошек и увеличение числа локальных войн по всему земному шару, похоже, подтверждали заключения Мясников относительно нашего вида. Человечество действительно стремилось к саморазрушению.

Население Соединенных Штатов, пострадавшее особенно сильно, ближе всего подошло к тому, чтобы вернуться к норме. Люди искали способы жить дальше.

После того как в память о домашних животных были возведены статуи, монументы и разнообразные храмы, люди начали искать замену. Они заводили черепах, хомячков, попугаев и свиней. Многие бывшие владельцы собак завели кошек, другие — енотов, хорьков, выдр и даже скунсов… после соответствующих изменений. И законы стремительно изменились. Времена требовали перемен (хотя каждая новая минута, возможно, чего-то требует). Даже старые политики могли выучить новые трюки, если их заставляли.

К тому времени, когда Земля совершила свой пируэт вокруг Солнца и вернулась к той точке орбиты, которую мы называем Пасха, невероятно возрос спрос на кроликов. Впрочем, кролики с энтузиазмом удовлетворили этот запрос.

Многие бывшие владельцы собак пытались обучать своих кошек каким-нибудь командам. Кошки абсолютно не хотели сотрудничать и относились к людским потугам с презрением.

Другим повезло больше. Вороны, говорят, могли выучить несколько слов, а некоторые даже приносили хозяевам маленькие резиновые шарики. Один человек из Миннесоты научил своего попугая петь государственный гимн. Защищая себя и свою птицу, он говорил: «Ну, он не идеален, но его исполнение однозначно лучше многого из того, что я слышал».

Никто с этим не спорил.

Выдры, как выяснилось, высовывали головы из окон движущихся автомобилей так же, как раньше собаки, и в дополнение могли выучить множество трюков. Благодаря этому они стали популярны.

Свиньи научились будить владельцев (хотя и не особо изящным способом) в нужное время, а измененные скунсы оказались удивительно нежными. К тому же они могли отпугивать грабителей и надоедливых коммивояжеров.

Но попугаи не были способны приносить утреннюю газету, а

свиньи терялись, когда им бросали палку. Кошки не желали лаять, а скунсы не подсовывали хозяину тапочки. Несмотря на все старания человечества, жизнь не возвращалась в привычную колею.

Лишь немногие винили президента Харрисона в произошедшей катастрофе, а его красноречивые, утешительные речи нашли отклик в сердцах. Однако когда наступил ноябрь, по результатам голосования его выселили из офиса, и это было одним из самых сокрушительных поражений в современной истории Америки.

Его обошел младший сенатор[2] из Миссури, отец четырех детей, бывший владелец эскимосской лайки и двух такс.

Утром 16 января президент Харрисон спускался в лифте вместе с четырьмя службистами, протестовавшими против его сегодняшнего визита. Но на данный момент он все еще являлся президентом, и они все еще работали на него.

— Это безопасно, парни. Расслабьтесь, — он беспечно принял свое поражение и улыбался, пока они спускались на нижний этаж. Службисты, правда, не улыбались в ответ.

Улыбки противоречили их природе. Майор Паркер приветствовал президента.

— Я рад, что вы добрались сюда, мистер президент.

— О, я не мог упустить такой возможности. Ведь для меня это последний шанс.

Они прошли через четыре двери, каждая из которых закрылась у них за спиной. Харрисон подумал о двух тысячах футов камня над головой. И вспомнил храбрых разведчиков и военных, которые погибли во время этой кампании.

— Каково количество по последним сведениям?

— 1287, сэр.

— 1287? Оно весьма увеличилось, не так ли?

— Конечно. На самом деле, шестеро появились только сегодня утром, — с гордостью добавил майор.

Когда они вошли в главный зал, Харрисон с удивлением обнаружил, что его переполняют чувства. Перед ним аккуратными рядами и колоннами были выстроены около семи сотен собак.

— Собравшихся здесь больше, чем на некоторых из моих митингов, — сказал президент, озабоченно почесывая затылок. — И энтузиазма здесь явно поболе.

Он был прав. Ирландские сеттеры, далматинцы, немецкие овчарки и шпицы виляли хвостами. От золотистых ретриверов до английских овчарок, от лабрадоров до спаниелей — здесь были

представители тридцати семи видов, а также великое множество дворняг.

Перед приходом сюда президента предупредили: держитесь подальше от эскимоса в первом ряду — если вы уделите ему внимание, он будет требовать большего. Атот кокер-спаниель рядом с ним кусается. Всё, как с прессой.

— Это местные собаки, мистер президент.

— Да, я знаю, — как выяснилось, для безопасной перевозки собак подходили только свинцовые контейнеры с толстыми стенками и без вентиляционных отверстий. Все остальные попытки приводили к тому, что собаки вместе с перевозившими их людьми уничтожались. Из-за ограниченного запаса воздуха брать усыпленных собак приходилось только из ближайших окрестностей.

— Они такие гордые, — сказал Харрисон.

— Сэр, мы вместе с русскими могли бы разработать программу скрещивания. Что вы об этом думаете?

— О, пусть это решает следующее правительство. Я уже не сумею… Но у русских есть весьма впечатляющая популяция. И у британцев тоже. У британцев их больше, чем у нас в Колорадо.

— Правда? Я не знал подробностей. Меня держат в темноте. Харрисон рассмеялся.

— Возможно. Что ж, я расскажу вам еще одну новость. Когда египтяне узнали о том, что пришельцы не могут видеть сквозь скалы, они благополучно забаррикадировали около пятидесяти особей в туннеле под одной из пирамид.

— Это легенды, сэр.

— Говорю вам, майор! Эти Мясники могут до сих пор находиться прямо над нами. Возможно, у нас ничего не получится. Может быть, в конце концов мы уничтожим сами себя… так же бесповоротно, как эти пришельцы уничтожили мою карьеру. Но будь я проклят, если мы позволим им лишить Землю ее законного места в Галактике! Уэльский корги гавкнул, выражая полное согласие.

— Я хочу показать вам кое-что, сэр. Сюда, — майор повел президента к дальней стене, где сорок две собаки были разделены на семь рядов по шесть собак в каждом. Один из дрессировщиков поднял три пальца. Все собаки встали на задние лапы и подняли передние правые, салютуя президенту.

— О! Чудесно!

— Ну, мистер президент, в конце концов, вы же все еще главнокомандующий.

— Ненадолго. Ненадолго.

— Могу гарантировать, сэр, что каждая из них голосовала бы

за вас, если бы могла.

— Хорошая мысль — использовать их поддержку! Боюсь только, что для этого потребуется поправка к конституции.

Харрисон склонился над золотистым ретривером.

— Как тебя зовут, солдат? Хочешь ли ты получить право голоса?

— Его зовут Бади, мистер президент, — сказал дрессировщик. Бади выразил свои предпочтения по поводу голосования при помощи хвоста.

Президент посмотрел Бади в глаза. В тот момент он понял, каким же был дураком, что так и не завел собаку.

Капрал взял «летающую тарелку» и обернулся.

— Лови тарелку, Бади! — крикнул он и бросил ее золотистому ретриверу.

Как только диск направился в его сторону, Бади пришел в боевую готовность. Снаряд летел к нему, проделывая довольно длинный путь. Хвост пса мотался из стороны в сторону, но глаза пристально следили за движениями тарелки.

— Хватай ее, Бади!

Бади следил за углом наклона и скоростью «тарелки». Он восторженно рванулся за диском, не отрывая от него взгляда, даже не моргая. Правый край поднимался, совсем чуть-чуть… скоро диск поменяет курс, опишет дугу и нырнет влево. Бади продолжал бежать. Он отлично знал, что сейчас придется развернуться и бежать назад, его так просто не одурачишь. Но ему нравилось бегать в оба конца, а затем хватать «тарелку» как можно раньше. Именно так лучше всего играть в эту игру, так получается очень забавно.

Бади развернулся, задрав голову, чтобы не упускать диск из виду. «Тарелка» теряла скорость и высоту, и Бади мог точно рассчитать, где и когда он сможет подпрыгнуть, чтобы схватить ее. Еще через секунду он убедился в правильности проецирования. А спустя две целых и три четвертых секунды он прыгнул. Настал кульминационный момент игры, момент победы или поражения.

Пес выбрал время безупречно. Зубы Бади сомкнулись, «тарелка» теперь принадлежала ему. У пластика был вкус триумфа.

— Отлично, Бади!

Пес гордо направился к своему владельцу. Ему нравился новый хозяин, который заставлял изучать эти игры. Сначала он пах незнакомцем. Вскоре он начал пахнуть знакомым или, может, даже соседом. Но теперь у него был запах хозяина, и Бади это нравилось. Он чувствовал себя в безопасности.

Бади сдал свой приз и порысил обратно, на место, чтобы попрактиковаться еще. Ему даже начинал нравиться новый дом — эти большие квадратные пещеры с дверями, гладкими стенами и потолками. Но Бади не хватало прогулок в парке — старом добром месте с мягкой травой, пахнущей свежими бризами, которые, в свою очередь, пахли весельем и сверкающим небом над головой, а оно пахло свободой.

Человек готовился бросить диск еще раз. И быстрее, чем за удар собачьего сердца, быстрее, чем за один взмах хвоста, Бади забыл о парке. Потому что игра начиналась снова.

Ему нравились все эти удивительные игры: «летающая тарелка», шарики, палка, и многие другие. Ему даже нравились те, новые, в которых нужно было поднимать лапу или подавать голос, когда хозяин показывал тот или другой предмет либо один и тот же предмет два раза подряд. Эти игры были сложнее, но он поклялся, что будет осваивать их.

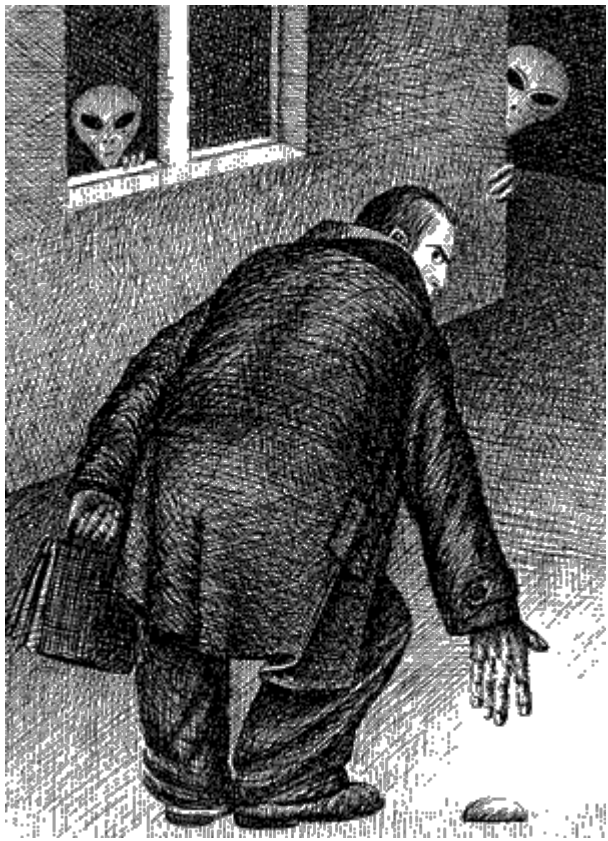
Человек вновь бросил «тарелку», и Бади стал внимательно изучать ее, чтобы понять, как она поведет себя на сей раз. Он будет анализировать эту игру до тех пор, пока не достигнет совершенства. То же и с другими играми, он выучит их все. «Тарелка» пронеслась над головой, и веселье снова охватило весь мир. Он прыгнул следом за ней. На этот раз «тарелка» склонялась иначе… она была восхитительно хитрой. Но, несмотря ни на что, он будет стараться. С каждой возможностью, с каждым вдохом, он будет стремиться обучаться. Его намерение непоколебимо.

Вот это и есть настоящая жизнь.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Charlie Rosenkranz. Preemption. 2006. Публикуется с разрешения автора.

Христо Поштаков
ЭКСПАНСИЯ



Борис Петров, пятидесятилетний мужчина интеллигентного вида и отменного здоровья, с уже тронутыми сединой висками, но все еще не страдающий артритом и с простатой нормальных размеров, неспешным шагом брел домой. Его крупная фигура, словно дирижабль, плыла над тротуаром пустынного переулка, неравномерно освещенного уличными фонарями, под которыми роилась мелкая мошкара снежинок. Водка, принятая «на грудь» в душевной компании друзей, сделала свое доброе дело — будничная серость посветлела, а мысли легко заструились к высотам философических обобщений.

Он не спешил — в пустой квартире его никто и ничто не ждет. Даже банальный скандал. Жена ушла от него десять лет назад, прихватив с собой сына. Покой и тишина в опустевшей квартире.

Борис пребывал в благодушном настроении, но темные окна домов и уличное безлюдье отчего-то навевали мысли о причинах

и следствиях человеческого бытия. Нет-нет, не из оперы «а вот если бы да кабы, поступи я тогда иначе…» — мысли Петрова сосредоточились на поистине глобальных проблемах физического и социального естества. Такие проблемы планетарного масштаба нередко терзали ум Бориса Петрова. Ну, а когда плетешься по пустынной ночной улице, кажется естественным порассуждать о высоких материях, если к тому же ты еще и инженер…

Вот, размышлял про себя Петров, водные пары конденсируются в атмосфере — и идет дождь; если температура ниже точки замерзания — тогда снег. Вулканы извергаются вследствие повышенного давления магмы, причем там, где сопротивления земной коры недостаточно, чтобы сдержать напор… Поводом к первой мировой войне послужило убийство австро-венгерского престолонаследника в Сараево… Школьники хватают трояки и пары, потому что ленятся готовить домашнее задание. Ну, а если задуматься над вопросами: а) ПОЧЕМУ охлаждаются водные пары; б) ЗАЧЕМ давление магмы в данной точке повысилось; в) С КАКОЙ СТАТИ застрелили Франца-Фердинанда; г) ОТЧЕГО БЫ школьникам не потрудиться над уроками — вот тогда неминуемо напрашивается вывод, что сии события порождены другими событиями. Но следствия каждого события размножаются, клонируются, превращаясь во множество производных. И так до бесконечности. Дожди вызывают наводнение, обильный снег — заносы и опять же весенние наводнения, но вместе с тем все это приводит и к богатому урожаю. Вулкан сеет разрушение, но может породить цветущий остров. Мировая война — трагедия, истерзанные судьбы, тотальная разруха, но и небывалый взлет экономики. Плохая оценка в школе может раздавить будущее человека, навсегда занизить самооценку и отправить в лагерь вечных неудачников, а может и наоборот — дать стимул исправить ситуацию, доказать всему миру и себе, чего ты стоишь на самом деле. В конце концов, история знает немало примеров гениальных двоечников. Значит, последствия любого события в потенциале своем практически бесконечны. Мировой компьютер как бы прядет без устали необъятную паутину взаимных связей, и эта незримая сеть опутывает все живое и неживое на планете. Причины и следствия смешиваются, и если хорошенько поискать общий корень таких вроде бы не связанных между собой явлений, как жужжание москита в тропических джунглях, рождение тюленёнка в Антарктиде и старт космической ракеты, то определенно искомый корень отыщется в дебрях и пучинах времени. А это значит, что на Земле нет ничего случайного — с самого Первичного события все течет по каким-то единым, кем-то

выстроенным раз и навсегда руслам. Хаос только выглядит беспричинным…

Глубинные размышления Бориса Петрова неожиданно дали осечку — инженер споткнулся и чуть было не растянулся на мостовой.

Но замешательство длилось не больше секунды.

«Вот тебе наглядный пример из области свободной человеческой воли! — мысленно пробормотал Петров. — Ты мог бы и дальше себе идти, не обращая внимания на эдакий пустяк, ибо этот факт является ничтожным и маловажным событием по сути своей. Но, с другой стороны, ты можешь оглянуться и выяснить, что за препятствие заставило тебя споткнуться, а факт узнавания наверняка запустит цепную реакцию новых возможностей…»

Петров выбрал лавину следствий, обернулся и шагнул к месту незначительного инцидента. На тротуаре лежал какой-то закругленный предмет. Борис присел и поднял его. Находка оказалась увесистой, матово блестела в скудном свете фонарей, а ее поверхность была рассечена какой-то замысловатой вязью букв. Петров прищурился и запихнул предмет в карман пальто, после чего продолжил путь.

Едва очутившись в уютном тепле прихожей своей квартиры, Борис снял пальто, извлек находку из кармана и прошествовал в гостиную. Порывшись в шкафчике, он нашел наконец лупу и переместился к столу.

Формой предмет здорово напоминал компьютерную мышь. С одной стороны мерцала красная звездочка, а с другой обнаружилось миниатюрное отверстие. Ничего особенного. Вот только эта надпись — гравировка отчетливая, но начертанные символы абсолютно не знакомы Петрову. На ощупь предмет оказался прохладным и твердым, а нож не оставил на поверхности ни царапинки. Наверное, из какого-то металла, почему-то решил Борис. На этом он и закончил визуальный осмотр находки. Потом задумался, разглядывая вещицу, но никаких идей относительно того, кто и с какой целью создал эту штукенцию, так и не родил.

Петров еще повертел странную «мышь» в руках и отложил в сторону, решив, что утро вечера мудренее. Но когда, направляясь к спальне, он выключил свет в гостиной, то вдруг услышал слабое потрескивание, а комнату всего на какое-то мгновение наполнило ослепительное синеватое сияние. Всего лишь вспышка — и темнота. Потрясенный Петров замер на пороге спальни. Медленно развернувшись, он щелкнул выключателем. Находка мирно покоилась на скатерти. Сколько ни крутил он ее в руках,

никаких изменений не обнаружил. Разве что звездочка равномерно помигивала. На всякий случай инженер переложил штуковину на бетонный подоконник — подальше от легковоспламеняющихся предметов. Немного успокоившись, Борис снова выключил свет — ничего! — и вошел в спальню.

Заснул Петров быстро.

В течение нескольких следующих дней все мысли инженера Петрова кружились вокруг странной находки. Что с ней теперь делать? Отнести в какой-нибудь НИИ? А если окажется, что это всего лишь банальнейший прибор, ведь как инженер он не обязан знать всю технику? Его же засмеют! А может, это какое-то экспериментальное устройство, жутко секретное? Тогда с какой стати ему валяться посреди улицы? И что означала эта синяя вспышка? Борис спинным мозгом чувствовал: что-то тут не так. И жутко злился, не умея объяснить себе, что именно не так в этой псевдомыши.

Наконец Борис решил посоветоваться с друзьями. Ведь на то друзья и существуют, чтобы выручать в беде, а сомнения и отсутствие ответов на тысячи вопросов — самая настоящая беда для солидного человека.

Итак, предмет сперва перешел в руки Юлия, который был докой по части электроники. Юлий констатировал, что странная находка никаких точек соприкосновения с серьезной технической наукой не имеет. Тогда «мышь» перекочевала в кабинет Виктора, замзава лабораторией контроля сварочных работ. Там предмет просветили рентгеном и установили жутко сложную микроструктуру его начинки, выделили даже какие-то конфигурации из миниатюрных круглых образований. И все. Зачем? Как? Непонятно! Пришлось идти на поклон к «химическому богу» Петру, который ухитрился с невероятным трудом соскоблить с поверхности находки чешуйку для пробы. Анализ оглушил и ошарашил. Находка представляла собой сплав на основе титана, в состав которого входили редкие полоний, франций, актиний, плюс еще один неизвестный элемент из пустой клетки периодической таблицы. Петр авторитетно заявил, что килограммовый золотой слиток — сущая дешевка рядом с этим чудным артефактом. Во как!

В итоге, когда находка вернулась к своему обладателю, о ней было известно одно: она стоит бешеных денег.

И вот в субботу Борис созвал «консилиум» — разумеется, в их любимом кабачке. «Ученые мужи» заняли круглый стол в углу пивнушки и какое-то время молча разглядывали загадочный предмет, бесперебойно мигающий красным глазком.

Наконец Петров нарушил молчание:

— На неделе я показал это филологам университета, надеялся, что кто-нибудь сумеет прочесть надпись. Однако даже самые именитые лингвисты не смогли распознать этот язык. Такого языка, говорят, не существует и никогда не существовало — мы бы, дескать, знали. Просили оставить им вещицу для более детального изучения, но я не согласился. Один доцент, большой спец по мертвым языкам, и вовсе уверен, что надо мной просто подшутили — нацарапали закорючки забавы ради, да и…

— Нацарапали? — перебил Петр. — Ну-ну, филологи, что с них взять! Ха, нацарапали!

— Скажу вам так, мужики: перед нами предмет сверхсекретной технологии! — вмешался Юлий. — Что, конечно, не объясняет ни надпись, ни тот факт, что эта хрень вот так просто валялась на улице. Ведь если она и в самом деле как-то связана с оборонной промышленностью, тогда какой идиот мог обронить ТАКОЕ?!

— Предмет функционирует! — напомнил Борис. — Не перестает мигать с того самого вечера, когда я наблюдал вспышку.

— Вот в этом и загадка, — промямлил Виктор. — Мерцает-то не диод, не лампочка, а собственно корпус, точнее, точка на нем. Непонятно, каким образом — электроника тут явно ни при чем. Ты вот что, Боря, выброси эту штуковину от греха подальше. Или продай кому-нибудь, кто предложит хорошие деньги. Иностранцам хотя бы.

— Ага, в страну, где проводятся космические исследования, — поддакнул Петр. — Титановые сплавы используются в ракетной технике.

— Ни за что! — затряс головой Борис. — Пока не разберусь сам, никому не отдам. Вот ведь, словно с неба свалилась!..

— А может, так оно и есть — инопланетяне уронили, — то ли пошутил, то ли серьезно сказал Петр.

Друзья замолчали, задумчиво разглядывая странный артефакт. А штуковина мигала себе в центре стола, бросая отблески на пивные кружки (до окончания «консилиума» к водке решили не прикасаться).

— Слушайте! — снова заговорил Борис. — Но ведь эту штуку кто-то и для чего-то собрал!

— Ну… — нестройно протянули приятели.

— Значит, она что-то должна делать.

— Ну… — опять закивали друзья.

— Что вы заладили: «ну» да «ну»! Мы для того и собрались, чтобы разобраться во всем! Хотя бы на уровне гипотез.

— Вот с этим как раз у нас и загвоздка, — пробормотал

Юлий, отхлебывая из кружки. — Ноль идей. А раз так — чего мы цедим эту желтую муть, давайте наконец водки закажем!

На том и закончился «ученый совет». Штуковина выдержала наскок противника, который немедленно залил свое поражение водкой.

Недели проходили, улетали в прошлое, а тайна оставалась нераскрытой. Однако Борис Петров нутром чуял: вокруг что-то происходит. Все началось с мелочей. Сначала он уловил изменения в цветовой гамме на экране домашнего компа. При том, что с видеокартой все было в порядке. Надо бы к офтальмологу сходить, рассеянно подумал Петров. Но за будничными делами случай забылся, к новой цветовой гамме Борис привык, и больше она его не раздражала. Но чуть позже он вдруг обратил внимание, что и с самим монитором что-то не так — какой-то он округлый стал, а раньше вроде бы корпус был угловатый, со строгими, прямыми линиями… Хотя нет: это старые модели походили на кирпичи. Объяснение не развеяло сомнений. На всякий случай Петров позвонил Юлию.

— Да всегда они такие были! — отрезал друг. — Я же в этой сфере давно, за новинками слежу. А вообще-то, прямоугольный экран удобнее, но с другой стороны…

Борис извинился, наспех попрощался и положил трубку. Во рту горчило. Тьфу, кажется, паранойя начинается!.. И вдруг он уперся взглядом в стену. Растерянно моргнул. Он видел свои стены словно в первый раз. Обои были мохнатые, с ворсом — мягким, шелковистым. Что за бред! На этот раз Петров набрал номер Виктора и сказал:

— Слушай, у меня что-то случилось с обоями!

— Ты что, Боря, не проспался со вчерашнего? Опохмелись, полегчает. Старые гладкие обои уже двадцать лет как вышли из моды. А ворсистые изолируют лучше и смотрятся куда приятнее… Да мы же их с тобой вместе покупали, а я потом клеить помогал! Ты самые понтовые выбрал — с липким слоем.

— Извини, наверное, забыл… Работы много, вот голова кругом и пошла, — пролепетал Петров, кладя трубку. И задумался о переменах, ворвавшихся в его жизнь. Унял дрожь и попытался трезво проанализировать сложившуюся ситуацию. Первое, что пришло на ум: да у тебя, братец, склероз! Или вовсе амнезия. Возраст.

Напуганный такой догадкой, Борис немедленно отправился к врачу и стоически прошел полный медосмотр.

— Здоровье у тебя отменное! — заверил врач. — Немногие в твои годы похвастаются тем же.

Но почему-то слова эскулапа его не успокоили. Борис по-прежнему ощущал дискомфорт и внутреннее напряжение, душу терзала смутная тревога, ему все казалось: вот-вот случится что-то очень нехорошее. И оно случилось. Появилось тихо и ненавязчиво. Через два дня Борис вдруг осознал, что изображение у телевизора, оказывается, объемное, а в выключенном состоянии аппарат походит на скорлупу выеденного яйца — довольно элегантного вида, надо признать. По словам Юлия, такие модели производились еще до их с Борисом рождения.

Но когда исчез телефон, а на его месте Петров обнаружил переносное гнездо объемного изображения, тогда окончательно стало ясно: мир вокруг инженера стремительно меняется. Или все-таки просто мозги набекрень съехали? Да нет же — действительно что-то происходит!

Весь остаток дня Борис тупо просидел на месте, буравя взглядом потолок, который тоже теперь был иным.

Прошло еще немного времени, и в один прекрасный день зеркало в ванной комнате словно испарилось, а его место занял объемный отражатель. И в его фокусе вместо себя Борис увидел нелепое существо с огромными глазищами да парой дырок вместо носа. Петров пару раз моргнул, существо ответило каким-то жутким всасыванием глаз в орбиты, и тогда Борис пулей вылетел из ванной и бросился к гнезду голофона, которое обычно стояло в гостиной. Лихорадочно набрал… нет, произнес номер, вспомнив мимоходом, что кнопок уже давно не существует. Удивление, вызванное открытием столь очевидного факта, немного смягчило накатившую волну сокрушительной паники. Тренькнул сигнал вызова, и на экране возникло лицо друга.

Друг выслушал сбивчивые слова Петрова и усмехнулся, шутливо выставив наружу раздвоенный язык.

— Не надоело тебе дурака валять? — осведомился тот, кто отзывался на имя Петр… или что-то в этом роде. — Все в порядке, приятель, у тебя просто разыгралась фантазия. Вот что, давай вечером соберемся с ребятами в *крибе* и раздавим пару *митилок.* Тем более что повод есть! Юлию и Вите я уже позвонил… Придешь?

— Приду, — упавшим голосом ответил Борис и дал отбой.

Самое странное, он действительно понимал, о чем речь. «Криб» — это кабачок, «митилка» — водка. Явно пришло время сдаваться и принимать действительность таковой, какая она есть.

Петров беспомощно обвел глазами комнату, его взгляд внезапно зацепился за некогда деревянный стол (теперь пластиковая *варга),* где на бывшей скатерти (световой декорации) мирно лежал тот самый предмет, артефакт, чтоб его, с которого

все и началось. Находка была единственной вещью, не претерпевшей никаких изменений. Лежала и мигала себе красной звездочкой. Только теперь это мигание показалось Борису каким-то зловещим.

Петров оторвал взгляд от штуковины и продолжил осмотр, узнавая «свои» вещи и безошибочно определяя их смысл и предназначение. Вот затейливо округлые линии полок *вархаты* (в прошлом книжного шкафа), на которых расставлены *крани* (абстрактные статуэтки) из *пирхи* (вид стекла) и *триманитры* (священные атрибуты). Книг не было вовсе, изредка попадалась одна-другая забытая *дудза* (информационная текстовая рамка). *Бормакаты* (мебель) радовали — но и пугали — глаз эллипсоидными выемками, под стать седалищу любого *кригота,* в том числе и самого Петрова.

«Я в безумном мире, — сказал себе Борис. — Здесь все не так, как прежде, кроме имен да голофонных индексов… хотя и в этом я уже не уверен. Вот только штуковина все такая же».

Борис взял ее *мерком* (окончание хватательной конечности). Сознание словно дробилось на границе двух реальностей. Черные глаза Петрова остановились на треклятом предмете. «Нисколько не изменился, зараза! Чего не скажешь обо мне… Стоп!» Борис вгляделся в узор символов и вдруг понял, что понимает этот язык. Сил удивляться уже не оставалось. Борис прочитал символы, проштампованные на корпусе артефакта:

Линейный темпоральный ускоритель событийрегрессивного энтропийного действия.

Стандартная модель планетарного поражения.

Собственность Галактического военного ведомства Криготии,

Главное управление «Экспансии».

Открывшаяся правда саданула под ребра. Петров почувствовал, что задыхается, остатки человеческого разума агонизировали… Ну конечно же! Небольшая штуковина, найденная им на улице — невероятно сложное устройство, предназначенное менять реальность, навязывая свою собственную. Может быть, предмет был подкинут еще на заре зарождения земной жизни. А может, и позже. Это уже не имеет значения. Важно другое: невидимые щупальца страшного устройства медленно уничтожали все земные события, изменяя их до неузнаваемости. Синеватое сияние, виденное Борисом, вероятно, просто побочный эффект, вызванный перемещением в прошлое, а потрескивание, скорее всего, было связано с транспортировкой крохотного, но мощного информационного носителя, способного внедриться в местный узор событий и

причин, а затем исподволь перекроить их под создателей ускорителя. А дальше все просто: устройство только направляло события в соответствии с чужой логикой. Конечно же, ускоритель не потеряли. Его подбросили! Чтобы какой-нибудь лопух подобрал да и привел в действие. И лопух, открывший двери Вторжению, нашелся. Им стал инженер Петров.

Вторжение без крови и уничтожения. Зачем убивать и порабощать, когда можно просто незаметно ассимилировать аборигенов, превращая их в себе подобных! Очень гуманно.

Существо, некогда бывшее инженером Борисом Петровым, схватилось за голову, раздираемую жуткой болью. Жалкие остатки человеческого сознания стремительно распадались, а вместе с ними растворялась и память об ином существовании. Через мгновение головная боль прошла. Больше ничего не тревожило.

Тренькнул голофон, и в объеме экрана материализовалась синяя физиономия Виктора. Приятель выглядел взволнованным, лобовые отростки тревожно шевелились.

— Ну, как себя чувствуешь? Ага, вижу, что уже лучше… Ты хоть помнишь, какую ты чушь нес?… Ну да ладно, я, собственно, опять по поводу встречи в крибе. На всякий случай напоминаю: не просто так пьем, а по поводу. Все-таки величайшее событие в истории нашей расы! Боря, обязательно приходи, нельзя же в такой день не поднять бокал в честь Пятого цикла нашей вселенской экспансии! Сегодня напьется всякий уважающий себя кригот, даже в самом глухом углу Галактики. На центральных мирах проводятся неслыханные празднества, ну а в нашей глуши мы ограничимся парой объемов митилки. Парад можно посмотреть и по гиперпространственному голо… Ну так как, придешь?

— Да, скоро буду, — вымолвил Петров. — Спасибо, что напомнил. Что-то я в последнее время и в самом деле неважно себя чувствовал, совсем замучила мигрень, такой туман в мозгах был! Неудивительно, что забыл. Но, дружище, я тебе вот что скажу: мы сегодня просто обязаны напиться — и не просто по случаю праздника. А потому, черт возьми, что мы и в самом деле величайшая цивилизация во всей Вселенной!

Красный глазок линейного темпорального ускорителя событий мигнул в последний раз и погас.

Перевел с болгарского Николай ТЕЛЛАЛОВ

© Христо Пощаков. Инвазия. 2005. Публикуется с разрешения автора.

Дмитрий Колодан
СКРЕПКИ

Самое глупое в этой истории то, что Ральф Крокет терпеть не мог китайскую кухню. Ненавидел искренне и во всех проявлениях, не делая поблажек ни пекинской, ни кантонской, ни сычуаньской кулинарии.

Неприязнь была давней, и Ральф держался за нее, как клещ, несмотря на попытки друзей и знакомых склонить его к экзотике. У них китайская кухня была в чести, но переубедить Ральфа оказалось не легче, чем проломить кирпичную стену, кидая в нее шарики для пинг-понга. Ральфу приписывали отсутствие вкуса, тайное вегетарианство, а то и вовсе отвращение к еде, вызванное комплексом по поводу лишнего веса…

Последнее было уж полной чепухой — поесть Ральф очень даже любил. И потому к этому процессу относился серьезно. Всяческие эксперименты с продуктами питания он воспринимал с

той же брезгливостью, что и вивисекцию, считая их звеньями одной цепи. Разумный человек не станет есть крыс, скорпионов и птичьи гнезда, закусывать лепестками хризантем и запивать змеиной желчью. Не говоря уже о супе из медуз — сама мысль об этом блюде повергала Ральфа в трепет.

Впрочем, супу из медуз еще предстоит сыграть свою роль; сама же история началась несколько раньше — солнечным воскресным утром, на песчаной дорожке Центрального парка. И в тот момент Ральф Крокет не представлял, как скоро и странно китайская кухня ворвется в его жизнь.

Солнце едва поднялось над пирамидальными кленами, окрасив макушки деревьев в оттенки лилового и розового. Утро наступало медленно — в воскресенье спешить некуда, вот оно и не торопилось. Да и зачем? Безоблачное небо намекало на прекрасный день, а пока можно расслабиться и поваляться лишний часок в постели. В парке было тихо. Легкий ветерок гонял бумажки и окурки, играя сам с собой, пока его никто не видит.

Ральф Крокет бежал по дорожке, извивавшейся вокруг искусственного пруда. Впрочем, «бежал» в данном случае условность. Он просто быстро шел, попутно убеждая себя, что бег трусцой — лучший способ провести воскресное утро. Закаляет тело и дух, воспитывает характер.

И все бы хорошо, но с характером не заладилось. По официальной версии, Ральф занимался спортом, чтобы держать себя в форме. По более близкой к реальности — чтобы избавиться от пары-другой лишних килограммов. К сожалению, упрямства хватало только на выходные.

Ральф был не толстым, скорее, просто упитанным. Ни разу весы не показывали запредельных цифр, но из-за низкого роста он выглядел толще, чем это было на самом деле. Масла в огонь подливала рассеянность, а как следствие — неуклюжесть. Чем-то Ральф напоминал шар для боулинга: отчасти из-за округлости, но главное — из-за манеры передвигаться с пугающей целеустремленностью, забывая смотреть по сторонам. Добром это не заканчивалось — на его счету значились разбитые тарелки и чашки в кафе, опрокинутые столы, стулья и редчайшая амфора в городском музее… Друзья и знакомые никогда не забывали прятать хрупкие вещи.

Но при этом сам Ральф словно жил в центре циклона. Неприятности держались неподалеку, но вплотную не подходили. Единственное исключение — собаки.

В то утро Ральф шел уже на третий круг — личный рекорд.

Самое время подумать о том, что для человека его комплекции длительные пробежки сулят больше вреда, чем пользы. Впрочем, он мог найти с десяток не менее убедительных самооправданий.

Покончив со спортом, Ральф намеревался покормить птиц и захватил для этого пару сандвичей с тунцом. Но жирные утки пока спали и покидать середину пруда не собирались. Потому сандвичи оставались невостребованными. Ральф сперва решил, что плохо жевать на ходу, а позже физические упражнения отбили малейший аппетит.

От нечего делать Ральф глядел под ноги, взбивая носками кроссовок песчаные смерчики. На земле нередко попадаются интересные штуки. Чаще всего — монеты, но иногда — действительно стоящие вещи. Один его приятель собирал потерянные ключи и игральные карты. Но для серьезного коллекционирования Ральф был чересчур ленив и рассеян, хотя сама идея и была ему по душе.

В то утро улов состоял исключительно из бутылочных крышек, окурков да алюминиевых колец от пивных банок. Негусто, надо признать. Потому Ральф и остановился, заметив в пыли яркое пятнышко. Присев на корточки, Ральф поднял свою находку. Ею оказалась обычная канцелярская скрепка в красно-белой пластиковой обмотке, шершавая и неприятная на ощупь. То еще сокровище… но Ральф положил ее в карман.

И вовремя — не успел он выпрямиться, как за спиной раздалось хриплое рычание.

На долю секунды Ральф замер, не смея поверить в реальность. Мгновение назад поблизости не было и собачьей тени. Тварь словно возникла из воздуха — крупный лохматый терьер, рыжий, как перезрелый апельсин. Тяжелая голова низко опущена, мышцы дрожат от напряжения, крошечные глазки налились кровью, рык не смолкает ни на секунду, словно внутри собаки спрятан дизельный мотор. И десятой доли этого хватило бы, чтобы человек с крепкими нервами почувствовал себя неуютно. Ральф же боялся собак до смерти.

Он быстро огляделся в поисках хозяев пса, но никого не увидел. Как не увидел и ошейника на шее терьера. По всем приметам выходило, что пес бездомный.

— Милый песик… — сказал Ральф, начиная пятиться.

Главное, не делать резких движений. Один неверный шаг, и зубы сомкнутся на лодыжке. Побежишь — считай подписал себе приговор. Люди по своей природе существа медлительные. Если Ахиллес не смог догнать черепаху, куда уж обычному человеку состязаться в скорости с собакой? Перспектива провести воскресенье на больничной койке Ральфа не прельщала.

Медленно Ральф достал из кармана сандвич с тунцом. Пока еще оставалась надежда откупиться: собачий род корыстен, мало кто пройдет мимо взятки.

— Не хочешь перекусить? Посмотри, что у меня есть…

Он бросил сандвич собаке, но тунец задержал пса на считанные мгновения. Оглушительно клацнули зубы. Звук громом прокатился в тишине парка, сработав для Ральфа, как кнопка, подложенная на стул. Он подскочил на месте и решил, что медлить — себе дороже.

В Австралии кенгуру, спасаясь от динго, первым делом бегут к ближайшей реке или озеру. И сидят по шею в воде, посмеиваясь: ни одна собака не сунется следом, понимая, каково это — барахтаться, когда противник уверенно стоит на дне и собирается тебя утопить.

Подобная методика могла бы пригодиться и Ральфу, но тысячелетия эволюции вытравили из генетической памяти столь полезный навык. Он вспомнил о нем, когда со всех ног бежал прочь от пруда.

Пес устремился следом. Он мог бы догнать Ральфа в пару прыжков, но пока не приближался. Ральф решил, что терьер его выматывает. Он слышал про таких — будут гнать добычу, пока та не свалится замертво. И судя по тому, как колотилось сердце и резало в боку, до этого оставалось недолго.

— Держи, — выкрикнул Ральф, швыряя собаке второй сандвич.

Терьер поймал бутерброд на лету, как тарелку для фрисби, перекувырнулся в воздухе и покатился по траве. Ха! Ральф злорадно усмехнулся и на полном ходу врезался в кусты боярышника.

— Ай! — жесткие ветви хлестнули по груди и рукам.

Собака мерзко тявкнула, чтобы показать, что злорадство не является человеческой прерогативой. И еще не ясно, кто в этой истории будет смеяться последним.

Колючки больно царапали кожу, но выбираться из кустов Ральф не стал. Вместо этого он устремился дальше, ломая ветки и в клочья раздирая спортивный костюм. К счастью, обошлось без травм, и между Ральфом и псом возникла отличная преграда.

Терьер оказался сообразительным и в боярышник не полез. Но сдаваться не собирался. Декоративная изгородь примыкала к металлической решетке парка. По ту сторону неспешно просыпался город. Мимо ограды проехал молочный фургон — круглощекий водитель отсалютовал Ральфу початым пакетом кефира. Четверть часа, и в парк потянутся собачники, превращая его в огромную ловушку. Нужно срочно выбираться, осталось

понять — как?

Кто-то, может, и смог бы протиснуться между прутьями, но для Ральфа подобный вариант оказался неприемлем. Забор был высокий, прутья решетки венчали вычурные и острые наконечники. Нечего и думать, чтобы перелезть. Украшать ограды человеческими головами уже не модно.

Вплотную к ограде рос старый тополь. Толстый ствол сильно кренился, так что дерево большей частью очутилось за пределами парка. И выглядело таким древним, что если бы не невольные подпорки, оно бы попросту рухнуло. Серо-коричневую кору избороздили глубокие трещины, по краям ярко-рыжие от наростов лишайника. Массивный наплыв обволакивал пару прутьев решетки: тополь словно подтаял на жаре, а теперь стекал вниз.

Ральф был не в восторге от идеи ползать по деревьям, но иного выхода не оставалось. Цепляясь за трещины коры и решетку, он торопливо стал карабкаться по стволу. Терьер это заметил и разразился возмущенным лаем — подобный поворот событий не входил в его планы. Собака забегала вдоль живой изгороди в поисках прохода. Чем только подстегнула Ральфа.

Силы в руках почти не осталось, ноги соскальзывали, древесные крошки впивались под ногти, но Ральф продолжал ползти вверх, с упрямством лосося, идущего на нерест. Он и сам не заметил, как оказался на наплыве, вцепившись в ствол руками и ногами. Полдела сделано, осталось слезть.

Собака, поняв, что без жертв не обойтись, полезла через кусты. Рыжая морда высунулась из сплетения ветвей, глаза сверкали.

Ральф посмотрел вниз: спрыгивать высоко, но сидеть, дожидаясь подмоги, глупо и небезопасно. Вопреки расхожему мнению, некоторые собаки неплохо лазают по деревьям, а взобраться по наклонному стволу им и вовсе пара пустяков. Ральф не сомневался, что терьер окажется из их числа.

Не отпуская ствола, Ральф пошарил ногой в поисках точки опоры. Безуспешно. Надо ухватиться покрепче, повиснуть на руках, а там до земли недалеко…

Тем временем пес с плотоядной усмешкой подбирался к дереву. Смекнул, что добыча угодила в западню, и смаковал ситуацию. Ральф суетливо задергался, инстинктивно пытаясь отползти в сторону. Штанина зацепилась за ржавый штырь, торчащий из наплыва. Ральф с силой дернул ногой, раздирая ткань. Но лучше остаться в дырявых штанах, чем повиснуть вниз головой, подобно герою дешевой кинокомедии.

И все бы ничего, но в его положении резкие движения были

категорически противопоказаны. Ральф не успел осознать, что летит, а уже лежал на тротуаре, вопя от боли.

Пошатываясь, он поднялся на ноги.

Громко лая, терьер бросился к решетке. Но через прутья не полез: партия осталась за Ральфом, и собака это прекрасно понимала. Она лишь хотела сообщить, что одно сражение — еще не победа, и в следующий раз так просто он не отделается. Ральф твердо решил, что следующего раза терьер не дождется. Всему есть предел — с сегодняшнего дня ноги его в этом парке не будет.

— Пока-пока! — Ральф помахал псу и довольный собой зашагал прочь. Терьер продолжал лаять, но Ральф не обернулся.

Радость избавления длилась недолго. Не прошел он и десятка метров, как почувствовал резь в боку, усиливающуюся боль в плече, а в придачу навалилась усталость. Мышцы заболели разом, каждый вдох рвал и без того раскаленные легкие. Страшно хотелось пить, найти же воскресным утром бутылку воды не легче, чем раздобыть ее посреди пустыни.

Теоретически, вода была рядом — зашел в любой магазин и купил, но с тем же успехом она могла быть и на Марсе. Ральф долго блуждал между кафе и мини-маркетами, но те, если и работали по выходным, то открывались в лучшем случае через час. К этому времени он успеет умереть от обезвоживания. Пустые уличные столики и свернутые зонтики выглядели издевательством.

Вдалеке проехала разноцветная машина. Ральф узнал молочный фургон. Он чуть не подпрыгнул от радости: есть справедливость в этом мире! Ральф припустил к грузовичку, мысленно смакуя вкуснейшее холодное молоко. Напиток богов, лучшее, о чем можно мечтать.

Но водитель ждать его не собирался. Грузовичок скрылся за поворотом, и надежда на спасение растаяла, как мираж.

Ральф поплелся вслед за исчезнувшим фургоном. Может, тот задержался или оставил под какой-нибудь дверью пару бутылок молока? Вряд ли хозяева расстроятся, если он положит взамен двойную цену? Но все было напрасно.

Ральф дошел до конца улицы, мысленно проклиная собак, молочников и утренние пробежки. Сидел бы дома, мог бы литрами пить молоко, соки и воду. Он свернул за угол и уткнулся в дверь китайского ресторана.

Заведение называлось «Хрустальный Карп»; вывеска из неоновых трубок тускло мигала над дверью. Фасад умело стилизовали под пагоду и украсили резными рыбами и драконами. С козырька свисали круглые бумажные фонари. Но

главное — на дверной ручке покачивалась табличка «Открыто».

Открыто!

В другой раз Ральф и на пушечный выстрел не подошел бы к подобному заведению, но ему не оставили выбора. Он рванулся к двери, предвкушая, как по пересохшему горлу заструится ледяная вода. Даже если вода окажется из аквариума с голотуриями и крабами, Ральф был готов на это.

Сразу за дверью стоял гонг — огромный диск тусклой бронзы, закрепленный на деревянных столбиках. Рядом горбился невысокий человек в халате до пят и в конической тростниковой шляпе. Привратник походил на восковую куклу. По крайней мере, это было единственное достойное объяснение пустому взгляду и застывшей на губах улыбке. Пока Ральф мялся на пороге, человек не шевельнулся. Но стоило шагнуть вперед, как привратник взмахнул войлочной колотушкой и ударил в гонг.

Низкий гул прокатился по залу; Ральф аж подпрыгнул от неожиданности. Ох уж эти китайские церемонии! Человек в халате продолжал улыбаться, не спуская глаз с таинственной точки над головой Ральфа. Тот невольно пригладил волосы и, косясь на привратника, проскользнул в ресторан.

Как и следовало ожидать, посетителей не было. Обстановка зала предполагала полумрак: темные стены, массивные столы мореного дерева, красные абажуры ламп… Но жалюзи были открыты — яркое утро не оставило от мрачности и следа. Солнце дробилось в чисто вымытых окнах, и по потолку скользили слепящие зайчики. Даже рыбы в настенных аквариумах выглядели жизнерадостно.

Китайские рестораны — явление уникальное; уже в самом словосочетании заложен подвох. С одной стороны, вроде не грязная пивная и не фастфуд, но назвать настоящим *рестораном* язык не поворачивается. Полумера, наподобие шикарных туфель со шнурками из полиэтиленовой веревки. Потому там всегда темно — в полумраке не сразу заметишь нюансы. То, что в этом заведении пустили внутрь солнце, добавляло «Хрустальному Карпу» очков. Правда, немного.

Ральф уселся за ближайший столик и огляделся в поисках официантки. Та, к счастью, не заставила себя долго ждать. Девушка подошла бесшумно, со спины, потому Ральф вздрогнул, когда услышал:

— Доброе утро!

— А?! Здравствуйте. Стакан воды, пожалуйста, — прохрипел Ральф. — А лучше — сразу два…

— Меню? — спросила официантка, протягивая раскрытую папку. Даже не взглянув, Ральф постучал пальцами по горлу. Он

словно пробежал марафон через Сахару. О каком меню может идти речь?

— Просто воды… Главное — побольше.

Девушка не стала его уговаривать и вышла. Тяжело дыша, Ральф откинулся на спинку стула. Пластиковая ножка тут же подогнулась. Чтобы не упасть, Ральф схватился за край стола, мимоходом опрокинув вазу с искусственными цветами. По столешнице растеклась большая лужа, которая повергла Ральфа в недоумение: зачем ставить пластмассовые растения в воду?

Он быстро собрал цветы и вернул на место. Успел как раз к возвращению официантки, хотя все следы скрыть не удалось.

— Вы бы намекнули, что *настолько* хотите пить, — сказала девушка, косясь на лужу.

Официантка поставила поднос на край стола и достала из кармана тряпку. Вид у девушки был не самый довольный.

— Давайте я сам, — Ральф схватил девушку за запястье. Испугавшись собственной наглости, отпустил и резким движением сбил поднос. С грохотом тот упал на пол. Девушка вскрикнула, но отскочить не успела. Долгожданная вода выплеснулась официантке на ноги. Один стакан разбился, второй закатился под стол. Ошарашенная официантка осталась стоять в луже, растерянно хлопая длинными ресницами.

— Э… Извините… Я случайно…

Официантка глубоко вдохнула. Губы беззвучно шевелились, пока она мысленно считала до десяти.

— Ничего страшного, — улыбнулась она. Но во взгляде плясали искры — не будь она связана этикетом, ответ был бы куда более красочным.

Девушку звали Стефани; по крайней мере, именно это было написано на нагрудной табличке.

Честертон назвал бы ее «хрупкой девушкой с тонким лицом», и она бы точно приглянулась прерафаэлитам. Что-то в ее облике наводило на мысль о средневековых миниатюрах. В то же время Стефани была подвижной, как капля ртути. Сходство подчеркивали волнистые волосы металлического пепельно-серого оттенка.

Ральф совершенно не представлял, почему ее взяли на работу в китайский ресторан. Здесь же предпочитают девушек восточного типа. Но он был рад этому отступлению от канона — прежде он не видел такого красивого лица.

А спустя секунду Ральф осознал две вещи: а) он влюбился с первого взгляда; б) здесь ему ничего не светит.

В силлогизм закралось некое раздражающее противоречие. Прежде чем эта мысль улеглась в голове, Стефани успела сходить

за шваброй, убрать осколки и снова принести воду.

— Ваш заказ, — мрачно сказала она.

Ральф одним глотком осушил стакан, но легче не стало.

— Можно меню? — спросил Ральф.

— А разве я вам его не предлагала? — вздохнула Стефани.

— Да. Но знаете, как бывает — сначала вроде сыт, а потом… такая приятная обстановка, что не уйти.

— Не знаю, — честно призналась Стефани, проигнорировав комплимент. Но меню принесла.

Ральф уставился на ламинированные страницы, не решаясь поднять взгляд на девушку. Есть он не хотел ни капельки, тем более в китайском ресторане, но сейчас это единственный повод задержаться.

Беда в том, что Ральф понятия не имел, как знакомятся с официантками. Пригласить ее на завтрак в ресторан? Абсурднее предложение придумать сложно: он и так завтракает с ней в ресторане. Но ничего другого в голову не приходило.

Меню его не обрадовало. Может, среди ценителей китайской кухни «Хрустальный Карп» пользовался популярностью — разнообразие экзотических блюд налицо. Но при всем богатстве выбора Ральф не видел ни одного, которое можно съесть без опаски. Вот, например, «Ча ен тан» — яйца и чай. На первый взгляд, классический завтрак, но Ральф прочитал описание: яйца, маринованные в чае… Брр… Он поежился. Или еще хуже: «Борьба дракона с тигром» — три вида ядовитых змей, дикая кошка и гарнир из листьев лимонного дерева и лепестков хризантемы. Кому только в голову пришла идея, что это можно есть? Так дойдет до того, что как приправу будут класть мышьяк, а на гарнир — цикуту. Морской гребешок, тушеный с цветами, бульон с трепангами и каракатицей… Ужас!

— Не могу выбрать, — сказал он. — Может, вы посоветуете?

— Рыбу, мясо или птицу?

— Наверное, рыбу. Или птицу. Точно, утка по-пекински…

— Ее готовят двое суток. Будете ждать?

Предложение выглядело более чем заманчиво. Но Ральф не настолько потерял голову.

— Действительно долго…

— Если нужно быстро, то у нас есть «Карп из озера Куньминху». Очень интересное блюдо — готовится четыре минуты. Когда жареная рыба подается на стол, она открывает рот и у нее двигаются жабры. Она продолжает открывать рот даже тогда, когда съедена до костей…

Это было уже слишком. Если это месть за пролитую воду, то своего Стефани добилась. Ральф очень живо представил этого

карпа: он разевает пасть так, что осыпается золотистый кляр, затем бросает печальный взгляд на гурманов, которые едят бедолагу заживо… Ральфу стало дурно; к счастью, под рукой оказался еще один стакан с водой. Он сделал жадный глоток, проклиная богатое воображение. Стефани виновато улыбнулась; она не рассчитывала, что шутка примет такой оборот. Ральф же подумал, что совсем на нее не злится — не ее вина, что у китайцев столь извращенный подход к приготовлению пищи.

— А сами бы вы что заказали?

— Могу предложить куриные крылышки по рецепту императрицы Гуйфей, — сказала девушка.

Ральф задумался. Звучит, конечно, красиво, но в китайской кухне все названия звучат красиво. А про эту самую императрицу он ничего не слышал — кто знает, какие безумные идеи могли прийти ей в голову?

— Я пробовала, мне понравилось, — сказала Стефани, решив судьбу заказа.

— Вот и отлично, — Ральф захлопнул папку-меню и во второй раз сбил вазу. Стефани успела отпрыгнуть.

Курица императрицы Гуйфей оказалась вполне съедобна. Конечно, слишком сладко и слишком остро, да и к палочкам Ральф не привык, но это лишь придирки. Присутствие Стефани, пусть и в другом конце зала, окупало все. Под конец Ральф вошел во вкус и решил, что был несправедлив к китайской кулинарии.

Кура закончилась быстро, но как углубить знакомство с девушкой, Ральф так и не решил. Пришлось заказывать еще «Тань Су Ю» — кисло-сладкую засахаренную рыбу. С этим блюдом Ральф не справился. Битый час он ковырялся в карамельной подливке, но не осилил и пары кусочков.

Стефани же, устав от восхищенных взглядов, которые Ральф бросал в ее сторону, то и дело пряталась в подсобке. Стрелки настенных часов накручивали обороты, но в ресторане пока не появилось других посетителей. Проклятье — и обстановка способствует, а он не решается заговорить! Видимо, не в этот раз… Значит, пора уходить, хотя, будь его воля, Ральф просидел бы в кафе до заката. Зато он даст стопроцентные чаевые. Нет, лучше — двухсотпроцентные!

Ральф тут же осадил себя. У всех бывают глупые идеи, но по сравнению с этой любая чушь будет разумна, как толковый словарь. В системе отношений официантка-клиент подобные чаевые равносильны непристойному предложению. Стефани наверняка не из тех, кто будет терпеть грубости, пусть и высказанные столь вычурным образом. Пощечина в ответ

гарантирована.

Нет, здесь нужен тонкий подход. Пожалуй, стоит ограничиться двадцатью процентами. Больше обычного, но не настолько, чтобы вызвать подозрения. Завтра, а лучше послезавтра, прийти опять…

— Можно счет?

Стефани выполнила просьбу незамедлительно. Хотелось думать, потому что умело справлялась с работой, а не из-за того, что Ральф уже сидел у нее в печенках.

— Как я погляжу, рыба вам совсем не понравилась, — сказала она, протягивая чек.

— Весьма специфическое блюдо, — согласился Ральф. — С первого раза сложно оценить все нюансы.

— Проще говоря — редкостная гадость, — усмехнулась девушка. — К китайской кухне надо привыкнуть.

— Я постараюсь, — пообещал Ральф. — Если вы…

Он полез в карман за кошельком и замер. Стало невыносимо тихо, так что отчетливо слышался лязг посуды на кухне.

Кошелек отсутствовал, как, впрочем, и сам карман. Одна большая дыра. Гадкий терьер нанес ответный удар, с коварством, непостижимым даже для собаки. Наличные, кредитки, ключи — пропало все. Вывалились, когда он перелезал через ограду или же через кусты. Осталась лишь скрепка, найденная в парке и зацепившаяся за драную подкладку. Но вряд ли этого хватит, чтобы расплатиться за завтрак, не говоря о чаевых.

Стефани терпеливо ждала, прижав поднос к груди и выбивая пальцами замысловатый ритм.

— Слишком много? — спросила она, не совсем верно истолковав побледневшее лицо Ральфа. — Я могу объяснить: тридцать пять — это куриные крылья, двадцать…

— Нет-нет, — остановил ее Ральф. — Со счетом все в порядке. Только… Да, сейчас это слишком много.

— Вы отказываетесь платить? — в глазах Стефани мелькнуло почти детское удивление.

— Э… я не отказываюсь, совсем нет! Просто я потерял кошелек.

— Но это и значит, что отказываетесь!

— Неправда! Давайте я схожу домой и принесу деньги? Это совсем недолго…

Хотя с учетом пропавших ключей пробежка за деньгами могла и затянуться. Позвонить кому-нибудь из друзей и знакомых тоже не получится — телефон Ральф оставил дома, а на память он не знал ни одного номера.

— Я спрошу у администратора, — с сомнением сказала

Стефани. Она отошла к подсобке, то и дело оборачиваясь, опасаясь, что Ральф сбежит.

— Господин Чанг, вы не могли бы…

Администратор появился, как чертик из табакерки. Ральф не успел и глазом моргнуть, а тот уже стоял рядом со столиком, скаля в улыбке желтые зубы.

— Доброе утро.

Ральфу он совсем не понравился. Невысокий и сутулый, видимо, китаец. Половину лица скрывали огромные очки с зеркальными стеклами. На нем был светло-серый костюм в полоску и темная шляпа, хоть он и находился в помещении. В целом — вызывающе безвкусно, так одеваются мафиози в гангстерских фильмах. Но куда больше Ральфа смутила рукоять пистолета, выглядывающая из-за пояса. Разве по закону можно открыто носить оружие?

— Как я понял, у нас здесь небольшая проблемка, — голос у администратора был противно-визгливый.

Ральф откашлялся. Горло вновь пересохло — и толку от выпитой воды?

— Нет-нет, — поспешил сказать он. — Просто недоразумение. Я потерял кошелек и только сейчас заметил. Но я могу принести деньги…

— Ясненько, — администратор продолжал улыбаться. — Ничего убедительнее не придумаете?

— Я никого не собираюсь обманывать. Да сами поглядите!

Он продемонстрировал господину Чангу драный карман. Администратор кивнул.

— Очень убедительно. У нас дела так не делаются: поели — извольте расплатиться. Вроде ничего сложного?

— Я и предлагаю: давайте я схожу домой и принесу деньги.

— А в залог оставить нечего? Документы, ценные вещи? Сами посудите: вы предлагаете поверить на слово незнакомцу, скорее всего, мошеннику. Вы бы поверили?

Господин Чанг повернулся к Стефани.

Она бы поверила, подумал Ральф, но девушка промолчала. И что теперь? Вызовут полицию? Наверняка в участке дело будет улажено за час, но какое впечатление он оставит о себе? После этого инцидента путь сюда заказан. И план познакомиться со Стефани поближе отправляется в тартарары.

Он посмотрел в окно в надежде, что мимо пройдет кто-нибудь из знакомых. Вместо этого он увидел написанное от руки объявление, скотчем прилепленное к стеклу: «Срочно! Требуется распространитель листовок. Оплата сдельная, обращаться к администратору».

— А если я отработаю? — ухватился за соломинку Ральф.

— И как? — насторожился администратор.

— Распространителем листовок, — сказал Ральф. — Я прекрасно справлюсь с этой работой. У меня большой опыт ведения рекламных кампаний.

Господин Чанг на секунду задумался.

— Чтобы расплатиться по счету, вам придется работать четыре дня, — сказал он.

— Не страшно, — поспешил сказать Ральф. Тем более что вечером он доберется до дома и уже сможет окончательно расплатиться. А так — считай, день вместе со Стефани. По окончании можно попытаться ее проводить…

— Тогда господин Вонг Хо готов вас принять, — администратор указал на дверь подсобки. Стекла очков грозно сверкнули. Ральф решил: спорить с этим типом себе дороже — не исключено, что тот является членом какой-нибудь триады, а в кафе подрабатывает для прикрытия. Он покосился на Стефани в поисках поддержки, но девушка хмурилась.

Расправив плечи, Ральф пошел вслед за господином Чангом. Кухня ресторана оказалась куда больше зала для посетителей. Все свободное пространство занимал лабиринт из металлических столов и газовых плит. То и дело к потолку взвивались столбы ярко-голубого пламени. Вдоль стен стояли огромные мутные аквариумы; за зеленоватым стеклом неторопливо плавали громадные рыбы, ползали длинноногие крабы и суетились каракатицы. Коллекция морской живности сделала бы честь любому океанариуму. С потолка на крючьях свисали ощипанные птичьи тушки. Не менее дюжины поваров-китайцев суетились вокруг кипящих котлов и шипящих сковородок, разделывали мясо и рыбу.

Господин Вонг Хо встретил Ральфа в самом сердце лабиринта, окутанный клубами пара, поднимавшегося над жаровнями и чанами с рисом. Белые петли то и дело скрывали его лицо, придавая китайцу вид загадочный и даже инфернальный. Он походил на сома, а если быть точным — на жертву жестоких опытов доктора Фу Манчу по скрещиванию человека и рыбы. Эксперимент удался на славу. Хозяин ресторана был невысоким и рыхлым, будто изнутри его набили влажным песком. Редкие прядки точно приклеенные свисали с лысого черепа, поблескивая от окружающей влаги. На шее складками лежала бледная и дряблая кожа. Руки он прятал в рукавах широкого халата.

— Господин Вонг Хо, — администратор поклонился, хозяин ресторана ответил легким кивком. Ральф же не понял, должен ли

он следовать этому ритуалу. Где-то он читал, что у китайцев существует строгая иерархия поклонов, понять которую человеку, далекому от восточной культуры, невозможно. Один неверный кивок с легкостью мог обернуться кровной обидой.

— Здравствуйте, — он шагнул навстречу владельцу ресторана.

Тот долго смотрел на протянутую ладонь, но рук из рукавов халата так не вынул. Кланяясь через слово, Чанг рассказал о казусе с неоплаченным счетом и предложении Ральфа отработать долг. Владелец ресторана слушал, не перебивая, без тени эмоций на лице. С тем же успехом администратор мог обращаться к ближайшему столу. Лишь в конце речи Вонг Хо повернулся к Ральфу. Некоторое время он молча смотрел на него, так что Ральфу стало не по себе от столь пристального внимания.

— Хорошо, — сказал владелец ресторана. — Можете приступать. Листовки и костюм получите у господина Чанга.

— Костюм?!

— Разумеется. А вы думали, что встанете на углу в своих дырявых штанах. Это недопустимо — у нас заведение с репутацией.

— Какой костюм? — тихо спросил Ральф.

— Большая панда. Это символ Китая, и она очень нравится детям, настраивает на веселый и дружелюбный лад. Лучшей рекламы китайского ресторана не придумаешь.

— Панда? Да, конечно…

Появляться на улице в костюме панды совсем не входило в его планы. А если увидят друзья и знакомые? Что ни объясняй, все равно поднимут на смех. Но выхода не оставалось.

Ральф собрался. Не стоит вешать нос — костюм панды не так уж и плох. Мог бы оказаться карп, а расхаживать по улицам в костюме рыбы куда как глупее.

— И вот еще. Если вам взбредет в голову мысль сбежать — господин Чанг найдет вас *очень* быстро. Если это случится: приношу свои соболезнования.

И словно в подтверждение его слов ближайший повар одним ударом отсек голову большеглазой рыбине. С громким стуком тесак вонзился в разделочную доску.

— У меня и в мыслях не было ничего подобного, — искренне сказал Ральф.

— Вот и замечательно. Вам положен бесплатный обед за счет заведения. Хотя вы у нас вроде уже позавтракали? Но ничего, не в наших правилах держать сотрудников голодными.

Китаец сухо рассмеялся. Ральф посмотрел на аквариум, кишащий толстыми тараканами, на грязное ведро, полное

мохнатых шариков — свежевыловленных губок, на склизкого угря, которого потрошил повар, и мысленно застонал.

— Если все вопросы улажены, — сказал Вонг Хо, — добро пожаловать на борт, господин Крокет.

Лишь полчаса спустя, облачаясь в неудобный костюм панды, Ральф сообразил, что владельцу ресторана не представлялся.

Не прошло и получаса работы распространителем листовок, а Ральф уже искренне ненавидел это занятие. Жизнь панды на улицах большого города оказалась невыносима. Не мудрено, что настоящие бамбуковые медведи носа не кажут из лесов. Сидеть на травке, хрустя свежим стеблем, приятнее, чем разгуливать по мостовой в тяжелом костюме, под палящими лучами солнца. Не зря китайцы считают панду мудрым зверем. Ральф же хоть и влез в звериную шкуру, а ума не прибавилось. Оставалось утешать себя мыслью, что из всех способов сбросить вес этот должен оказаться самым действенным. Полчаса — и Ральф чувствовал себя, как выжатая губка. Пот стекал сплошным потоком, сопоставимым с Ниагарой.

— Лучшая китайская кухня в городе! — кричал Ральф, размахивая пачкой листовок. — Бизнес-ланч за двадцатку! Добро пожаловать в ресторан «Хрустальный Карп»!

В голове не укладывалось, кто по такой жаре будет есть жаренную в кипящем масле рыбу или пить свежезаваренный чай. Да и какой бизнес-ланч в воскресенье? Листовки, которые Ральфу иногда удавалось вручить пешеходам, тут же оказывались в мусорных баках. Не самое приятное чувство, когда прямо на глазах плоды твоего труда отправляют в утиль.

С другой стороны — это ради Стефани. Иаков, например, терпел больше. Что такое полчаса в костюме панды, по сравнению с семью годами на полях Лавана? И если бы Ральфу сказали, что ему тоже придется гнуть шею на Вонга Хо семь лет, он бы не медлил и секунды. Да хоть десять! Главное — продержаться до вечера…

Дверь ресторана приоткрылась, и на улицу выглянула Стефани. Увидев Ральфа, она поманила его рукой. Переваливаясь, как и положено медведю, он поспешил к девушке.

— Устал? — спросила Стефани без всякого сарказма. Ральф не ответил — короткая пробежка далась ему так тяжело, что он не смог выдавить ни одного слова.

— Держи, — сказала Стефани, протягивая Ральфу бутылку воды. Запотевшую, прямо из холодильника. — На тебе лица нет.

— Есть, — хрипло сказал Ральф. — Только не мое.

Он взял бутылку и пил долго, пока воды совсем не осталось.

— Спасибо. Еще чуть-чуть, и хватил бы тепловой удар.

— Из тех, кого я видела, больше часа никто не выдерживал, — сказала Стефани. — Идешь на рекорд.

— А у меня есть выбор?

За спиной девушки замаячил господин Чанг, улыбаясь зло и резко. Администратор показал пальцем на пешеходов. Ральф торопливо попятился. Не дай бог, решит, что он увиливает от работы.

— Через час тебе положен перерыв, — быстро шепнула Стефани. — Заходи, что-нибудь придумаем.

Перерыв! Естественно, господин Чанг не посчитал нужным ему об этом сообщить. Если бы не Стефани, Ральф вкалывал бы до заката!

Час до перерыва прошел в томительном ожидании. Ральф успел разругаться с яростной защитницей прав животных, порывавшейся облить его краской, и изрядно озадачил парочку юных скинхедов — те не могли взять в толк, почему внутри китайского медведя оказался совсем не азиат.

В «Хрустальный Карп», как назло, заходили только те прохожие, которым Ральф не успевал поведать о китайской кулинарии. При подобном раскладе вся его работа теряла смысл, но, стиснув зубы, он продолжал раздавать листовки.

Ральф едва дождался момента, когда вновь выглянула Стефани. Бросился к ней чуть ли не с распростертыми объятьями. Перерыв! Хоть немного тишины и покоя.

В дверях ресторана он столкнулся с господином Чангом. На долю секунды улыбка сползла с лица администратора, однако тот ничего не сказал. На этот раз привратник не стал бить в гонг. Ральф же мимоходом подумал, что с утра старик не сдвинулся и на миллиметр. Но он тут же о нем забыл, спеша за Стефани в глубь ресторана.

Посетителей прибавилось, хотя Ральф не заметил, когда они успели войти. Занят был каждый третий столик. Откуда-то появились еще три официантки, на этот раз китаянки, похожие как две капли воды. Девушки суетливо семенили от посетителя к посетителю, разнося еду и напитки, и выглядели абсолютно счастливыми, хотя и запыхавшимися. Имен на табличках Ральф не разглядел.

— Мне тоже положен перерыв, — сказала Стефани, отвечая на незаданный вопрос.

Мимо столиков прохаживался и сам Вонг Хо, кланяясь посетителям, с кем-то обмениваясь парой реплик.

Оглядываясь на Вонга Хо, Ральф прошел вслед за Стефани к

столику в дальнем углу ресторана, отгороженному от остального зала ширмой. Тот уже был накрыт на две персоны. К счастью, никаких изысков, вроде шевелящихся лангустов или голожаберных моллюсков. Обычная жареная рыба, и главное — никаких палочек, а нож и вилка. Ральф с благодарностью посмотрел на девушку. Есть в костюме панды палочками — верх абсурда.

Надо же, а ведь совсем недавно думал, как пригласить Стефани на обед, и вот — пожалуйста.

— В кои-то веки обед не пройдет в одиночестве, — сказала Стефани. — А то Сун со своими сестрицами меня недолюбливают.

Ральф не сразу сообразил, что девушка говорит про официанток-китаянок. Он снял голову панды, и та горбом повисла на спине.

— Как тебя вообще сюда взяли? — спросил Ральф, садясь за столик. — Ты же совсем не похожа на… восточную девушку. Или тоже не расплатилась за ужин?

Стефани махнула рукой.

— Это какой-то дурацкий закон, — сказала она. — В подобных заведениях обязаны держать сотрудников разных национальностей, чтобы не провоцировать публику. По мне — чушь полнейшая, но есть бумага, есть печать. Так получилось, что мне срочно потребовалась работа и выбирать не приходилось.

— И давно ты здесь?

— Четыре с половиной дня.

— О!

— С прошлой работы меня вышвырнули, а с моей специальностью сложно найти подходящее место. Здесь же не только кормят и платят, так еще и дали крышу на ночь.

— А что за специальность? — осторожно спросил Ральф. Стефани улыбнулась.

— Спорим, никогда не угадаешь! Ральф пожал плечами.

— Наверняка что-то связанное с искусством?

— В точку, — сказала Стефани. — Теоретическая физика.

Ответ был шокирующим. До сих пор в представлении Ральфа физики, все как один, были седовласыми старцами, всклокоченными и с полубезумным взором. Они курили трубки и носили очки в роговой оправе. Стефани же ни с какой стороны не вписывалась в этот образ. Ральф подумал, что в свое время многое упустил, решив не связываться с наукой. Правда, с мозгами у прочих физиков определенно не все в порядке, раз уж они выставили из своих рядов такую девушку.

— А за что уволили? — спросил он.

— Да… Доказала, что два плюс два — это четыре, и десять

лет работы целой лаборатории пошли коту под хвост. В таких случаях проще избавиться от нерадивого сотрудника, чем признать, что многомиллионные гранты спустили в унитаз.

Некоторое время они молчали — Ральф ковырял вилкой рыбу, не решаясь начать есть раньше девушки, Стефани же задумчиво смотрела в потолок.

— Ты правда потерял кошелек? — спросила она. Ральф кивнул.

— Перелезал через забор и не заметил, как из кармана все вывалилось.

— Через забор?!

— Так получилось, — развел руками Ральф, чуть не сбив ширму. — За мной погналась безумная собака, и было недосуг смотреть по сторонам.

— Я так и подумала, что ты никакой не мошенник, — сказала девушка. — И господин Чанг это тоже знает.

— Тогда зачем это? — Ральф постучал по болтавшейся голове панды. — Здесь такая методика подбора персонала?

— Честно — не знаю. Но это неспроста. Спорим, если я одолжу тебе денег расплатиться за завтрак, господин Чанг их не возьмет? Выдумает какую-нибудь бессмысленную причину, лишь бы оставить тебя на работе.

— Неужели так сложно найти распространителя листовок? Девушка пожала плечами.

— Подозреваю, листовки здесь дело десятое. Не нравится он мне. Он страшный, — прошептала Стефани, быстро оглядываясь. — Не опасный, а именно страшный. Как тигр — в Китае же любят тигров?

Ральф кивнул. Господин Чанг будто услышал, что речь о нем. Он взглянул прямо на Ральфа, а потом демонстративно покосился на наручные часы. Страшный? Да уж, девушка права на сто процентов. Что он прячет за зеркальными стеклами очков?

Однако были в этом заведении личности и пострашнее господина Чанга. Например, Вонг Хо. Если господин Чанг походил на тигра, то Вонг Хо напоминал куда более экзотичное и мерзкое создание: гигантское хищное насекомое, богомола, быть может.

— Сколько длится перерыв? — спросил Ральф.

— По закону — полчаса. Так что время есть. Ральф облегченно вздохнул.

— А ты бы действительно одолжила денег расплатиться за завтрак? — спросил он. — Ну, если бы это что-то меняло?

— Теоретически, да, — сказала Стефани. — Практически, тебе пришлось бы ждать две недели, пока мне заплатят за работу.

В этом беда любой теоретической модели: на практике все неизбежно упирается в непредвиденные обстоятельства.

— Именно поэтому тебя вышвырнули с работы? — догадался Ральф. Стефани кивнула. — Чем вы занимались, если не секрет?

— Только не смейся. Выясняли, куда пропадают канцелярские скрепки. Замечал, что скрепки с завидной регулярностью то исчезают, то вновь появляются в самых неожиданных местах?

Ральф невольно постучал себя по карману, где лежала найденная в парке скрепка.

— Точно. Похожая напасть с шариковыми ручками и носками. Я и не знал, что это изучает теоретическая физика.

Стефани нахмурилась.

— Носками физика не занимается. А со скрепками действительно проблема. Представляешь, какие убытки несут фирмы из-за этих спонтанных исчезновений?

— Об этом я не подумал, — сказал Ральф. А ведь действительно: пропала одна скрепка, две — никто и не заметит. Но когда счет идет на миллионы… — И вы выяснили, почему они исчезают?

— Тут дело в форме контура, — сказала Стефани. — Слышал про опыты Майкельсона и Морли с эфирным ветром?

— Нет, — признался Ральф.

— Ну и ладно. Все равно вся их теория гроша ломаного не стоит. Они пытались обнаружить эфирный ветер, исходя из предпосылки, что тот замедляет скорость света. Эйнштейн потом здорово потоптался на результатах их исследований, камня на камне не оставил.

— А как это связано со скрепками? — удивился Ральф.

— Эфирный ветер пока не вписывается в современную картину мироустройства, зато объясняет, почему пропадают скрепки. Конечно, в данном случае представление об эфирном ветре несколько отличается от классической схемы. Изначально предполагалось, что тот не оказывает воздействия на предметы материального мира. Проходит сквозь них, как призрак сквозь стены. Ошибка большинства ученых заключалась в том, что они считали эфир монолитной средой, тогда как он дискретен. И в общем потоке можно выделить многочисленные струи. Так вот, проходя через материальные объекты, эти струи могут отклоняться, изменять направление и так далее. И отчетливее всего это проявляется на стальной проволоке. По разным причинам, попав в проволоку, струя эфира начинает двигаться именно по ней, как вода по канализационной трубе. А теперь смотри. Если скрепка лежит под углом к потоку, то ничего не

случается. Если она оказывается ему параллельна, то происходит вот что: две струи входят в скрепку с разных концов, проходят по ней и закручиваются в двойную спираль, вроде ДНК. Мы назвали это микровихрями. Это двойное торнадо, которое скрепка сама же формирует, ее и уносит. Как домик Дороти в страну Оз. С учетом же скорости эфирного ветра за доли секунды она может оказаться в Антарктиде или на Луне… Мы проверяли — канцелярские скрепки действительно можно найти в космосе. Мало того, скрепка отчетливо видна на одной из фотографий, сделанных «Вояджером-2» на орбите Урана… Ну как, ответила я на твой вопрос?

— Наверное… — задумчиво ответил Ральф.

Настоящая наука занимается простыми вещами. Почему небо синее или почему нагретые предметы светятся… почему пропадают скрепки? Вопросы, которые задают дети, по сути, самые важные вопросы в мире. Но в данном случае объяснение звучало чересчур надуманно. Как у нерадивого отца, который, вместо того, чтобы честно признать, что не знает ответа на заковыристый вопрос, нагородил чепухи, лишь бы отвязаться от назойливого отпрыска.

— И вы выяснили, как справиться с этими… перемещениями?

— Единственный способ — разогнуть скрепку. Тогда с ней ничего не случится. Правда, она перестанет быть скрепкой. Но профессора лаборатории решили, что эфирным токам должно мешать полимерное покрытие. Оптимальной защитой назначили виниловую оболочку.

— Я думал, это для красоты…

— Ха! Так оно и получается. С оболочкой или без нее — скрепки продолжают исчезать. За это меня и вышвырнули. Стоило заикнуться, что никакое покрытие не сможет остановить процесс, и все — прощайте лаборатория, место в общежитии. С чемоданами — на улицу…

— Жестко.

— Это наука. Она не терпит инакомыслия. А уж когда на другой чаше весов оказывается приличная сумма, пожертвованная производителем полимеров, кто станет терпеть пигалицу, которая и диссертацию-то не защитила? — Стефани вздохнула. — На самом деле все не так просто, как кажется. Убытки канцелярских фирм — одна сторона монеты. Если удастся совладать с этим явлением, научиться управлять движением эфирных струй, представляешь, какие возможности откроются перед человечеством? Это же прямая дорога к околосветовым скоростям и межзвездным перелетам. Такого прорыва в науке не было со времен изобретения колеса. Но вместо того чтобы заниматься

делом, приходится, улыбаясь, разносить тарелки.

Ральф сочувственно кивнул. Картина, нарисованная Стефани, может, и была утопической, но образ звездолетов, с помощью обычных скрепок несущихся к далеким мирам, завораживал. Нет, неспроста скрепка входит в десятку величайших изобретений человечества. В Норвегии ей даже установили памятник.

Но куда больше скрепок и звездолетов пленяла сама девушка. Пока Стефани описывала схему придуманного ею эфирного паруса, ее лицо будто светилось изнутри. Научные выкладки Ральф понимал через слово, путался в терминах и не разобрался, зачем соединять скрепки с индукционными катушками, но в то же время слушал девушку, раскрыв рот. Когда-нибудь Стефани действительно построит свой звездолет, в этом можно не сомневаться. А раз так — Ральф не хотел оставаться в стороне.

Но все хорошее быстро заканчивается. Перерыв не стал исключением — Ральф и оглянуться не успел, как Стефани встала из-за стола.

— Тебе пора. А то выставят штраф за опоздание, будешь потом два дня отрабатывать.

Господин Чанг, не отрываясь, смотрел на наручные часы, отсчитывая последние секунды. Прилаживая голову панды, Ральф поспешил к выходу.

Однако в дверях администратор схватил его за рукав и развернул к себе лицом. Ральф уставился на свое отражение в зеркальных очках — вид был до безобразия глупый. Из-за изгиба стекол голова казалась непропорционально огромной по сравнению с крошечным тельцем.

В руках администратор держал темную шкатулку размером с небольшую книгу. Лакированное дерево матово поблескивало.

— Слушай внимательно, — сказал господин Чанг. — Сейчас дойдешь до угла и будешь ждать, пока к тебе не подойдет клоун. Передашь ему это.

— Передам кому? — тупо переспросил Ральф. Улыбка администратора на мгновение скривилась.

— Клоуну. Огромные ботинки, полосатые гольфы, рыжий парик и круглый красный нос.

— Ага, — кивнул Ральф. Передача таинственных шкатулок клоунам явно не входила в его должностные обязанности. Но спорить с администратором он не решился.

Ральф двумя руками взял шкатулку и вышел из ресторана. Не обращая внимания на прохожих, дошел до угла и остановился, озираясь в поисках клоуна. Но пока на горизонте не было никого похожего.

Он перевел взгляд на шкатулку. Вроде бы ничего особенного — неприметный ящичек из темного дерева. Под толстым слоем лака едва просматривался орнамент из переплетающихся спиралей. Шкатулка оказалась тяжелой. Интересно, что там внутри?

В груди шевельнулось дурное предчувствие. Наркотики?

А ведь скорее всего… Ловко придумано — ни один полицейский в здравом уме не станет обыскивать панду или веселого клоуна. Лучшего канала для наркотрафика просто не придумаешь. Мысль эта Ральфа не обрадовала: становиться преступником, пусть и невольным, он не планировал. Хорошо начался день, если остаток жизни придется провести на тюремных нарах. Просто замечательно.

Теперь ясно, что имела в виду Стефани, когда говорила: так его не отпустят.

Ральф постарался взять себя в руки. Без паники. Еще не факт, что в шкатулке лежат наркотики. В любом случае, пока не проверит — не узнает. Чанг же не запрещал заглядывать в коробочку… Тогда что его останавливает? И уж если там действительно окажутся наркотики, то надо бежать в полицию.

Правда, Ральф понятия не имел, где находится ближайший участок. В костюме он далеко уйти не успеет. Администратор наверняка за ним следит. Стоит Ральфу хоть на секунду пропасть из виду, и господин Чанг тут же примет меры.

Тогда никаких звездолетов.

Повернувшись к ресторану спиной, Ральф открыл коробочку, уже зная, что увидит под крышкой. Плотные целлофановые пакетики с белым порошком.

Ральф едва успел захлопнуть крышку шкатулки, как из-за угла появился клоун. Все, как описал господин Чанг: рыжий парик, нарисованная улыбка до ушей и огромный круглый нос из красного поролона. Клоун шел вприпрыжку, держа в руке связку воздушных шаров с эмблемой нового торгового центра. Коллега по работе в уличной рекламе.

Не останавливаясь, клоун выхватил шкатулку из рук Ральфа и ускакал вниз по улице.

И что теперь делать? Какой толк раздавать листовки, если и так ясно: ресторан не более чем ширма? Нужен для того, чтобы отмывать деньги. Самый настоящий наркопритон. И сейчас, когда он это знает, его живым не отпустят.

Здравый смысл подсказывал как можно быстрее уносить ноги из «Хрустального Карпа».

Ральф покачал головой. У господина Чанга наверняка в

запасе есть средства остановить его. С администратора станется пристрелить Ральфа прямо на пороге участка. Исключительно шутки ради, когда до спасительной двери останется один шаг. Тигры всегда атакуют, когда жертва расслабилась и поверила в спасение. Такое у них чувство юмора.

К тому же в ресторане осталась Стефани. Господин Чанг наверняка видел, какими глазами Ральф смотрел на девушку, и все понял. Вот и решил воспользоваться ситуацией. Иначе с какой радости доверил бы шкатулку с наркотиками абсолютно незнакомому человеку?

Значит, придется возвращаться в ресторан. По крайней мере до тех пор, пока не решит, как им с девушкой выбраться из этой передряги. Придется сыграть дурачка и сделать вид, что он ничего не понял. Поверит ли господин Чанг, что Ральф не открывал шкатулку? Ну, если и дальше стоять столбом, точно не поверит.

Ральф выхватил пачку листовок и заорал что было мочи:

— Ресторан «Хрустальный Карп»! Лучшая китайская… Маленькая девочка, собиравшаяся поздороваться за лапу с удивительным зверем пандой, испуганно шарахнулась в сторону.

Ральф набросился на работу с таким рвением, что пришлось себя осаживать. Так он господина Чанга не проведет и навлечет лишние подозрения. И не стоит каждую минуту оборачиваться на двери ресторана. Спокойно… Нужно вести себя непринужденно, как будто ничего не случилось.

Но это легко на словах. Ральф перешел на другую сторону улицы, чтобы, с одной стороны, было видно, что он никуда не сбежал, а с другой — казалось, что он отлынивает от работы. Если повезет, администратор клюнет на эту уловку.

Мысли носились со скоростью, сделавшей бы честь эфирному ветру. Догадывается ли Стефани, что творится под крышей «Хрустального Карпа»? Что-то наверняка подозревает — неспроста же она предупреждала его насчет господина Чанга. С другой стороны, девушка так увлечена своими канцелярскими звездолетами, что многого могла и не заметить. И в первую очередь, в какой опасности она оказалась.

Листовки быстро закончились, но возвращаться в ресторан за новой партией Ральф не спешил. Он пару раз крикнул о достоинствах экзотической кулинарии, но исключительно для проформы. Ральф надеялся, что рядом проедет полицейская машина, но стражи порядка так и не появились. Как Роланд в Ронсевальском ущелье, он остался один на один с врагом.

Спустя какое-то время из ресторана вышла Стефани. Вместо униформы официантки на девушке было длинное летнее платье,

и оно подходило ей куда больше кимоно.

— Еще держишься? — спросила она.

Он махнул рукой. По правде говоря, Ральф давно перестал обращать внимание на жару и неудобный костюм — хватало и других проблем.

— Ты уходишь? Я думал, ты здесь живешь…

— Живу. Но смена закончилась, а желания проводить здесь свободное время у меня нет, — объяснила Стефани. — Думаю, немного прогуляться. Когда без цели бродишь по улицам, в голову приходят интересные мысли.

— Надо поговорить, — сказал Ральф, оборачиваясь к ресторану. Господин Чанг если и следил за ними, то прятался за дверью. В любом случае, с такого расстояния их не услышать.

То, что Стефани могла спокойно уйти из ресторана, разом меняло дело. Значит, она сможет привести подмогу, вызвать полицию… Или им стоит сбежать вместе? Но тогда господин Чанг обо всем догадается и пустится в погоню. С другой стороны, он заподозрит девушку только потому, что та подошла к Ральфу. Значит, отпускать ее одну нельзя ни в коем случае.

В конце улицы мелькнуло рыжее пятно.

— Погоди, — насторожился Ральф.

Прищурившись, он посмотрел в ту сторону, надеясь, что ему померещилось. Но нет — по тротуару шла собака. Рыжий терьер из парка. Он-то как здесь очутился? Вот уж кого не ожидал снова встретить. Мало ему прочих неприятностей?

Собака шла по следу. То низко опускала голову, то вставала в стойку, принюхиваясь и поскуливая. В темных глазах плясал охотничий азарт. Ральф быстро прижался к стене.

— Что-то случилось? — спросила Стефани.

— Видишь? — громко прошептал Ральф, указывая на терьера. — Это тот пес, из-за которого я здесь очутился! Проклятье, он преследует меня!

— Зачем? — удивилась Стефани. Ральф нервно повел плечом.

— Может, это собачий маньяк? Читал я про одного сенбернара — такие ни перед чем не остановятся.

— Выдумки все это, — отмахнулась Стефани. — С чего ты взял, что он ищет именно тебя?

Как раз в этот момент терьер заметил Ральфа. Даже костюм панды не помог. Терьер выпрямился, пару раз громко тявкнул и неторопливо двинулся навстречу Ральфу, прекрасно понимая, что тому отступать некуда.

Мир ужался до крошечного пятачка, на котором существовали он да сумасшедший пес. Пришла пора расквитаться за все, чего он натерпелся по вине этой твари.

Широко расставив руки, Ральф шагнул навстречу псу. Сказать по правде, он рассчитывал только припугнуть его. По плану Ральфа, увидев гигантского медведя, терьер должен, скуля, убежать прочь. Пусть знает, с кем связался. Но пес оказался не робкого десятка. Опустив голову, терьер зарычал и рванулся к Ральфу.

Дальнейшие события развивались с такой стремительностью, что Ральф просто не успел их отследить. Он не понял, кто на кого налетел первым и почему он упал. Просто в какой-то момент Ральф осознал, что лежит на асфальте, прижимая к груди брыкающегося пса. Тот хрипло лаял и извивался, как уж, силясь дотянуться до обидчика и показать, у кого зубы острее. К счастью, костюм панды давал преимущество: прокусить толстую шкуру терьер не мог. Не рискнув выпустить пса, Ральф поднялся на ноги.

— Ну и зачем ты его поймал? — спросила Стефани. Хмурясь, она переводила взгляд с Ральфа на его добычу. Наверное, со стороны они смотрелись забавно — огромная панда в обнимку с собакой. Ральф же не видел ничего смешного, да и терьер не выглядел радостным.

— Отнесу его на кухню, будет знать, как со мной связываться. Китайцы едят собак?

— Собак едят корейцы.

— Но чау-чау — китайская собака? И вывели ее специально для еды. Силлогизм в одно действие.

— Не знаю. Но *здесь* собак не подают. Я так думаю… Надеюсь…

— Если подают змей и кошек, то почему не могут и собак?

Ральф усмехнулся, но смешок вышел мерзким, как воронье карканье. Перспектива же стать частью экзотического блюда не напугала терьера. В налитых кровью глазках смешались раздражение и ярость.

— Погоди, — сказала Стефани. Она нахмурилась. — Быть того не может!

Девушка склонилась над головой собаки и схватила терьера за ухо. Пес задергался что было сил; если бы не поролоновые прокладки на костюме, он наверняка бы распорол когтями живот Ральфу.

— Держи крепче, — крикнула Стефани. Пес вывернул шею и попытался укусить девушку за запястье. Та отпрянула, и зубы сомкнулись на руке Ральфа. Прокусить — не прокусил, но руку словно зажали в тисках и быстро закручивали винты.

— Ай! — Ральф едва не выпустил собаку.

— Осторожней! — предупредила Стефани. Она снова

схватила ухо пса и оттянула в сторону.

Терьер ее словно не заметил, сосредоточившись на руке Ральфа. Методично сжимал челюсти, с явным намерением отгрызть подвернувшуюся конечность. И если это будет продолжаться пару минут, у него все шансы достичь своей цели.

Слезы катились градом, Ральф стиснул зубы, лишь бы не заорать благим матом.

— Есть! — Стефани отстранилась от пса и, широко улыбаясь, показала Ральфу канцелярскую скрепку. Но вряд ли в сложившейся ситуации это могло его обрадовать. Когда тебя пытаются съесть заживо, не до курьезов. Ральф, как мог, сжал руки, в надежде, что хоть это заставит пса открыть пасть. Без толку, терьер держал его мертвой хваткой.

— Думаешь, это все? — сказала Стефани. Она вновь нагнулась к собаке и, звено за звеном, вытащила из уха терьера длинную цепочку разноцветных скрепок.

Как и положено немой сцене, тянулась она долго. И самым озадаченным выглядел терьер. От удивления он отпустил Ральфа и жалобно заскулил. Его можно понять — не каждый день узнаешь, что у тебя голова забита канцелярскими скрепками. Мало кого обрадует подобная новость. Цепочка качалась перед собачьей мордой, будто Стефани пыталась загипнотизировать пса. Ей это почти удалось — терьер монотонно вертел головой, не спуская глаз со скрепок.

— Откуда они у него взялись? — спросил Ральф. Стефани и сама выглядела несколько растерянной.

— Занесло эфирным ветром, — пожала она плечами. Но подобное утверждение слабо согласовывалось с ее теорией. Она и сама это прекрасно понимала.

— Это что, фокус? — спросил Ральф. — Признайся, они были у тебя в рукаве?

— Где? — на всякий случай уточнила Стефани. Но Ральф уже сообразил, что сморозил глупость — платье девушки было без рукавов.

В этот момент за спиной Ральфа раздалось сухое покашливание.

— Господин Крокет?

Ральф выпрямился. Уже по тому, как изменилось лицо Стефани, он понял, что ничего хорошего его не ждет. Ральф испуганно разжал руки и выпустил пса. Упав на асфальт, терьер вскочил на лапы, но убегать не стал.

Глубоко вдохнув, Ральф повернулся. Китаец вежливо улыбался. В солнечном свете его кожа выглядела блестяще-

глянцевой, словно ее покрывал толстый слой воска. Не лицо, а маска; даже глаза не выдавали истинных чувств хозяина ресторана.

Ральф судорожно сглотнул.

— Вы нашли мою собаку? — прошелестел Вонг Хо. — Как это мило с вашей стороны, господин Крокет.

— А это ваша собака? — изумился Ральф. Нагнувшись, китаец потрепал терьера между ушами.

— Его зовут Айбо, — сказал Вонг Хо. Терьер громко тявкнул, подтверждая его слова.

Окажись у пса другой хозяин, Ральф бы не постеснялся высказать, что он думает о таких питомцах. Но он словно язык проглотил. Мысли вертелись вокруг безумной идеи — неужели все подстроено с самого начала? Что если пес Вонга Хо специально поджидал его в парке, чтобы в конечном итоге заманить в «Хрустального Карпа»? Нет — слишком сложная схема. Но совпадение не могло не настораживать.

— Я заберу это? — спросил Вонг Хо, протягивая руку к скрепкам. Стефани медленно кивнула, но владельцу ресторана и не требовалось ее согласие.

Тонкие пальцы китайца пробежались по цепочке, пересчитывая звенья. Скрепку, которую Стефани достала первой, он присоединил к общему ряду.

— Здесь не все, — сказал он.

Развернувшись, Вонг Хо зашагал к ресторану. Айбо, опустив голову, потащился следом.

— Что это значит? — тихо спросил Ральф, когда китаец отошел на достаточное расстояние. Стефани не нашлась, что ответить.

— Ерунда какая-то, — сказала она. — Но это не обычные скрепки.

— Естественно. Обычные скрепки покупают в магазине, а не достают из уха собаки.

— Не в том дело. Ты не представляешь, сколько скрепок прошло через мои руки? И поверь, я знаю в них толк.

— И что не так с этими? — спросил Ральф. Стефани пожала плечами.

— Не могу понять. Эти скрепки… они какие-то чужие. Звучит, наверное, глупо. По статистике, только пять процентов канцелярских скрепок используется по прямому назначению. Им находятся сотни других применений. Никогда не замечал, что скрепку приятно просто вертеть в пальцах? Все потому, что когда в «Джем Мануфактуринг» доводили до совершенства изобретение Йохана Валера, они думали о том, что когда-нибудь оно окажется

в человеческих руках. А с этими скрепками такое ощущение, что их делали для кого угодно, но не для людей.

Ральф нахмурился. Похоже, он понял, что имела в виду девушка. Скрепка, которую он нашел в парке, тоже была неприятной на ощупь.

— Ты, кстати, хотел поговорить? — напомнила Стефани.

Ральф быстро огляделся. Скрепки скрепками, но у них были более серьезные проблемы.

— Это не обычный ресторан, — шепотом сказал он. — Императорские куры, пекинские утки и карпы — все это на самом деле прикрытие…

— Точно! — вскричала Стефани. Она не стала его дослушивать и быстро пошла обратно к «Хрустальному Карпу».

Ральф остался стоять, глядя вслед девушке. План совместного бегства рухнул. А сказал бы сразу, что они должны уносить ноги, давно бы пили кофе в полицейском участке.

— Погоди! — крикнул Ральф, но Стефани скрылась за дверью. Вместо нее на пороге появился господин Чанг. Ловушка захлопнулась.

Администратор поманил Ральфа рукой. На ватных ногах тот вернулся к ресторану.

— Передал шкатулку? — спросил господин Чанг. Будто сам не видел. Ральф кивнул.

— Замечательно, — сказал администратор.

Сейчас он спросит — не заглядывал ли Ральф внутрь. И по тому, как тот скажет «нет», без труда поймет, что правильный ответ — «да».

— Пойдем, — сказал господин Чанг и толкнул дверь, пропуская Ральфа вперед.

Ральф поискал взглядом Стефани, но девушки не увидел. Господин Чанг свернул в узкий коридорчик, ведущий к туалетам. Ральф напрягся, но все же пошел за ним. Сомнительно, что они решили избавиться от него прямо здесь. В ресторане полно посетителей, Вонг Хо не стал бы так рисковать.

Но если он ошибается? Что ж — тогда придется принять бой. Когда рука господина Чанга потянется к пистолету на поясе, он набросится на него со спины. Китаец наверняка в совершенстве владеет единоборствами, но на стороне Ральфа будут внезапность и превосходство в весе. В узком пространстве это могло сыграть ему на руку. Крики должны всполошить посетителей ресторана…

Администратор остановился перед неприметной дверью подсобки, вплотную примыкавшей к туалетам.

— На сегодня свою работу ты сделал. Можешь отдыхать. Господин Чанг открыл дверь.

— Спать будешь здесь, — сказал администратор, указывая на сваленные в углу подсобки матрасы. Тут же стояли ведра и грязные швабры.

— Спать? — Ральф застыл с раскрытым ртом, хотя знал, что так все и обернется. — Но… меня не отпустят домой?

— Домой? — удивился господин Чанг. — Ты отработал один день, осталось три. Отпустим тебя домой, и где гарантия, что завтра мы тебя снова увидим?

Ясно… Отпускать его действительно не собирались. А шансы встретить утро на дне залива подскочили до невиданных высот.

Может, по китайским меркам комната, которую ему выделили, была удобной. В перенаселенной Поднебесной и в меньших помещениях ютятся по десятку человек. А ему повезло — он был здесь один.

Осознание этого факта ничуть не утешало. До сих пор Ральф не подозревал, что у него такая сильная клаустрофобия. Здесь же он никак не мог избавиться от ощущения, что стены сдвигаются. И если он задержится еще чуть-чуть, то они его попросту расплющат. Высокий потолок усиливал гнетущее впечатление. Окон в подсобке не оказалось, единственным источником света была тусклая желтая лампочка. Под потолком переплетались толстые блестящие трубы. Из-за соседства с туалетом подсобка насквозь пропиталась резким запахом дезинфицирующего средства.

Зато он наконец снял осточертевший костюм панды. Только избавившись от него, Ральф понял, как тот тяжел. Плечи нестерпимо ныли, шею было не повернуть. Но в то же время в теле ощущалась удивительная легкость. Что ж, сейчас он точно сбросил лишние килограммы. Пусть висят на ручке швабры.

Ральф прилег на матрас. Первым делом надо найти Стефани и рассказать ей, что за дела здесь творятся. Он должен заставить девушку его выслушать…

Он посмотрел на металлическую дверь трансформаторного щита. Череп, пересеченный молнией, смотрелся крайне символично. Жаль, никто не догадался нарисовать его сразу на дверях ресторана. Знал же, что не стоит связываться с китайской кухней. И вот наглядный итог отступления от жизненных принципов — грязный матрас в тесной каморке и крайне сомнительные перспективы.

Ральф вскочил и подошел к щиту. Не то чтобы он что-то заметил — скорее, поддался предчувствию.

Пришлось повозиться с дверцей. Ральф чуть не вывихнул запястье, проворачивая проржавевшую задвижку. От тряски

казалось, что нарисованный череп клацает челюстью, пытаясь что-то сказать. Наконец щит открылся, и Ральф отступил на полшага. Все так, как он и думал. Никаким электричеством здесь и не пахло.

В этот момент в каморку постучали; Ральф захлопнул дверцу. Господин Чанг решил его проверить? Вовремя…

— Да?

Вместо администратора вошла Стефани.

— Меня уволили, — сказала она с порога. — Только что. Выдали расчет и послали собирать вещи. Еле уговорила остаться еще на одну ночь. Не хочется спать на скамейке в парке…

Не спрашивая разрешения, она прошла и села на матрас.

— Погоди, — сказал Ральф. — Как — уволили?

— Просто. Заявили, что в моих услугах больше не нуждаются. Не получилось из меня официантки…

Ральф задумался. Нет уж, на совпадение это совсем не похоже.

— Они заметают следы, — тихо сказал он. — Избавляются от лишних свидетелей.

— Ты тоже догадался? — спросила Стефани.

— Про наркотики? Я их видел собственными глазами.

— Какие наркотики? — растерялась Стефани.

Ральф молча раскрыл дверцу трансформаторного щита. В свете лампочки заблестел целлофан. Брови Стефани поползли вверх.

— Знаешь, что это? — спросил Ральф.

Стефани осторожно вытащила один из брикетов. Повертела в руках.

— Героин? — уточнила она.

— Вот именно, — сказал Ральф, переходя на шепот. — Об этом я и хотел тебе рассказать там, на улице… И если бы ты дослушала до конца, на руках Вонга Хо и Чанга уже были бы наручники.

— Ты сказал, что это не ресторан. Я должна была убедиться.

— Конечно, не ресторан, — кивнул Ральф. — Самый настоящий наркопритон.

— Я хотела проверить совсем другое. Притон не притон — не суть важно, а одно я знаю точно: это космический корабль. Я сделала расчеты — все сходится. Его просто замаскировали. Но если знать, что искать, составить план здания, то все становится ясно.

— Прости, что?

— И Вонг Хо, и Сун с сестрами — они не люди, — продолжила Стефани, не слушая Ральфа.

— Ну, не так грубо, — сказал Ральф, который более терпимо относился к другим национальностям.

— Они инопланетяне. Потому и выглядят, как куклы: это не настоящие лица, а маски.

— Инопланетяне, которые держат китайский ресторан и приторговывают героином? Чушь собачья.

— А много мы знаем об инопланетянах? — парировала Стефани. — Может, у них высшие цели. Они изучают биохимию или что-нибудь в этом роде. И героин им нужен для опытов.

— Хороши опыты! Стефани развела руками.

— Внеземной разум. Ты хоть представляешь, какие это открывает возможности — новые технологии, новые знания… До звезд будет рукой подать.

Проклятье! Неужели она так замечталась о своих звездах, что не видит очевидного?

— Открывает возможности? — усмехнулся он. — Всего одну — быстро отправиться на тот свет. Наркоторговцы везде одинаковы, будь они хоть с Альфы Центавра. И вот что я тебе скажу: живыми они свидетелей не отпускают. Думаешь, тебя просто так уволили? Ты уйдешь, но через пару кварталов тебя затолкают в машину и заклеят рот скотчем. Что дальше, догадайся сама. А к ресторану потом никаких претензий. Да, работала такая, но ее давно уволили.

— И что теперь делать?

— Надо бежать. Рассказать все полиции… Только сделать это не получится — стоит мне выйти из ресторана, как за ближайшим поворотом будет ждать машина с тонированными стеклами. Если вообще удастся выйти… Шанс был, но пришлось вернуться.

— Из-за меня?

Ральф заставил себя улыбнуться.

— Шанс есть всегда, — сказала девушка. — Надо уходить под утро. Когда все будут спать.

— Главное, дождаться этого утра.

Лежать и обдумывать планы побега, вместо того чтобы действовать, было невыносимо. Стены давили, но выйти из каморки Ральф не рискнул, даже ради того, чтобы перекусить. Не стоило лишний раз напоминать о своем существовании. Ближе к полуночи заскочила Стефани и принесла холодную курицу.

— Тебе нужно поспать, — сказала она, забирая пустую тарелку.

— Думаешь, я смогу уснуть? — ехидно поинтересовался Ральф.

— Просто ложись и закрой глаза, — посоветовала Стефани.

— Ничего не получится…

— А ты попробуй, — сказала девушка, присаживаясь рядом. Ральф попробовал.

Когда он открыл глаза, ничего не изменилось. Стефани по-прежнему сидела на краешке матраса. На коленке у девушки лежал блокнот, в котором она делала торопливые расчеты или составляла план побега. Ральф сел.

— Я уже собиралась тебя будить, — сказала Стефани.

— А сколько времени? — спросил Ральф.

— Около пяти утра, — ответила Стефани. Ральф вскочил на ноги.

— Уже?!

Девушка кивнула. Ральф прошелся по каморке — от стены к стене, как тигр в клетке.

— И чего мы ждем? Надо быстро добежать до двери…

— Входная дверь закрыта, — сообщила Стефани. — Я сама видела, как господин Чанг запер ее на ключ. Снаружи.

— А ты случайно не умеешь открывать замки скрепками?

— Зачем? На кухне есть запасной выход, — сказала Стефани. — И там никого нет.

— Тогда пошли, — сказал Ральф.

Некоторое время они выжидали в полной тишине, вслушиваясь в звуки, доносившиеся из-за двери каморки. Наверху пронзительно скрипнула половица, очевидно, затем, чтобы подчеркнуть ночную тишину ресторана.

Ральф на цыпочках подошел к двери. В коридоре было темно, лишь вдалеке, со стороны зала, струился тусклый желтоватый свет.

— Действовать надо быстро и осторожно, — прошептал он. — Я пойду впереди, ты — за мной. Если попадемся: я постараюсь их задержать, ты же беги, не оборачиваясь… Ясно?

Он повернулся, и швабры с ведрами с грохотом посыпались на пол. Голова панды с гулким «бом!» ударилась о стену и отлетела под ноги девушке.

Ральфу сильно повезло, что Стефани не владела пирокинезом.

— И ты еще говоришь об осторожности? — прошипела девушка. Ральф замер, боясь пошевелиться. Хотя, что толку? Он уже поднял на ноги половину квартала. Сейчас на шум явится Вонг Хо, и все будет кончено…

— Чего ты ждешь? — Стефани прошмыгнула мимо Ральфа и выскочила в коридор.

— Эй! Погоди! — Ну и кто должен идти первым?

Стефани он догнал в конце коридора. Девушка остановилась

и осторожно заглянула за угол.

— Порядок, — она быстро прошла к кухне.

— А если там кто-то есть? — спросил Ральф, когда девушка взялась за ручку двери.

— Тогда будем действовать по ситуации.

Но все оказалось в порядке. Они вошли в темный лабиринт плит и кухонной утвари.

— Главное, ничего не урони, — прошептала Стефани. — Постарайся, ладно?

— Попробую…

Со стороны аквариумов раздавались таинственные всплески. Где-то в глубине помещения гудела вытяжка. Ральф поежился — в мире не так много мест, по своей мрачности сравнимых с ночной кухней китайского ресторана.

— Нам туда, — Стефани махнула рукой. Не дожидаясь Ральфа, она направилась к заветной двери, ловко лавируя между плит.

Ральфу это далось с большим трудом. Пробираться в полной темноте, когда один неосторожный взмах рукой — и на пол летят котлы и кастрюли, ножи и сковородки… Только чудом ему удалось ничего не опрокинуть, но метафору о слоне в посудной лавке он ощутил во всей полноте.

Они почти дошли, как вдруг вспыхнул свет, больно ударив по глазам.

Ральф прирос к месту, но, к счастью, Стефани дернула его за рукав, вынуждая сесть. Не понимая, что происходит, он уставился на девушку. Та жестом приказала ему молчать и указала на щель между плитами. Ральф на корточках подобрался ближе и выглянул.

За металлическим разделочным столом посреди зала сидел Вонг Хо. У ног хозяина лежал терьер. Проклятье! Неужели владелец ресторана все это время был здесь? От одной мысли об этом засосало под ложечкой.

Китаец медленно поднял голову. Если он и догадывался о присутствии Ральфа и Стефани, то ничем себя не выдал. На столе перед ним лежал плотный пакет. Вонг Хо осторожно поднял его и методично стал раздирать целлофан.

На металлическую столешницу хлынул поток белого порошка. Вонг Хо зачерпнул пригоршню героина, поднес к лицу и принюхался. Небось проверяет качество. Сейчас еще попробует щепоточку на вкус — подобные сцены ценят в полицейских сериалах…

Пробовать Вонг Хо не стал. Просто уткнулся лицом в горку порошка и быстро съел все без остатка.

Ральф ошарашенно смотрел на китайца. Он понятия не имел, какая доза героина считается смертельной, но этого количества хватило бы, чтобы отправить на тот свет стадо слонов.

Ральф взглянул на Стефани — девушка была поражена не меньше его. Впрочем, пристрастия владельца ресторана играли им на руку. После такой дозы Вонг Хо если и придет в себя, то не скоро. За это время они успеют сбежать. Осталось дождаться, пока зелье начнет действовать. Вряд ли это займет много времени.

Тем временем Вонг Хо взял вторую пригоршню порошка и съел. Это уже не лезло ни в какие ворота. Разве что китаец решил свести счеты с жизнью. Повернувшись к Стефани, Ральф покрутил пальцем у виска. Девушка пожала плечами.

Наркотик, видимо, попался некачественный. Даже после третьей горсти ничего не произошло. Вонг Хо ел героин, как кукурузные хлопья, спокойно и безо всякого эффекта. Если так пойдет дальше, им еще долго прятаться за плитой. А от сидения на корточках у Ральфа затекли ноги.

И нельзя забывать о терьере. Пока глаза пса закрыты, но в любой момент он может проснуться… Стоило об этом подумать, как пес тут же вскочил и глухо зарычал. Проклятье!

Причина оказалась иной — дверь кухни распахнулась, и на пороге появился господин Чанг.

— Доброй ночи.

Вонг Хо повернулся к администратору.

— Вы еще здесь? — в голосе не было и тени удивления. — Мы выдали вам расчет. Или остались вопросы?

— Не ожидали, что снова увидимся? — усмехнулся администратор. Он прошел на кухню. Ральф прижался спиной к плите. Господину Чангу достаточно чуть повернуть голову, чтобы их заметить. Но администратор смотрел на Вонга Хо, а очки сильно ограничивают боковое зрение.

— Надеялся, что этого не случится, — сказал владелец ресторана. Он встал из-за стола.

На этот раз не было никаких поклонов. Оставшись один на один, Чанг и Вонг Хо мигом забыли о церемониях.

— Мне не понравился ваш расчет, — заявил администратор.

— Сумма была в три раза больше оговоренной.

— Мне не нравится ваша идея свернуть бизнес.

— Я стар, — сказал Вонг Хо. — И мне пора уходить…

— И куда это вы собрались со всем товаром? Вонг Хо не ответил.

— В общем, я подумал: пришло время брать дело в свои руки. У вас здесь скопился такой запас товара, что ничего не стоит разом подмять под себя весь рынок. И у меня есть предложение: я

этим займусь. А вы, раз уж вам так приспичило, сваливаете на свой Хайнань. Лежите себе на солнышке и получайте дивиденды. Чем не счастливая безбедная старость?

— Это невозможно, — отрезал Вонг Хо.

— А если так? — господин Чанг выхватил пистолет и выстрелил в Айбо.

Пес коротко взвизгнул и упал.

— Он мне никогда не нравился, — объяснил администратор. — Надеюсь, теперь понятно, что я не шучу?

Если владельца и потрясла гибель любимца, то вида он не подал.

— Я все рассчитал, — сказал господин Чанг. — Так или иначе, это дело я забираю. Я просто предлагаю вам уйти живым и богатым. Если не хотите — придется вас пристрелить, как вашего любимчика. Ну что, согласны?

— Я уже говорил — это невозможно. Администратор вздохнул.

— Мое дело — предложить. Все кончено, старик, тебе пора на покой, — господин Чанг снял очки.

Ральф ничуть не удивился, когда стало ясно, что администратор не китаец. Господин Чанг взвел курок и широко улыбнулся. Вонг Хо стоял, не шелохнувшись, выпрямившись в полный рост. Бескровные губы вытянулись в тонкую ниточку. Он же совсем не боится…

— Пока-пока! — сказал господин Чанг.

Ральф схватил с плиты кастрюлю и швырнул ее в спину администратора. Прозрачная желеобразная масса — по всем приметам, суп из медуз — разлетелась веером. И в это же мгновение прогремел выстрел — за долю секунды до того, как кастрюля достигла своей цели.

Администратор резко развернулся и встретился глазами с Ральфом.

— Так, — протянул он. — Ты что здесь делаешь? Решил ускорить процесс? А сидел бы в своей каморке — может, дожил бы до утра. Зато не придется тащить сюда твое тело… Как же ты мог? Убить беззащитного старика из-за дозы героина…

Он пнул кастрюлю, и та с грохотом откатилась в дальний угол. Вот и все… Ральф печально посмотрел на Стефани, прощаясь. Девушка взяла его за руку.

— Господин Чанг, — молвил Вонг Хо. — Вы закончили? Владелец ресторана до сих пор стоял, словно и не было никакого выстрела. Все так же улыбался, руки скрыты в рукавах халата. А Чанг не мог промахнуться — стрелял он в упор. Администратор растерянно обернулся, поднимая пистолет.

— Айбо, — приказал Вонг Хо. — Ликвидируй.

Ральф посмотрел на мертвого пса. И вместо него увидел ошметки рыжей шкуры, поверх которых сидела громадная оса из серебристого металла.

— Это еще что…

Оса подняла длинные крылья из похожего на твердый целлофан материала, пару раз взмахнула, и они тут же исчезли, смазавшись в одно дрожащее пятно. Там, где должны быть фасеточные глаза, вращалось нечто похожее на барабан револьвера с линзами вместо пуль. Оса взмыла вверх.

Администратор попятился, поскользнулся на супе из медуз и упал. Металлическая оса пронеслась над плитами, с грохотом сбивая утварь.

Опираясь на руку, господин Чанг приподнялся и трижды выстрелил вслед заходящей на очередной вираж осе.

Он вскочил на ноги, и тут же в него врезалась оса. Тонкое стальное жало вонзилось в грудь администратора, выскочив со спины.

— Снимите с меня эту гадость! — завизжал господин Чанг. Схватившись за тельце механической осы, он попытался сбросить ее, но металлические лапки вцепились намертво. Господин Чанг упал на спину, попытался прижать насекомое телом. Доли секунды они барахтались в остатках супа из медуз. Затем брюшко бывшего Айбо вновь приподнялось. Второй удар был более точным — прямо в сердце. Администратор дернулся и затих.

Механическая оса ползала по телу поверженного врага. Целлулоидные крылышки трепетали с мерзким треском, будто очень быстро терли друг о друга два куска пенопласта. Наконец она затихла.

Ральф рискнул поднять голову над плитой. Вся эта кошмарная сцена заняла считанные секунды. И за это время Вонг Хо даже не пошевелился.

— Доброй ночи, господин Крокет, — сказал владелец ресторана. — Очень любезно с вашей стороны, что вы решили мне помочь.

Первой опомнилась Стефани. Девушка поднялась из-за плиты.

— Что это значит?! Он же стрелял в вас… Попал — я видела!

— Если я скажу, что пуля не задела ни одного жизненно важного органа, вас устроит такое объяснение?

— Кто вы? — спросила Стефани.

На лице Вонга Хо не дрогнул ни один мускул:

— Вы действительно хотите это знать?

— Да. И про осу… И про космический корабль, который вы

выдаете за ресторан…

Вонг Хо кивнул.

— Никто вам не поверит, и это уже ничего не изменит…

И, подцепив на шее кожу, он стянул ее с головы, точно чулок.

Легко и быстро, как и положено снимать маску. Человеческое лицо упало на пол, обвисшее и сморщенное, похожее на сгнившее изнутри яблоко.

Быть может, Ральф должен был испугаться, задохнуться от отвращения, на худой конец просто удивиться. Но, глядя на блестящую хитином треугольную голову, на бесчисленные отражения в золотистых фасетках, на членистые усики, Ральф почувствовал облегчение. Все вдруг встало на свои места.

За спиной Вонга Хо развернулись ажурные крылышки. Свет ловко преломлялся в полупрозрачных пластинах, окрашивая их радужными переливами. С некоторыми оговорками существо, стоявшее перед Ральфом, можно было даже назвать красивым. Извечный человеческий страх перед гигантскими насекомыми здесь отступал — наверное, из-за того, что в этом облике Вонг Хо выглядел куда естественнее, чем под личиной старого китайца.

Раньше Ральф иногда думал: а что будет, если он встретит пришельцев из космоса? Как он себя поведет и что им скажет? Но тогда он представить не мог, что первый контакт начнется со слов:

— А вы что, едите героин? Это же яд…

— Такой уж у нас метаболизм, — прошелестело существо, которое прежде было Вонгом Хо. — Не наша вина, что на вашей планете это запрещено законом.

— Такой уж у нас метаболизм, — парировал Ральф. Вонг Хо покачал головой.

— Потому мы были вынуждены обратиться за помощью к господину Чангу. Идо сегодняшнего дня он прекрасно справлялся с… обеспечением нас продовольствием. Кто знал, что в последний момент он решит сыграть в другую игру.

— Вряд ли в последний момент. Он приторговывал наркотиками за вашей спиной и, думаю, уже давно. Просто сегодня он решил взять дело в свои руки. Думал вас убить, а свалить на меня — раз уж я столь удачно подвернулся под руку. Хлоп, и господин Чанг — полноправный владелец ресторана, а заодно и запасов героина.

— Он просто знал, что сегодня «Хрустальный Карп» открылся последний раз, хотя и не догадывался, почему. Сегодня мы улетаем.

— Улетаете? — переспросила Стефани.

— Пора. Больше задерживаться мы не можем. Почти все

компоненты двигателя собраны, корабль готов к полету.

— Компоненты двигателя? Скрепки! — воскликнула Стефани. — У вас ведь эфирный парус, так?

— Мы знакомы с вашими работами, — сказал Вонг Хо. — В них еще множество существенных недочетов, но в целом вы на правильном пути. По ряду причин я не могу указать вам, где вы ошиблись, даже не просите. Но рано или поздно вы найдете ответ сами.

Стефани понимающе кивнула.

— А пока действительно можно говорить об эфирных парусах, — продолжил Вонг Хо. — На вашей планете мы оказались случайно. Если здесь уместно такое сравнение — мы попали в шторм. Бури в эфирном поле не редкость, но шторм вокруг вашей планеты не имеет аналогов во Вселенной.

— Шторм? Откуда?

— Вы же его и создали. Представляете, сколько скрепок ежеминутно производится на вашей планете? Каждая из них формирует свой вихрь, который никак не регулируется. Накладываясь друг на друга, они создают мощнейшую эфирную аномалию. Корабль с хорошим двигателем, может, и справился бы, но у нас маленькое исследовательское судно. Нас попросту выбросило на вашу планету, и потребовалось четыре года, чтобы восстановить корабль и заново настроить парус. Пришлось приспосабливаться, прятаться. Сами понимаете, что открыто заявить о себе мы не могли. Мы помним Розвелл, и никому здесь не хочется оказаться на хирургическом столе.

Ральф вздохнул. Да уж, хорошая репутация сложилась у Земли после того инцидента.

— Замаскироваться под китайский ресторан оказалось самым надежным. Доходов нам хватало и поддерживать существование, и делать запасы на путешествие. Само место способствовало наблюдениям… Для исследовательского корабля все обернулось даже неплохо.

— Откуда вы узнали, как меня зовут? — спросил Ральф.

— Мы ученые, — сказал Вонг Хо. — Наша задача — собирать информацию. Поскольку объектом нашего исследования был выбран этот город, мы собрали досье на всех его обитателей. Сделать это оказалось гораздо проще, чем вы думаете. Конечно, провести тесты и опыты мы смогли не со всеми.

— Опыты? На людях? — скривился Ральф.

— Не волнуйтесь. Ничего криминального или опасного для жизни и здоровья. В отличие от тех, кто был в Розвелле, мы не вивисекторы. Нам хватало той информации, которую можно получить в ресторане.

Ральф усмехнулся — стоило бы догадаться. Действительно: для опытов над людьми лучшего места, чем китайский ресторан, не придумаешь. Никто и не заметит.

Он достал из кармана найденную в парке скрепку.

— Полагаю, это ваше?

Вонг Хо осторожно забрал скрепку.

— Вчера мы проверяли парус, но слегка не рассчитали силу потока. Часть элементов унесло… к счастью, недалеко. Лететь на дырявых парусах неудобно, а рядом с Землей опасно. Пришлось посылать Айбо их собирать. Потому он за вами и увязался.

— Так и я думал, что не случайно сюда попал, — кивнул Ральф.

— Но вы же не жалеете? — лампочки в ресторане мигнули, и в фасеточных глазах заплясали озорные огоньки.

Ральф посмотрел на Стефани.

— Ничуть, — сказал он.

Из недр ресторана донесся тонкий писк. С каждым мгновением звук становился громче и громче — космический корабль готовился к старту.

— Вам пора, — сказал Вонг Хо.

Он проводил их до двери и выпустил на улицу. Горизонт уже алел на востоке, и звезды почти растворились на сером небе. Рваная улыбка месяца пряталась за крышами домов. Ральф поежился от прохладной сырости утра.

— Может, еще встретимся, — сказал Вонг Хо, повернувшись к девушке. — Если ты не забудешь самое красивое слово в мире.

Дверь ресторана закрылась. Некоторое время за толстым стеклом виднелись очертания фигуры владельца ресторана и капитана космического корабля. Черный контур на фоне прямоугольника бело-голубого света, словно фигурка из театра теней. Свет погас.

С тихим шелестом на дверь опустилась панель серебристого металла. В воздухе пронесся низкий гул. Ральф схватил Стефани за рукав и потащил прочь от ресторана. Может, он и не понимал устройства эфирных двигателей, но одно знал наверняка: стоять рядом со стартующим космическим кораблем небезопасно.

Под ногами мелко задрожала земля. Стефани споткнулась, Ральф едва удержал девушку. Здание ресторана с возрастающей скоростью закручивалось по часовой стрелке. В стороны брызнула штукатурка; серебристые панели и ленты скользили по стенам, полностью меняя облик «Хрустального Карпа». Остался огромный шар, похожий на осиное гнездо, сплетенное из металлических лент. Неоновая вывеска рухнула на землю и лопнула в блеске электрических искр.

Неуклюже покачиваясь, космический корабль оторвался от земли. Медленно, по спирали он поднимался выше и выше. Где-то вдалеке истошно взвыла сирена. Но, как всегда, полицейские опоздали. Увлекаемый волнами эфирного ветра бывший ресторан «Хрустальный Карп» полетел навстречу восходящему солнцу.

— Помнишь, как звали пса?

— Айбо, — сказала Стефани.

— Надо признать, у этого парня было чувство юмора. Как еще могли звать пса, в котором прятался робот?

Стефани улыбнулась.

— Самое красивое слово в мире… — повторил Ральф прощальные слова Вонга Хо. — Ты его знаешь?

— Звезды, — сказала Стефани.

Алексей Калугин
ТРЕТЬЯ ПОПЫТКА

Лот номер двести восемьдесят шесть! Астероид М-18-Альфа с залежами никелевой руды! — ведущий торги щелкнул пальцами, и по залу прокатился густой, упругий звук гонга. — Прошу! Делайте ваши ставки, господа!

Вершигоров растерянно хлопнул глазами, раскрыл рот и произнес:

— А…

Ведущий тут же упал грудью на трибуну и вытянул указующий перст в направлении Вершигорова:

— Я вижу, господин из первого ряда готов сделать первую ставку! Ну же, уважаемый! Включайте свой идентификационный планшет!.. Итак, сколько?…

Не в силах вымолвить ни слова, Вершигоров только головой затряс.

— Жаль, — с видимым разочарованием ведущий убрал длинный палец, которым, казалось, собирался выковырнуть

Вершигорова из кресла.

Раздался мелодичный звуковой сигнал, и на огромном экране за спиной ведущего возникли сначала бегущие по кругу зеленые полоски, а затем надпись: «Система Венор-4. 1 год».

— Представитель системы Венор-4 предлагает провести разработку полезных ископаемых на астероиде М-18-Альфа, а затем уничтожить его ровно за один галактический год! — ведущий вскинул руку. — Напоминаю! Астероид М-18-Альфа находится вблизи транспортной магистрали Киу-66 и представляет собой потенциальную угрозу тем, кто выбрал для путешествия этот маршрут. Поэтому мне хотелось бы, чтобы кто-то предложил решить эту проблему за более короткий срок!

Вновь прозвучал уже знакомый Вершигорову сигнал.

Зеленые полоски пробежали по экрану круг, и на нем появилась новая надпись: «Федерация Краутон. 10 месяцев + 8 дней».

— Замечательно! — щелкнул пальцами ведущий. — Представитель Федерации Краутон предлагает решить проблему за 10 месяцев и 8 дней! Напоминаю, господа, залежи никелевой руды на астероиде М-18-Альфа оцениваются специалистами в одну тысячу двести восемьдесят семь стандартных галактических трудодней! Так что все ваши затраты окупятся сторицей! Итак, кто сделает новую ставку? Кто меньше, господа?

В том, что происходило вокруг, Вершигоров выделил три момента, которые смущали его. Первый: он никогда прежде не посещал аукциона, а потому даже понятия не имел, как себя вести. Второй: он сидел на самом заметном месте в первом ряду, но одет был при этом в домашний полосатый халат, здорово полинявший за годы безупречной службы, с вытертыми до прозрачной сеточки локтями, а на ногах его красовались зеленые домашние шлепанцы с дыркой, из которой вызывающе торчал большой палец правой ноги. И, наконец, третье: ведущий торгов, хотя и стоял на двух ногах, оказался покрыт крупной зеленой чешуей, челюсти его были вытянуты и уплощены на манер утиного клюва, глаза — желтые, с вертикальными зрачками, а по голове и открытой части спины тянулся широкий кожаный гребень, поднимающийся всякий раз, когда голос ведущего закипал от переполнявших его эмоций.

Впрочем, последние два пункта вскоре отпали. Осмотревшись, Вершигоров смог убедиться, что зал заполнен существами, многие из которых имели куда более причудливую внешность, нежели ящерообразный ведущий. Были среди присутствующих и человекообразные особи, но почти все они отличались необычным цветом кожи, варьирующимся в пределах

от бледно-розового до темно-лилового, странной формой ушей, непривычным разрезом глаз или чудными предметами, которые использовались в качестве украшений. Что же касалось одежды, то на некоторых и вовсе не было ничего, кроме перьев или чешуи. По сему поводу Вершигоров решил, что его халат не особо выделяется на общем фоне. А обутые в тапки ноги он на всякий случай спрятал под кресло.

Вершигоров никак не мог взять в толк, что же он тут делает. Ему доводилось слышать слово «аукцион». Он знал, что на аукционе можно что-то купить или что-то продать. Как правило, очень дорогие вещи. Но о том, как именно это происходит, Вершигоров имел весьма смутное представление. Он предполагал, что личности на аукционах собираются весьма своеобразные, экстравагантные. Но все же не настолько странные, как те, что заполняли зал.

И самое главное — Вершигоров понятия не имел, как он тут оказался!

Именно это крайне неприятное чувство, на научном языке именуемое ретроградной амнезией, а на всем понятном — «память отшибло», — очень мешало Вершигорову просто встать и покинуть зал. Кто знает, может быть, его сюда специально зачем-то пригласили? И, наверное, не каждого усадят на почетное место в первом ряду. Да и зеленый ведущий то и дело искоса посматривал на Вершигорова, как будто ждал от него не то откровения, не то безумства.

— Так! Я вижу, свое предложение хочет сделать представитель Кластера-887! — ведущий вытянул длинную тонкую руку, указывая в самый конец зала. — Ваше слово!

Звуковой сигнал — и на экране за спиной ведущего появилась новая информация.

— Девять месяцев и три дня! Замечательно! Похоже, что за этот лот борьба предстоит нешуточная! Кто меньше, господа?… Кто меньше?… — Звуковой сигнал! — Девять месяцев ровно! Представитель Эф-Содружества!.. Кто меньше?…

Немного пообвыкнув и убедившись, что он никого своим внешним видом не шокирует, Вершигоров почувствовал себя увереннее. Вопрос о том, как и почему он здесь оказался, по всей видимости, в скорости разрешится. А раз уж случилась такая оказия, нужно пользоваться случаем. Кто знает, когда еще выпадет возможность на настоящем аукционе побывать. А в том, что аукцион богатый и знаменитый, у Вершигорова не возникало сомнений. Все о том говорило: и убранство зала, и его техническое оснащение, и ловкий ящероподобный ведущий, и весьма специфическая публика. Да и сами торги… Надо полагать,

далеко не на каждом аукционе участникам предлагают купить астероид.

— Кто готов предложить меньше девяти месяцев за астероид М-18-Альфа, господа?… Ну же!.. Напоминаю: запасы никелевой руды на астероиде М-18-Альфа оцениваются в одну тысячу двести восемьдесят семь стандартных галактических трудодней!

Чешуйчатый пел свою песню, но разноперые участники аукциона не торопились — сидели, притихшие, и делали вид, что внимательно изучают свои идентификационные планшеты.

Дабы не выделяться, Вершигоров тоже взял в руки планшет, лежавший у него на коленях. В центре воспроизводилась информация с большого экрана. По верху тянулась лента крупных желтых букв: ПЛАНЕТА ЗЕМЛЯ/СОЛНЕЧНАЯ СИСТЕМА. В самом низу экран перечеркивали две шкалы — зеленая и красная. Красная была разбита на деления, как ученическая линейка. Только вместо сантиметров и миллиметров на ней обозначались годы, месяцы и дни. На зеленой стоял бегунок, острым концом указывающий на отметку «9 месяцев» красной шкалы. Бегунок призывно подмигнул Вершигорову, и тот протянул к нему палец.

— Девять месяцев — раз!.. Девять месяцев — два!.. — Ведущий поднял руку и выдержал многозначительную паузу. — Девять месяцев!..

Вершигоров прижал бегунок пальцем и решительно перевел его в крайнее левое положение. Гонг!

— Три?… — чешуйчатый запнулся, удивленно посмотрел на лежавший перед ним планшет, потыкал пальцем в какую-то кнопку и недоуменно потряс головой. — Три дня? — Он обернулся и посмотрел на большой экран, чтобы убедиться в том, что не ошибся. — Три дня? — он окинул притихший зал недоумевающим, растерянным взором. — Представитель планеты Земля предлагает три дня за астероид М-18-Альфа? — Он оперся руками о края трибуны, лег на нее грудью и пристальным, немигающим взглядом, как умеют только рептилии, посмотрел на Вершигорова. — Я правильно вас понял?

Вершигоров глянул в свой планшет. Последняя загоревшаяся на нем надпись гласила: «Планета Земля. 3 дня».

— Все верно, — кивнул он ведущему.

— Вы уверены, — озадаченно вывернул голову чешуйчатый, — что за три дня возможно забрать всю руду с астероида, а затем распылить его?

— Почему же нет? — улыбнулся Вершигоров. — Если никто не будет мешать…

Публика в зале возбужденно загудела. Кто-то одобрительно свистнул.

— И вы готовы предоставить устроителям аукциона проект трехдневного освоения астероида М-18-Альфа? — продолжал давить на Вершигорова зеленый.

Вершигоров задумчиво потеребил кончик носа. Понятное дело, никакого проекта у него и в помине не было. Он вообще не понимал, о чем идет речь. Но признаваться в этом не хотелось. Поэтому он гордо вскинул голову и громко произнес:

— Готов!

Ведущий ошарашенно высунул раздвоенный язык.

Публика в зале взорвалась восторженными аплодисментами.

Вершигоров довольно улыбнулся. Пусть всего на пару минут, но ему удалось оказаться в центре внимания. И не во дворе, среди любителей домино и пива, а в окружении участников элитного аукциона!

Неожиданно откуда-то слева выскользнул невысокий, худосочный типчик, одетый в лиловое трико, с тремя розовыми перышками, торчащими на самой макушке лысой головы. Прижимая локтем планшет, лиловый подбежал к ведущему и что-то быстро зашептал ему в прикрытое кожаной складкой ушное отверстие. При этом оба косились на Вершигорова.

Все, подумал Вершигоров, сейчас меня отсюда выставят. И ему вдруг отчего-то сделалось неимоверно грустно. То, что происходило сейчас, было, наверное, самым захватывающим приключением в его не сказать чтобы совсем уж безнадежной, но в целом тусклой жизни.

Выслушав лилового, ведущий коротко кивнул, поднял руку и щелкнул пальцами.

По залу поплыл протяжный гул. А с экрана за спиной ведущего пропали все надписи.

— Господа! Торги по лоту номер двести восемьдесят шесть признаны недействительными!

По залу прошел недовольный гомон.

— Повторные торги по этому лоту состоятся на следующей неделе! О точной дате будет сообщено отдельно!

Изображая досаду, Вершигоров щелкнул пальцами и крутанул головой.

— Они всегда так, всегда, — зашептало, а может быть, забулькало сидевшее справа от Вершигорова существо, отдаленно напоминающее сиреневого осьминога с широкой клоунской улыбкой и длинным слоновьим хоботом. — У них такая тактика, — осьминог дружески положил одно из своих щупалец Вершигорову на руку. — Зажимают все перспективные проекты. Не далее как на прошлой неделе…

К сожалению, Вершигорову так и не удалось узнать, что же

произошло на прошлой неделе. Лиловый с тремя перышками сбежал с трибуны, подскочил к Вершигорову, крепко ухватил его за локоть и со словами: «Пойдемте со мной, господин Вершигоров, я вам все объясню», — повлек его к выходу.

Вершигоров едва успел кивнуть на прощание сиреневому осьминогу.

Едва поспевая за лиловым, Вершигоров покинул зал, прошел по широкой галерее, украшенной монументальными голографическими панно, изображающими, как можно было понять, различные варианты эволюции разумных существ, свернул в коридор, освещенный парящими под потолком большекрылыми бабочками, и вошел в просторный кабинет. Или, скорее, небольшой зал для совещаний. Дальняя стена была прозрачной — за ней по бледно-зеленому небу плыли пушистые белые облака. На других стенах были развешаны плоские экраны, каждый из которых выдавал какую-то визуальную информацию. Вершигоров сразу же узнал ящерообразного ведущего, экспрессивно размахивающего руками и беззвучно разевающего безгубый рот. Больше всего Вершигорову понравилось, как ловко, не прекращая говорить, зеленый время от времени облизывал свои выпученные глаза длинным раздвоенным языком. Как будто протирал от пыли. Хотя, может быть, так оно и было?

В центре комнаты стоял большой овальный стол на тонких металлических ножках, с прозрачной столешницей. На столе, как и полагается, находилась оргтехника — экраны, экранчики, пластиковые коробочки со множеством щелей и ящички с кнопочками. Вокруг стола — с дюжину прозрачных кресел необычной конструкции. Вершигоров никогда прежде не видел столь причудливой мебели, а потому решил, что именно такая форма называется эргономичной.

Два человека сидели по разные концы стола и без особой приязни посматривали друг на друга. Один был японец. Лет пятидесяти, с гладко зачесанными назад темными волосами, прикрытыми капроновой сеточкой, в маленьких очочках с круглой оправой, с тоненькой ниточкой усиков на губе — ну, просто классический представитель среднего класса Страны восходящего солнца. К тому же и одет он был в темно-синее кимоно с золотыми рыбками. Вершигорову нравились японцы, поэтому он приветливо улыбнулся человеку в кимоно. Японец тут же вскочил, сложил руки на животе и низко поклонился. Второй же окинул Вершигорова холодным, надменным взором и в знак приветствия едва заметно наклонил голову. Он казался моложе японца и, несомненно, относился к европейскому типу. Одет он

был в серые брюки и кремовый блейзер с клубной эмблемой на груди.

Еще в зале находился гуманоид, родиной которого никак не могла быть планета Земля. Он был невысокого роста и очень, очень тучен. Ярко-малиновый френч с золотыми пуговицами и позументами с трудом сходился на круглом животе. Его одутловатое лицо с обвисшими щеками и выпученными водянистыми глазами показалось Вершигорову похожим на голову селедки, что в красивой селедочнице возлежит на праздничном столе, сбрызнутая подсолнечным маслом и прикрытая тонко нарезанными колечками репчатого лука. Оттопыренные складчатые уши малинового также наводили на мысль о жабрах.

Сопровождавший Вершигорова лиловый тут же подскочил к малиновому и что-то тихо зашептал ему в ухо. Малиновый внимательно слушал, кивал и время от времени поглядывал на Вершигорова. Взгляд у него при этом был совершенно невыразительный. Как у рыбы.

Вершигорову надоело ждать, когда ему предложат сесть. Он подошел к столу и сел в прозрачное кресло. Ровно посередине между приветливым японцем и надменным европейцем. Откинулся на спинку кресла. Удобно. Постучал пальцами по прозрачной столешнице. В глубине сознания шевельнулся вопрос: что я тут делаю? И почему все молчат?

Выслушав лилового, малиновый похлопал его по плечу, и тот удалился.

Малиновый подошел к столу, занял место напротив Вершигорова, сложил руки на груди и поочередно, словно оценивая по каким-то одному ему понятным критериям, посмотрел на каждого из присутствующих.

Японец улыбнулся.

Европеец нервно дернул плечом.

Вершигоров положил на стол идентификационный планшет, который прихватил из аукционного зала.

— Вы действительно собирались принять участие в торгах? — спросил его малиновый.

— А почему нет? — вскинул брови Вершигоров. — Раз уж меня сюда пригласили…

Он умолк, не закончив фразы. Потому что понятия не имел, как она должна быть закончена.

— И вы собирались приобрести астероид на условиях добычи всех его полезных ископаемых в течение трех дней?

Вершигоров подумал. И почему-то решил, что лучше будет уйти от прямого ответа.

— Ну, в общем, что-то вроде того.

— Восхитительно! — всплеснул пухленькими ручками малиновый.

— Спасибо, — смущенно улыбнулся Вершигоров.

— Вы хотя бы представляете себе технологию добычи полезных ископаемых на астероидах? — малиновый навалился животом на край прозрачной столешницы. — Практически в условиях открытого космоса?

— Нет, — честно признался Вершигоров.

— Тогда — почему?

Малиновый всем своим видом олицетворял недоумение.

Вершигоров улыбнулся и прищурил левый глаз.

— А, так!

— Так? — растерянно повторил малиновый.

— Ну да! — подтвердил Вершигоров, молодецки хлопнул в ладоши и широко раскинул руки в стороны.

— Хорошо, — малиновый быстро провел кончиками пальцев по лбу. — Я ничего не понял, но не об этом сейчас речь, — он выпрямился, одернул френч, приосанился. — Меня зовут У-Фар. Я представляю кластер Шен-2-12. И являюсь одним из распорядителей Галактического аукциона, на который вы приглашены. Слева от меня — господин Осино Курамото из Японии. В Осаке у него свой небольшой бизнес.

— Зажигалки, мундштуки, пепельницы, портсигары и прочие аксессуары для курильщиков, — вставил японец и поклонился так, что едва не коснулся лбом стола.

— Справа — господин Томас Уильям Тревес-третий из Великобритании.

— Сэр Тревес-третий, — поправил У-Фара англичанин.

— Насколько мне известно, сэр Тревес занимается живописью, — улыбнулся англичанину У-Фар.

— Прежде занимался. Но не снискав больших успехов на этом поприще, оставил его. Сейчас я иногда даю уроки изобразительного искусства учащимся Тэйнчестерского частного пансиона.

— Замечательно, — кивнул У-Фар. — Ну, а прямо передо мной сидит господин Анатолий Вершигоров из России. Господин Вершигоров живет в Москве и трудится в сфере услуг.

— Я слесарь, — объяснил Вершигоров. — Работаю в частной фирме «Муж на час».

— Вы занимаетесь оказанием интимных услуг? — с интересом посмотрел на Вершигорова англичанин.

— Нет, я краны ставлю и унитазы меняю, — обиделся Вершигоров. — Дамочкам, у которых мужья с этим сами

справиться не могут.

— Простите, меня ввело в заблуждение название, — извинился сэр Тревес.

— Господин Вершигоров! — поднял руку У-Фар. — Сейчас я хотел бы перейти к вопросу, ради которого мы здесь собрались.

— Да-да, очень, очень интересно, — быстро закивал японец. — Я давно уже об этом думаю.

— И что? — посмотрел на японца сэр Тревес.

— Никаких идей, — застенчиво улыбнулся Курамото.

— А мне кажется, нас похитили инопланетяне, — сказал Вершигоров.

На самом деле он так не думал. Но хотел, чтобы на него тоже обратили внимание.

У-Фар сделал вид, что не услышал последнюю реплику.

— Прежде чем оказаться в этой комнате, все вы успели побывать в зале, где проводится аукцион, — продолжил малиновый. — Мы решили, что это позволит вам сразу, так сказать, с головой окунуться в атмосферу нашего предприятия. Но, признаюсь честно, — У-Фар бросил косой взгляд на Вершигорова, — не ожидал, что кто-то из вас примет участие в торгах, даже не ознакомившись с правилами аукциона.

— Да и так все ясно, — пожал плечами Вершигоров. — Ведущий кричал «Кто меньше?», вот я и выбрал самую маленькую цифру из тех, что предлагались.

— Для того, чтобы выиграть торги, нужно не просто обозначить самый маленький срок, но и поддержать свое предложение реальным, тщательно проработанным проектом, — объяснил У-Фар.

— Ну, если надо, я могу и проект предложить, — уверенно заявил Вершигоров.

— Для добычи никелевой руды на астероиде? — недоверчиво прищурился У-Фар.

— Ну да, — кивнул Вершигоров.

— Вы же понятия не имеете о том, как это делается!

— Ну и что?

У-Фар растерянно хлопнул ушами.

— Вы знаете, — медленно произнес он. — Я, кажется, начинаю что-то понимать… — он посмотрел на японца. — Вы согласны с тем, что сказал господин Вершигоров?

— Целиком и полностью, — привстав, вежливо поклонился Курамото сначала У-Фару, затем Вершигорову. — Когда я начинал свой бизнес, я понятия не имел о том, как устроены зажигалки. А сейчас моя продукция продается по всей Японии и, смею полагать, пользуется успехом. Уверяю вас, У-Фар-сан,

можно добиться совершенно невероятных результатов, если взяться за дело с умом и желанием.

— А вы, сэр Тревес?

Англичанин гордо вскинул подбородок.

— Истинный британец для родины и королевы готов сделать невозможное.

— Та-ак…

У-Фар задумчиво постучал пальцами по крышке стола.

— Простите, сэр, — обратился к нему Томас Уильям Тревес-третий. — Вы хотите продать нам астероид?

— Нет-нет! — протестующе взмахнул рукой У-Фар. — Речь идет не об астероиде. Все намного — намного! — сложнее. На торги выставляется планета Земля.

— Наша Земля? — уточнил на всякий случай Вершигоров.

— Именно, — подтвердил У-Фар.

— Понятно, — сказал Вершигоров.

— И с чем же, позвольте спросить, это связано? — полюбопытствовал сэр Тревес.

— С тем, что команда разработчиков последней версии развития вашей планеты не справилась с поставленной задачей. Некоторое время назад они запросили две тысячи лет на воплощение в жизнь своего проекта, но, увы, потерпели фиаско.

— И теперь они выставляют Землю на продажу? — спросил Курамото.

— Не они, — отрицательно махнул рукой У-Фар. — Галактический аукцион. Задача нашей организации не сводится к получению прибыли, цель — наиболее рациональное и продуктивное использование ресурсов Галактики. Мы проводим торги, чтобы выявить наиболее удачные проекты развития тех или иных объектов. Это могут быть как отдельные небольшие космические тела (астероиды и кометы), так и целые звездные системы.

Планета Земля будет выставлена на продажу уже в третий раз. Кураторы проекта «Земля 1.0» сами отказались от него, когда развитие цивилизации на вашей планете пошло совершенно не в том направлении, которое было запланировано. Планету выставили на торги и передали победителям, предложившим проект «Земля 2.0». Под реализацию проекта «Земля 2.0» отводилось две тысячи лет. По истечении этого срока Земля должна была стать процветающей планетой, без войн и катастроф, где все люди живут в достатке и радости. В соответствии с планом «Земля 2.0» вы сейчас уже должны решить все проблемы экологии и здравоохранения, суметь обеспечить все население едой и доступным жильем. К началу третьего

тысячелетия проекта «Земля 2.0» люди должны были создать подводные и летающие города, освоить Солнечную систему и выйти за ее пределы, а наука и культура достичь невиданного расцвета, — У-Фар тяжело вздохнул и опустил голову. — К сожалению, схемы и методы, отлично зарекомендовавшие себя на других планетах, на Земле почему-то дали сбой. Кураторы проекта «Земля 2.0» долгое время держали это в тайне от Галактического аукциона, пытаясь выправить ситуацию собственными силами. Чем все это закончилось, вам известно лучше меня. Нескончаемые войны, эпидемии, экологические катастрофы, следующие одна за другой, вместо развития науки — гонка вооружений, вместо культуры… сами знаете что. О той пародии на демократию, что вы создали, даже и говорить не хочется. Земля находится на грани гибели. Ситуация настолько нестабильна, что катастрофа может произойти в любой момент из-за сущей мелочи. Какой-нибудь техник повернет не тот кран — и все…

Всесторонне изучив ситуацию, сложившуюся на вашей планете, Галактический аукцион пришел к выводу, что проект «Земля 2.0» должен быть немедленно свернут, а сама планета выставлена на торги. Вот такая ситуация, господа.

У-Фар сложил руки на груди, шевельнул ушами и поджал губы.

На какое-то время в зале воцарилась тишина. Может быть, напряженная, а скорее, гробовая.

— Так, значит, это правда, — медленно изрек Вершигоров.

— Что именно? — озадаченно наклонил голову к плечу У-Фар.

— Жидомасонский заговор! — Вершигоров что было сил хлопнул ладонью по столу. — Секты и ложи! Тайные советники вождей! Все это они! — Вершигоров вскинул руку и затряс указательным пальцем, обращенным на У-Фара. — Ваши кураторы!

— Да помилуйте, господин Вершигоров! — умильно сложил руки перед собой У-Фар. — Ну какой заговор? Какие еще масоны? Кураторы проекта «Земля 2.0» не ставили перед собой цели захватить господство над людьми.

— Это вы так говорите!

— Да если бы нам было нужно мировое господство в пределах одной отдельно взятой планеты, мы бы решили эту задачку в кратчайшие сроки. С нашими-то возможностями!

— Он прав, — посмотрев на Вершигорова, кивнул Тревес.

— Все равно я ему не верю, — набычился Вершигоров.

— Простите, У-Фар-сан, — привстав, поклонился японец. —

Вы сказали, что Земля снова будет выставлена на торги. Чем это грозит нам, жителям?

— Абсолютно ничем, — как фокусник, развел руки в стороны У-Фар. — Никто не собирается забирать у вас планету. Как жили, так и будете жить на ней. Претенденты на победу в торгах обязаны предложить проект, который поможет жителям Земли быстро решить все самые болезненные проблемы, в которых они погрязли к финалу реализации проекта «Земля 2.0»… Однако есть одно маленькое «но».

— Вот, — негромко произнес сэр Тревес и тихонько стукнул пальцем по столу. — Именно этого я и опасался.

— Кураторы проекта «Земля 3.0» получат право определять некоторые направления развития цивилизации планеты Земля. Естественно, не ущемляя при этом интересов коренного населения.

— Это как же? — саркастически усмехнулся Вершигоров.

— Например, кураторы могут снизить до минимума интерес землян к освоению космоса. Или отложить на более поздний срок отказ от любых религиозных доктрин. Это никак не скажется на уровне жизни населения Земли, но поможет кураторам реализовать какие-то другие проекты.

— Не вам решать, когда нам в космос выходить! — шарахнул кулаком по столу возмущенный до глубины души Вершигоров.

— В этом я с вами согласен, — кивнул Вершигорову сэр Тревес.

— Я тоже, — поклонился почтительно Курамото.

— Я привел это в качестве примера, — У-Фар поднял руки в успокаивающем жесте. — Может быть, кураторы нового проекта, наоборот, захотят предложить вам форсированную космическую программу. Пока я и сам не знаю, какой проект одержит победу на предстоящих торгах. Но в любом случае Галактический аукцион будет строго следить за тем, чтобы интересы коренных обитателей планеты Земля никоим образом не ущемлялись.

— Извините, господин У-Фар, — обратился к малиновому сэр Тревес. — Судя по тому, с какими итогами пришла Земля к завершению предыдущего проекта, на вашу бдительность нельзя полагаться.

— Скажу вам по секрету, — У-Фар положил обе руки на стол и доверительно понизил голос: — Прежде еще ни одна планета не выставлялась на торги третий раз. Повторно — и то редкость. Но третий раз! — У-Фар вскинул руки. — Это почти катастрофа всей нашей системы! Которая прежде считалась практически безупречной. Так что за реализацией проекта «Земля 3.0» следить будут очень пристально.

— Честно говоря, господин У-Фар, верится с трудом, — слегка покачал головой сэр Тревес. — Складывается впечатление, что, совершив серьезный просчет, вы теперь пытаетесь замести следы.

— Или найти стрелочника! — выкрикнул Вершигоров.

— Друзья мои, — улыбнулся снисходительно У-Фар. — Для того, чтобы, как вы выражаетесь, замести следы, нам достаточно просто оставить все как есть. И вы уничтожите сами себя быстрее, чем кто-либо успеет понять, что там у вас вообще происходит. Поверьте, мы в самом деле серьезно обеспокоены сложившейся ситуацией и очень хотим вам помочь.

— А вам не кажется, что это не совсем правильно, — подал голос японец. — Навязывать жителям планеты некий проект, о котором они даже представления не имеют.

— Ну, вообще-то, наши политики именно так и поступают… — заметил Вершигоров.

— Я говорю сейчас не о земных политиках, а о руководстве Галактического аукциона, — японец чуть-чуть поклонился У-Фару. — Если вы готовы играть по-честному, почему бы вам не предложить свою помощь открыто?

— Чтобы в итоге нас обвинили в жидомасонском заговоре? — грустно улыбнулся У-Фар. — Как подсказывает наш опыт, господин Курамото, коренные обитатели планеты в целом готовы принимать открытую помощь от кураторов, но при этом они уверены, что у пришельцев есть какие-то тайные планы. И рано или поздно подобное непонимание перерастет в открытый конфликт. Лучше, если раньше, пока аборигены еще не получили в свои руки технологии, которые позволят им уничтожить не только кураторов, но и самих себя. И тем не менее мне понятна ваша озабоченность. Именно поэтому вы здесь.

— Мы будем присутствовать на торгах в качестве наблюдателей, — догадался сэр Тревес.

— Нет, — сделал отрицательный жест У-Фар. — Мы хотим предложить вам самим принять участие в торгах.

Англичанин непонимающе посмотрел на У-Фара. Затем перевел удивленный взгляд на Вершигорова. Тот, в свою очередь, оценивающе посмотрел на Курамото. Японец встал и низко поклонился У-Фару.

— Благодарю за оказанное доверие, У-Фар-сан.

— Постойте, постойте! — нервно постучал пальцами по краю стола сэр Тревес. — Господин Курамото, если я правильно понял, вы занимаетесь производством зажигалок.

— И других аксессуаров для курильщиков, — добавил японец.

— Замечательно. Но разве это дает вам право решать судьбу всей планеты?

— А кто ее должен решать? — спросил Вершигоров.

— Ну, я не знаю, — растерялся не ожидавший такого поворота англичанин. — Кто-то, кому доверяют.

— Например?

— В Англии есть королева.

— А у нас — нет.

— У вас есть президент.

— Ну и что?

— И тем не менее, — англичанин перевел взгляд на У-Фара. — Мы, трое здесь присутствующих, не политики, не известные общественные деятели и даже не представители культурной элиты. Огромным состоянием, как я понимаю, никто из нас также не обладает. Почему же среди шести миллиардов жителей Земли для участия в аукционе выбрали нас?

— Согласен, выбор был непрост, — слега шевельнул ушами У-Фар. — Но делали мы его, основываясь на четких критериях, разработанных для всех, кто желает принять участие в Галактическом аукционе. Участник не может быть слишком молод или стар. Он не может относиться к какой-либо из элитных групп или сословий. Он должен быть достаточно образован, психически вменяем. И пользоваться уважением тех, кто постоянно с ним контактирует. Политики и государственные чиновники по этой причине сразу отпадают. Нам требуются новые, свежие идеи, способные, если можно так выразиться, вдохнуть огонь в почти погасшее горнило, — У-Фар смущенно кашлянул в кулак. — Надеюсь, вам понятна такая аллегория.

— И вы считаете, что именно мы подходим для этого лучше других? — англичанин скептически поджал губы.

— Полагаю, господин Курамото уже высказал свое мнение на сей счет. А господин Вершигоров?…

— Всегда готов! — пламенным пионерским салютом ответил представителю Галактического аукциона Вершигоров.

— Тем не менее если вы, сэр Тревес, не желаете принимать участие…

— Ну почему же… Я всего лишь высказал разумное, как мне казалось, сомнение. Но поскольку остальные полагают, что эта задача нам по силам, я тоже не собираюсь отсиживаться. В конце концов, такая возможность выпадает раз в тысячу лет.

— В две тысячи! — как Черчилль, показал англичанину два пальца Вершигоров.

— Вот и замечательно, — довольно улыбнулся У-Фар. — Хочу сказать, что в качестве представителей выставленной на торги

планеты вы будете иметь преимущество перед остальными участниками — при прочих равных условиях примут именно ваш план.

— Постойте, постойте, — снова постучал по краю стола сэр Тревес. — Допустим, мы разработаем замечательный проект спасения Земли и победим на аукционе. Но мы же не сможем реализовать его собственными силами.

— В случае вашей победы, сэр Тревес, Галактический аукцион обязан оказать вам всестороннюю помощь и поддержку, — У-Фар подошел к стене, сдвинул в сторону плоский экран и достал из открывшейся ниши два идентификационных планшета. Таких же, как и тот, что прихватил с собой из зала Вершигоров. — Здесь вы найдете всю необходимую информацию. А также правила оформления проекта и проведения аукциона, — он передал планшеты англичанину и японцу. — Торги состоятся через десять дней. Поскольку ситуация на Земле критическая, Галактический аукцион определил максимальный срок реализации проекта «Земля 3.0» в семьдесят пять лет. За это время вам предстоит решить все глобальные проблемы и привести свою планету к миру и процветанию.

— А если мы умрем, прежде чем достигнем мира и процветания? — спросил Вершигоров.

— Об этом можете не беспокоиться, господин Вершигоров. Галактический аукцион позаботится о том, чтобы проект не остался без кураторов. Кстати, вопрос о собственном бессмертии вы можете включить в свой проект. С ним я вам помогу лично. Еще вопросы?

Вершигоров понял, что нельзя упускать такой случай. И раз уж У-Фар сам предложил…

— Лунные базы инопланетян существуют?

— Зачем вам это? — удивился У-Фар.

— Для общего развития.

— Нет.

— А как насчет инцидента в Розвелле?

— В Нью-Мехико разбился обыкновенный метеорологический зонд.

— Официальные власти то же самое говорят.

— Ну, а почему они должны говорить что-то другое?

— Ладно, а лох-несское чудовище есть?

— Полагаю, да. Только к этому мы тоже не имеем никакого отношения, — У-Фар поднял руки с открытыми ладонями, давая понять, что берет тайм-аут. — Господа, прежде чем продолжать разговор, вам следует внимательно ознакомиться с содержимым ваших планшетов.

С их помощью вы можете задавать мне любые вопросы. И, господин Вершигоров, надеюсь, когда мы снова встретимся с вами через десять дней, вы будете более осмотрительны, чем сегодня.

— Я чуть было не купил астероид, — сообщил Вершигоров жене, вылезая из кровати. — Слышь, Свет?

— Что? — выглянула с кухни жена.

— Я говорю, астероид чуть было не купил.

— Где?

— На Галактическом аукционе.

— А зачем?

— Не знаю, — Вершигоров озадаченно почесал затылок. — Просто захотелось вдруг.

— Дурак ты, Толька, — сообщила жена и скрылась на кухне.

— Да? — Вершигоров посмотрел на себя в зеркало. Повернул голову направо. Налево. — А У-Фар говорит, что я пользуюсь уважением в кругу тех, кто меня знает.

— Чего? — снова выглянула из кухни Светка.

— У-Фар, говорю, считает меня уважаемым человеком.

— Ну да!.. А ты завтракать собираешься?

— Что у нас сегодня?

— Что приготовила. Не нравится — сам готовь.

— Ладно, пойду умоюсь.

Вершигоров сунул ноги в тапки, те самые, что так смущали его на аукционе, прошаркал в ванную, открыл кран с горячей водой и снова внимательно вгляделся в зеркало.

— Ничуть не хуже президента, — Вершигоров ободряюще похлопал себя по щекам. — Только небрит.

И принялся намыливать щеки.

— Толь! — заглянула в ванную Светка. — Тебя к телефону.

— Скажи, чтобы перезвонили. Я бреюсь.

— Иди сам скажи. Это из Японии!

— Откуда? — недоверчиво прищурился Вершигоров. Он быстро смыл мыльную пену и вышел в коридор.

— Слушаю!.. Да, Вершигоров… — прижав трубку плечом, Анатолий махнул рукой выглядывающей с кухни жене — нечего, мол, подслушивать. — Курамото-сан! Доброе утречко… У вас вечер уже?… Не ожидал, признаюсь, не ожидал… Нет, не ожидал, что мы будем понимать друг друга так же просто, как и на аукционе. Думал, здесь нам переводчик потребуется… Да, конечно, уже просмотрел все материалы и начал обдумывать… Предлагаете встретиться у вас? И билеты уже заказаны?… Я не против. А как сэр Тревес? С ним вы уже договорились?… А можно

я с собой жену возьму?… Нет, она ничего в этом не понимает. По большому счету, она вообще ничего не понимает. Но нужна для поддержания духа. И в плане общей морали… Ясно. Значит, договорились… Нет, идей пока никаких нет, зато есть кураж. Хотя… Какой они там максимальный срок под «Землю 3.0» отводят? Семьдесят пять лет, кажется?… Предлагаю сразу резко сбить цену! Как?… Мы назовем нашу программу «Девяносто девять дней». Нет, сто не пойдет — круглые цифры всегда внушают сомнение… Не знаю, почему. А вот девяносто девять — как раз то, что надо… Нет, не лет, а дней… Как это не справимся! Справимся непременно! Все. Остальное на месте обсудим. До встречи.

Вершигоров положил трубку на рычаг, наклонил голову и задумчиво постучал пальцами по дверному косяку.

— Ну, что теперь? — выглянула из кухни недовольная жена.

— Собирайся, Светка, — обреченно вздохнул Вершигоров. — В Японию летим.

— Зачем это?

— Мир спасать.

— Дурак ты, Толька! — махнула зажатой в кулаке вилкой Светка.

— Ну, как хочешь, — не стал настаивать Вершигоров. — Только имей в виду, там у них гейши на каждом углу. И, возможно, мне будет не просто совладать с искушением. А потом, когда я стану знаменитым и бессмертным…

— Размечтался! Какая сейчас погода в Японии?

— Ладно, — снисходительно улыбнулся Вершигоров. — Только смотри, чтобы не мешать. Мы делом заниматься будем.

Снова зазвонил телефон.

— Вершигоров! Слушаю!.. А, сэр Тревес! Гутен морген! Вы тоже русский знаете?… А, это у вас переводчик электронный. То-то я слышу, в нос говорит… Да, конечно, лечу. Уже вещи собирать начал… Мейл от Курамото получили? И что?… Да, девяносто девять дней. И вас смущает?… Не управимся? Еще как управимся, если только никто мешать не будет!.. А это уж пусть У-Фар думает, как сделать, чтобы не мешали. Он обещал помочь.

Борис Руденко
ЧИСТАЯ ПЛАНЕТА

Их посадили в широкую наземную машину с тонированными почти дочерна стеклами. Посадили довольно вежливо, если не брать в расчет того, что каждый из них на своем сиденье оказался тесно зажатым между двумя сопровождающими — атлетами с одинаково равнодушными лицами. Перед ними спиной к водителю сидел точно такой же атлет, напряженный, словно в ожидании сигнала к атаке или отражению нападения. Минут десять ехали молча.

— Куда вы нас везете? — спросил один из пассажиров, невысокий, плотный и одновременно гибкий.

— Вам все объяснили, — буркнул тот, кто сидел напротив, отводя глаза от прямого взгляда узких и абсолютно черных глаз пассажира.

— Генеральный Совет находится на Тридцать восьмой улице. Вы должны были повернуть налево два квартала назад. Вместо этого машина только что свернула вправо.

— Везем туда, куда нам приказали.

— Я об этом и спрашиваю. Куда вам приказали нас везти? Мы не арестованы и имеем право знать.

На лице того, кто напротив, проступила кривая усмешка.

— Ты уже ничего не имеешь, — сказал он. — И лишишься последнего, если будешь много болтать. Надеть на них наручники!

Сопровождающие были явно готовы к этой команде, давно ее ждали и принялись за дело дружно и слаженно. Один из конвоиров выхватил приготовленные наручники, второй тем временем вцепился в запястья своего подопечного, намереваясь рывком свести их вместе. Удивительно, что ни у первой, ни у второй двойки ничего не получилось. Руки пассажиров, покойно лежавшие на коленях, оказались словно приклеены к ним намертво.

— Что вы делаете? — удивленно спросил первый пассажир.

— Р-руки! — распаленно заорал тот, кто сидел напротив, и выбросил сжатый кулак, целясь в лицо узкоглазого.

Он давно научился наносить удары неожиданно и быстро — точно так, как сейчас — и никогда не промахивался, поэтому очень удивился, когда кулак ушел в пустоту. Непогашенная инерция удара чуть сдвинула его с кресла, а потом невероятно мощный рывок за запястье окончательно сдернул его с сиденья и послал в полет по салону, закончившийся столкновением со стойкой жесткости, яркой вспышкой в глазах и долгой темнотой.

В ту же секунду конвоиры узкоглазого сложились и осели на пол, словно сдувшиеся игрушки, после двух коротких и быстрых ударов.

Двое других хрипели в объятиях его товарища, зажимавшего их головы под мышками. Правильно оценив ситуацию, водитель сбавил ход, а потом и вовсе остановил машину.

— Куда вы нас везли? — спросил первый пассажир. Его глаза сейчас превратились в щелочки бритвенной толщины, и водитель почувствовал, как от касания этих бритв расползается плоть его неколебимой доселе веры в тех, кому он служил. — Не бойся, я ничего не сделаю тебе, если ты скажешь правду. Кто эти люди?

— Я не могу… — прошептал водитель. — Меня все равно убьют…

— Куда ты должен был нас привезти? Скажи и останешься жив.

— В Ауро Наби. Мне так приказали. Они все равно убьют всех — вас, а теперь меня и мою семью. Больше я ничего не знаю… я ничего не знаю больше! — водитель упал лицом на панель управления и зарыдал, словно малое дитя.

Пассажиры переглянулись.

— Это не правительство, Алекс, — сказал узкоглазый.

— Нет, Лю, — усмехнулся тот в ответ. — Совсем наоборот. И мне кажется, мы должны уходить отсюда немедленно.

В этот момент водитель стих, осознав, что сейчас, возможно, решается вопрос, жить ему или умереть.

— Выходи из машины, — приказал узкоглазый. — И не торопись бежать к хозяевам. Ты еще успеешь получить от них то, что заслужил.

Водитель немедленно выпрыгнул наружу. Вслед за ним на пружинящее покрытие дороги мягко свалились пять неподвижных тел. Машина сорвалась с места и исчезла за углом.

— Нас начнут искать, как только поймут, что машина задерживается, — сказал Алекс. — Не сомневаюсь, что она оснащена системой поиска.

— Ты прав, — кивнул Лю, сосредоточившись на управлении. — Мы бросим ее, когда выберемся из города.

С низким гудением приземистая машина мчалась по улицам, преодолевала повороты, почти не снижая скорости, и легко оставляла позади редкие попутные экипажи. Они были совсем недалеко от городской окраины, когда Алекс сообщил товарищу, что за ними погоня. Два точно таких же экипажа, низких, широких и до отказа набитых преследователями, вывернули из переулка, устремившись вслед беглецам.

— Х-ха! — коротко выдохнул Лю. — Они опоздали. Теперь это бесполезно!

Еще несколько резких поворотов. Перед ними возник обветшавший особняк со сквозной аркой в главном здании, через которую Лю провел машину с невероятной точностью; заболоченная ядовитыми городскими стоками низинка, обширный пустырь, заваленный битым кирпичом, скрученными кусками арматуры и прочим строительным мусором — тут кончился город, кончилась и дорога. Впереди на километры простирались лишь древние развалины, совершенно непреодолимые для наземных машин.

Лю затормозил и выключил двигатель.

— Скорее! — крикнул он товарищу. — Мы должны успеть добраться до промышленной зоны, пока они не вызвали глайдеры.

Они опережали преследователей совсем ненамного, но этого времени вполне хватило, чтобы без следа раствориться в хаосе запустения. Гнавшиеся за ними машины действительно появились почти немедленно. Подняв тучи пыли, они остановились возле брошенного экипажа. Вооруженные люди выскочили наружу в

ожидании приказа командира. Тот активировал аппарат связи.

— Мы их потеряли, — сообщил он. — Непонятно как, но им удалось нейтрализовать всю группу захвата. Они ушли в тридцать шестой сектор и, скорее всего, движутся к промышленной зоне. Без поддержки с воздуха их не найти…

Он выслушал ответ и повернулся к своим людям.

— К нам выслали глайдеры с охотниками. А пока мы попытаемся отсечь их от входа в катакомбы. Вперед!

Беглецы услышали шум воздушных машин, нырнули в оконный проем полуразвалившегося здания супермаркета и залегли у стены. Сканеры охотников улавливают малейшие искажения электромагнитных и тепловых полей. Они способны обнаружить тепло человеческого тела даже сквозь бетонные перекрытия, взять тепловой след спустя час после начала погони. Но пока беглецам везло. Полуденное солнце раскалило камни, и тепловые сканеры были сейчас бесполезны. К тому же охотники прошли в стороне. Впрочем, скоро они вернутся и начнут тщательно прочесывать местность.

— Можно найти подвал поглубже и попробовать отсидеться, — сказал Алекс. — Когда-нибудь им надоест тут болтаться.

— Не думаю, что они оставят нас в покое, — возразил Лю. — Кажется, все намного серьезнее, чем мы себе представляем. Они окружат сектор, а когда наступит ночь, будут обыскивать каждый дом с собаками и сканерами. Наш единственный шанс — прорваться к катакомбам промзоны, пока оцепление не замкнулось.

— Чего же мы тогда ждем? — удивился Алекс и первым выпрыгнул на знойную улицу.

Тем временем охотники высадили заградительные группы на предполагаемом пути беглецов и умчались за очередной партией десанта. Пока это не опасно. Просочиться или прорваться сквозь редкие посты оцепления затерявшихся на громадном пространстве обломков цивилизации труда не представляло. Но все могло измениться очень быстро, поэтому беглецы, напрягая силы, мчались среди развалин. Однажды они услышали крики за спиной и звуки выстрелов, пули выбили из стены каменную крошку у самой головы Алекса; они резко свернули в проулок, пробежали насквозь двор, выскочили на соседнюю улицу, и все это осталось далеко позади.

— Все получилось, Алекс! — Лю подмигнул ему на бегу. — Мы проскочили оцепление. Теперь им нужно начинать все с начала, но они уже не успеют.

Они перешли с бега на быстрый шаг.

— Что вообще произошло, Лю? — спросил товарища Алекс. — Как они могли узнать обо всем так быстро? И что собирались с нами делать?

— Если честно, ответ на последний вопрос меня не интересует, — сказал Лю. — А над остальными мы подумаем немного позже, когда окажемся в безопасности. Ясно одно: на базу нам возвращаться нельзя.

Внезапно перед ними открылось пустое пространство: широкая бетонная магистраль с полосами отчуждения по обе стороны, потом поле, заросшее жесткими сорняками, а за ним потемневшие от времени сооружения заброшенной промышленной зоны, простиравшейся на многие десятки километров.

— Вперед, Алекс! — крикнул Лю, устремляясь к бетонке. — Нужно успеть!

Они услышали шум мчавшихся по воздуху машин, когда до укрытия оставалось не более сотни метров. Охотники вынырнули из-за крыш немного левее, но тут же заметили беглецов и устремились к ним.

Пулеметная очередь вспорола землю перед Алексом. Он прыгнул в сторону, сбивая прицел. Лю обогнал его на несколько шагов, он был уже почти в безопасности, когда очередная стайка пуль наискось пересекла его спину. Лю бросило вперед, он зашатался, но удержал равновесие и даже выпрямился, однако тут силы его оставили. Он начал медленно оседать наземь, когда Алекс, догнавший товарища двумя громадными прыжками, подхватил обмякшее тело на руки и ворвался под бетонные своды заброшенной станции подземки. Машины охотников садились на поле, из них выпрыгивали преследователи, но шансов отыскать человеческую дичь в тысячекилометровых сплетениях катакомб у них уже не было…

Лю должен был умереть немедленно, но жил еще около часа, оставаясь в ясном сознании — настолько велик был запас его жизненных сил.

— Вот… ответ, — услышал Алекс его слабый шепот. — Вот как они собирались с нами поступить… Ты не должен попасть к ним в руки. Нужно, чтобы люди узнали…

— Молчи, — сказал Алекс. Сердце его разрывала печаль. — Не трать силы.

— Бесполезно… сейчас я уйду… Нужно, чтобы люди узнали…

Он похоронил Лю в склепе — бывшей технологической нише в бетонной стене тоннеля, намертво заклепав ударами куска рельса замки и петли стальной двери. Посидел немного рядом на отвалившемся с потолка каменном обломке, а потом двинулся

вперед, углубляясь в лабиринт.

Детектор движения засек их намного раньше, чем позволяла разглядеть оптика, и оповестил меня негромким прерывистым кряканьем, заставив подняться из теплицы в аппаратную. Я приник к окулярам перископа и довольно долго шарил в направлении, указанном прибором, пока не обнаружил почти на линии горизонта едва различимую точку. Точка эта постепенно увеличивалась в размерах, скоро она превратилась в черточку, которая, в свою очередь, распалась на составные части. Теперь я мог разглядеть два открытых двухместных пескохода, двигающихся в сторону Форта.

Непонятно, кто бы это мог быть. О редких визитах местных чиновников меня всегда предупреждали загодя. Иных гостей у меня и не могло быть.

Только теперь я сообразил, что пескоходы шли вовсе не со стороны Города. Обругал себя за тупость, а потом себя же и пожалел: длительное одиночество отнюдь не способствует скорости мысли. Откуда тогда они взялись? Город был единственным крупным человеческим поселением на Итаке. Может быть, это еще одна исследовательская экспедиция? Но на легких пескоходах в дальнюю поездку в это время года может отправиться только самоубийца. Сбились с пути? Заблудились? В любом случае о пришельцах следовало сообщить дежурному. Я включил рацию, но тут же выключил. Оглушительный треск разрядов приближающейся бури разъяснил, что связи в ближайшие трое суток не будет.

Буря надвигалась с той же стороны, что и неизвестные пришельцы. Она была еще далеко, сизая вершина ее фронта только-только показалась из-за горизонта, и скользившие по ней молнии казались лишь безобидными искрами. Однако ветер постепенно усиливался. Пока еще он налетал короткими порывами, взметал в воздух песок, закручивал его в небольшие и нестойкие песчаные смерчики и вновь ненадолго стихал, словно набираясь сил. Но ветрогенераторы пора опустить к земле и установить лопасти в положение холостого хода — ветрового напора такой силы им не выдержать; антенны нужно прикрыть защитными колпаками, да и перископ лучше втянуть…

Гидравлику второго генератора я так и не удосужился исправить вовремя, поэтому мне пришлось втягивать телескопическую мачту вручную, несколько минут стремительно накручивая штурвал механического привода.

Потом я вновь глянул в перископ: пескоходы были все еще далеко. Наружный термометр показывал минус восемнадцать.

Когда буря придет, температура повысится, но тем, на кого обрушится удар стихии, это не принесет облегчения. Впрочем, времени, чтобы добраться до дверей Форта, у путников было достаточно. Первый натиск урагана последует не раньше чем через пару часов.

Тут я спохватился, что оставил открытым кран оросителя, и вновь спустился в огород. Грядки радовали зеленью нового урожая. Огуречные и бобовые плети тянулись к потолку, помидоры кое-где уже наливались розовым цветом. Дня через два я соберу первые плоды нового сезона. В затененном от света ламп секторе белели обильные грибницы. Здесь, в подземном этаже Форта, который я значительно расширил, превратив в просторную пещеру с высоким сводом, множеством закоулков и отдельных камер, всегда тихо, тепло и влажно. Созерцание моих плантаций наполняло меня спокойствием. Я чувствовал себя независимым от людей, суровой природы и обстоятельств, мне не нужна была ничья помощь. Это был мой дом, тут я любил работать больше всего. Тем более что дел наверху у меня было, в сущности, немного. Наблюдение за погодой в этой части планеты и регулярная пересылка собранных данных в метеоцентр были моими единственными и не слишком обременительными обязанностями перед Городом. И меня, и горожан такое положение вполне устраивало. Автоматика исправно фиксировала показания метеорологических приборов, оставляя за мной лишь периодический контроль да мелкий ремонт. Однако после урагана хлопот с ремонтом этих самых приборов, расставленных по пустыне в окрестностях станции, у меня, конечно же, прибавится. Это меня не очень беспокоило. Если что-то из оборудования стихия выведет из строя, я сумею исправить повреждения. У меня сколько угодно для этого времени, ничто меня не отвлечет, никто не помешает.

За всеми этими занятиями и мыслями я на некоторое время забыл о незваных гостях, а когда вспомнил, то почувствовал раздражение: несколько дней, пока не минует буря, мне придется терпеть их присутствие. Ну отчего, даже когда людей во Вселенной стало так мало, мне не дают покоя? Кстати, где они, эти визитеры? Почему до сих пор не постучались в дверь Форта?

Я поднялся наверх, посмотрел в бронированное окно и, к удивлению, никого поблизости не увидел. Куда они подевались? Я покрутил перископ и скоро поймал их в окуляры. Поразительно, но они, кажется, не заметили Форт! Сейчас они находились примерно в километре и продолжали двигаться мимо меня к неведомой цели в южном направлении. Строго говоря, обнаружить Форт с такого расстояния было не так просто.

Бетонный куб его наземной части, основательно посеченный ветрами и занесенный песком, издалека мало чем отличался от окружающих скальных обломков, если бы не мачты моих ветроустановок.

Мачты, которые я только что втянул!

Но на планете не было человека, не знавшего о существовании Форта. Путешественников было трое — двое на одном пескоходе, третий с багажным мешком на другом. Одеты в синие термокомбинезоны и белые шлемы. Защитных комплектов таких расцветок я прежде здесь не видел. Нет, эти люди были явно не из Города. Тогда откуда? Как они попали сюда и что нужно было им в пустыне?

Как бы то ни было, оставлять в пустыне их нельзя. Я понял, что мне придется выходить наружу. Надеюсь, сигнальную ракету они сумеют заметить и мне не придется их догонять. Прежде чем начать одеваться, я заглянул в перископ еще раз и обнаружил, что пескоходы остановились. Двое слезли с сидений и принялись распаковывать груз. Третий по-прежнему неподвижно сидел в седле, склонившись вперед. Ранен? Болен? Я увидел, что пришельцы устанавливают на песке надувную палатку. Поразительная наивность! Неужели они надеются укрыться от бури в палатке? Набрав силу, ураган подхватит ее вместе с ними и зашвырнет куда-нибудь за несколько километров. Я понял, что придется поторопиться.

Как я ни спешил, на сборы понадобилось минут десять. Пустынный комбинезон обладает почти идеальными теплозащитными свойствами, но когда я ступил на песок и поднимающийся ветер мягко толкнул меня в грудь, мне показалось, что холод каким-то образом все же проник сквозь покровы. Я непроизвольно поежился и поднес к глазам бинокль.

Что за черт?! На песке стояла раскинутая палатка, рядом с ней валялся на боку один из пескоходов. Другой с двумя седоками пылил на полной скорости прочь. Через минуту-другую они скроются за грядой низких холмов. Торопясь, я выпустил ракету, тут же за ней — вторую, потом зажег фальшфейер и принялся размахивать что есть сил. На экипаж пескохода это не произвело ровно никакого впечатления. Они продолжали мчаться, не снижая скорости, словно не замечали моих сигналов. Впрочем, может, и в самом деле не видели: воздух уже начинал терять прозрачность от наполнявшей его песчаной пыли.

Проклятые идиоты! Теперь мне придется их догонять, чтобы спасти от гибели. С руганью я бросился к гаражу, откинул засов и принялся вытаскивать пескоход. Слава Небесам, двигатель завелся мгновенно. К этому времени машина пришельцев уже

исчезла за невысокой грядой. Я вскочил в седло и погнал машину наперерез — туда, где линия холмов вновь сменялась ровной, как гладильная доска, поверхностью, намереваясь перехватить неразумных, но оказалось, что они еще раз сменили направление и расстояние между нами сократилось совсем ненамного. Чудо, что я еще мог разглядеть их сквозь пыльную мглу на такой дистанции. Они держали курс на Черные Скалы — этим банальным названием я когда-то поименовал обширную группу утесов действительно черного цвета в нескольких километрах от Форта. Я имел право называть любые окружающие меня пейзажи как угодно — конкурентов у меня не было, и вряд ли они появятся в ближайшие полсотни лет.

Моя машина несла вдвое меньший груз, и постепенно я начал их настигать. Когда разделяющее нас расстояние сократилось до сотни метров, я снова выпустил ракету. Яркий белый шар пролетел над их головами и упал впереди точно по курсу. Теперь-то они никак не могли не заметить сигнала.

И они действительно заметили. Я увидел, как задний седок обернулся и направил на меня руку, удлиненную оружием. Я бросил пескоход в крутой вираж за мгновение до выстрела, а на том месте, где я должен был оказаться, возник дымный султан, тут же развеянный порывом ветра. Я был не столько напуган, сколько ошеломлен. Почему они в меня стреляют? Оружия с собой у меня не было — мне некого и нечего было опасаться. Да и меня не следовало бояться кому бы то ни было. И все же меня явно хотели убить. Последовал новый выстрел, а за ним еще один. Единственное, что мне оставалось — удирать как можно скорее, что я и сделал, виляя из стороны в сторону, чтобы сбить прицел. Но больше в меня они не стреляли. Совершив очередной зигзаг, я обернулся: пескоход пришельцев скрыла пыльная поземка. Не знаю, сумеют ли они найти в Черных Скалах убежище и хватит ли им сил продержаться, пока ураган не кончится. Во всяком случае, дальнейшая их судьба от меня уже не зависела, и теперь у меня не было ровно никаких причин о них беспокоиться.

Но где же третий? Остался в палатке? Почему его бросили? Может, он погиб от руки своих спутников, а может, поджидает меня в засаде? Впрочем, последнее предположение я тут же отверг. На спланированное нападение это не похоже. Так ведут себя в состоянии страха или паники, торопясь избавиться от нежелательного свидетеля или скрыться незамеченными. В любом случае мне придется наведаться к месту стоянки. Развернув пескоход, я отправился в обратный путь по собственному следу, постепенно заметаемому песком.

Когда я добрался до палатки, потемнело еще сильнее.

Основной фронт бури был уже совсем рядом, воздух наполнился мелким песком, в запасе у меня оставалось не более получаса. Торопясь, я откинул входной клапан. Находившийся внутри человек лежал на боку, подтянув ноги к подбородку. Он был совершенно неподвижен и никак не отреагировал на мое появление. Жив он или мертв, разбираться времени не было, но оставить здесь тело я не мог, палатка не годится даже в качестве усыпальницы. Мне следовало торопиться. Я перевернул лежащего на спину. Затемненное стекло защитного шлема не позволяло разглядеть его лица, однако я обнаружил, что человек жив. Рука его слабо шевельнулась в незавершенном жесте. Возможно, у него еще есть шанс. Не особо церемонясь, я выволок его из палатки, заодно прихватив и мешок с вещами.

Человек был легок и хрупок, словно подросток, я без труда удерживал его на весу одной рукой, что оказалось весьма кстати, когда прямо из-под моих ног внезапно вымахнула пустынная гадюка, атаковавшая стремительным броском. Свободной рукой я поймал ее за шею и раздавил позвоночник. Я глядел на корчившееся в агонии трехметровое тело гада и недоумевал, откуда он взялся: в это время года гадюки зарываются глубоко под поверхность. Возможно, ее разбудило тепло, которое принес с собой приближающийся ураган? В любом случае не я напал первым.

Я усадил человека на пассажирское сиденье и закрепил страховочным ремнем. Он не сопротивлялся и не помогал — наверное, впал в беспамятство. И теперь мне пора задуматься о спасении не только его жизни, но и своей собственной. Фронт бури накрыл пескоход, сгустившийся мрак прорезали лишь ослепительные вспышки электрических разрядов. Свет фары пробивал пространство всего на несколько метров. По счастью, ветер бил мне в спину, в противном случае шансов на спасение не осталось бы. Почти не отрывая взгляда от индикатора курса на приборной панели, я вел пескоход сквозь клубящуюся мглу, потеряв счет времени и расстоянию, и когда фара высветила дверь входного тамбура, испытал не облегчение, а удивление, оттого что мне это удалось. Загонять машину в ангар было недосуг, и я просто бросил пескоход у стены. Протащил своего пассажира сквозь тамбур, наглухо задраил двери и только теперь смог наконец перевести дух. Мощные стены Форта надежно отгородили нас от беснующейся стихии.

Уложив спасенного на кровать в своей маленькой спальне, я принялся освобождать его от облачения. Когда же снял с него шлем, то обнаружил, что судьба приготовила мне два сюрприза. Первый заключался в том, что это была женщина, точнее,

девушка. Второй оказался менее приятным: девушка умирала от песчаной лихорадки. Багровые пятна на коже, обметанные чернотой губы не оставляли никаких сомнений в диагнозе. Теперь мне отчасти стала понятна причина поспешного бегства спутников девушки: они бежали не только от урагана, но и от болезни, грозившей им столь же неизбежной гибелью. Они не принадлежали к жителям Города, не ведали о подстерегающих их опасностях и не знали, как от них защититься.

Хотя о песчаной лихорадке бежавшие несомненно слышали. Откуда же они взялись? Аварийная посадка частного корабля? Она не могла остаться незамеченной службой слежения, и никакой ураган не мог тому помешать. Спасательная команда оказалась бы на месте в ближайшие несколько часов. Слишком много вопросов, на которые я не мог найти ответа.

Но обо всем этом будет время подумать позже. А сейчас я бросился к аптечке, распаковал шприц с вакциной и прямо сквозь оболочку люрсы — антисептической псевдокожи, которую вынужден носить каждый чужак, опустившийся на поверхность планеты — вкатил девушке двойную дозу в подключичную артерию, потом вколол ампулу комплексной адаптационной сыворотки и лишь после этого осторожно освободил ее от комбинезона. Люрсу с тела спасенной я удалять не стал, полагая эту процедуру делом достаточно интимным, да и не нужным. Теперь все зависело только от того, сколько времени протекло с момента заражения. Песчаная лихорадка уже не летальна, люди больше не погибают от этой заразы, но только тогда, когда под рукой есть вакцина и лечение начато вовремя. В противном случае исход печален: гибель или тяжелейшее необратимое поражение нервной системы, и неизвестно еще, что для жертвы лучше.

Девушка находилась в глубоком забытьи. Лишь наклонившись почти вплотную к ее лицу, я мог разобрать слабое дыхание. Она была совсем молода и выглядела бы подростком, кабы не округлые бедра и крепкие полушария груди. Мне оставалось только ждать. Либо она очнется на пути к полному выздоровлению, либо уже не очнется никогда. Сейчас я больше ничем не мог ей помочь, поэтому просто укрыл ее одеялом и вышел в аппаратную. Машинально заглянул в перископ и тут же отпрянул, ослепленный близкой вспышкой молнии. Буря продлится несколько дней, в течение которых Форт останется полностью отрезанным и от Города, и от всей прочей Вселенной. Такие бури за зиму обрушивались на Форт несколько раз, я давно уже к ним привык. Они не пугали и не угнетали меня, я даже, бывало, радовался их приходу, потому что мог пребывать в

полной уверенности, что пока не кончится буйство стихии, мое одиночество никто не нарушит даже теоретически. И сейчас все было бы точно так же, если бы не произошедшее.

Так кто же все-таки эти пришельцы?

Я раскрыл захваченный из палатки ранец и начал выкладывать содержимое. Стандартный аварийный набор: фонарь и рация с комплектом запасных батарей, небольшой, но достаточно мощный пистолет, ненарушенная упаковка сублимированной пищи, какие-то женские мелочи. В отдельном кармашке — несколько статусных и кредитных карточек и удостоверение личности, из которого я узнал, что имя девушки — Вайда Глор и что удостоверение она получала на Земле в день своего совершеннолетия пять лет назад. Имя вызвало у меня неясные ассоциации, нечто связанное с моей прежней жизнью, о которой я вспоминал не слишком часто, поэтому я постарался поскорее изгнать их. Все это меня совершенно не касалось. Теперь самое время вернуться к своим делам.

Спустившись в пещеру, я вновь занялся грядками, но минут через десять понял, что работа больше не вызывает у меня привычного удовлетворения. Произошедшие события нарушили давно сложившийся, размеренный ход вещей. Внешний мир, от которого я скрывался в пустыне последние годы, вновь заявил о себе, вторгся в мою жизнь, посеяв в душе беспокойство и раздражение.

Я поднялся наверх и зашел в спальню. Девушка лежала в той же позе, ее дыхание по-прежнему было слабым и прерывистым, на лице выступили бисеринки пота, но внимательно глядя на нее, я отчего-то ощутил уверенность, что смерть отступила. Пока еще лишь на один крохотный шажок, однако он означал, что у больной появился шанс. Я осторожно отер ее лицо влажной салфеткой, а потом приподнял голову и попытался напоить. Она сделала два небольших глотка и внезапно открыла глаза. Несколько секунд она смотрела на меня вполне осмысленно, мне даже показалось, что губы девушки сложились в попытке что-то произнести, но в следующий миг взгляд ее сделался туманным, веки сомкнулись, и она вновь потеряла сознание.

Эту ночь я провел в кресле возле ее постели. Под утро у девушки начался кризис. Она стонала, металась, выкрикивала невнятные фразы, кого-то звала. Я боялся появления судорог: они означали бы, что лечение опоздало и надежды на спасение нет. Однако книга судьбы моей гостьи была еще далека от завершения. Постепенно девушка успокоилась, мышцы расслабились, дыхание стало размеренным и ровным. Только тогда я счел возможным и сам немного поспать…

Я проснулся от негромкого шороха, не успев понять его природу, и некоторое время вслушивался. Шорох повторился. Он исходил из моей спальни, и тогда я пробудился окончательно, вспомнив события вчерашнего дня. Я вошел и увидел, что девушка пытается приподняться на постели. Красные пятна на ее лице начали бледнеть: при благоприятном течении песчаная лихорадка проходит довольно быстро.

— Не стоит этого делать, — предупредил я. — Вы еще слишком слабы.

Она смотрела на меня с удивлением и испугом.

— Где я? — спросила она.

— Вы в безопасности. Это самое главное.

— Что со мной?

— Вы больны. Но скоро все будет в порядке.

— Кто вы? — был следующий вопрос.

— Меня зовут Людвиг. Я хозяин этого… дома.

— Людвиг Ковальский?

— Откуда вы меня знаете?

— Я искала вас… мы искали вас. А где мои спутники?

— Трудно сказать, — усмехнулся я. — Знаю только, что они вас бросили. Наверное, испугались заразиться.

— А вы не испугались?

— Эта болезнь для меня не опасна.

— Да, понимаю, — кивнула она.

Ага, она кое-что обо мне знает. Это вызвало у меня легкий интерес и неясное беспокойство.

— Расскажите, что с вами произошло? — попросил я.

— Мы прилетели в Город несколько дней назад. Я пыталась навести о вас справки. Потом мы узнали, что вы скрываетесь на какой-то заброшенной базе одной из первых экспедиций.

— Я ни от кого не скрываюсь, — возразил я. — Я просто здесь живу.

— Это не важно, — мотнула она головой. — Там, в Городе к вам относятся… вы сами знаете, как к вам относятся. Никто не захотел стать нашим проводником, мне предложили дожидаться регулярного рейса. Но я не могла ждать. Мне даже не удалось арендовать вертолет. Тогда мы сами отправились в пустыню и в первый же день сбились с пути.

— Самое лучшее для вас было вернуться назад.

— Я сама знаю, что для меня лучше! — нервно воскликнула она. — Я должна была вас отыскать! Потом… на стоянке меня укусила какая-то местная ядовитая тварь. Пробила жалом и комбинезон, и люрсу.

— Протоскорпион, — кивнул я. — Должно быть, вы его

сильно напугали. Но он не ядовит.

— Вначале я тоже так подумала. Ранка болела совсем немного, и скоро я о ней забыла.

— В этот период протоскорпион опасен тем, что является переносчиком песчаной лихорадки.

— На следующий день я почувствовала себя очень плохо. Что было после, я уже почти не помню.

— После вы оказались здесь, — сказал я. — И, к счастью, это произошло вовремя. На этом пока остановимся. Вам нужно поесть…

Завтрак, который я приготовил для нее, составил бы честь любому ресторану. Тут был салат из овощей нового урожая и тушеные грибы. К сожалению, мясные блюда в меню Форта отсутствовали: я вообще не охотник до мясного, хотя и разнообразил изредка свой рацион местной дичью, сезон охоты на которую начнется только с наступлением весны. Но зато я предложил гостье на десерт клубнику и перебродивший сок манго. Это, конечно, не вино, однако в качестве тонизирующего вполне подходит. Мне было приятно ее удивление подобным разнообразием свежих продуктов, хотя она ничего не сказала. Пища придала ей сил, после завтрака девушка выглядела намного более уверенной.

— Мы должны ехать, — сказала она вместо «спасибо», когда с едой было покончено.

— Невозможно, — пожал я плечами. — И на то существует целых три причины.

— Какие же? — нахмурилась она.

— Первая в том, что вы еще слишком слабы. Чтобы встать на ноги, вам понадобится еще несколько дней. Вторая — ураган. Не знаю, когда он кончится, но уж никак не раньше, чем вы будете здоровы.

— А третья?

— А третья — самая главная. Она заключается в том, что я отсюда никуда не собираюсь. Когда утихнет буря, я вызову спасателей. Они отвезут вас в Город и помогут улететь с Итаки.

— Но я прилетела сюда специально, чтобы отыскать вас! — воскликнула она. — И без вас никуда не улечу.

Я не хотел с ней спорить. Для этого она еще слишком слаба.

— Мы поговорим позднее, — примирительно сказал я. — Сейчас вам следует отдохнуть.

Кажется, она собиралась возразить, но я уже закрывал за собой дверь. У меня было достаточно дел, которые я не мог отложить на завтра. И важнейшее из них — профилактический осмотр насоса, качавшего из артезианской скважины воду для

моих плантаций и крохотного озерца с рыбой. Отправляясь в насосную, я посмотрел мимоходом в единственное окно Форта, чуть раздвинув бронированные ставни: снаружи по-прежнему царил ад. Мощь урагана достигла апогея. Когда он закончится, мне придется потратить немало сил, чтобы разбросать нанесенный песок. Если бы я с удручающим постоянством не занимался этим несколько раз в году, Форт давно засыпало бы под самую крышу и он опять превратился бы в подобие дюны, сделавшись таким, каким я нашел его, когда вернулся сюда и решил остаться.

Втянувшись в работу, я на некоторое время забыл о девушке и вновь вспомнил о ней, лишь когда почувствовал голод: больную тоже пора было покормить. Обед на основе хлореллы, боюсь, показался ей не таким вкусным, зато был достаточно питательным. Впрочем, я постарался сдобрить его рыбой, свежими овощами и ягодами.

— Почему вы не спрашиваете, зачем я вас искала? — сказала она, когда трапеза была закончена.

Честно говоря, мне было это совершенно безразлично. Но я послушно спросил:

— Так зачем вы меня искали?

— Мне нужна ваша помощь. Я хочу предложить вам работу и готова очень хорошо ее оплатить.

Она начала не слишком удачно. Деньги — самое меньшее в мире, что меня интересовало. Примерно так я ей и ответил, но она, кажется, не поняла.

— Я заплачу вам не просто много — очень много! Вы знаете, кто я?

— Вас зовут Вайда Глор, вам двадцать три года, — сказал я. — По крайней мере, так значится в ваших документах…

И только в этот момент сообразил, почему ее имя показалось мне знакомым. Винсент Глор! Мультимиллиардер, один из тех, кто по праву мог бы претендовать на звание финансового властителя половины колонизированных планет. Неужели это ее отец? Как же он позволил ей рисковать, оказаться на краю гибели?

— Я — Вайда Глор, дочь Винсента Глора. И я могу сделать вас очень богатым, если вы примете мое предложение.

В голосе ее звучал металл. Я невольно уточнил про себя: презренный металл, натуральный эквивалент состояния, сколоченного для Глоров трудом миллионов. Этакий гигантский бренчащий мешок с пиастрами, дукатами, луидорами, соверенами, золотыми червонцами.

Судя по всему, Вайда ожидала, что тут уж я должен задать

вопрос, в чем же заключается ее предложение, но она ошиблась.

— Вы знаете, почему эта планета называется Итака? — спросил я.

— Нет. Какая разница, как она называется?

— История ее колонизации — совсем недолгая, но население Города ею гордится — гласит, что капитаном первого корабля, опустившегося на ее поверхность, был этнический грек Ставрос Панайотис. Он ее, собственно, и открыл. Планету могли назвать его именем — таковы неписаные, но свято соблюдаемые правила Департамента внешних связей. Однако капитан самокритично признал, что названия типа Панайотии или Ставрасии недостаточно благозвучны. Он нарек планету Итакой, отдавая дань уважения родине своих предков.

— Ну и что?

— Итака — это остров в Ионическом море. Древний символ долгого и трудного возвращения домой. Своего рода земля обетованная. Некто по имени Одиссей странствовал долгие годы, пытаясь вновь обрести потерянный дом, и ему это в конце концов удалось. И мне тоже это удалось. Я к тому, что мой дом здесь и я вовсе не собираюсь его покидать.

— Это — дом? — изумление Вайды было настолько велико, что превозмогло готовую вспыхнуть ярость. — Вы это называете домом? Вообще-то, я предвидела нечто подобное… Мне очень не хотелось, чтобы наш разговор принял такой оборот, но я просто вынуждена… Даже если вам так нравится считать этот бункер домом, вам он не принадлежит.

— Что вы хотите этим сказать? — слегка растерялся я.

— Найдите в моих вещах синюю карточку и вставьте в компьютер. Сами все поймете.

Я так и сделал. Карточка оказалась сертификатом на владение землей и недвижимостью. Хозяину сертификата принадлежала обширная территория Итаки такой-то площади и с такими-то координатами рубежей, приобретенная на основании закона и с одобрения Городского совета неделю назад. Понятно, что центром территории была бывшая база Первой экспедиции, которую я давно называл Фортом.

Я испытывал ярость и досаду. Большей частью досаду на самого себя. В свое время мне ровным счетом ничего не стоило оформить в собственность этот участок земли. Кому, спрашивается, нужен клочок бесплодной, смертельно опасной пустыни в тысяче километров от Города? Однако я оказался достаточно беспечен, чтобы не сделать этого сразу, а потом просто забыл. Я и так считал Форт своим — опасаться появления конкурентов в ближайшие два-три столетия не следовало.

База была покинута окончательно за отсутствием дальнейших перспектив использования. Я занял ее с ведома властей, нимало не сомневаясь в том, что никому не придет в голову предъявлять на нее права. Я пришел сюда навсегда, чтобы сделать базу своим домом. Это я нашел глубоко под слоем песка и коренной породы водяную линзу (по правде говоря, никто, кроме меня, и не сумел бы этого сделать), пробил к ней скважину, выстроил под Фортом сеть пещер, возродил почву и добился того, чтобы она начала приносить плоды. Я потратил на это почти пять лет и большую часть своих сбережений, я сделал все, кроме самой малости, на которой меня поймала эта девчонка с генетическими задатками хищника.

Я еще раз перечитал текст соглашения и обнаружил два интересных момента. Первым была фантастически высокая сумма, уплаченная за приобретенную собственность. Даже с учетом всех моих вложений Форт этого не стоил. За такие деньги любой мог бы приобрести целое княжество в гораздо более благоприятных для человеческого обитания мирах. Вторым — то, что графа, где указывалось имя владельца, оставалась пустой. Крючок с двойной наживкой. Или двойным жалом это без разницы. Она знала, что мне никогда не хватит средств выкупить Форт, но давала понять, что при определенных условиях я могу вписать в сертификат свою фамилию.

Разумеется, все это меня расстроило довольно сильно, хотя в отчаяние впадать я не собирался. Конечно же, нет. Мне не единожды приходилось начинать жизнь с нулевой отметки. Оставшихся на моем счету средств вполне хватит, чтобы убраться с Итаки в любое место, где обо мне ничего не слышали, и начать все заново. Возможно, я так и поступлю — и плевать хотел на всё глоровское семя вплоть до десятого колена, если впредь они не попытаются встать на моем пути. Но прежде все же стоит выяснить истинные намерения противника.

Я вернулся в спальню и небрежно бросил синюю карточку на одеяло.

— Приятно знать, что у меня появился такой могучий и милый враг, — сказал я. — Хотя и несколько неожиданно. Хорошо бы также выяснить, способен ли он на простую человеческую благодарность. Но не беспокойтесь, леди, здесь вам ничего не грозит. Все произойдет именно так, как я вам уже сказал. Когда кончится буря, я вызову из Города спасателей. Отправиться вместе с ними или задержаться в своих новых владениях — это вы решите сами.

— А вы? — недоверчиво спросила она.

— Меня здесь уже не будет, — развел я руками. — Чтобы

добраться до космопорта, помощь мне не потребуется. Ну что ж, полагаю, мы выяснили отношения окончательно. Ужинать будем примерно через три часа. А пока я вас оставляю. Мне нужно понемногу собирать вещи.

Я направился к двери, но был остановлен пронзительным вскриком:

— Подождите!

Спустя секунду, она сказала совсем тихо и почти жалобно:

— Я прошу вас…

Пожав плечами, я уселся в кресло.

— Вы ничего не поняли, — начала она, настойчиво пытаясь поймать мой взгляд. — Эта территория приобретена для вас. Без всяких условий. И ее цена в сумму гонорара вообще не входит. Как только будет восстановлена связь, вы сами впишете свое имя в графу владельца. Когда я сказала, что Форт вам не принадлежит, я имела в виду лишь юридические формальности, которые уже уладила. Примете вы или не примете мое предложение — ваш нежно любимый Форт так и останется за вами.

Должен признать, этим заявлением Вайда поставила меня в положение совершенно безвыходное. Теперь я был просто обязан задать вопрос, которого она так ждала.

— Чего же вы от меня хотите?

Она улыбнулась. Не торжествующе — нет! — как-то уютно, по-домашнему, как должны улыбаться любимые, но капризные жены, когда внезапная угроза хрупкому семейному согласию миновала. Потом сползла по подушке чуть ниже и совсем по-детски попросила:

— Вы ужин только через три часа обещали, а мне так кушать хочется. Вы уж меня извините…

Разговор после ужина не состоялся. Вайда заснула, не окончив трапезы, с надкушенным куском хлореллового тоста в руке. Она не играла и не притворялась — это была обычная картина выздоровления от песчаной лихорадки, когда периоды активности чередуются с приступами слабости. Оставив ее, я отправился в свои пещеры, но работа не шла. Все отчетливее я осознавал, что появление Вайды Глор означает очередное изменение в моей жизни. Я привык к своему Форту и почти поверил в то, что резких перемен в жизни испытывать мне более не придется. И прожил бы в Форте многие годы с этой верой, кабы не эта незапланированная встреча.

Мне требовался длительный отдых от людей, и я скрывался от их излишнего внимания, полагаю, достаточно успешно. Только

семья Глор с их средствами и возможностями могла отыскать меня в бескрайнем Космосе, хотя пока я еще не понял, как им это удалось. Не знаю, на что намекала Вайда, но в Городе меня действительно недолюбливали. Отнюдь не потому, что знали обо мне то, что я старался скрыть. Просто в суровом мире Итаки я был для них чужаком. Неприятным, опрокидывающим некоторые представления, почти получившие статус закона. На Итаке не полагалось выживать в одиночку — а мне это вполне удалось. Я не просил никого из них о помощи, я всегда расплачивался за услуги и заказанное оборудование вовремя и не торгуясь, я справлялся со всеми своими проблемами самостоятельно — в этом и заключалась моя главная вина перед гражданами Итаки. Этот маленький мир теоретически мог принять не более шести миллионов человек — таков был предел его биологических ресурсов. Планета-пустыня от полюса до полюса с редкими оазисами жизни над подземными линзами вод. Но и этот лимит жизненного пространства оставался пока невостребованным. Численность населения Итаки на сегодняшний день составляла чуть более двухсот тысяч и возрастала крайне медленно: из-за неприветливости этого мира желающих переселиться сюда находилось немного.

Здесь следовало выживать только вместе — это тоже нравилось отнюдь не всем кандидатам в переселенцы. Жители Итаки не терпели одиночек и индивидуальных решений. Потрясающая приверженность к коллективизму порой принимала у них довольно забавные формы. Именно поэтому столица Итаки — ее единственный город, не считая нескольких более мелких поселений, основанный лет пятьдесят назад, до сих пор так и назывался — Город. Предлагаемые различными группировками горожан варианты названия (некоторые из них мне казались вполне удачными) ни разу не набрали конституционного большинства. Полагаю, так оно и будет впредь.

Я не обижался, не роптал, поскольку их нелюбовь ко мне носила непринципиальный характер. Все-таки постепенно они ко мне привыкали, хотя и не слишком быстро. Правительство выплачивало мне скромную ставку штатного метеоролога в награду за регулярные отчеты, они строго по графику снабжали меня сывороткой от песчаной лихорадки и прочими медикаментами, столь необходимыми на Итаке для всех, кроме меня, однако о последнем они, к счастью, не ведали…

Наша новая беседа с Вайдой состоялась лишь на следующий день. Эту ночь я крепко и сладко спал на надувном матрасе в аппаратной и к разговору подоспел полностью отдохнувшим. Вайда тоже выглядела много лучше. Красные пятна почти

исчезли, теперь ее щеки покрывал нормальный, хотя и слабый румянец.

— Мне нужно отыскать одного человека, — сообщила она. — Без вашей помощи этого не сделать.

— Почему вам не могут помочь многочисленные служащие вашего отца?

— Мой отец не знает и не должен знать, чем я занята, — немедленно и категорично ответила она, а потом слегка усмехнулась. — Тем более, что это не в их силах.

— Вы полагаете, моих сил будет достаточно? — осторожно осведомился я.

— Я все о вас знаю, — сказала она без малейшего нажима, просто констатируя фактическую ситуацию. — Вы — мутант. Генетически модифицированный экземпляр. Вы можете многое.

Назвав меня мутантом, она допустила неточность. Мутант — результат естественного или навязанного извне изменения генной структуры в клеточном материале будущего потомства, о котором само потомство никто не спрашивает. Изменения моего организма были произведены в зрелом возрасте и с моего согласия. Я был одним из первых двухсот пятидесяти добровольцев, предоставивших свое тело в распоряжение мировой науки во имя грядущих побед человечества над мирозданием. Правильнее было называть меня модификантом.

— И кого же вы ищите? — спросил я.

— Его зовут Алекс Норкофф. Вам что-нибудь говорит это имя?

Еще бы! Александр, Саша Ныркoв. Мой первый напарник и одновременно последний. Славный парень, добрый товарищ, авантюрист, беглец, которого разыскивают службы безопасности Земли и руководство «Десанта» — выбирай, что пожелаешь, не ошибешься. Конечно, предлагать этот набор Вайде я не собирался.

— Могу я спросить, зачем он вам нужен?

— Можете, — мотнула она головой, отчего ее короткая черная челка задорно взметнулась надо лбом. — Алекс — мой жених.

— Вот как! — я не сумел скрыть удивления.

— Он пропал… исчез месяц назад.

— Но где же я буду его искать?! — воскликнул я. — Обитаемый Космос слишком велик. Это чересчур сложная задача для моих скромных способностей.

— Вам не придется искать его по всему Космосу, — сказала она. — Он отправился на Верону. И я абсолютно уверена в том, что там он и находится до сих пор.

— Теперь понимаю, — медленно произнес я. — Верона. Поэтому я вам и понадобился.

Истощенная, отравленная безрассудной деятельностью человека в течение многих веков, Земля умирала. Всего через несколько столетий — мгновение в жизни планеты — ей суждено было превратиться в мертвый мир, подобный Венере или Марсу, а человечество так и не могло отыскать новый дом, да к тому же столкнулось с проблемой, к которой вовсе не было готово. Мало того, что относительно пригодные для заселения миры способны были принять лишь ограниченное число переселенцев: все открытые до сих пор более или менее подобные Земле планеты оказывались по большому счету либо слишком холодными, либо слишком жаркими, либо слишком сухими, как избранная мною Итака. И в каждом из новых миров нас подстерегал еще один удар. Их биосфера отвергала и стремилась уничтожить чуждые биологические объекты. Даже простая местная плесень могла оказаться для пришельцев смертельной. Чужой белок убивал людей — когда мгновенно, когда через неделю, месяц или год, но результат всегда был один и тот же. Новые поселения вымирали до последнего обитателя, не успев дождаться помощи, которую Земля и не готова была оказать. Человек оказался биологически несовместим со Вселенной.

Потери были слишком велики для нашей стремительно сокращающейся расы, и проблема, казалось, не имела решения, пока не был создан отряд «Десант-250». Двести пятьдесят добровольцев подверглись биологической трансформации. Случилось так, что я оказался в их числе. Из нас делали разведчиков, первопроходцев, специалистов по выживанию. Мы стали быстрее и сильнее обычных людей, однако не это было главной целью переделки. Нам дали неуязвимость для чужеродного белка. Перестроенные иммунные системы наших организмов сделались настолько убийственными, что мы превратились в ходячие фабрики смерти для любого организма, попытавшегося вторгнуться в наши тела. Наши клетки безошибочно вырабатывали смертельное оружие против агрессора, едва он пересекал рубежи обороны.

Для такой переделки годился не каждый. Подобных мне искали по всему миру. По сути, все мы являлись генетическими уникумами изначально. Возможно, именно наши предки бродили по улицам городов средневековой Европы среди гор чумных трупов, пытаясь спасти еще не расставшихся с жизнью. Именно они неизменно выживали в эпицентрах пандемий холеры, испанки и болезни Грокера.

С каждым из нас организаторы проекта были предельно

честны. Перед самым началом модификации крохотный сухой человечек в белом халате, который казался великоват ему и в длину, и в объеме, всякий раз предупреждал кандидатов, что даже с их уникальными природными данными шансы на успех эксперимента составляют не более семидесяти процентов и что любой, кто передумает принять в нем участие, может немедленно уйти. Кто-то из кандидатов действительно покидал лабораторию, однако подавляющее большинство оставалось. Не так уж часто судьба предлагает возможность сделаться спасителями всего человечества. Мы могли сколько угодно иронизировать над этим, но каждый из нас в душе знал, что дело обстоит именно так.

Человека, который пугал нас последним предупреждением, знала вся планета. Дважды нобелевский лауреат Юджин Гантварг точно знал, о чем говорил, но своей работой стремился опровергнуть самого себя. Великий ученый делал все, чтобы мы остались живы, однако, несмотря на его усилия и наши природные задатки, генную перестройку удалось пережить не всем. Руководство программы берегло нашу психику, поэтому только после полного завершения модификации нам стало известно, что около десяти процентов добровольцев погибали. Их организм не выдерживал происходящих изменений.

И все же это было десять процентов, а не тридцать! Лично я считаю, что Гантваргу — именно ему — многие из нас обязаны тем, что до сих пор живы.

Процесс модификации стоил невероятно дорого. Фактически каждый из нас представлял собой биологическую машину многомиллионной стоимости. Теперь мы должны были отработать сделанные в нас вложения. Мы искали людям новый дом. Готовили открытые астрофизиками планеты для колонизации, строили первые надежные укрытия для прибывающих, проводили геологическую разведку.

И самое главное, набирали биологический материал, на основе которого разрабатывалась защита для будущих колонистов. Но все равно после десятков прививок каждого из поселенцев ждал долгий и мучительный период адаптации. Немедленная и неизбежная гибель им уже не грозила, однако лишь второе поколение могло ощущать себя жителями нового мира. Но получая это право, они лишались главного — свободно общаться с представителями своей расы во всей остальной Вселенной, ибо те оставались на покоренной планете всего лишь гостями, вынужденными прятаться под стерильными куполами пересадочных станций, защищать себя оболочкой стерилизующей люрсы, дышать через фильтры и потреблять стерилизованную пищу.

И все же на краткое время люди решили, что проблема решена. Колонизация новых миров стала возможной, Великий Исход начался. За семь десятков лет пятьдесят шесть открытых разведчиками миров приняли около полумиллиарда землян. Теперь на Земле оставалось чуть более миллиарда — это все, что наша древняя, истощенная, искалеченная планета была способна выдержать. Казалось, что путь к спасению человеческой цивилизации найден.

Но лишь до тех пор, пока мы не осознали, что рассыпали свой мир на мелкие осколки, навсегда утеряв возможность собрать их воедино. Разлетевшимся по Вселенной крохотным искрам Разума суждено было угаснуть. Постепенно приходило понимание того, что лишь несколько сотен лет отделяет маленькие колонии — а значит и все человечество — от начала угасания и деградации…

Двести пятьдесят — число, конечно же, условное. Поиски новых кандидатов шли непрерывно, и ряды «Десанта» изредка пополнялись. Случалось и так, что некоторые из нас погибали в чужих мирах. Алекс Норкофф вошел в штат «Десанта» всего лет шесть назад. Как раз тогда руководство, обескураженное незначительностью результатов, решило сменить тактику и расширить зону поиска. На вычисленные астрофизиками планетные системы десантники стали отправляться парами на небольших кораблях-разведчиках. Обычно группа составлялась из опытного десантника и новичка. Именно Алекс стал тогда моим первым напарником. Как оказалось, и последним…

— Что ему понадобилось на Вероне? — спросил я.

— Не знаю, — Вайда не смотрела на меня, и я был уверен, что она лукавит. — Но сейчас он именно там.

Значит, Верона. Абсолютно гиблое место для пришельцев со стороны. Итака со своими ураганами, иссушающим летним зноем, убийственным холодом зимы, песчаной лихорадкой — курорт по сравнению с ней. Верона вполне земноподобная планета — сила тяжести, атмосферное давление и содержание кислорода нас вполне могли бы устроить, если бы не смертельно опасная для человека биосфера. Но дело вовсе не в зубастых и клыкастых тварях, которых, к слову, на Вероне предостаточно. И даже не в микрофлоре, которая уничтожала людей так же быстро и эффективно, как хищники. Убийцей, по сути, была вся планета. В атмосфере оказалось слишком много паров синильной кислоты, которую в огромном количестве производили и выделяли растения. Почва и вода насыщены цианидами. Человек мог находиться там лишь в полностью изолирующем облачении. Из всех известных людям планет Верона оказалась самой враждебной. Поэтому планов ее колонизации не существовало.

Единственное сооружение, построенное людьми на планете — База Корпуса спасателей. Персонала она не имела и функционировала в автоматическом режиме. Если Алекс действительно на Вероне, искать его следует именно там…

— Кстати, почему вас не любят в Городе? — внезапно спросила Вайда. — Я случайно узнала, что среди первых поселенцев был ваш однофамилец. Он ваш родственник? Это из-за него? Чем он всем так насолил?

— Просто на Итаке не любят одиночек, — сказал я. — Это особенность местной психологии и сложившегося образа жизни. Я в него не слишком вписываюсь.

Впрочем, Вайда тут же сменила тему, чему я был очень рад.

— Вы мне поможете? — спросила она.

— Не вижу необходимости, — ответил я. — Существует тысяча других способов связаться с ним. И если он не отвечает, значит, у него есть на то свои причины. Каковы бы ни были ваши с ним отношения, вмешиваться в них я не хочу.

Она задумалась, наморщив лобик.

— Вы всего не знаете, — медленно проговорила она. — Я не хотела говорить сразу и, видимо, совершила ошибку. Алекс в опасности. В очень большой опасности.

— Вот как!

— Это правда. Его разыскиваю не только я, но и Синдикат. Их люди следят за каждым нашим шагом. Именно поэтому я здесь, у вас. Мне просто больше некому доверять.

Синдикат — это серьезно. Если она не лукавит, Алекс действительно попал в сложное положение. Что-то мне подсказывало, что Вайда действительно говорит правду.

— Что нужно Синдикату от Алекса?

— Они просто хотят его убить. Алекс нашел что-то очень важное. Синдикат намерен уничтожить информацию вместе с ее источником. Если ему не поможете вы, то не поможет никто. Мы должны отыскать его раньше — это единственный выход! Он рассчитывал на вашу помощь, он рассказывал о вас так много…

Я задумался. Десантники не оставляют друг друга в опасности. И хотя я сейчас не удел — временно или постоянно, — Алекс все равно навсегда останется моим партнером. Нас слишком мало, чтобы не ценить жизнь друг друга.

— Почему вы молчите? — спросила Вайда. — Что вы решили?

— Вы мне просто не оставили выбора, — усмехнулся я. — Я помогу вам найти Алекса. Но прежде вам нужно окончательно поправиться.

— Хорошо, — она вытянулась на кровати и закрыла глаза. —

Надеюсь, когда-нибудь вы мне расскажете, почему решили стать отшельником, — пробормотала Вайда напоследок.

Может быть, когда-нибудь и расскажу, подумал я. Правда, не понимаю зачем. Вряд ли ей удастся понять, что означает тихое, всепоглощающее отчаяние от осознания тщетности усилий, усталость несбывшихся надежд и просто человеческая усталость — и все это накапливается в течение десятков лет. Мы все рано или поздно начинали испытывать чувство вины за неудачу наших попыток спасти свою цивилизацию, мы раньше и намного острее других ощущали неизбежность конца, пусть и отнесенного во времени на тысячелетие. У каждого из нас наступал момент, когда он должен был уйти. Некоторые из нас возвращались. Нас не пытались удерживать и с радостью принимали обратно. Двери «Десанта» всегда оставались открытыми в обе стороны. Я продержался дольше многих, но такой день наступил для меня пять лет назад. Он неплохой парень, этот Алекс, но именно рядом с ним — молодым, полным надежды и непоколебимой уверенности в успехе — я ощутил, насколько сильно устал. Почувствовал столь остро, что дожидался окончания нашего последнего с ним двухмесячного поиска, как всегда, совершенно бесплодного, с огромным трудом. Сразу после возвращения я ушел, к моему решению Алекс не имел ни малейшего отношения, что бы ни болтали на этот счет в коридорах штаб-квартиры «Десанта»…

И я до сих пор не мог ответить на вопрос, который часто себе задавал: ушел навсегда или только на время…

— Я бы хотела, чтобы вы подписали со мной контракт, — неожиданно заявила Вайда после завтрака.

— Это еще зачем? — удивился я.

— Вы согласились выполнить определенную работу, за которую я намерена вам заплатить.

— Если я не подпишу, вы не заплатите?

— Контракт — основа цивилизованных отношений в бизнесе, — изрекла она. — Он гарантирует выполнение обязательств, взятых на себя сторонами.

Мое лицо оставалось каменным, и Вайда дала обратный ход.

— Я только хочу, чтобы ничто и никто не помешал вам получить гонорар, — тон ее был почти умоляющим. — Поймите, Людвиг, для меня это очень важно. Пока что я имею право подписывать подобные документы, но все может в любой день измениться. Я не желаю, чтобы ваша работа осталась без вознаграждения. Пожалуйста, сделайте это… ну просто из вежливости, что ли…

Мы с ней пошли к компьютеру, и спустя несколько минут наше соглашение приобрело официальный статус. Ураган кончился, связь Форта с цивилизацией была восстановлена, договор с моей подписью и отпечатками пальцев отправился по волнам эфира в соответствующие реестры Города и далее, вплоть до Центрального Депозитария Земли.

С того дня, когда я принес Вайду в Форт, минуло четверо суток. Как я и предполагал, к этому времени она окрепла настолько, что можно было трогаться в путь. Вайда заставила бы меня отправиться раньше, если бы не ураган. Только вчера вечером его сила постепенно начала ослабевать. Сегодня утром о буре напоминал лишь легкий ветерок, но тронуться немедленно, как того желала Вайда, мы не могли.

Дверь оказалась заваленной наметенным песчаным барханом. Под ним же был погребен и пескоход. Мне пришлось вылезти наружу через верхний люк, а потом до полудня расчищать выход, перебросав не менее трех тонн песка. Как обычно, вслед за ураганом пришло кратковременное потепление: термометр показывал всего минус пять, так что работа была отчасти в удовольствие.

Нетерпение Вайды было так велико, что вначале она даже попыталась мне помогать и минут десять ковыряла песок, но быстро устала и бросила лопату. Некоторое время после этого она суетилась рядом, словно щенок в поисках забав, а потом надолго скрылась в доме, за что я был ей чрезвычайно признателен.

К обеду я очистил площадку перед дверью и откопал пескоход. На первый взгляд, буря его не повредила, но проверить механизмы все же не мешало. Этим я и занялся без спешки. Торопиться теперь было ни к чему: чтобы попасть в Город засветло, туда следовало отправляться на рассвете, подвергать Вайду опасностям ночевки в пустыне я не собирался. Как ни странно, когда я сообщил о своем решении, ее это ничуть не огорчило. Она лишь ухмыльнулась и отправилась осматривать мои плантации.

Я только что закончил возиться с пескоходом, когда услышал приближающийся гул: со стороны Города к нам шел вертолет.

— Ты не хочешь собраться? — Вайда смотрела на меня серьезно и требовательно. В ногах ее стоял упакованный ранец. — Полчаса тебе будет достаточно?

Мгновенный переход Вайды в общении со мной с «вы» на «ты» после подписания контракта меня не порадовал. Она уже считала меня своей собственностью.

— Конечно, нет, — спокойно ответил я. — У меня еще немало всяких дел. Мы отправимся завтра утром.

— Я вызвала вертолет. Мы отправимся немедленно, — заявила она. — Не забудь о том, что ты подписал контракт.

Я изумился, хотел взорваться, но в конечном счете только рассмеялся. Она была права, эта маленькая хищница. В соответствии с условиями контракта я был обязан подчиняться ей в том, что касалось маршрута, времени и условий передвижения. Сейчас мне следовало не возмущаться или спорить, а уточнить этот пункт соглашения.

— К чему такая спешка? Первый рейсовый корабль будет на Итаке только через неделю.

— Корабль нас уже ждет, — отрезала она. — И учти, каждый час задержки стоит мне немалых денег. Я не собираюсь возлагать на тебя эти расходы. Я просто информирую.

Единственное, что мне удалось — отсрочить вылет на час под предлогом того, что Вайде необходимо восстановить ее люрсу. Пока она в кабинке душа обрабатывала себя аэрозолем и обсыхала, крутясь под феном, я настраивал автоматику обслуживания плантаций пещеры и консервировал основные системы жизнеобеспечения своего дома. Если не случится ничего неожиданного, Форт дождется моего возвращения без потерь.

Пилот вертолета не повез нас в Город. Он опустил машину на поле космодрома рядом с посадочной платформой, над которой уже висел готовый к отлету челнок. На его борту все еще можно было разобрать название корабля-матки «Ниоба», а также изрядно обшарпанную эмблему Глобальной транспортной компании: жирные буквы «ГТК» внутри веночка из голубых безлистных веток. Корабли компании посещали Итаку нерегулярно и всякий раз задерживались ровно настолько, сколько было необходимо, чтобы выгрузить доставленный груз, редких путешественников и принять на борт груз новый. Удивляться тому, что корабль терпеливо ждал запоздалых пассажиров, мне не следовало: дочь Винсента Глора теоретически могла закупить половину торгового флота обитаемого Космоса. Напротив, мне показалось странным именно то, что корабль был заурядным торгово-пассажирским судном, отнюдь не предназначенным для перевозки высокопоставленных особ.

На челноке мы были единственными пассажирами, а когда состыковались с «Ниобой», оказалось, что кроме нас отправления дожидаются всего несколько человек — трое жителей Города, отправившихся в путешествие по делам, и четверо транзитников. К каютам стюард вел нас через кают-компанию, где в этот момент сидели все семеро. Взгляды, которыми они нас провожали, выражали ледяное презрение. Видимо, причина задержки рейса им была известна, и они ее отнюдь не одобряли.

Каюта, как я и ожидал, оказалась крохотной, но достаточно удобной. Все необходимое, включая санитарный отсек, здесь имелось. Я начал устраиваться, подгоняя по своему размеру противоперегрузочный кокон (на кораблях этого класса искусственная гравитация включалась лишь во время движения в евклидовом пространстве), и в этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — крикнул я, догадываясь, что это могла быть только Вайда.

— Нужно поговорить, — объявила она, усаживаясь в единственное кресло. — «Ниоба» довезет нас до Катленка. Мы пересядем на пассажирский лайнер, который отправится на Землю. Там нас ждет другой корабль, полностью подготовленный к экспедиции на Верону. Хочу предупредить: начиная с Катленка, мы с тобой — супружеская пара. Людвиг и Вайда Дюрок.

— Скажи, пожалуйста, к чему такая конспирация? — спросил я. — Разве существует что-то, чему следует опасаться дочери Винсента Глора? Почему вы просто не прибыли сюда на своем корабле?

— Прежде всего я стремилась избежать ненужного внимания к своей особе, — сказала она. — И к твоей, кстати, тоже. Или ты не согласен?

— Вполне согласен, — пожал я плечами. — Все равно я не понимаю, хотя это и не важно… Итак, теперь мы — супружеская пара.

— Полагаю, вы понимаете, что никаких формальных обязанностей это обстоятельство на вас не накладывает, — холодно проговорила Вайда, для усиления эффекта вновь перейдя на «вы». — Это сделано только для удобства. На имена супругов Дюрок будут оформлены все документы. Их передаст мне на Катленке надежный человек.

— Ты не боишься, что кто-нибудь из пассажиров или команды «Ниобы» раскроет нашу тайну?

— Кроме нас, никто из пассажиров не сойдет на Катленке. Челнок высадит нас, и «Ниоба» немедленно отправится дальше.

— Что за человек ждет нас на Катленке? — поинтересовался я.

— Надежный человек, — повторила она. — Я ему доверяю. Я внимательно посмотрел на нее, а потом спросил:

— Скажи, Вайда, ты доверяла тем двоим, что сопровождали тебя на Итаке?

— Они оказались трусами, — пренебрежительно сказала она. — Признаюсь, я этого не ожидала.

— Не уверен, — покачал я головой. — Не исключено, что вы не просто заблудились в пустыне и они с самого начала

намеревались помешать тебе встретиться со мной.

— С чего ты это взял?

Презрительный тон Вайды показывал, что она мне не верит. Невозможно водить за нос наследницу империи Глора безнаказанно — так она считала.

— Они знали, кто ты?

— У меня не было необходимости скрывать свое имя, — в голосе ее звучала холодная гордость.

— Они стреляли в меня, когда я пытался их догнать. Впрочем, нет, не в меня. Думаю, они полагали, что это ты пустилась в погоню. Вряд ли они стремились тебя убить — просто хотели скрыться. Может быть, они действительно боялись заразиться, но может, с самого начала собирались бросить тебя в пустыне.

Некоторое время она молчала, усиленно размышляя.

— Почему ты не сказал мне сразу?

— Потому что ты была без сознания. А потом просто забыл. Тогда это не имело особого значения.

— Где они сейчас?

— Не знаю, — сказал я. — Вряд ли им удалось пережить ураган.

— Тогда вопрос закрыт, — подвела она итог.

— Я бы не торопился. Может, ты расскажешь подробнее, что, собственно, Норкофф делает на Вероне и почему ты так стремишься его разыскать? Честно признаюсь, что версия насчет пропавшего жениха мне не кажется слишком правдоподобной.

Она вспыхнула, собираясь ответить что-то резкое, но неожиданно передумала.

— Возможно, расскажу, — задумчиво сказала она. — Не сейчас. Позднее. Теперь мне самой нужно кое о чем подумать.

Пискнув, ожил спрятанный где-то в стене динамик внутрикорабельной связи. Капитан просил пассажиров занять места в компенсаторных устройствах. Через десять минут должен был начаться переход. Вайда открыла дверь, собираясь отправиться в свою каюту, но остановилась на пороге.

— Тот Ковальский, о котором я вас спрашивала, тебе действительно не родственник? — неожиданно спросила она.

— Родственников на Итаке у меня никогда не было, — сдержанно ответил я.

— Значит, просто однофамилец?

— Возможно, — пожал я плечами. — Ты теряешь время, Вайда. Я бы советовал подготовиться к переходу. На кораблях вроде этого он может вызвать не очень приятные ощущения.

— Тогда встретимся, когда он закончится, — сказала она и

ушла.

Когда я сказал Вайде, что первым ступившим на поверхность Итаки был капитан Панайотис — это было правдой. Он действительно символически побродил вокруг места высадки в скафандре высшей биологической защиты. А потом вернулся на корабль, стерилизовал скафандр и убрался оттуда навсегда. По-настоящему первыми были мы — отряд «Десанта-250», тридцать разведчиков под моей командой, которые в течение года готовили плацдарм для будущих переселенцев. Фактически я не захватил Форт, а просто вернулся туда. Ведь именно я его и строил…

Это было пятьдесят лет назад. Генная модификация имела некоторые побочные эффекты. Одним из них оказалось то, что мы перестали стареть. Регенеративные функции наших тел резко усилились. Не знаю, было ли это настоящим биологическим бессмертием, но от старости пока еще ни один из нас не умер. Оберегая нас от естественной зависти смертных, руководство проекта тщательно хранило этот секрет от всех, и даже несметные миллиарды Глора не могли его раскрыть. Его агенты, конечно, могли купить доступ к архивам «Десанта», но сведений о нашем прошлом они там не нашли. Их попросту не существовало.

Таким образом мой календарный возраст составлял восемьдесят шесть лет. Биологический — чуть более тридцати. Но как же Вайда все-таки меня отыскала?

Катленк — крупнейший транспортный узел сектора, одна из самых успешных внеземных колоний, население которой достигло тридцати миллионов, поэтому оба зала его космопорта были заполнены людьми круглый год. Челноки стартовали с посадочных решеток Катленка каждые двенадцать минут. Гул голосов прибывших, отправляющихся и транзитных пассажиров образовывал для меня, совершенно отвыкшего от такого скопления людей, сплошное акустическое марево, в котором слова собеседника невозможно было разобрать уже на расстоянии нескольких шагов.

Впрочем, таким было только мое первое впечатление — взгляд отшельника. Адаптация прошла довольно быстро, и теперь передо мной была уже не толпа, а сложная людская конфигурация, состоящая из маленьких групп и одиночек, старательно избегающих малейших физических контактов друг с другом. И когда я это увидел, то понял, что залы здесь невелики, и людей, в сущности, не слишком много.

Между тем Вайда уверенно лавировала меж людских ручейков, держа курс к известной ей цели, и мне оставалось лишь

следовать в кильватере, заботясь о том, чтобы не потеряться. Мы протолкнулись сквозь скопление людей у стоек регистрации, вошли в зону отдыха и остановились возле одной из немногих свободных ячеек. Вайда открыла дверь магнитной карточкой и пропустила меня вперед.

— До отправления у нас остается около шести часов, — сообщила она. — Сейчас я ненадолго тебя оставлю, мне нужно встретиться с моим человеком. А потом мы что-нибудь придумаем. Ты знаком с местной кухней?

— В общих чертах, — осторожно ответил я.

Никакой местной кухни на Катленке не было. Основное население планеты — испано-португальцы — готовило блюда по тем же рецептам, что и их предки из Южной Америки. Правда, здешние растения и животные вносили некоторое разнообразие во вкусовой колорит, но, с моей точки зрения, крайне недостаточное для того, чтобы претендовать на эксклюзив.

— Когда я вернусь, мы познакомимся с ней поближе, — пообещала Вайда и ушла.

В крохотном помещении стояла абсолютная тишина, располагающая к расслабленной дреме, однако спать мне совсем не хотелось, поскольку исключительно этим я и занимался все восемь часов перелета с Итаки. На столике лежала стопка журналов с яркими обложками, я поднял верхний, пролистнул и бросил на место: желтая пресса остается неизменной, сколько бы веков и парсеков не отделяло ее от пункта зарождения. Включил видеофон. Шли местные новости, из которых я мало что понял. Фамилии политиков мне ничего не говорили, обсуждаемые темы были столь же далеки и непонятны. Мир Катленка жил своими собственными проблемами, как и любая другая земная колония.

Раздался негромкий короткий звонок. Кто бы это мог быть? Знакомых на Катленке у меня не было. За дверью стоял мужчина в зеленой куртке медицинской службы. Его иссиня-черные волосы, тщательно уложенные с помощью жирного крема в соответствии с местной модой со лба на затылок, ярко блестели даже в приглушенном освещении зоны отдыха.

— Господин Дюрок? — осведомился модник. — С вашей супругой произошла небольшая неприятность, но, пожалуйста, не беспокойтесь. Она внезапно почувствовала себя плохо — это просто обычный стресс, вызванный перелетом. Мы оказали ей необходимую помощь и сейчас все в порядке. Госпожа Дюрок попросила передать, чтобы вы не волновались. Максимум через полчаса она придет.

— Где она? — спросил я.

— В медицинском секторе. Если вы хотите ее видеть…

— Конечно же, хочу, — раздраженно сказал я. — Проводите меня, будьте любезны!

Он вежливо наклонил голову, явив моему взгляду безукоризненную укладку, и мягкими шагами первым направился к выходу из зоны отдыха. Мы пересекли переполненный людьми игровой зал, затем оказались в узком коридорчике, освещенном довольно скупо. Мой провожатый открыл неприметную дверь без надписи и номера, первым вошел в комнату и повернулся ко мне с приглашающим выражением на лице.

— Сюда, пожалуйста!

Я переступил порог и тут же увидел Вайду. Она лежала на кушетке у дальней стены с закрытыми глазами. В лице ее не было ни кровинки, и это мне сильно не понравилось. Но прежде чем подозрения в моем мозгу успели обрести внятный образ, я услышал за спиной короткий шорох и почувствовал, как в мое плечо вонзилась игла шприца. Комната поплыла перед глазами, ноги ослабли, я мягко осел на ковровое покрытие и закрыл глаза.

— Как я и думал, это оказалось просто, — услышал я чей-то удовлетворенный голос. — Для тебя это довольно легкие деньги… Можно их забирать, теперь оба проспят не менее суток. Советую в пути их не будить. Если увидишь признаки пробуждения, сделай им еще укол. А когда понадобится привести их в чувство, вколи вот это.

Я чуть-чуть разжал веки и сквозь ресницы увидел, как говоривший передал моднику в медицинской куртке небольшой сверток, который тот спрятал в карман. Острота моего зрения довольно быстро восстанавливалась, как и все остальные функции. Но сейчас показывать это было ни к чему. Поэтому я оставался в неподвижности, демонстрируя состояние полной отключки.

Похитители торопились. Вайду и меня уложили в медицинские контейнеры для перевозки тяжелобольных и куда-то повезли. Лежать в контейнере было мягко. Единственное неудобство — холод: эти болваны не удосужились отключить блок гипотермии, и температура в контейнере постепенно понижалась. Надеюсь, мы не успеем замерзнуть. Я был уверен, что эта часть пути не продлится слишком долго, и не ошибся. Крышка контейнера откинулась, не слишком бережные руки вытащили меня и уложили на жесткую горизонтальную плоскость. Я почувствовал, как мою грудь и ноги перехватили страховочные ленты, а потом ощутил дрожь мощных двигателей. Челнок уносил нас с поверхности Катленка. Наши похитители находились рядом в тесном помещении челнока, поэтому я сомкнул веки и старательно имитировал глубокий, крепкий сон.

Собственно, чтобы понять, что с нами происходило, зрение не требовалось. Через полчаса я испытал краткий миг невесомости: челнок входил в гравитационное поле корабля-матки. Затем ощущение веса вернулось, меня вновь подняли и потащили по короткому корабельному коридору. Сквозь щелочки приоткрытых глаз я видел, что похититель в медицинской форме находится рядом.

Нас с Вайдой занесли в тесное помещение и уложили на койки. Привязывать не стали, по-видимому, полностью полагаясь на действие наркотика.

— Ты уверен, что они не доставят нам хлопот? — спросил чей-то голос.

— Не просто уверен — гарантирую, — небрежно молвил модник. — Они будут спать столько, сколько потребуется.

— Не забудь, они нужны живыми, — напомнил собеседник. — Особенно девчонка.

— Будь спокоен, — сказал модник.

Я услышал мягкое клацанье двери и понял, что фальшивый санитар остался с нами один. Ждать больше нельзя: если нас запрут в каюте, положение серьезно осложнится. Модник подошел ко мне вплотную, наклонился. Я почувствовал на своем лице его дыхание и открыл глаза. Выражение изумления на его лице не успело смениться страхом: одной рукой я схватил его за предплечье, блокируя возможность сопротивления, а другой пережал сонную артерию. Он сделал несколько судорожных попыток вырваться, потом тело его обмякло, и похититель осел на пол каюты.

Убивать его я не собирался. Из кармана его куртки я вытащил контейнер со шприцами и занялся пробуждением Вайды.

Укол подействовал на нее довольно быстро. Уже через минуту она глубоко вздохнула, веки затрепетали и раскрылись. Ее взгляд постепенно сфокусировался на моем лице.

— Что случилось?

— Как ты себя чувствуешь?

— Нормально, — она шевельнулась и без особых усилий села на койке. — Я опять заболела? Где мы?

— Нас похитили, — я коротко пересказал последние события. Вайда слушала меня внимательно, но без всякой паники, из чего я сделал вывод, что она была готова ко всему.

— А ты? Разве ты не получил укол? — недоуменно спросила она.

— Наверное, отрава попалась некачественная, — пожал я плечами. — Просто повезло.

Мне не хотелось объяснять ей, что алкалоиды на меня не

действуют. Попав в мой организм, органические вещества чрезвычайно быстро разлагаются на составляющие, которые немедленно включаются в процессы метаболизма. Так что никакой ядовитой органикой или цианидами меня убить нельзя. Таким уж меня сделали. Соли тяжелых металлов были бы эффективнее, хотя тоже не летальны. Просто бороться с ними пришлось бы дольше. Но похитители, к счастью, об этом не знали.

— Это один из них? — кивнула она на санитара. — Что с ним?

— Он просто без сознания и скоро придет в себя. Кто они? Это люди Синдиката? У тебя есть какие-то соображения? Отчего-то мне кажется, ты должна знать об этом больше, чем я.

— Я… не знаю, — сказала она с некоторой запинкой, которую можно было равно трактовать, как озадаченность либо нежелание обсуждать эту тему дальше.

— Хорошо, — кивнул я. — Тогда адресуем эти вопросы ему самому.

Я поднял неподвижное тело, уложил на одну из постелей и легонько похлопал фальшивого санитара по щекам. Он задышал глубже, открыл глаза и обвел непонимающим взглядом каюту, потом резко дернулся, попытавшись вскочить, но я без труда его удержал.

— Что вам нужно? — хрипло спросил он.

— Ты сейчас нам все расскажешь, а потом спокойно уснешь от укола снотворного, — сказал я. — Есть и другой вариант: ты будешь молчать и все равно уснешь. Но уже не проснешься. Выбирай любой, только быстро.

— Я ничего не знаю, — на лице модника я видел выражение отчаяния и ужаса. — Меня просто наняли вас сопровождать.

— Кто?

— Я не знаю, не знаю! Мне заплатили. Я никогда раньше не видел этих людей.

— Куда нас везут?

— На Моросан. Мне так сказали. Больше я ничего не знаю… Он врал. И очень боялся. Но, к сожалению, не меня.

— Послушай, — вмешалась Вайда, — ты знаешь, кто я?

— Вы… вы… — его глаза лихорадочно бегали.

— Если ты соврешь, то умрешь прямо сейчас, — предупредил я.

— Вайда Глор, — промямлил он.

— Тогда ты понимаешь, что я могу заплатить больше. Гораздо больше, чем ты получил, — сказала она. — Ты будешь обеспечен на всю жизнь. Ты сможешь уехать куда угодно и жить

так, как тебе захочется. Это третий вариант. Расскажи все. Ты не должен бояться. Никто и никогда не сможет тебя отыскать, если я тебе помогу.

Кажется, Вайда нащупала правильный подход. Наш пленник начал успокаиваться. Лицо его расслабилось, взгляд сделался не таким затравленным.

— Что это за корабль? — возобновил я допрос.

— «Дельфин». Частная яхта…

— Сколько людей на борту?

— Трое… кроме нас с вами.

— Кому принадлежит «Дельфин»? Назови тех, кто тебя нанял. И хватит сказок о том, что тебе ничего не известно.

— Хорошо, — он глубоко вздохнул и приподнялся на подушке. Я не стал ему в этом мешать. — Эти люди, они…

Внезапно он резко оттолкнулся от койки и ринулся на меня, целя пальцами в глаза. Признаться, он едва не застал меня врасплох. Я мог лишь уклониться от бешеного броска. Промах не обескуражил его. В следующую секунду он уже стоял на ногах лицом ко мне. Модная прическа пленника растрепалась, глаза сверкали лютой злобой. Его рука скользнула в карман и тут же появилась вновь с зажатым в ладони иглопистолетом — маленьким, компактным и смертельно опасным. Как я мог оказаться настолько беспечен, что даже не счел нужным его обыскать! Я бросился вперед, вложив в удар всю свою скорость и силу. Сухо хрустнули ломающиеся позвонки, модник повалился на пол безвольной куклой.

— Он жив? — услышал я за спиной голос Вайды.

— Нет.

— Зачем ты это сделал? Мы же не успели ничего узнать!

— Но если бы я этого не сделал, мы бы вообще больше ничего в жизни не успели. Ты знаешь, что это такое? — Я указал ей на стержень в руке мертвеца. — Микроснаряды этого оружия настроены на тепловое излучение человеческого тела. Они сами находят ближайшую мишень, внедряются в плоть и там взрываются. И неважно, куда именно попадет снаряд: в туловище, ногу, руку… Жертва все равно мгновенно погибнет от болевого шока и потери крови. Это оружие убийц, я видел его всего несколько раз в жизни. Однако мне отчего-то кажется, что вас он убивать не стал бы…

— Ну и что мы будем теперь делать?

— Ты будешь тихо сидеть здесь и ждать меня.

Разжав стиснутые пальцы мертвеца, я забрал иглопистолет и протянул Вайде.

— Это на крайний случай. Осторожно, он поставлен на

боевой взвод.

Секунду я прислушивался, потом бесшумно открыл дверь и вышел в коридор. Люк в одном его конце отделяет стыковочный отсек. Тот, что в противоположном, ведет во внутренние помещения. Мне нужно именно туда. Мысль о том, что меня хотели убить, родила в моей душе холодную ярость. Я начал прикидывать план действий, но додумать мне не удалось: люк, около которого я стоял, начал открываться. Я отступил в угол, и появившийся в проеме человек ухватил краешком зрения лишь короткое движение слева от него. Большего разглядеть ему не удалось: я рванул похитителя на себя и свернул ему шею. Люк не успел закрыться до конца, я отшвырнул обмякшее тело и ворвался в ходовую рубку. Если модник не солгал о количестве членов экипажа, мне повезло: оба оставшихся находились здесь. Ближайшего я достал в ту же секунду, а вот дальше оказалось хуже. Никто из похитителей не мог сравниться со мной в скорости реакции, но у последнего была в запасе секунда. Этого оказалось достаточно, чтобы он выхватил оружие. Мне некуда было увернуться в тесном пространстве каюты. Выстрел должен был раздаться немедленно — и он прозвучал…

Комбинезон на груди моего противника расширился, лопнул и тут же опал, словно проткнутый пузырь. Через дыру наружу поползла розовая слизь перемолотых в молекулы внутренностей. Смерть от выстрела иглопистолета малоэстетична. Тело рухнуло на пол. Я повернулся к Вайде, замершей с оружием в вытянутой руке.

— Ты спасла мне жизнь, — сказал я, переводя дух. — Теперь мы в расчете.

— Заодно я спасала и свою собственную, — заметила она. Оставшийся в живых похититель постепенно приходил в себя: мой удар лишь на короткое время лишил его сознания. Глаза его раскрылись, он уставился на нас с такой злобой, что я даже слегка растерялся. Мне показалось, что он немедленно бросится на меня, и приготовился встретить нападение так, чтобы сохранить ему жизнь: мне необходим был пленник! Однако произошло то, чего я никак не ожидал. Не пытаясь подняться, он сорвал с уха черную сережку, которую я принял за микрофон, сунул в рот и стиснул челюсти. По лицу его пробежала короткая судорога, взгляд остекленел и остановился.

Так! Иглопистолеты, ампулы с ядом, а также их обладатели, с легкостью расстающиеся с жизнью, только чтобы не сболтнуть лишнего. Нападение на наследницу самого Глора. Не нужно обладать даром провидца, чтобы понять: на такое способен только Синдикат. Но каким бы могуществом он ни обладал, его

главари не могли не понимать, что война с Винсентом Глором может обойтись очень дорого. И все же они на это пошли. Тут есть над чем поразмыслить.

— Слушай, Вайда, — произнес я, — ты не хочешь наконец рассказать, во что, собственно, я ввязался?…

Не стоило ей с самого начала держать меня за болвана. Так я ей и заявил, добавив, что никакой контракт не заставит меня долее играть эту незатейливую роль.

— Хорошо, — в конце концов сдалась она. — Я скажу, почему я ищу Алекса Норкоффа. Алекс обладает важной информацией. Очень важной для моей семьи и… для всех. Мы заключили с ним контракт, но он так и не успел ничего толком сообщить. Я просто собираюсь получить нужные нам сведения. Этого достаточно?

Я лишь молча улыбнулся, что вызвало у нее новую вспышку раздражения.

— Что ты улыбаешься?

— Наши похитители тоже предъявляют права на эту информацию или у них к тебе отдельные претензии? — поинтересовался я. — О чем вообще идет речь?

Сердито насупив брови, она некоторое время раздумывала, стоит ли отвечать.

— Речь идет о планете. Чистой планете. Ты знаешь, что такое Чистая планета?

Чистая планета! Еще бы я этого не знал! Мечтой каждого разведчика было отыскать планету, которая допустит человека в свою биосферу, не пытаясь его немедленно уничтожить. Новую Землю, способную принять переселенцев без биологических ограничений. Мы были уверены, что подобные миры должны существовать во Вселенной, хотя бы потому, что один такой мир найти удалось: Моросан. Увы! Гостеприимный, ласковый Моросан оказался слишком мал и тесен, чтобы удовлетворить наши надежды: редкие архипелаги островов в океане, занимающем более девяноста процентов планеты, скудные запасы полезных ископаемых. Этот мир смог стать новым домом лишь для восьми миллионов переселенцев и был заполнен сейчас до отказа…

Я бы обиделся, услышав такой вопрос сорок лет назад, но сейчас лишь пожал плечами.

— Норкофф нашел Чистую планету? — недоверчиво спросил я. — Он так сказал?

— Не важно, что он сказал. Мы почти поверили… Вы понимаете, что это значит?

Я прекрасно понимал. Получив приоритет первооткрывателя, Винсент Глор становился владельцем нового мира. Не

номинальным, а абсолютным правителем. Императором, королем, халифом, падишахом. И одновременно спасителем человечества, отцом Нового Возрождения… Цель жизни любого властолюбца, каждого кандидата в Македонские, Наполеоны или Формайлы… Теперь я получил наконец ответ на вопрос, почему Глор разрешил отправиться в небезопасное путешествие своей единственной дочери. Никому иному он довериться просто не мог. Но других вопросов оставалось предостаточно.

— Интересно было бы знать, чем Алекс смог убедить вас? — спросил я.

Вместо ответа она протянула мне видеокристалл.

— Посмотри!

Я вставил кристалл в прибор. Голубая планета в дымке белых облаков медленно вращалась передо мной на экране. Гигантский материк, раскинувшийся почти от полюса до полюса, еще два материка поменьше. Морская синь, темная зелень растительности, почти сплошь покрывающей земную твердь, редкие желтые пятна пустынных зон, белизна небольших полярных шапок и нескольких горных областей — такими были цвета этого мира. Планета приближалась, изображение становилось крупнее. Я увидел могучие девственные леса, бескрайние саванны со стадами пасущихся животных, золотистые песчаные пляжи, лазурную и тихую поверхность внутренних морей и заливов. Я не мог скрыть волнение.

Это выглядело слишком прекрасно, чтобы оказаться правдой.

Вайда словно прочитала мои мысли:

— Это копия. Но оригинал — не подделка, — сказала она. — Заключение давали наши лучшие эксперты.

— Значит, он сказал вам, где находится Чистая планета, — медленно произнес я.

— Нет! — энергично воскликнула она. — Он собирался сделать это в самый последний момент. Он не хотел, чтобы люди Синдиката оказались там первыми. Алекс никому не доверял и, как оказалось, правильно.

— И что же произошло дальше?

— А дальше Синдикат действительно вмешался, — неохотно проговорила Вайда.

Синдикат. Единственная сила, с которой Глор вынужден был считаться, несмотря на всю свою мощь. Впрочем, не только Глор, но и правительство. Чем слабее становилась центральная власть, тем стремительнее росла мощь Синдиката. Раздробленность человечества стала источником силы и богатства главарей этой организации. Уже сейчас Синдикат держал в руках почти все сообщения между колониями. Он не был заинтересован в

возрождении расы. Он жирел — подобно стервятнику, разрывающему очередное павшее животное погибающего стада, нимало не задумываясь над тем, что настанет день, когда исчезнет последний, кто служил ему пищей…

Синдикат не мешал «Десанту» по той причине, что наша деятельность пока что не нарушала его планов. Но все могло измениться, если бы мечты о Чистой планете получили малейший шанс воплотиться в реальность.

— Как Синдикат узнал о том, что Алекс у вас?

— Я бы удивилась, если бы не узнал, — грустно улыбнулась она. — У Синдиката много шпионов. Когда Алекс пришел к отцу, его уже искали повсюду. Мы спрятали его на одной из наших вилл на Земле, пока проверяли информацию. Но один из привлеченных экспертов оказался предателем. Однажды люди Синдиката напали, перебили охрану и большую часть персонала. Мы были уверены, что Алекс попал к ним в руки, но оказалось, ему удалось бежать. Через некоторое время мы получили от него сообщение. Довольно странное, разобраться в нем оказалось непросто. Нам понадобилось время, чтобы понять, что в сообщении идет речь о Вероне…

— Все же я не понимаю, — медленно произнес я.

— Чего именно?

— Зачем тебе нужно было так рисковать? Вы могли послать ко мне кого угодно, не раскрывая перед ним сути происходящего.

— Ну и что? — она смотрела на меня с удивлением. — Ты бы согласился вылезти из своей норы?

— Возможно… — пробормотал я с легким смущением. — Вряд ли… Теперь остается только узнать, почему вы выбрали именно меня.

Тень усмешки мелькнула во взгляде Вайды.

— Это не мы тебя выбрали, — сказала она. — Это Алекс назвал твое имя и сказал, где тебя искать на тот случай, если понадобится помощь.

Вот оно как! Он не сомневался, что я отправлюсь на помощь по его зову, и был прав! В отличие от него, у семьи Глора такие сомнения были. Поэтому они и подготовили тщательную комбинацию, результатом которой стала моя вербовка.

— Что тебя еще интересует? — спросила Вайда.

— Теперь меня интересует, как мы доберемся до Земли.

Вопрос был отнюдь не праздным. В данный момент мы находились в состоянии перехода к Моросану, и никакие силы во Вселенной не способны были помешать его завершению. Очень скоро наш корабль вынырнет в ближних окрестностях планеты и автоматически пошлет в пространство сигнал, по которому будет

немедленно опознан своими настоящими хозяевами. Теми, кто ждет нас с очевидным нетерпением. Этому мы тоже не могли воспрепятствовать: система оповещения может быть уничтожена только вместе с кораблем. Чтобы конвертеры яхты наполнились энергией для нового перехода, требуется не менее шести часов. Такого времени у нас просто не будет. Максимум, на что мы могли рассчитывать, часа два.

Мы ощутили легкий толчок, и непроницаемая чернота на внешних экранах сменилась картинками звездного неба. Компенсаторы на яхте были отличными. Я увидел желтоватый диск планеты, а еще минут через десять ожило радио.

— Шамбор запрашивает яхту «Дельфин»! — прозвучал низкий мужской голос. — «Дельфин», ответьте Шамбору.

— Время пошло, — усмехнулся я. — Примерно полчаса им понадобится на то, чтобы понять, что дело вовсе не в неисправности связи. А еще часа через полтора нужно ждать гостей. Это в лучшем случае.

Голос побубнил еще немного, призывая нас немедленно связаться с неведомым Шамбором, и смолк. Судьба нам не благоволила. Минуло всего час сорок пять, когда локатор показал, что к нам быстро приближается большой корабль, наверняка оборудованный системой аварийного захвата. Конвертеры к этому времени зарядились всего на четверть.

— Ты должен что-нибудь придумать! — с дрожью в голосе воскликнула Вайда.

Нечего придумывать, не из чего выбирать. Земля для нас недостижима, преследователи совсем рядом. Посылая яхту в прыжок на пределе ресурсов, я сделал то, что считал единственно возможным…

По стеклу иллюминатора сползали медленные струйки влаги. Сквозь вязкий туман в сотне метров размытыми призраками угадывались мощные древесные стволы. Наш крохотный челнок лежал посреди болота, на треть погрузившись в зыбкую почву…

Переход сожрал все ресурсы яхты. Чтобы хоть немного сэкономить энергию, я отключил все системы корабля вместе с компенсаторами, поэтому выход из евклидовой метрики и возвращение оказались мучительными. Я с огромным трудом сдерживал рвоту, а Вайду просто выворачивало наизнанку. Когда же все закончилось, и мы мутными глазами взглянули на приборы, то обнаружили, что обездвиженная яхта висит в пространстве, в сотне миллионов километров от красного гиганта — солнца Вероны.

Сама Верона нависала над нами, закрывая половину

небосвода. Мы вынырнули слишком близко от нее, и теперь неуправляемый, лишенный энергии корабль падал на планету. Мы были бессильны что-либо изменить. Единственное, что нам оставалось, это немедленно покинуть яхту в челноке.

Но и дальше все складывалось не слишком удачно. Челнок вошел в атмосферу чересчур далеко от места расположения единственной базы на Вероне. Я тянул машину сколько возможно, но достичь посадочного комплекса так и не сумел, все топливо челнока пришлось израсходовать на жесткое приземление на первой пригодной для этого площадке. То есть фактически мы просто плюхнулись в болото, к счастью, довольно мелкое, в котором челноку все равно суждено утонуть примерно через два-три земных месяца.

— Хочу пить, — хрипло сказала Вайда.

Я сорвал пломбу с аварийного ящичка и протянул ей фляжку, от которой она не отрывалась, на мой взгляд, слишком долго. Не следовало бы ей столь расточительно относиться к нашим скудным запасам. Наконец она напилась и вернула изрядно опустевший сосуд.

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Выполнять контракт, — пожал я плечами. — Сейчас отправлюсь на Базу. Она находится примерно в пятнадцати километрах к северу. Я доберусь туда часа за три-четыре. Если Алекс Норкофф действительно находится на Вероне, то я отыщу его именно там. Потом возьму какое-нибудь средство передвижения и вернусь за тобой. С Базы мы свяжемся с твоими друзьями и будем дожидаться, когда они прилетят.

— Я пойду с тобой, — заявила Вайда.

— Ты не знаешь, что такое Верона! Твоя люрса и воздушные фильтры здесь совершенно неэффективны, а изолирующего костюма на челноке нет. Я уже не говорю о местных зверюгах…

— Что ты о них знаешь?

— То, что они жрут всех, кто попадется, — рявкнул я. — Тебе нужна более подробная информация?

— Что же, я должна просто сидеть здесь, дожидаясь твоего возвращения? — возмущенно сказала она.

Все-таки она была исключительно упряма. Да разве можно ожидать иного от избалованной наследницы миллиардов!

— Именно так, — сухо произнес я. — Сидеть и ждать. В подписанном мною контракте говорится только о том, что я должен сделать, и ни слова не сказано как. Это значит, что я сам имею право выбирать способ достижения результата.

Челнок внезапно дрогнул. Мы услышали слабый шорох — будто огромный пес, пробегая мимо, решил почесаться о крыло — и бросились к иллюминатору. Серая, покрытая наростами шкура полностью заслонила бронированное стекло.

— Кто это? — с ужасом прошептала Вайда, тесно прижимаясь ко мне.

— Не волнуйся, он нам не опасен, — сказал я, хотя был отнюдь не уверен в этом. — В любом случае забраться внутрь он не сумеет.

Я увидел, как она дрожит, и обнял за плечи. В кольце моих рук Вайда повернулась ко мне, крепко обхватила меня и подняла лицо. Она все еще дрожала, но теперь эта дрожь была вызвана не страхом. Веки ее опустились, губы раскрылись в ожидании поцелуя. Только печаль помогла мне преодолеть искушение. Печаль и память о той, что покинула меня много лет назад… Бывший десантник не пара дочери обладателя половины обитаемых миров. Но он и не средство удовлетворения спонтанных позывов ее биологии. Мягко и властно я прижал ее голову к своему плечу и ласково погладил по шелковистым волосам. Она поняла и покорилась, напряжение оставило Вайду.

Челнок еще раз качнуло. Шкура монстра в последний раз проскрежетала по корпусу челнока, и вновь стало тихо. Вайда опустила руки и медленно отстранилась.

— Я очень испугалась, — заявила она, словно оправдывая иную слабость. — Он действительно нам не опасен?

— Ни эта тварь, ни какая-либо другая, пока ты находишься внутри челнока… Однако через пять-шесть часов начнет темнеть, мне нужно трогаться немедленно. На Базе есть необходимая для тебя экипировка и средства передвижения, там мы будем не только в безопасности, но и в относительном комфорте. Я скоро за тобой вернусь!

Вайда уже не пыталась со мной спорить. То ли первое знакомство с местными обитателями, то ли наша краткая

незавершенная близость подействовали на нее настолько, что она лишь молча следила за тем, как я собирался.

— Постарайся без крайней нужды не выходить в эфир, — инструктировал я ее. — Мы еще не знаем, что происходит на Базе. Я сам свяжусь с тобой, когда окажусь на месте. Жди меня завтра утром. В крайнем случае — к полудню. И ни о чем не беспокойся. Запасов тебе хватит на неделю. А в течение этого времени кто-нибудь обязательно здесь объявится. Аварийный сигнал нашей яхты было слышно на пол-Галактики…

Я не стал уточнять, что услышать зов о помощи с равной вероятностью могли и друзья, и враги. Не сообщил я Вайде и о других своих сомнениях. База Вероны исправно работала в автоматическом режиме, регулярно выплескивая в ближний эфир пеленг, по которому я и наметил свой маршрут. Если бы на Базе находились люди, последний крик гибнущей яхты обязательно вызвал бы хоть какую-то реакцию с их стороны. Реакции не было. Это означало, что людей на Базе нет.

Входная мембрана, чмокнув, замкнулась за моим телом, не впустив внутрь челнока ни молекулы неотфильтрованного воздуха. Я спрыгнул в болотную жижу и подождал, пока Вайда окончательно задраит входной люк. Было не слишком жарко: не более тридцати градусов. Относительно пригодная для человеческого обитания зона на этой планете невелика и расположена у южного полюса. Ось собственного вращения Вероны наклонена к плоскости эклиптики на сорок пять градусов. На северном полюсе Вероны солнце никогда не заходит. Там круглый год царит ад со средней температурой около ста пятидесяти градусов. В направлении к югу температура постепенно снижается, однако регулярно налетающие с севера огненные ураганы делают невозможным существование какой-либо белковой жизни. Но за циклопической горной грядой, опоясывающей южный полюс, выжженные пески сменяются сплошными болотами с редкими вкраплениями базальтовых островков. На одном из них и была построена База.

Болота Вероны, словно в качестве компенсации, кишели живностью. Животные и растения непрерывно рождались, росли, спаривались, пожирали друг друга и погибали, посвящая свою смерть следующим поколениям. Может быть, когда-нибудь у кого-то из нынешних коренных обитателей Вероны проснется разум, но в это я не слишком верю. В который раз я с грустью подумал о том, что в планах Создателей Вселенной человек не предусматривался. Разум, как и белковую жизнь вообще, пожалуй, следует считать лишь ошибкой, непредвиденным, незапрограммированным результатом в процессе реализации

великого, хотя и неведомого нам Замысла…

В свое время я был на Вероне, провел здесь около года и хорошо знал, чего следует опасаться. Бездонные трясины тут достаточно редки, и я умею их опознавать издалека. Болотные озерца и прочие водоемы, под поверхностью которых множество хищников ведет непрерывную охоту за пищей, следовало просто обходить. Мой путь лежал по лесу гигантских деревьев, сосавших из болота влагу своими мощными корнями и превративших его почти в твердь. И хотя под ногами все равно чавкала грязь, я не погружался в почву глубже щиколоток. Впрочем, на прогулочную дорожку это все равно никак не походило, и шагать было тяжело.

Примерно через полчаса пути я почувствовал легкое головокружение — результат воздействия растворенных в воздухе паров синильной кислоты. Я был готов к подобному ощущению. Все пройдет, когда мой организм полностью настроится на местную биосферу.

Лес поредел, почва понизилась; срезая дорогу, я шагнул в небольшое озерцо, или же большую лужу. Посреди омута взбурлила вода. Толстая веретенообразная тварь метнулась ко мне, раскрыв пасть, полную треугольных зубов. Я подхватил ее под нижнюю челюсть в тот момент, когда она готовилась вцепиться мне в колено, подбросил в воздух и разорвал пополам. Нежное, сочное мясо хищной амфибии истекало розовым соком. Я почувствовал голод и вспомнил, что не ел уже почти сутки. Устроившись на толстом древесном корне, я с аппетитом перекусил. Эти амфибии, похожие на огромных зубастых головастиков, хороши и в сыром виде.

За моей спиной раздались шлепки тяжелых шагов. На запах свежей крови шел какой-то местный хищник. Я небрежно взглянул в его сторону: массивный плоский череп, торчащие из пасти крючковатые клыки и широкие перепончатые лапы. Свирепое, но довольно неуклюжее создание. Кажется, мы называли его барсуком. Он остановился, глухо взвыл, воинственно отшвырнул грязь задними лапами, однако напасть не решился. Очень правильно сделал. Я не чувствовал по отношению к этому существу ни вражды, ни боязни и просто швырнул ему хвостовую часть амфибии. Он поймал подачку на лету и жадно зачавкал. Сглотнул, облизнул тонкие губы раздвоенным языком и уселся ждать добавки.

Однако смеркалось быстрее, чем я ожидал. Мне следовало торопиться. Я поднялся и бросил барсуку остатки головастика, которые он сожрал столь же молниеносно. А когда понял, что дармовой еды больше не будет, то обиделся и задумал попробовать на вкус меня. Убивать глупую, неблагодарную тварь

мне не хотелось. Я просто уклонился от неуклюжего броска и треснул барсука головой о ствол дерева. Он припал на передние лапы, принялся трясти башкой и шумно отдуваться, а я пошел своей дорогой.

Местность постепенно повышалась, воды становилось все меньше. Пространство меж древесных стволов заполнил низкий кустарник, пробитый звериными тропами, и я смог перейти на бег. Шестилапая кошка с когтями-кинжалами и пупырчатой жабьей кожей, едва прикрытой шерстью, попыталась броситься мне на спину с дерева, когда я уже выходил на открытое пространство перед Базой. Я услышал алчное сопение над головой, нырнул в сторону и ударом кулака сломал ей позвоночник.

Темнело. Когда я вышел к базальтовому острову в болоте, на котором была построена База, огромный сегмент тускловатого красного светила быстро сокращался в размерах, утопая за линией горизонта. Окна Базы светили мирным желтоватым светом, обещая отдых и безопасность, но я не торопился. Прежде следует убедиться, что меня не ждут здесь никакие неприятные сюрпризы. База не ответила на аварийный сигнал — но кто сказал, что она необитаема?

Я осторожно двинулся вокруг комплекса по периметру острова и немедленно сделал первое открытие. На посадочной решетке Базы находились два челнока. Один из них, судя по всему, стоял здесь достаточно давно, его борта кое-где успели оплести побеги вьющихся растений. Другой прибыл совсем недавно: я заметил слабое колыхание потоков нагретого воздуха, поднимающегося от двигательной установки. Вслед за первым открытием последовало второе, и оно меня одновременно озадачило и насмешило: вход на Базу охранялся снаружи. Два здоровенных, вооруженных до зубов мужика, закованные в неуклюжие изолирующие скафандры, скрытно расположились в кустарнике перед входным тамбуром. То есть это им казалось, что они надежно замаскировались. Я обнаружил их по характерному легкому похлопыванию выпускных клапанов дыхательных устройств, а потом увидел засаду и остановился в нескольких шагах от границы сектора их обзора.

Зачем это? Никакое животное не могло проникнуть внутрь Базы. Значит, эта наружная охрана, если только она не играла роль почетного караула, была выставлена отнюдь не для защиты от местного зверья. Некоторое время я размышлял, как поступить. Кто бы ни находился сейчас на Базе, необходимо с ними познакомиться. Желательно до того, как они меня обнаружат.

Я знал Базу лучше неизвестных гостей. Внутрь можно было

попасть через ангар с техникой, пару аварийных люков, а также через несколько чрезвычайно неудобных для передвижения инженерных ходов, о существовании которых могло быть известно лишь тем, кто ими пользовался. Но с неудобствами придется смириться. Отыскав один из них, я поднял тяжелую крышку и, продравшись сквозь защитную мембрану, скользнул в узкий колодец, на ходу вспоминая, куда он меня приведет. Память не подвела. Преодолев на четвереньках несколько десятков метров, я уперся в решетку, за которой открывался реакторный зал. Здесь никого не было, но все же я не позволил выломанной решетке грохнуться об пол и остановил ее падение, после чего аккуратно прислонил тяжелое железо к стенке.

Дверь, ведущая из зала в другие помещения Базы, к счастью, оказалась не заблокирована — иначе мне бы вновь пришлось ползти по лазам коммуникаций. Я бесшумно двинулся по коридору к жилому сектору и очень скоро услышал впереди разговор, который мне не понравился. Собственно, это был не разговор, а допрос. Двое попеременно орали, а третий изредка отвечал им, после чего раздавались звуки ударов. В качестве комнаты для допросов использовалось небольшое складское помещение, куда я без дальнейшей разведки просто ворвался, едва не сорвав с петель дверь.

Двое с короткими дубинками в руках стояли спиной ко мне, третий — Алекс Норкофф — был подвешен за руки к трубе под потолком. Крестные отцы Синдиката предполагали, что десантник представляет определенную опасность, и наверняка послали сюда лучших своих бойцов. Однако всего они знать не могли. Нас готовили вовсе не для сражений с людьми. Точнее, вовсе не с людьми, поэтому боевые качества десантников не афишировались. И все же наши мышцы, рефлексы были вчетверо совершеннее, чем у обычного человека. Конечно, любого из нас можно победить многократным перевесом сил или захватить врасплох. Видимо, это с Алексом и произошло. Но в настоящую секунду ситуация была прямо противоположной. Двое с дубинками только начали оборачиваться на шум распахнутой двери, когда я уже стоял за их спинами. Они ничего не успели. Я схватил их за шеи, ударил друг о друга головами и отшвырнул обмякшие тела в угол.

Висевший на импровизированной дыбе человек издал хриплый смешок.

— Ты немного задержался, Людвиг, — выдохнул Алекс.

Лицо его было покрыто свежими синяками и ссадинами, но серьезных травм я не обнаружил. То ли его щадили, то ли еще не разогрелись. Перерезав веревку, я осторожно опустил Алекса на

пол.

— Как ты себя чувствуешь?

— П-почти нормально, — с запинкой ответил он. — Ребра болят, но, кажется, целы. Они только начали работать.

Он ощупал себя и поднялся на ноги.

— Как они сумели тебя скрутить? — спросил я.

— Попался на элементарную уловку. Они притворились, будто их корабль потерпел бедствие. Тот, кто первым выбрался из челнока, едва на ногах держался, весь в крови. Жалкое было зрелище. Мне и в голову не могло прийти, что это не кровь, а краска. Подбежал, как дурак, чтобы помочь, и вместо благодарности получил прямо в рожу парализующий заряд. Очнулся через какую-то минуту спеленатый, как младенец, по рукам и ногам. Ну что, тебе не хочется посмеяться?

— Любой из нас мог попасться на этот трюк, — успокоил я его. — Значит, они прибыли сюда именно за тобой? Интересно, как они узнали, где именно тебя следует искать. Сколько их еще на Базе?

— Я сумел насчитать десять человек. Значит, осталось не меньше восьми.

— Шести, — уточнил я. — Двое лежат в засаде снаружи.

— Вот идиоты! Что они там делают?

— Думаю, они засекли посадку нашего челнока.

— Нашего?

— В челноке осталась Вайда. Это она попросила тебя найти. Впрочем, ты и сам мог бы догадаться.

— Я пойду с тобой, — сказал Алекс. — Так мы справимся гораздо быстрее.

— А твои ребра? — усомнился я.

— Со мной все нормально, — отмахнулся он. — Тем более, что много времени нам не понадобится.

Начавших приходить в себя костоломов мы связали и заперли на складе, а дальше вновь действовали без плана, подготовки и прочих затей, полагаясь лишь на неожиданность и быстроту. Влетели в холл и бросились на противников. Полагаю, Синдикат послал сюда далеко не худших своих людей. Несмотря на то, что наше нападение застало их врасплох, по обычным человеческим меркам они отреагировали почти мгновенно. Один из них даже успел выхватить оружие и выстрелить. Правда, когда боек ударил по капсюлю, на линии прицела никого уже не было. А в следующее мгновение Алекс выбил у него пистолет, заодно сломав руку. Больше никто из них ничего сделать не успел. Против двоих модифицированных десантников у боевиков Синдиката не было никаких шансов, и все действительно

закончилось очень быстро. Мы оглядели интерьер со слегка поломанной мебелью и неподвижными телами на полу и перевели дух.

— Что будем делать с оставшимися двумя? — спросил я.

— Попросим кого-нибудь позвать их внутрь, — ответил Алекс. — Вот этот, насколько я понял, у них за старшего.

Он кивнул на человека, который вяло шевелился, совершая безуспешные попытки подняться. Я посадил его в кресло, но прежде чем начать приводить в чувство, тщательно обыскал, полностью опустошив карманы пленника. Тем временем Алекс связал остальных.

Наш пленник наконец открыл глаза и с минуту мутно смотрел перед собой, не в состоянии воспринять неожиданную перемену в ситуации. Его взгляд скользнул по нашим лицам и немного прояснился. Это был сильный мужчина лет сорока с жестким лицом, и он неплохо владел собой.

— Вы все умрете, — с некоторым усилием проговорил он.

— Этого еще никому не удалось избежать, — не стал спорить я. — Если вы хотите, мы поговорим на эту тему чуть позже. Но сначала попросите ваших друзей — тех, что сейчас снаружи — вернуться на Базу. Ночью там очень опасно.

Я протянул ему коробочку рации, но он с презрением оттолкнул мою руку.

— Ты не сможешь меня заставить.

— Не стану и пытаться, — пожал я плечами. — Но это ничего не изменит. Вне Базы они не доживут до утра. Ты просто не знаешь, что такое Верона. Если позовешь их, то сохранишь им жизнь. Обещаем, что не будем их убивать. Только свяжем. Потом поговорим с тобой и, возможно, придем к соглашению, которое всех нас устроит. К тому же согласись и с тем, что чем больше вас останется в живых, тем выше шанс вновь изменить ситуацию в свою пользу. Но если ты вообще не желаешь вступать в переговоры, то нам не нужен. Тогда мы попробуем договориться с кем-нибудь из твоих приятелей. Ты уверен, что никто из них не пожелает сохранить жизнь за такой пустяк?

Мои аргументы были чрезвычайно просты, а потому убедительны. Немного поколебавшись, он все-таки взял рацию.

— Сирокко! Коди! Возвращайтесь, — пробурчал он.

Алекс отправился встречать караульных. Мы услышали, как открылась дверь тамбура, потом раздались звуки короткой возни и вновь наступила тишина. Через пару минут в холл вошел Алекс, таща за собой связанных охранников.

— Ну вот, — удовлетворенно произнес я. — Теперь можно поговорить. Насколько я понимаю, вас сюда отправил Синдикат?

— Вам нигде не скрыться, — сказал он вместо ответа на мой вопрос. — От Синдиката нельзя убежать. Он отыщет вас рано или поздно.

— Может, и так, — не стал я с ним спорить. — Откуда вы узнали, что мы направляемся именно на Верону?

Он посмотрел на меня с презрением.

— Я вообще не знаю, кто ты такой. Хотя догадываюсь, из той же банды, что и твой приятель, — он повел взглядом в сторону Алекса. — Я пришел сюда, потому что получил приказ. Ему удавалось прятаться некоторое время, но у Синдиката много источников информации. Скрыться невозможно. Все попадаются. Когда-нибудь то же самое произойдет и с тобой.

— Почему же, захватив Алекса, вы не улетели?

— Я получил новый приказ: оставаться на Базе и ждать гостей. Теперь я понимаю, что это касалось тебя.

— Сколько людей осталось в вашем корабле на орбите? — задал я следующий вопрос. — Впрочем, не думаю, что слишком много. Как ты понимаешь, нам нетрудно будет его захватить, даже если ты не пожелаешь облегчить задачу.

— Этого ты от меня не дождешься, — поспешно сказал он. — Потому что тебе нечего мне предложить. Я умру в любом случае.

Тут он был прав. Синдикат никогда не простит ему измены, какими бы ни были причины. Чтобы убедить пленника сотрудничать, мне следовало поискать иные аргументы, однако времени на это уже не оставалось. Система оповещения наполнила помещения Базы короткими тревожными звонками: к нам спускался еще один корабль.

— Вот и все! — пленник скривился в обреченной и одновременно торжествующей ухмылке. — Вам не выстоять против целой бригады командос, несмотря на всю вашу ловкость.

И здесь мне тоже нечего было ему возразить.

— Алекс! Уходим! — крикнул я, понимая, что уже поздно… Опускавшийся челнок оказался настоящим планетарным боевым модулем. На борту его находились профессионалы, не желающие оставлять своим противникам никаких шансов. Поэтому прежде всего они долбанули лазерами по посадочным площадкам Базы, издырявив двигательные отсеки обоих находившихся там челноков. Я не сомневался, что сканеры корабля отслеживают сейчас любой теплокровный объект в радиусе километра от Базы, так что нам с Алексом торопиться некуда. Нас засекут, едва мы покинем Базу. Оставалось ждать развития событий в качестве пассивных наблюдателей. Впрочем, ждать пришлось недолго. Ожило радио.

— Эй, вы там, на Базе! — услышали мы. — Нам нужен Алекс

Норкофф. Мы знаем, что он у вас. Через пять минут он должен появиться снаружи, тогда вы сохраните свои жизни. Если этого не произойдет, через те же пять минут База будет атакована и тогда те, кто останется в живых, позавидуют мертвым. Никаких переговоров больше не будет. Отсчет времени начался!

— Кому нужен Алекс Норкофф? — спросил я.

— Я сказал: переговоров не будет! Осталось четыре с половиной минуты.

— Это не переговоры, — возразил я. — Просто напоминание о вежливости. Приличные люди всегда представляются, перед тем как вцепиться друг другу в глотки.

Мы услышали короткий смешок.

— Алекс Норкофф нужен Винсенту Глору. У вас осталось четыре минуты.

— Он выходит, — ответил я и повернулся к пленникам. — Вам повезло. Прощайте. Не думаю, что мы еще встретимся…

Это действительно был сам Винсент Глор. Мне никогда не приходилось с ним встречаться, но, конечно же, я сразу узнал тяжелое, слегка одутловатое лицо с припухшими веками и выступающим вперед подбородком.

В салоне мы находились вшестером: я, Вайда, Алекс, сам Глор, его секретарь — молодой человек с невыразительным лицом и чрезвычайно умными глазами, а также командир корабля Джекоб, взгляда которого я почему-то ни разу не смог поймать. Салон был оборудован с той изящной скромностью, которая стоит многие миллионы, о чем ненавязчиво сообщал любой из немногочисленных предметов обстановки, начиная хотя бы с кресел. Эти изделия идеальной формы и мягкости специально проектировались на ублажение любой оказавшейся в них задницы. Мы перешли сюда, как только вывалились из прыжка. Сейчас личная яхта Глора маневрировала в околоземном пространстве, заходя на посадочную орбиту. Глор был одним из десятка избранных, кто мог позволить себе не пользоваться челноками — у него не было необходимости экономить драгоценное топливо.

— Видимо, я должен поблагодарить вас за спасение моей неразумной дочери, — проговорил Глор с иронией, которую я и Вайда с равной вероятностью могли воспринимать на свой счет. — Весьма сожалею, что она доставила вам столько хлопот.

— Все уже позади, — ответил я и коротко взглянул на Вайду. — Полагаю, мой контракт выполнен полностью?

— Неужели вы хотите покинуть нас именно сейчас? — изумилась она.

— Не вижу причины для задержки, — пожал я плечами.

— Синдикат не прощает обид так просто, — покачал головой Глор. — Его люди будут вас искать. Почему бы вам не остаться с нами? Здесь вы в полной безопасности.

— Благодарю, — сказал я вежливо. — Однако уже много лет я привык самостоятельно заботиться о себе. К тому же, уверяю вас, возможности Синдиката не беспредельны.

Глор внимательно посмотрел на меня.

— Как хотите, — сказал он довольно равнодушно. Видимо, этот вопрос он счел исчерпанным. — У меня нет причин вас задерживать.

Я поднялся из идеального кресла, намереваясь покинуть каюту, но возглас Алекса меня задержал:

— Людвиг! Я прошу тебя остаться.

Секунду подумав, я вернулся в кресло, принявшее меня в мягчайшие объятия, и тут же вновь ощутил короткий изучающий взгляд Глора.

— А теперь я хотел бы получить некоторые объяснения от господина Норкоффа, если он, конечно, не возражает, — сказал он.

В мягком тоне Глора ясно прозвучало предупреждение, что возражать не имеет смысла. Но Алекс возражать вовсе не собирался. Его бесстрастие, несомненно раздражавшее Глора, не могло ввести меня в заблуждение.

— Что именно вы хотите от меня услышать? — спросил он.

Я видел, что этот вопрос привел Глора в бешенство, однако внешне оно выразилось лишь короткой дрожью подбородка и легким прибавлением краски в лице.

— Я хочу услышать о Чистой планете, — голос Глора оставался по-прежнему спокойным и размеренным, что не обмануло никого из присутствующих. — На подготовку встречи с нею я истратил огромные средства. Но дело не в деньгах, черт возьми. Вы дали мне надежду, что Чистую планету отыщут еще при моей жизни. Надежда стоит дороже. Мне нужны координаты планеты. Сейчас! Теперь!

— У вас есть карта, Глор? Я назову вам координаты, — голос Алекса был по-прежнему спокоен.

Глор почти не глядя ткнул пальцем в панель перед собой, и посреди каюты замерцала подробнейшая трехмерная карта достижимой части Галактики.

— Девятнадцать восемьсот семьдесят один, — начал неторопливо диктовать Алекс, — сорок три двести тридцать шесть…

Глор сосредоточенно набирал координаты, и карта пришла в

движение. Звезды превратились в летящие искорки, масштаб изображения начал расти.

— …Триста двадцать пять шестьсот семьдесят девять, — закончил Алекс.

Глор ввел последнюю координату и уставился на карту. Фыркнул, еще увеличил масштаб и перевел тяжелый взгляд на Алекса.

— Как это следует понимать?

Признаться, мне хотелось задать тот же вопрос. Открывшийся нашим взорам сектор был налит до отказа ледяным вакуумом, он был им переполнен. То есть абсолютно пуст. Ни звезды, ни ее выгоревших остатков, ни малейшего следа хоть какой-то материи.

— Я расскажу, — сказал Алекс. — Насколько я понимаю, сейчас уже нет смысла что-либо скрывать.

— Два года назад с нами произошло то, что должно было стоить мне жизни, — начал Алекс. — Мне и моему напарнику Лю Бэю. В работе навигационного блока корабля появились погрешности. Совсем небольшие, как мне тогда показалось. Мы уже несколько недель находились в поиске и очень устали. Я не стал терять времени и возиться с Навигатором. Просто наскоро проверил расчеты и послал корабль в прыжок. Расчеты оказались неверны. Мы вышли в точке с координатами, которые я вам только что продиктовал, полностью растратив энергию, и должны были неминуемо погибнуть, потому что наша карта, как и ваша сейчас, ясно показывала: в пределах десятка световых лет здесь нет ни одной звезды, от которой мы могли бы зарядить конвертеры.

Но на самом деле звезда была! Мы вынырнули на расстоянии чуть больше астрономической единицы от нее. Звезда обладала планетной системой. На кораблях-разведчиках нет оборудования для поиска планет, но одну мы увидели сразу. Она была совсем рядом!

Алекс замолчал, погрузившись в воспоминания, и никто из присутствующих, включая Глора, не попытался прервать наступившую паузу.

— Мы попробовали сориентироваться и обнаружили, что, хотя координаты прыжка были заданы верно, корабль вышел из него совсем не там, — продолжил Алекс.

— А где? — спросил Джекоб.

— Я до сих пытаюсь это понять… Вам известны возможности корабельного Навигатора. Он способен моделировать любой сектор Галактики на основе всего лишь нескольких опорных точек, в качестве которых избраны звезды с постоянными характеристиками. Так вот, этих самых опорных точек не

нашлось. Создавалось впечатление, что мы оказались в совершенно неисследованной части Галактики. Или вообще в другой Галактике. Правда, в последнее нам верить совершенно не хотелось… В любом случае, чтобы подтвердить или опровергнуть предположение, мы не располагали необходимым оборудованием… Впрочем, все эти рассуждения пришли позже, тогда же нас в первую очередь занимала планета. Мы вышли на ее орбиту и опустились на поверхность в челноке, — продолжал Алекс. — Первые же биотесты показали: мы нашли то, что так долго искали. Эта планета могла стать новым домом для человечества.

— И эта планета не имела хозяев? — спросил я. — Никаких разумных существ?

— Мы не обнаружили признаков их существования. Только природа. Растения и животные. Кстати, достаточно опасные. Но это единственное, чего человеку следует там опасаться.

— Что же было дальше? — поинтересовался Глор.

— Мы стали думать, как возвратиться. Было два возможных решения: в точности повторить совершенный прыжок в обратном направлении или проложить новый курс, заново сориентировав Навигатор.

— И как же вы поступили? — вопрос задал капитан Джекоб, чрезвычайно заинтересовавшийся этой частью рассказа.

— Просто бросили жребий. Выпало возвращаться прежним путем. Так мы и сделали.

— Продолжайте, Алекс! — поощрил Глор.

— Мы вышли из прыжка именно там, куда рассчитывали попасть. Через неделю мы были на Земле, на Базе «Десанта». Конечно, к моему сообщению там отнеслись недоверчиво. Так же, как и вы сейчас. Ведь хорошо известно, что космос в этом секторе пуст. Но у них в руках был мой полный отчет. С образцами и видеоматериалами. Пока их изучали, мы восстанавливались в зоне отдыха. Мы ждали поздравлений, признания нашей удачи. А потом… потом начали происходить странные вещи. Нам запретили выходить за пределы территории Базы. Мы не могли напрямую связаться с руководством. А в один прекрасный день за нами приехали агенты службы безопасности. То есть они представились агентами службы безопасности. Они сообщили, что нам необходимо немедленно явиться в Генеральный Совет с подробным докладом. Нам даже не позволили проинформировать о вызове руководство «Десанта». Лю Бэй первым заподозрил угрозу… Словом, никакого отношения ни к безопасности, ни к Генеральному Совету эти люди не имели. Тогда мы бежали… За нами была организована погоня. Мы поняли, что за нами

охотится Синдикат. Мой напарник погиб…

Алекс замолчал и опустил голову. Я ощутил острую жалость. Только десантник может понять, насколько велика и тяжела потеря партнера. Впрочем, остальные присутствующие оказались достаточно деликатны, чтобы не нарушать тишину этой минуты.

Вместе с креслом Глор повернулся ко мне. Это походило на разворот башни с орудием главного калибра.

— Ковальский! Вы знали Лю Бэя?

— Да, — подтвердил я. — Но мне было неизвестно, что его больше нет в живых.

— Я ушел от преследования, скрывшись в промышленной зоне, — снова заговорил Алекс. — Беглецов отыскать там практически невозможно ни правительству, ни Синдикату. Но сидеть в подземельях до конца дней я не собирался. Тогда я отправился к вам, — повернулся Алекс к Глору. — Больше идти было некуда. У вас я надеялся получить защиту.

— И я был готов ее дать, — кивнул Глор. — Но все оказалось гораздо сложнее, чем я предполагал.

— Да, — наклонил голову Алекс. — Синдикат достал меня и в вашем прекрасно укрепленном доме… Что было дальше, вы знаете. Взять меня им не удалось. Я отправился на Верону, послав вам сообщение, что история с Чистой планетой была ошибкой. Таким образом я намеревался хоть немного ослабить стянувшееся вокруг меня кольцо.

Деликатно постучавшись, в каюту вошел стюард с подносом, уставленным напитками. Я выбрал нечто, похожее на хлебный квас, пригубил и понял, что не ошибся.

— Вернемся к главному, — фраза Глора прозвучала как команда. — Вы полагаете, Алекс, я поверю, что моя карта лжет?

— Ваша карта абсолютно достоверна, господин Глор, — сказал Алекс, указывая рукой на все еще не выключенную проекцию. — Но неизвестная звезда и Чистая планета существуют.

— Как такое может быть?

— Я могу только догадываться… Есть гипотеза, предположение… Ковальский знает.

— Канал, — сказал я. — Ты думаешь, это Канал?

— О чем вы говорите? — недовольно спросил Глор.

Каналы — одна из прекрасных сказок Великого Космоса. Нервная система Вселенной, пронизывающая ее ткань. По сути, всякий раз, совершая прыжок, мы с помощью огромного импульса энергии сами пробивали их в нужном направлении. Но случалось, что ушедшие в прыжок корабли исчезали навсегда. Было и так — всего дважды или трижды за сотню лет пропавшие суда

возвращались. Их экипажи рассказывали, что по непонятной причине оказались на непостижимом направлении и на невероятном расстоянии от расчетной точки. Спасало их то, что неведомые силы зашвыривали корабли в пределах исследованного пространства. У них оставалась возможность сориентироваться и рассчитать обратный путь, требовавший десятки и десятки переходов на пределе ресурсов. Другим же, видимо, везло меньше…

Так возникла гипотеза существования естественных Каналов Вселенной — путей, соединяющих пространство, материю и время в единое многомерное целое. Разгадать их тайну десятки лет стремились ученые и исследователи. Возникла теория, которую оставалось лишь подтвердить практикой. Но мы так и не научились отыскивать истоки Каналов, их течения оставались недоступны. Теория все больше походила на легенду…

— Вы все еще не оставили мысли покинуть нас, господин Ковальский? — с легкой усмешкой поинтересовался Глор. — Разве вам не интересно, что произойдет дальше?

— Пожалуй, я не буду торопиться, — сдержанно произнес я. — Если вы не возражаете.

Глор намеревался спросить меня еще о чем-то, но в этот момент дверь каюты отъехала в стену, и к нам вбежал офицер. Не сводя глаз с Глора, он прошептал что-то на ухо капитану, после чего тут же покинул помещение. Капитан не просто поднялся, а выпрыгнул из кресла.

— К нам приближается около десятка кораблей, — доложил он. — Помощник Брукс сообщал, что они потребовали немедленно прекратить маневры и приготовиться принять на борт десантную группу.

— Кто это?

— Среди них есть два катера федеральной таможенной службы. Принадлежность остальных не установлена.

— Вот как! — воскликнул Глор. — Синдикат, кажется, сумел договориться с чиновниками! В таком случае, сделайте вот что, Джекоб: никаких требований не выполнять, посадить яхту на моей вилле в Сахаре. Передайте охране виллы, чтобы была готова к отражению внешнего вторжения. Впрочем, атаковать мой дом они вряд ли посмеют. А потом мы поговорим с этими мерзавцами, которые называют себя правительством…

Капитан быстро удалился.

В космосе не происходит сражений. Они попросту невозможны — слишком велики скорости кораблей и расстояния между потенциальными противниками. Ракеты и снаряды давно уже абсолютно неэффективны, потому что даже самая убогая яхта

имеет гравитационный щит, отклоняющий любое космическое тело, которое угрожает кораблю. Боевые лазеры слишком громоздки, строить корабли, способные их нести, никому не приходило в голову: у человечества в Галактике нет конкурентов, с которыми нужно сражаться. Хотя для задержания нарушителя полицейские силы все же располагают некоторыми средствами, позволяющими в случае необходимости обездвижить его и проникнуть на борт.

Мы почувствовали толчок, следом еще несколько — яхта совершала маневры уклонения. Впрочем, толчки не доставили нам неприятных ощущений: «умные» кресла мгновенно превратились в мягкие коконы, смягчающие перегрузки до минимума.

— Господин Глор! — прозвучал голос капитана. — Мы получили сообщение, что вашу виллу атакует правительственный спецназ. Охрана не имеет возможности оказать сопротивление. Посадочные площадки захвачены.

Прежде чем Глор ответил, капитан заговорил снова.

— Количество атакующих нас кораблей удвоилось. Они растягивают гравитационную сеть. Мы не сможем оторваться, у нас разряжены конвертеры.

— Сколько есть времени? — спросил Глор.

— Запаса планетарного горючего хватит минут на двадцать работы двигателей, — немедленно отозвался капитан. — За это время они нас не настигнут.

— Вам не дадут возможности связаться с вашими сторонниками, Глор, — сказал я. — Поймав в сеть, нас просто уничтожат.

— Я тоже так думаю, — пробурчал Глор. — Джекоб! Ведите яхту на «Пурпурную звезду». Это единственное, что нам остается. Вы сумеете это сделать?

— Мне придется отключить компенсаторы. Ускорение будет очень неприятным.

— Черт с ним! — рявкнул Глор. — Делайте, Джекоб!

— Всем приготовиться к маневру! — усиленная мощными динамиками команда помощника капитана разнеслась по помещениям яхты. — До начала десять секунд. Девять… восемь… семь…

Однако на цифре «семь» отсчет внезапно прервался. Протекла долгая минута ожидания. Глор недоуменно пошевелил головой, несколько раз ткнул пальцем в пульт внутренней связи, а потом с рассерженным ворчанием принялся выбираться из кресла. И в этот момент мне показалось, что звезды сошли с ума.

Многотонный свинцовый молот обрушился на каждую

клеточку моего тела. Мои ребра пришли в соприкосновение с легкими, желудок переместился в область таза. Язык под собственной тяжестью амебой распластался по нижней челюсти, веки почти полностью закрыли глаза, но сквозь сохранившиеся щелочки я продолжал видеть лица моих спутников, чудовищно искаженные многократным ускорением. Протекли часы или годы, а потом тяжесть почти исчезла. Яхта сменила курс и сейчас мчалась с нарастающей скоростью, оставив далеко позади флот преследователей. Я понял, что ускорение длилось всего несколько секунд, и ощутил, что вновь обрел способность дышать и разговаривать, однако постигнуть произошедшее не мог. Пилот или сам капитан, скорее всего, сошли с ума, если не представляли, что могли просто убить пассажиров своим маневром.

Вайда выглядела неважно, но состояние Глора пугало меня намного больше. Его лицо, только что смертельно бледное из-за оттока крови, стремительно багровело. Едва ворочая языком, он пытался что-то произнести. Я выскользнул из объятий кресла и бросился к нему.

— Дж-ж-екоб, — мучительно выговорил Глор.

— Я Ковальский, — сказал я. — Людвиг Ковальский. Вы меня узнаете? Винсент, как вы себя чувствуете. Вы меня слышите?

— Дже-екоб, — протяжно повторил он. — С-следите за Дж-жеко-бом. Из-змена на ях-хте… Он обмяк и съежился в кресле, сразу уменьшившись в объеме, словно сдутый баллон. Лишь крохотная жилка продолжала пульсировать на его виске, показывая, что он еще жив.

Тем временем Алекс приводил в чувство Вайду. Секретарь Глора, молодой и довольно крепкий человек, в нашей помощи не нуждался.

— Алекс! — позвал я. — Быстрее в рубку!

Мы ворвались в центральный пост, готовые смести все на своем пути, но остановились, едва переступив порог. Пилот в неловкой позе свешивался через поручень кресла. Алый поток крови с черными вкраплениями мозговой ткани слабыми толчками изливался из отверстия в его черепе. Жизни в нем оставалось максимум на минуту, и мы с Алексом не в состоянии были что-либо изменить. Капитан Джекоб лежал лицом вверх, широко раскинув руки. Он тоже был мертв, я понял это с первого взгляда. Его помощник Брукс сидел на полу, зажимая рукой рану на левом плече. Справа валялся армейский пистолет. Брукс обернулся на наши шаги. Мы с Алексом были готовы к любому развитию событий, но лицо помощника не выражало сейчас ни страха, ни ярости — ничего, кроме изумления и боли. Пистолет

был совсем рядом, но он не сделал ни малейшей попытки за ним потянуться.

— Что здесь произошло? — спросил я.

— Не понимаю… Мы ввели новый маршрут в Навигатор, и вдруг капитан отключил внутреннюю связь и приказал лечь в дрейф. Но мы же слышали распоряжение господина Глора! Пилот отказался подчиниться. Тогда капитан достал пистолет и выстрелил ему в голову. Потом он прицелился в меня, тоже в голову, но пилот — не знаю как — сумел повернуть плунжер. Толчком капитана швырнуло на переборку… Он все же успел выстрелить, но в голову не попал. Он прострелил мне руку.

Помощник на мгновение оторвал ладонь от раны, глянул и снова зажал.

— Не понимаю, — повторил он. Силы его явно оставляли.

— Кто руководит кораблем?

— Я в полном порядке, — храбро сказал Брукс и сделал попытку подняться. — Второй помощник с командой сейчас в двигательном отсеке. Он займет место пилота, если возникнет необходимость… Но я в полном порядке!

Я не стал с ним спорить. Рана в самом деле не показалась мне опасной. Алекс остался ждать нового пилота, занявшись перевязкой раненого, а я вернулся в салон. Вайда хлопотала возле отца, ей кое-как помогал секретарь.

— Что с ним?

Вайда бросила на меня короткий взгляд и отвернулась.

— Пока жив. Что будет дальше, не знаю.

— Что такое «Пурпурная звезда»?

Вайда резко повернулась ко мне. В глазах ее плескалась злость пополам с презрением.

— Ты не знаешь?

— Нет, — пожал я плечами.

— Где ты был последние пять лет?!

— На Итаке, — ответил я. — А до того — в разных местах.

— Это корабль. Самый огромный во всей Вселенной. Мой отец строил его двадцать лет. Он не верил правительству, не верил в ваш «Десант», он никому не верил. Зато он верил, что Чистая планета существует. «Пурпурная звезда» способна принять на борт сто тысяч переселенцев. Ты понимаешь, что это такое? Не тысячу, не три и не пять! И не просто доставить в новый убогий и злобный мир, которые людям иногда предлагают для заселения, а уйти в самостоятельный поиск.

Сколь угодно долгий — до тех пор, пока он не завершится успехом. Мой отец собирался сам возглавить это путешествие.

Я давно научился полностью контролировать чувства, но

сейчас не счел нужным скрывать свое удивление.

— Ты хочешь сказать: когда Алекс…

— При чем тут Алекс! — грустно засмеялась Вайда. — «Пурпурная звезда» уже полгода вполне готова отправиться в путь. Все сто тысяч — экипаж, пассажиры — давно там. Они привыкают к своему временному дому, учатся им управлять и любить его…

— За нами погоня, — напомнил я. — Синдикат и правительство. Правительство и Синдикат. Впрочем, полагаю, теперь это уже одно и то же…

Вайда скорчила презрительную гримасу, потом повернулась к Глору и нежно коснулась рукой его щеки.

— На «Пурпурной звезде» им нас не достать. Отец предусмотрел и такое развитие событий… Расскажи мне о том, что произошло на яхте.

Я пересказал.

— Джекоб, — проговорила Вайда. — Но почему? Никогда бы не подумала, что он способен предать. Он рядом с отцом уже двадцать лет. С того дня, как начали строить «Пурпурную звезду»… Подожди-ка! — вдруг сказала Вайда. — У пилота прострелена голова, у Брукса плечо, а Джекоб мертв. Здесь что-то не так. Отчего он умер?

— Возможно, сломал спину о переборку, — предложил я.

— Что-то не так, — повторила она. — Не могу поверить. Джекоб не мог оказаться предателем. Только не он… Людвиг, я тебя очень прошу: не оставляйте в рубке никого из команды. Ни Брукса, ни… вообще никого.

— Там Алекс, — успокоил я ее. — Он знает, что нужно делать. Ожила внутренняя связь. Незнакомый мне хрипловатый голос видимо, это и был второй помощник — сообщил, что через десять минут яхта войдет в док «Пурпурной звезды»…

Винсент Глор построил не просто корабль. «Пурпурная звезда» была небольшой планетой — когда-то просто астероид, имевший лишь порядковый номер в списке известных небесных тел: неправильной формы, покрытый кавернами, осколок объемом около шести кубических километров. Сейчас его мертвую поверхность почти полностью скрывали возведенные конструкции — назначение многих мне не удалось определить с первого взгляда. Я опознал лишь гигантские ажурные решетки конвертера, развернутые в сторону Солнца, причальные фермы, на которых, словно стая летучих мышей, дремали десятки планетарных кораблей, а также башенки мощных лазерных орудий, свидетельствующие о том, что Глор хорошо позаботился

о защите своей собственности.

Нас встречала целая делегация во главе с человеком средних лет по имени Тогори. Прежде чем носилки с Глором, слабым, но находящимся в полном сознании, унесли в госпиталь, Тогори недолго переговорил с ним и отдал своей свите несколько коротких распоряжений, принятых к исполнению немедленно и без лишних вопросов. Я заметил, что двое из них вежливо, но непреклонно увлекли за собой помощника с перевязанной рукой. После этого Тогори обратил внимание на нас с Алексом и Вайдой.

— Когда-то я тоже хотел стать десантником, — сказал Тогори и улыбнулся. Надо сказать, улыбка у него была располагающей. — Увы, меня отсеяли уже на первой стадии отбора.

— Не думаю, что из-за этого стоит огорчаться, — сказал я.

— Да, — согласился он. — Теперь — да. Но вы понимаете, что десантники нам нужны здесь чрезвычайно. Мы не могли отправиться в путь именно по той причине, что на «Пурпурной звезде» не было ни одного десантника. Поэтому я чрезвычайно рад, что вас здесь двое.

— За нами погоня, — сообщил я. — Два десятка судов. Полиция и Синдикат… Что вы намерены предпринять?

— Можете сами взглянуть, что сейчас произойдет, — Тогори показал на широкий экран внешнего обзора.

Корабли преследователей разглядеть, конечно же, было невозможно. Но мы увидели нечто другое. С астероида в пространство вылетел каменный обломок массой не менее двух-трех тонн, насколько я мог судить. По-видимому, его забросила одна из стартовых катапульт. Кувыркаясь, обломок удалялся от «Пурпурной звезды», быстро уменьшаясь в размерах и скоро сделался едва различим в черноте Космоса. Блеснула короткая вспышка, и на месте обломка расцвел ярчайший фонтан огня.

— Боевой лазер, — пояснил за моей спиной Тогори. — Это была просто демонстрация. Мы даем им понять, что нас следует оставить в покое.

— Синдикат никогда не откажется от своих планов.

— Мы тоже, — сказал Тогори и снова улыбнулся.

Висевший у него возле уха микрофон коротко пискнул, Тогори прижал его чуть плотнее и выслушал сообщение.

— Наши преследователи восприняли предупреждение правильно, — передал он нам. — Корабли тормозят и разворачиваются.

— Здесь действительно находится сто тысяч человек? — поинтересовался я.

— К сожалению, меньше. Около семидесяти пяти тысяч.

Поверьте, отыскать желающих отправиться в пространство на многие годы без гарантии успеха было непросто. Мы занимались этим с того самого момента, как началось строительство корабля. Но теперь уже искать нет времени. Именно поэтому я хочу попросить господина Норкоффа пройти со мной к Навигатору. Старт состоится немедленно. Вы тоже можете пойти с нами, господин Ковальский.

— Кто он, этот Тогори? — спросил я Вайду, пока мы шли к лифту.

— Главный координатор проекта. Ближайший помощник отца и его заместитель. Если бы не он, не думаю, что «Пурпурная звезда» была бы готова сегодня к полету.

Люди и машины превратили астероид в скорлупку, выеденную изнутри и трудолюбиво заполненную человеческими сотами. Прозрачный лифт промчал нас через их кружево. Я видел этажи многочисленных жилых ячеек, улицы и кварталы с крохотными площадями и редкими человеческими фигурками.

— Почему так мало людей? — спросил я Тогори.

— Объявлена предстартовая готовность. Все или на рабочих местах, или в своих каютах.

Лифт плавно замедлил ход и остановился. Перед центром управления стояли вооруженные люди в униформе.

— У вас здесь своя полиция?

— И даже тюрьма, — кивнул Тогори. — Мы принимали всех желающих. Люди, как вы понимаете, бывают разные…

К Тогори подбежал один из офицеров.

— Со стороны Земли к нам движется большое количество кораблей, — взволнованно сообщил он. — Мы засекли более трех сотен единиц. Если начнется атака, мы не сумеем ее отразить.

— Атаки не будет, — сказал Тогори. — Они просто не успеют. Мы начинаем стартовый маневр прямо сейчас. Всем занять места в компенсаторах!

…Масса «Пурпурной звезды» была столь огромна, что момента прыжка я почти не почувствовал — только легкую вибрацию огромных машин, пронзающих пространство. Меня охватила печаль. Мой Форт на Итаке, мой дом, мое надежное убежище навсегда осталось в невообразимой дали. Я чувствовал, что никогда туда не вернусь. Меня не особенно волновали мысли о том, что всех нас ждет впереди: я привык и к ожиданию, и к переменам. Разве что немного устал от них…

Внезапно я ощутил толчок, за ним последовал еще и еще, каждый сильнее предыдущего. Я услышал взволнованные крики и выбрался из компенсатора. Мимо ячейки, придерживаясь руками за стену, пробежали несколько человек. Я последовал за ними.

Нестабильность такого гигантского сооружения, каким была «Пурпурная звезда», грозила серьезной бедой. Но что стало ее причиной?

После очередного шага я едва не взмыл к потолку, затем вновь появившаяся тяжесть швырнула меня на пол. Изменения гравитации накатывали волнами, не позволяя приспособиться, и когда я вполз в центр управления, то изрядно взмок. Насколько я мог судить, здесь находились все руководители, за исключением Глора. Превозмогая тошноту, я пробрался поближе к Тогори.

— Что происходит?

— Мы не понимаем. Это началось в ту самую секунду, когда корабль по расчетам должен был выйти из прыжка. Мы не знаем, где находимся, гравикомпенсаторы больше не подчиняются командам.

— Отключите машины гравитации! — крикнул я. — Это Канал. Алекс был прав. Мы попали в Канал! Нас просто разорвет, если мы не последуем его течению. С ним нельзя бороться.

Тогори с усилием дотянулся до переговорного устройства и отдал несколько команд. Примерно через минуту все изменилось. Толчки прекратились, пришла невесомость, а вместе с ней тугая тишина. Все, кто находился в центре и оказался вне кресел, болтались в нелепых позах, судорожно дрыгая конечностями, словно утопающие. Я успел ухватиться за стойку кресла Тогори и поэтому избежал подобного унижения. Оглядевшись, я обнаружил рядом Алекса и Вайду, которым тоже удалось как-то зафиксировать свое положение в пространстве.

— Где мы, командир? — позвучал за моей спиной голос одного из подчиненных Тогори. Голос, наполненный страхом.

Экраны внешнего обзора были черны. Я никогда в жизни не видел подобной черноты. Она не имела ничего общего с мраком пространства, всегда испещренным светлыми точками светил и галактик; она была непохожа на тусклый свет Вселенной во время прыжка. Она вообще была ни на что не похожа. Этот мрак был абсолютен и непроницаем, лишен объема и протяженности, и «Пурпурная звезда» оказалась погребенной в его толще.

— Алекс! Расскажите подробно все, что вы знаете! — потребовал Тогори.

— Извините, Тогори, но мне нечего сказать, — растерянно ответил Алекс. — Хотя с нашим кораблем действительно происходило нечто похожее. Толчки, изменение гравитации. Но все закончилось очень быстро. Сначала это показалось просто мелким недоразумением, о котором мы просто забыли, когда увидели звезду. Может быть, дело в массе корабля? «Пурпурная звезда» так огромна…

— Вы были обязаны предупредить!

Я почувствовал, как на Алексе скрещиваются недобрые взгляды присутствующих. Мне совсем не хотелось, чтобы он оказался в роли козла отпущения.

— Мы почти ничего не знаем о Каналах, Тогори, — проговорил я.

— Все мы здесь, и Алекс, и вы, и я, находимся в равном положении. Не лучше ли сосредоточиться на том, что необходимо сделать немедленно?

Впрочем, заряд его раздражения уже иссяк. Тогори поймал соскочивший и витавший около него наушник и водрузил на прежнее место.

— Мы можем только ждать, — проворчал он. — У нас есть энергия для дюжины прыжков, но мы не в состоянии определить, где сейчас находимся. Это место вообще лишено каких-либо координат. Либо оно нас отпустит, либо сожрет окончательно.

— Командир Тогори! — раздался голос в переговорном устройстве.

— Говорит офицер полиции Кугушев. В жилом секторе B-5 слышны громкие крики. Кажется, там началась паника.

— Изолируйте сектор! — крикнул в ответ Тогори. — Не входите внутрь, вы все равно ни черта не сможете сделать в невесомости. Включите громкую связь и непрерывно призывайте этих болванов вернуться в свои помещения. Скажите им, что вскоре ожидается внезапный скачок гравитации. Тех, кто не успеет добраться до компенсаторов, просто размажет в лепешку. И пожалуйста, офицер Кугушев, будьте максимально убедительны…

Я почувствовал легкое головокружение и понял, что «Пурпурная звезда» медленно поворачивается в континууме, заменявшем сейчас пространство. Что-то привело в движение огромный корабль, и я мог только гадать, какие внешние силы сейчас воздействуют на него. А также уповать на то, что силы эти не окажутся беспощадными. Внезапно — извне или изнутри, я не мог определить — раздался странный звук. Тихое гудение, почти на пределе слышимости, настолько, что поначалу я принял его за слуховую галлюцинацию. Но гудение постепенно набирало силу, и уже многие из тех, кто находился здесь, с беспокойством вертели головами, пытаясь определить его источник.

Звук становился мощнее и одновременно повышался в тоне. Казалось, он шел отовсюду, сразу со всех сторон, с легкостью преодолевая камень, металл и пластик. Он становился непереносим, я инстинктивно зажал ладонями уши, но громкость звука отнюдь не уменьшилась. Он пронзал каждую клетку моего

тела, он нес с собой боль и темный ужас. Люди вокруг корчились, я видел разинутые в крике рты, безумные глаза…

И в этот миг все кончилось. Удар тишины был таким неожиданным, что прошло не менее минуты, пока ко мне вернулся слух. Я услышал затихающие стоны и огляделся.

Люди приходили в себя, ошеломленно озираясь. Лица их были бледны, у некоторых из носа текла кровь.

— Мы выбрались! — загремел голос Тогори. — Смотрите! Мы все-таки выбрались!

Экраны обзора вновь сияли миллиардами окружающих нас звезд. Снова раздались крики, но теперь это уже были крики радости. Люди бросились обнимать друг друга, поздравляя с избавлением, что в условиях полной невесомости удавалось далеко не всегда. А потом центр управления едва не разлетелся на куски от нового взрыва восторженных воплей: на левый экран медленно вползал ослепительный диск.

Это было наше новое солнце.

Животное развернулось ко мне вполоборота. Красноватые глазки, утопленные в кожистых орбитах, смотрели на меня с неприязнью. Короткий толстый хвост нервно дергался. Мы уже не раз встречали стада этих существ, похожих на помесь бегемота и гигантской черепахи. Больше всего они напоминали одного из древнейших обитателей Земли — парейазавра. Вообще-то они просто мирно паслись по соседству, не обращая на нас никакого внимания. Но этому я отчего-то активно не понравился.

Парейазавр разинул пасть, обнажив громадные желтые резцы, царапнул по земле передней лапой, отшвырнув в сторону изрядный кусок дерна, и протяжно заревел. Я сделал осторожный шажок назад и замер. Постоял немного, потом отступил еще и еще, удаляясь от раздраженного зверя. В какой-то момент парейазавр убедился, что опасности я для него не представляю. Еще раз копнул почву для пущей острастки, неуклюже повернулся и устремился прочь, сотрясая землю тяжелыми развалистыми шагами. Только теперь я увидел с ним детеныша — маленькую копию родителя, семенящую рядом, — и понял причину агрессивности этого отнюдь не злобного травоядного. Проводив их взглядом, я направился к лагерю.

Небо быстро темнело. На ночь мы остановились в небольшой уютной долине у отвесного скалистого склона. Хотя поблизости мы не заметили следов хищников, ночевкой на открытом воздухе решили не рисковать и расположились в машинах. Шел двенадцатый день нашего путешествия, целью которого была разведка руд и прочих природных ресурсов. По этой причине из

восемнадцати участников экспедиции шестнадцать были геологами и химиками. Мы с Алексом, впрочем, тоже не чурались исследований, хотя основной нашей задачей оставалось обеспечение безопасности всей группы.

Вайда тоже отправилась с нами. К моему удивлению, она оказалась дипломированным химиком и, судя по сдержанным отзывам коллег, отнюдь не плохим. Я все реже вспоминал о том впечатлении, которое она произвела на меня при первой встрече. Нет, сейчас она была совершенно не похожа на взбалмошную, не знающую слова «нет» дочку миллиардера.

Мы неторопливо двигались строго на север, постепенно удаляясь от побережья. Два самых крупных материка планеты, северный и южный, разделяло относительно узкое и длинное море. Третий материк, значительно уступавший в размерах, находился ближе к южному полюсу. Город начали строить на южном берегу северного материка в устье медленной реки, которую без лишних раздумий поименовали Глор. Город тоже назвали именем того, благодаря кому все мы здесь оказались. Сам Винсент Глор об этом уже не узнал. Сердце его остановилось, не выдержав перегрузок, когда «Пурпурная звезда» преодолевала Канал.

Обязанности руководителя колонии принял на себя Тогори. За все это время не раздалось ни одного протестующего возгласа. У Тогори, безвылазно прожившего на «Пурпурной звезде» последние пятнадцать лет, встречавшего чуть ли не каждого прибывающего на корабль, просто не было конкурентов.

Вокруг города расстилалась саванна, покрытая высокой травой и группами древовидных папоротников. Слева в десятке километров вставала стена леса, далеко справа, совсем на горизонте горная цепь с действующим вулканом, который с такого расстояния выглядел безобидным холмиком с белой струйкой пара над вершиной.

Планета была наполнена жизнью. Насекомые, рыбы, разнообразные земноводные и пресмыкающиеся, от мелких до гигантских, в изобилии населяли сушу и воду. Мелкие млекопитающие только-только начинали осваивать планету, а птиц не было вовсе. Среди местных обитателей оказалось немало таких, которые представляли для людей серьезную опасность. Если применять мерки земного времени, можно было сказать, что мы попали куда-то в середину палеозоя. Это означало, что колонии не следует рассчитывать на обнаружение нефти и каменного угля: пока образуются их запасы, должны пройти десятки и сотни миллионов лет.

Но перспектива остаться без источников энергии поселенцам

не грозила. Ураносодержащие руды мы обнаружили уже на второй день нашего путешествия. Плато Уран — так мы его назвали. На самом деле вовсе не плато, а просто странная нашлепка на теле равнины, высотой не более сотни метров, с довольно пологими склонами. На этом самом плато фонило жесткими рентгенами настолько, что находиться там более суток без защитных комплектов я бы никому не посоветовал. Зато руду здесь можно было черпать лопатами. Первоначально планировалось, что путешествие продлится месяц, но ни у кого из нас уже не оставалось сомнений в том, что планета может принять всех, кто пожелает. Она способна стать новым центром человеческой цивилизации на многие тысячелетия. И этот вывод — главный итог нашей работы. Скоро «Пурпурная звезда» отправится в полет, чтобы известить о нем все колонии и принять на борт новую партию переселенцев.

Пока я возвращался к лагерю, небо успело потемнеть. Шагнувший мне навстречу из-за поворота Алекс выглядел на фоне заката темным силуэтом без лица.

— Людвиг! Нам нужно возвращаться, — озабоченно сообщил он. — Тогори вызывает. В городе что-то происходит. За нами вылетел вертолет.

Оказалось, что рядом с ним находится Вайда. Я уже почти привык к тому, что в критических ситуациях она всякий раз оказывается поблизости — там, где я меньше всего хотел бы ее в этот момент видеть. Кстати, исключительно ради ее же личной безопасности.

— Я полечу с вами! — объявила она и упрямо вскинула подбородок, приготовившись спорить.

Но именно сейчас я спорить не собирался. Что бы ни случилось в городе, опасностей здесь намного больше. Я вообще не хотел брать ее в экспедицию, но поделать ничего не мог: Вайда была таким же членом Совета управления, как и мы, и формально мне не подчинялась.

Думаю, Тогори включил нас с Алексом в состав группы не только потому, что разведка была нашей специальностью, но главным образом, чтобы охранять этого мало управляемого члена Совета.

Протестовать я не собирался, но все же не отказал себе в удовольствии ее поддразнить.

— Ты полагаешь, что мы не справимся сами? — спросил я. — Скажи, пожалуйста, чем ты сможешь нам помочь? Или ты просто устала копаться в земле?

— Я должна знать, что там случилось, — сказал она ледяным тоном, в котором я явственно разобрал интонации ее отца. — И я

не собираюсь спрашивать у тебя разрешения на то, что считаю нужным сделать.

Это прозвучало весьма жестко и довольно обидно. Ну что ж! В конце концов я сам ее спровоцировал.

Когда мы подошли к лагерю, вертолет уже садился на ровную площадку. Наши коллеги споро подтаскивали контейнеры с пробами и прочее имущество, которое сочли необходимым доставить в Глор с оказией. Пилот выпрыгнул из кабины и с любопытством огляделся. Он отнюдь не казался встревоженным, и это меня немного успокоило.

— Что там у вас произошло? — спросил я. Лицо пилота выразило удивление.

— Ничего особенного, насколько я знаю. Я просто выполняю распоряжение председателя Совета доставить вас с господином Норкоффом и госпожой Глор, если она того пожелает. Председатель Тогори что-то хочет с вами обсудить.

Отсутствие плохих новостей — хорошая новость, сказал я себе. Через несколько минут вертолет поднялся в воздух и понесся к побережью. Город показался уже через час с небольшим. За две недели нашего отсутствия его обустройство здорово продвинулось вперед. Появились новые кварталы и целые улицы. Саванна кое-где в окрестностях Глора сменила зеленый цвет на коричневый — цвет пашни. Мы увидели несколько основанных поселенцами ферм.

— На прошлой неделе была большая охота, — сообщил пилот. — Местные зубастые твари несколько раз нападали на фермы. Жертв, к счастью, не было, но Совет решил отогнать хищников подальше. А фермы теперь будут укреплять.

Пилот сбросил скорость, и машина плавно опустилась на городскую площадь перед зданием Совета. Нас ждали с нетерпением. Помощник Тогори, явно торопясь, повел нас в зал заседаний, и я подумал, что мой оптимизм, возможно, оказался преждевременным.

Я увидел, что кроме постоянных членов Совета здесь собрались все ведущие специалисты города. Атмосфера в зале была не то чтобы встревоженной. Лица собравшихся выглядели скорее заинтересованными, чем взволнованными. Тогори увидел нас и приветственно махнул рукой.

— Теперь можно начинать. Господин Линде, расскажите, пожалуйста, о том, что вам удалось установить!

Линде — довольно молодой, но уже известный на Земле астрофизик, один из немногих, кто разделял с Глором веру в существование Чистой планеты. В вере своей он доходил до истовости, вызывая иронию более скептических и прагматичных

коллег.

— Все это время мы пытались определить, где, собственно, находимся, — начал он, — куда нас забросил феномен, называемый «Каналом». Результаты нас ошеломили. Начнем с того, что наше новое солнце имеет восемь крупных спутников, причем их характеристики совпадают с планетами Солнечной системы. Масса, расстояние от светила и даже наличие собственных спутников. Некоторые отличия имеют параметры орбиты четвертой планеты, соответствующей Марсу. Но шестая планета, как и Сатурн, обладает кольцами.

— Вы хотите сказать, что мы нашли двойник Солнечной системы? — спросил кто-то из зала. — Вероятность такого события существует. Ну и что? Ведь совпадения на этом и кончаются. Здесь, например, нет спутника, аналогичного земной Луне.

— Я хотел сказать вовсе не это, — покачал головой Линде. — Прошу вас: запаситесь терпением… После планет мы перешли к звездам и почти сразу обнаружили знакомые объекты. Они были тождественны хорошо известным нам звездам по светимости, спектральным характеристикам и удаленности от нашего светила. Но обнаружилось одно серьезное противоречие. Мы видели Ригель, но не нашли созвездия Ориона. Отыскали Денеб, однако не увидели ничего похожего на созвездие Лебедя. И так далее.

— Это означает только то, что вы наблюдаете за ними из иной точки Галактики, — прозвучал тот же скептический голос. Я отыскал взглядом его обладателя — крепкого старика с густой серебристой шевелюрой. — Но это же самое означает, коллега, что задача определения нашего местоположения во Вселенной намного упрощается.

— Да, — согласился Линде, — вначале мы тоже так считали. Только у нас ничего не получилось.

— Это уже вопрос квалификации, — не унимался критик. Лицо Линде покраснело от обиды.

— А вы не хотели бы попробовать свои силы, коллега Потикян? — поинтересовался он.

— Не хотел бы, — отрезал тот. — У меня совершенно иные задачи. Пусть каждый занимается своим делом.

— Кто этот старик? — спросил я Вайду. — Я еще ни разу с ним не встречался.

— Потикян — картограф, — объяснила она. — Вместе со своей группой он занят составлением подробных атласов планеты и в городе почти не бывает.

— Господин Потикян, позвольте коллеге Линде завершить

сообщение, — негромко произнес Тогори, но все его прекрасно услышали. Потикян что-то проворчал себе под нос и умолк.

— Тогда мы предположили невероятное, — продолжал Линде. — Мы спросили себя: как выглядело звездное небо с Земли, допустим, пятьсот миллионов лет назад?

Потикян издал громкий смешок и тут же опустил голову под недовольным взглядом Тогори.

— Мы составили модель, — напористо продолжил Линде. — Вот она.

Над нашими головами зажглась проекция. Это была карта звездного неба Земли, известного каждому из нас с рождения. Я увидел Большую и Малую Медведицу, Кассиопею и Лиру. Звезды пришли в движение, начав смещаться друг относительно друга. Ковш Медведицы исказился, утрачивая привычные очертания. Изменялись, исчезали и все прочие созвездия. Движение остановилось, звезды замерли в новом расположении.

— Это небо, которое мы видим сейчас, — сказал Линде. — Вам нужны еще доказательства?

— Доказательства чего? — прозвучал вопрос.

— Канал перебросил «Пурпурную звезду» не только в пространстве, — объявил Линде. — Мы переместились и во времени. Это Земля, коллеги. Молодая Земля, пятисотмиллионолетней давности. Наши материки — разделившаяся Гондвана. Наша природа примерно соответствует земному палеозою, против чего не станет возражать даже уважаемый коллега Потикян.

— Но где же тогда Луна? Где спутники Марса Фобос и Деймос? — азартно вскричал тот.

— Не знаю, — спокойно ответил Линде. — Но пятьсот миллионов лет — достаточно большой срок, за который вполне можно обзавестись спутниками и нам, и Марсу… Правда, существует еще одно объяснение.

— Интересно какое? — ехидно поинтересовался Потикян.

— Эта Земля — не совсем Земля. Точнее, не та самая планета, на которой спустя сотни миллионов лет появилась человеческая цивилизация. Это ее абсолютное или почти абсолютное подобие в подобной же вселенной. Земля-два во вселенной под номером два. А Канал соединяет не точки в известном нам пространстве, а сами пространства. Если такая гипотеза вам нравится больше, я не стану возражать… Собственно, это все, что я хотел сказать.

Он сошел с кафедры и сел на свое место. Все вокруг возбужденно загомонили. Зал немедленно разделился на приверженцев и противников последней гипотезы. Но меня сейчас

интересовало совсем другое.

— Доктор Линде! — громко позвал я, и шум слегка стих. — Скажите, если Канал внезапно закроется, от остального человечества нас будут отделять уже не световые годы, а миллионы лет? Или, если исходить из второй гипотезы, непреодолимые границы между вселенными?

— Да, — подтвердил он. — Если Канал закроется, линейные расстояния не будут иметь никакого значения.

Наступила тишина, в которой каждый пытался осознать услышанное.

— Что касается Канала, — снова заговорил Линде. — Примерно в том месте, где «Пурпурная звезда» вышла в трехмерную метрику, мы обнаружили аномалию в пространстве — необычайно плотный сгусток темной энергии примерно тысячекилометрового диаметра. Он движется почти синхронно с Землей… с нашей планетой, — поправился он. — Мы полагаем, что это и есть вход в Канал и одновременно выход из него.

— Что с ним будет дальше? — спросили едва ли не хором трое из присутствующих.

— Я не могу ответить, — сказал Линде. — У нас было слишком мало времени для наблюдения. Пока ясно, в нем происходят какие-то процессы. Он то слегка увеличивает свои размеры, то сокращается. Это похоже на пульсацию. Но по каким законам она протекает, судить рано. Вы знаете, что говорит о Каналах теория. Они появляются и исчезают, но это происходит не мгновенно. Они могут существовать несколько лет, возможно, десятки…

— Но в какой именно стадии находится этот Канал, вы не знаете? — спросил Потикян.

— Нет, — подтвердил Линде. — Этого не может знать никто. Пока. Мы лишь надеемся, что…

— Мы должны немедленно вернуться! — пронзительно закричал кто-то. — Мы должны потребовать провести референдум о возвращении! Сейчас же!

— Успокойтесь! — закричал в ответ Линде. — Заявляю, что сейчас у нас нет никаких оснований для беспокойства…

Но окончание фразы потонуло в поднявшемся шуме. Страх оказаться навсегда оторванным от остального человечества, гнездящийся в подсознании каждого, вырвался на волю, подчиняя мозг тех, кто не имел силы ему противостоять. Этот страх грозил перерасти в панику, и я представил, что произойдет, если она выльется на городские улицы. Тогори это тоже понял. Я увидел, что по его команде полицейские перекрывают два выхода из зала. Сам он в окружении охраны быстро шел к третьему. Вдруг он

остановился и о чем-то недолго поговорил с подбежавшим офицером. Потом, отыскав взглядом меня и Алекса, помахал рукой, приглашая следовать за ним.

Пробираясь через возбужденный зал, я вновь обнаружил, что Вайда идет вместе с нами.

«Пурпурная звезда» была захвачена. Покойный Глор вполне допускал, что Синдикат внедрил свою агентуру в число колонистов, однако ни он, ни Тогори не предполагали, что они будут способны на активные действия. Около двухсот вооруженных людей проникли на корабль, захватив контроль над энергетическими установками и системой обороны астероида. Возглавлял их Брукс. Это он, а вовсе не убитый им капитан Джекоб, оказался предателем. Дежурная вахта — всего тридцать человек, среди которых два офицера полиции, вооруженные дубинками и медицинскими парализаторами, — все же сумела не допустить захватчиков в центр управления гигантским кораблем. Задраив люки и блокировав путепроводы, наши люди успели сообщить о нападении, после чего связь с ними прервалась. Ситуация была патовой для обеих сторон: мятежники не имели доступа к управлению, зато могли эффективно и жестко препятствовать нашим попыткам попасть на звездолет. Сейчас, скорее всего, они пытаются пробиться в центр управления, хотя попасть туда нелегко. Это одно из самых защищенных мест на корабле, по сути — бронированная капсула, способная выдержать удар мелкого метеорита и небольшой ядерный взрыв. Так что можно поручиться: в ближайшее время попытки мятежников останутся безуспешными.

— С «Пурпурной звезды» поступил вызов, — сообщил один из техников.

— Соединяйте! — приказал Тогори.

Экран вспыхнул, и мы увидели Брукса. Прищурясь, он оглядел нас и неприятно осклабился.

— Хорошо, что вы собрались вместе, — сказал он. — Так вам проще принять правильное решение.

— Какое решение вам представляется правильным, Брукс? — спросил Тогори.

— Единственно возможное. Прикажите своим людям открыть двери. Обещаю, что дам им возможность беспрепятственно покинуть корабль.

— Чего вы хотите? Зачем вы все это затеяли?

— И вы еще спрашиваете! — воскликнул он. — Мы хотим вернуться домой, только и всего.

— «Пурпурная звезда» должна в самое ближайшее время

отправиться за новой партией переселенцев. Здесь никого не держат насильно.

— Э, нет! — Брукс погрозил пальцем. — Тут я вам не поверю. Вы с Глором просто свихнулись на своей Чистой планете и не позволили бы вернуться никому из тех, кого сюда заманили.

— Это глупости! — рассердился Тогори, но Брукс его перебил.

— Я не хочу терять время на болтовню, — холодно сказал он. — Даю два часа на размышление.

— А если такое решение не будет принято?

— Тогда мне вас жаль. И тех фанатиков, кто решил тут обосноваться. Лазеры «Пурпурной звезды» уничтожат город, а потом местные твари сожрут тех, кто выживет.

— И тогда вы тоже умрете, — жестко сказал Тогори. — Рано или поздно, от старости или от отказа систем жизнеобеспечения корабля. У тех, кто не пускает вас в центр управления, кто отказывается вступать с вами в переговоры, в городе семьи. Они уничтожат все, что только смогут уничтожить. «Пурпурная звезда» превратится в каменный обломок. Или вы сомневаетесь, что именно так все и произойдет?

— Все может произойти по-разному, — произнес Брукс. — Мне кажется, что тянуть время не в ваших интересах.

— Хорошо, мы подумаем, — сказал Тогори. — Но, Брукс! Двух часов нам абсолютно недостаточно. Половина членов Совета находится вне города, и, чтобы собрать их, потребуется никак не менее четырех часов.

— До сих пор вы прекрасно обходились без кворума, — сказал Брукс. — Ну хорошо. Я даю вам четыре часа. Но после этого никаких отсрочек не будет.

Экран погас. Мы напряженно смотрели на его темную поверхность, словно пытаясь угадать, насколько серьезны угрозы врага.

— Он не шутит, — сказала Вайда. — Он разрушит город.

— Если «Пурпурная звезда» уйдет, колония погибнет, — проговорил Алекс. — Хотя произойдет это, конечно, не так быстро…

— Но мы ничего не сможем сделать, — сказал Тогори. — На Земле у нас три десятка безоружных грузовых челноков и планетарных модулей. Если мы попытаемся высадить десант, его расстреляют лазерами на подлете.

— Мы можем связаться с теми, кто забаррикадировался на центральном посту? — спросил я.

— Энергетика корабля в руках Брукса, — покачал головой Тогори. — Он контролирует любой исходящий и входящий

сигнал.

— Нам нужно попасть на «Пурпурную звезду», — сказал Алекс. — Мне и Людвигу. Только мы сможем что-то сделать.

Тогори грустно усмехнулся.

— Даже если предположить, что ваши боевые навыки исключительны, вам не справиться с двумя сотнями вооруженных людей.

— С двумя сотнями и не придется, — помотал головой Алекс. — Достаточно нарушить управление боевыми лазерами. Остальное сделают ваши полицейские.

— Но как вы туда попадете?

— Ложная атака, — вмешался я. — Нам потребуется ложная атака…

Уже спустя два часа после ультиматума Брукса шесть транспортников без экипажей и один крохотный посадочный модуль стартовали и вышли за пределы атмосферы. «Пурпурную звезду» закрывала от места старта сама планета. Транспортники наводились с Земли, они шли довольно плотной группой и были немедленно обнаружены и уничтожены лазерами, как только «Пурпурная звезда» вынырнула из-за горизонта. Последний выстрел достался посадочному модулю. Но произошло это спустя десять секунд после того, как мы с Алексом покинули его, разлетевшись под действием струй сжатого газа из ранцевых движителей наших скафандров. Только мы вдвоем из всего населения Чистой планеты были способны на эту авантюру.

Сейчас на экранах захваченного корабля светилась лишь стайка искорок — обломков того, что недавно выглядело как штурмовая эскадра; две искорки из этого неопасного множества имели имена и фамилии, потому что были еще живы — Ковальский и Норкофф. Или все-таки Ныркoв? Но такая деталь сейчас значения не имела.

Зачерненный скафандр Алекса был неразличим на фоне звездных небес, и я сразу же потерял его из виду. Так же, как и он меня. Мы двигались в полном молчании, каждому из нас приходилось лишь надеяться, что с партнером все в порядке. Наши средства связи работали только на прием, и Тогори позаботился, чтобы мы знали то, что становится известным ему. Как раз сейчас они говорили друг с другом — Брукс и Тогори.

— Я не ожидал о вас такой глупости, — раздраженно сказал Брукс. — Видимо, мне придется преподать вам урок. Кажется, вы очень гордитесь вашими южными фермами?

— Подождите! Брукс! Я вас умоляю, не делайте ничего! — страдание, ужас, растерянность звучали в голосе Тогори

совершенно естественно. — Я просто не мог, не успел остановить этих безумцев. Они не подчинились ни мне, ни Совету… Брукс! Дайте мне еще немного времени. Хотя бы два-три часа. Мне нужно их успокоить, я должен восстановить контроль. Неужели вы не понимаете, что у нас происходит?

Некоторое время Брукс думал. Или просто делал вид, что принимает решение: ведь у него тоже был скромный выбор вариантов действий.

— Я даю вам еще один час. Не пытайтесь меня обмануть, Тогори. Ровно через час после окончания назначенного срока южные фермы перестанут существовать.

На этом диалог прекратился. Тогори выторговал еще час, и это было хорошо.

«Пурпурная звезда» приближалась, быстро вырастая в размерах. Я мог разбиться о ее гравитационный щит. Я мог проскочить мимо нее и навсегда исчезнуть в космосе. Все зависело от расчета и — в гораздо большей степени — от удачи. Газа в моем ранце, после нескольких осторожных корректировок, оставалось лишь на один приличный импульс. Я полагался сейчас лишь на свои ощущения, пытаясь разглядеть на внешней оболочке приближающегося корабля параболические очертания лазерных установок, любая из которых могла превратить мое тело в плазменное облачко. Я не боялся такой смерти, ибо она будет мгновенной. Гораздо сильнее я боялся промахнуться.

Я ощутил первое прикосновение гравитационного щита — защиты корабля от космической пыли, а потом, хотя моя скорость относительно корабля была невелика, его неодолимая мощь начала стискивать меня, словно намереваясь выжать досуха внутри скафандра. Я испугался, что потеряю сознание до завершения маневра. Дыхание перехватило, Вселенная окрасилась в багровые тона. Отчаянным усилием я повернул плунжер управления ранцем до отказа, и давление почти немедленно исчезло, я вновь обрел способность видеть и здраво рассуждать. Мне удалось уравнять свою скорость со скоростью «Пурпурной звезды». Ранцевый двигатель исчерпал свой ресурс. Обездвиженный, полностью беспомощный, я медленно падал на поверхность корабля.

Теперь я уже не опасался ни лазеров, ни возможности оказаться обнаруженным. Я включил фонарь и помигал, направляя его в разные стороны. Почти сразу метрах в ста от себя я увидел ответные вспышки и вздохнул с облегчением: у Алекса тоже получилось.

Еще несколько растянувшихся до бесконечности минут мы ожидали соприкосновения с корпусом, а потом осторожно

двинулись друг к другу, пока не соприкоснулись шлемами, чтобы получить возможность говорить и слышать друг друга.

— Вход в малый ангар вот за тем выступом, — показал Алекс. — Я пойду первым.

Искусственная гравитация на внешней поверхности «Пурпурной звезды» отсутствовала, но огромная масса корабля удерживала нас, если избегать резких движений, поэтому добирались до цели мы достаточно долго. Отверстие входа затягивала силовая мембрана, непреодолимая для световых лучей. Мы не могли видеть происходящего внутри, и оставалось надеяться, что в этом помещении никого из мятежников не окажется. Ввязываться в схватку, не освободившись от громоздких скафандров, глупо.

Преодолевая сопротивление мембраны, я ввалился вслед за Алексом внутрь. Ангар был пуст.

Некоторое время мы неподвижно лежали на полу, привыкая к нормальной гравитации и восстанавливая двигательные рефлексы. Потом сняли скафандры и прислушались. В этой части корабля не слышался даже неумолчный гул упрятанных в астероиде механизмов жизнеобеспечения.

Расположение внутренних помещений корабля нам было известно, но прежде чем начать действовать, мы еще раз уточнили маршрут по голографической проекции. Чтобы добраться до боевой рубки, предстояло преодолеть несколько километров в паутине переходов и тоннелей, пронизывающих тело астероида. Транспортные коммуникации не работали, да мы и не могли их использовать без риска оказаться обнаруженными.

Двести человек — это слишком мало, чтобы полностью контролировать огромный корабль. Скорее всего, Брукс расставил своих людей в ключевых точках, жизненных узлах «Пурпурной звезды». Наибольший риск встретиться с противником существовал на девятом уровне, куда выходили коридоры из сектора энергетики, узла связи и центра управления. И хотя мы с Тогори тщательно проработали самый безопасный маршрут, полностью исключить возможность схватки не могли.

Мы имели лишь легкое оружие: стандартные полицейские пистолеты с несколькими обоймами, десантные ножи и световые гранаты. Устраивать позиционные бои в корабельных лабиринтах с многократно превосходящим по численности противником мы не собирались. Все решала неожиданность и стремительность атаки, когда мощь оружия не играет роли.

Мягкое, чуть пружинящее покрытие коридоров скрадывало звуки шагов. Мы двигались бесшумно и быстро, лишь ненадолго останавливаясь на пересечении уровней и коридоров. В этой

части корабля я был впервые и ничего нового для себя не увидел: служебные секторы были точно такими же, как и на любом другом звездолете. Металл, углепластик и функционально размещенные источники освещения. Глор не тратил денег на оригинальность оформления.

Алекс в очередной раз осторожно выглянул из-за угла, отпрянул и остановил меня жестом.

— Один! — шепнул он. — Я его возьму.

Он положил пистолет на пол, отступил на шаг и взлетел в стремительном прыжке. Я бросился за ним, однако помощь не требовалась. Оглушенный мятежник оседал на пол, выпустив из рук мощное лазерное ружье. Мы посадили его, прислонив к стенке, и привели в чувство несколькими пощечинами. Это был молодой светловолосый парень. Может быть, мы встречались с ним, но я его не помнил. Как только пленник вновь обрел способность соображать, его глаза наполнились ужасом: он нас узнал.

— Сколько людей охраняют боевую рубку? — спросил Алекс. — Отвечай быстро и точно, тогда останешься в живых.

— Я не знаю, — с отчаянием сказал пленник и испугался еще больше. — Клянусь, я не знаю! Мне приказали занять этот пост сразу, как только мы попали на корабль. Остальные ушли… Не убивайте меня!

С языком нас явно постигла неудача.

— Как тебя зовут? — спросил я, осматривая его маленькую рацию.

— Эмиль…

— Что ты должен отвечать, Эмиль, когда тебя вызывают на связь?

— Я должен просто сообщить, что у меня все в порядке.

— Именно этими словами?

— Не знаю… не обязательно. Мне ничего об этом не сказали.

— И часто тебя вызывают?

— Нет… — он смутился. — Не вызывали еще ни разу… Мне кажется… думаю, обо мне просто забыли.

— Тогда тебе повезло, — сказал я. — Когда все закончится, будешь жив. Если, конечно, сам не попытаешься все испортить.

— Нет! — с готовностью выкрикнул он. — Клянусь!

Мы крепко связали его и запихнули в какое-то помещение. Теперь его жизнь напрямую зависела от успеха нашей вылазки. Если мы погибнем, пленник тоже умрет — его просто не найдут.

Мы сверились с картой. Боевая рубка была совсем рядом. Коридоры по-прежнему оставались пустыми: у Брукса было слишком мало людей, чтобы распылять силы по огромному

кораблю. Поэтому мне было непонятно, зачем понадобилось оставлять часового в таком месте. Я еще раз заглянул в карту.

— Алекс! — окликнул я товарища. — Ты знаешь, куда ведет эта дверь? Там компьютер, управляющий искусственной гравитацией корабля.

Последние десятки метров мы двигались с особой осторожностью. Боевая рубка на самом деле представляла собой наполненный компьютерами и дистанционными пультами большой зал, опоясанный по периметру узким балкончиком. На этом балкончике мы с Алексом залегли, осматривая сверху помещение. Около тридцати вооруженных мятежников расхаживали по залу в ожидании приказа своего главаря обрушить всю боевую мощь «Пурпурной звезды» на город. Их было слишком много. Даже используя фактор неожиданности, справиться с ними нам бы не удалось.

— Назад, — шепнул я, и мы бесшумно отползли в коридор.

— Нужно что-то придумать, — сказал Алекс.

— Гравитация! — озарило меня. — Мы лишим их преимущества!

Это был самый обычный компьютер с типовой программой — размеры корабля здесь не имеют ровно никакого значения. Каждый из десантников прекрасно знал, как с ним следует работать. Нам лишь потребовалось некоторое время, чтобы обойти защиту и ввести в программу новое задание, после чего мы вернулись на балкончик и, крепко ухватившись за скобы в стене, стали ждать.

Я испытал ощущение бесконечного падения, услышал ошеломленные возгласы и ругательства. Гравитация исчезла, от малейших движений мятежники взмывали в воздух, словно воздушные шары, дергались в нелепых конвульсиях, пытаясь дотянуться до опоры. Немногим удалось удержаться у поверхности, схватившись за кресла. В этот момент разъяренный Брукс наверняка орал в рацию, вызывая нейтрализованного нами часового. Пройдет еще несколько минут, и он сообразит: следует послать группу, чтобы разобраться в происходящем и восстановить нормальное тяготение, но передвигаться сейчас по кораблю весьма непросто, и помешать нам они не успеют. Тем более, что всех их ожидал еще один неприятный сюрприз.

Ровно через минуту в пространстве корабля вновь появились верх и низ. Однако облегчения мятежникам это отнюдь не принесло, потому что гравитация вернулась утроенной тяжестью. Раздались тяжелые шлепки падающих тел, хруст сломанных костей и крики боли. Теперь пора было действовать.

Нам тоже было непросто. Каждый килограмм наших тел

превратился в три. Напрягая мышцы, мы тяжело топали вниз по маленькой лестнице, вознося к небесам молитвы о том, чтобы не поскользнуться, не запнуться, не грохнуться на ставшую смертельно опасной твердь пола. Сейчас мы двигались медленно, слишком медленно, и представляли собой чрезвычайно удобные мишени, однако паника в зале была такой, что вначале на нас никто просто не обратил внимания. А дальше произошло то, о чем я потом старался не вспоминать. Это была просто мясорубка. Мы двигались по залу, уничтожая ошеломленных, обездвиженных мятежников, не способных оказать сопротивление. Лишь некоторые попытались дотянуться до брошенного оружия, и только одному удалось нажать на спусковой крючок, послав неприцельный выстрел куда-то в угол…

Все было кончено за несколько минут. Но напряжение этих минут оказалось слишком велико даже для наших модифицированных тел. Лицо Алекса было землисто-серого цвета, из носа текла кровь. Полагаю, я выглядел не лучше. До восстановления нормальной гравитации оставалось еще некоторое время, за которое мы вывели из строя главный компьютер рубки и послали Тогори сигнал к началу основной операции, а потом повалились в кресла. Силы были полностью исчерпаны, дальнейшее от нас не зависело, нам оставалось лишь ждать, чем все закончится.

Мы не видели, как на поверхность «Пурпурной звезды» начали садиться корабли с десантом, и не слышали звуков начавшегося боя. Как мы потом узнали, сопротивление мятежников было подавлено очень быстро. Большинство из них сдались, осознав бессмысленность сопротивления. Брукс был убит в схватке.

«Пурпурная звезда» готовилась к отправлению. Мы улетали сегодня, чтобы сообщить людям о Чистой планете, показать к ней путь и забрать новую партию переселенцев. Мы решили пока не рассказывать о том, что Чистая планета — это наша Земля, которая по промыслу или капризу управляющих Мирозданием неведомых сил дает человечеству еще один шанс, еще одну возможность сохранить цивилизацию и двинуться по ступеням эволюции, не растрачивая усилий так бездумно, бездарно и гибельно, как мы делали до сих пор…

Корабль казался пустым. На его борту находился лишь экипаж, а также около сотни тех, кого следовало бы называть чиновниками Земли-2: им предстояло организовать пункты вербовки колонистов на Земле-1 и в других обитаемых мирах. Ну и мы с Вайдой.

Я был назначен командиром «Пурпурной звезды» и руководителем экспедиции. Вайда… она имела статус полномочного представителя Земли-2 на Земле-1. Этот статус она придумала себе сама, и спорить с ней, по обыкновению, никто не стал.

— Зачем ты летишь? — спросил я ее. — Не лучше было бы остаться? На планете для тебя нашлась бы масса дел.

— Кто-то же должен проследить, чтобы ты не сбежал в свою нору на Итаке, — ответила она. — К тому же я к тебе просто привыкла. Разве ты сам этого не видишь?

Я видел, конечно. Только не знал, как к этому относиться. Слишком многое разделяло нас с Вайдой, чересчур мы были разными. Примерно так я и постарался ей объяснить.

— Чушь, — фыркнула она. — Твой комплекс супермена мне ничуть не мешает. И вообще, постарайся забыть о нем, когда общаешься со мной.

Тут она была права. Рядом с ней суперменом я себя совсем не чувствовал.

— Канал может закрыться в любой момент, — сказал я. — Мы ничего не знаем о его природе, хотя я верю, что времени достаточно и люди успеют сделать свой выбор. Но если он все же закроется, мы никогда больше не попадем на Чистую планету, которую так долго искал твой отец.

— Пусть, — тряхнула она головой. — Тогда тем более я должна быть рядом с тобой.

Именно в этот момент я ее и поцеловал…

ВИДЕОДРОМ

СЕМЬЮ СЕМЬ

Дмитрий БАЙКАЛОВ

«Если» уже информировал читателей о съемках фильма «Скалолазка и Последний из седьмой колыбели» — экранизации романа «Скалолазка» ярославского фантаста Олега Синицына. В ноябре фильм, снятый кинокомпанией «Парамир» и режиссером Олегом Штромом, вышел на российские экраны.

Когда-то советские люди могли странствовать по миру лишь при помощи программы «Клуб кинопутешествий» и иностранных фильмов, тоненьким ручейком проникавших на наши киноэкраны. В этих фильмах, особенно приключенческих, герои путешествовали из страны в страну — и от пейзажей далеких земель захватывало дух. Персонажей обязательно преследовали злые спецслужбы (иначе фильмы не преодолели бы идеологические рогатки и препоны), герои убегали, побеждали врагов — и все это «на одном дыхании», без претензий на социальность, философичность и другие подобные материи. Нам было наплевать, что на Западе такого рода кино считалось «категорией Б», что его покупали для проката в СССР за копейки, что использование экзотических пейзажей в качестве основной составляющей — признак бедности картины. Хотелось легкого, быстрого, стремительного. Это потом мы убедились, что

приключенческое кино бывает и другого бюджетного уровня — взять хотя бы трилогию об Индиане Джонсе…

Но сейчас и в России научились снимать добротное приключенческое видовое кино — и при этом низкобюджетное. Которое при всех современных «наворотах» все равно отсылает нас к классическому приключенческому кинематографу. Такова и «Скалолазка» — авантюрно-фантастическая картина, полная лихих погонь, загадочных артефактов, поисков, экзотики…

У главной героини фильма Алены Овчинниковой (Анастасия Панина) довольно необычное хобби — она скалолаз-лингвист: лазает по горам в поисках древних надписей и расшифровывает их. Иногда за это неплохо платят. Как и в этом случае, когда некий доктор Грин (Иван Агапов — один из ведущих актеров «Ленкома») попросил съездить в одну ближневосточную страну и разыскать на скалах письмена. Вместе с надписью девушка находит и загадочный артефакт — что приносит ей массу неприятностей. Дело в том, что доктор Грин работает на некую злую мегакорпорацию, которая в курсе, что через неделю на Солнце произойдет страшный взрыв и половина населения Земли погибнет — вот тогда-то корпорация и развернется. Единственной силой, способной защитить Землю от гибели, являются сорок девять артефактов (по семь штук в каждой из семи Колыбелей), оставленных древней цивилизацией Прелюдий. Наемник корпорации Бергер (первая роль в полнометражном кино Дмитрия Нагиева) с помощью доктора Грина ищет артефакты и уничтожает их. И русская девчонка оказывается случайной помехой на пути к мировому господству.

Далее все развивается по классическим канонам квеста — создатели фильма пользуются большинством архетипов, наработанных мировым кинематографом. Алена убегает, ее догоняют. Когда одной не справиться — появляются неожиданные помощники, вроде местного мальчишки Ахмета или слепой провидицы. Иногда свои защитные способности демонстрирует артефакт. Но мир, как можно догадаться, будет спасен, а нам оставлена лазейка в сиквел — харизматичный антагонист Бергер жаждет мести.

Многие усмотрят параллели с циклом о Ларе Крофт, однако это не совсем так. Алена отнюдь не супервумен, она лишь немного взбалмошная и очень упрямая русская девчонка, эффективно использующая свои альпинистские навыки и интеллектуальные способности. Олег Синицын признается, что задумывал Алену как нечто среднее между Индианой Джонсом и булычёвской Алисой Селезневой.

В результате получилось довольно милое, без претензий,

легкое и приятное зрелище — полное приключений, погонь, замечательных пейзажей (фильм, помимо России, снимался также в Сирии, Чехии, Норвегии) и восточной экзотики. Подкрепляется все это неплохим саундтреком и песнями. Спецэффекты, увы, вполне соответствуют низкому бюджету. Среди актерских работ стоит выделить, конечно же, Бергера-Нагиева (при этом он говорит исключительно на английском), юного сирийца Аль-Амира Джозефа, сыгравшего роль Ахмета, а также итальянку Марьяну Тумасик — провидицу.

По современной моде одним фильмом создатели не ограничиваются. Одновременно с премьерой вышли в свет и компьютерная игра, и «игрушка» для мобильных телефонов, а также переиздание книги Олега Синицына — что немаловажно, ибо сюжет фильма, разработанный сценаристом Алексеем Тиммом, отличается от сюжета книги.

РЕЦЕНЗИИ

ПРИЗРАКИ

(WIND CHILL)

Производство компаний Blueprint Pictures и Section Eight, 2007.
Режиссер Грегори Джейкобс.
В ролях: Эмили Блант, Эштон Холмс, Мартин Донован и др.
1 ч. 27 мин.

Среди продюсеров этой ленты значатся Джордж Клуни и Стивен Содерберг, во многих картинах которого, включая «Солярис» и все три части «Друзей Оушена», Джейкобс выступал в качестве помощника режиссера. И, судя по новому фильму многое перенял у мастера.

Итак, в канун Рождества студентка собирается домой за сотни миль — навестить родителей. Весьма кстати на глаза ей попадается объявление о том, что некий молодой человек, отправляющийся в тот же город на автомобиле, ищет попутчиков.

И вот они уже вдвоем едут по зимней трассе, слушая по радио бесконечные рождественские песенки. Только машина оказывается не вполне исправной, и молодому человеку подозрительно много известно о незнакомке, а о себе он чего-то недоговаривает. И везет куда-то не туда…

До середины картины напряжение весьма мастерски нагнетается без привлечения сверхъестественного. И лишь когда зритель уже почти уверен, что определение «мистика» по ошибке приклеилось к фильму (на самом деле неплохому примеру дорожного триллера, снятого по образцу «Попутчика»), на сцену — точнее, на дорогу — выходят они. Призраки.

Хичкоковский саспенс сменяется натуральным хоррором. Жертвы шоссе-606 устраивают для парочки студентов ужасный спектакль, всякий раз даря иллюзию счастливого избавления, оборачивающуюся новым кошмаром. Случайный прохожий оказывается ходячим трупом с кровавым месивом вместо лица, полицейский — погибшим почти полвека назад маньяком, а кабина снегоуборочной машины, уже, казалось бы, вывезшей героиню из злополучного места — салоном застрявшей в сугробе легковушки…

«Призраки», конечно, не прорыв в жанре ужасов. Камерная история берет не оригинальностью сюжета или невероятными спецэффектами (в фильме нет ни того, ни другого), а добротной режиссурой и великолепной актерской игрой. Причем берет так, что если во время просмотра по вашим ногам неожиданно пробежится сквозняк, одними мурашками вы вряд ли отделаетесь.

Сергей ЦВЕТКОВ

30 000 ЛЬЕ ПОД ВОДОЙ

(30,000 LEAGUES UNDER THE SEA)

Производство компаний The Global Asylum и Anthill Production, 2007.

Режиссер Габриэль Болонья.

В ролях: Лоренцо Ламас, Натали Стоун, Шон Лоулор и др.

1 ч. 30 мин.

Поначалу в этой осовремененной версии классического романа Жюля Верна можно даже уловить некоторое сходство с оригиналом. Военный корабль (точнее, атомная субмарина), гибнущий при столкновении с неизвестным объектом, похожим на морское чудовище; исследователь глубин Аронакс (в фильме он носит форму ВМС США), отправляющийся разобраться с тайной океана и попадающий на борт таинственного корабля, управляемого не менее таинственным капитаном Немо…

Однако время внесло свои коррективы. Мятежный капитан, а по сути террорист, воюющий с целым светом, сегодня не может быть героем положительным — и нам представляют сущего психопата, намеревающегося при помощи украденных с подводных лодок ракет превратить сушу в радиоактивную пустыню. Избранным же — тем, кто спасется от катастрофы в морской пучине — Немо готовит в затонувшей Лемурии-Атлантиде подлинный рай. Для воплощения мечты в жизнь ему необходимо изобретение Аронакса — некий оксигенатор, преобразующий морскую воду в кислород в достаточном для поддержания дыхания количестве. Сам Аронакс объявлен ученым, но единственная наука, владение которой может достоверно изобразить играющий его Лоренцо Ламас — это наука убивать. Знание восточных единоборств помогает ему одолеть зомбированную команду Немо и бежать с «Наутилуса».

Суровее всего обошлись кинематографисты со слугой профессора Конселем. В фильме это женщина-офицер по имени

Консуэла, бывшая жена Аронакса.

Еще менее, чем соответствием первоисточнику, создатели фильма озаботились соблюдением хотя бы видимости достоверности. В итоге на глубине в несколько тысяч метров водолазы плавают без скафандров, а роботы-кальмары хватают людей с борта подлодки через незапертый шлюз, при этом не нарушая герметичности субмарины. Количество нелепостей с каждой минутой растет в геометрической прогрессии, и появление в финальных титрах имени Жюля Верна воспринимается как одна из них.

Сергей ЦВЕТКОВ

ВОЙНА ДИНОЗАВРОВ

(D-WAR)

Производство компании Younggu-Art Movies (Южная Корея), 2007.

Режиссер Хьюн Ре Шим.

В ролях: Джейсон Бер, Аманда Брукс, Эйми Гарсиа, Роберт Форстер и др.

1 ч. 30 мин.

Страны Юго-Восточной Азии, часто именуемые «молодыми драконами», уже потеснили США во многих отраслях, где американцы прежде лидировали. Одолев Детройт и калифорнийскую Кремниевую долину, «дракончики», похоже, всерьез взялись за Голливуд, решив побороть его на его же территории.

Южнокорейская «Война динозавров» явно предназначена не для корейцев: восточный колорит присутствует в фильме постольку-поскольку, выполняя роль экзотической приправы, действие же разворачивается в Лос-Анджелесе, герои — стопроцентные американцы.

Термин «динозавр», поселившийся в названии фильма благодаря отечественным прокатчикам, видимо, следует понимать буквально — в переводе с греческого он означает «ужасный ящер». Ящеров в фильме хватает: и крылатых, и бескрылых, и жабоподобных гигантов, несущих на спинах ракетные установки, и небольших, выполняющих роль скакунов для злодейской кавалерии. Когда все они движутся, сражаются и взрываются — глаз не оторвать.

Увы, кинематографические каноны не позволяют отдавать все

экранное время под бездумные, хотя и захватывающие визуальные аттракционы. Происходящее на экране должно пусть и формально, но подчиняться некоему сюжету. В этом качестве зрителям представляют древнюю корейскую легенду о девушке, предназначенной в жертву доброму дракону. Но на деревню, где она дожидалась своей участи, напала армия злого дракона. Чтобы не достаться злодею, девушка и влюбленный в нее телохранитель «разбежались и бросились в море с прилегающих к кладбищу скал». Чтобы через пятьсот лет воскреснуть в современном Лос-Анджелесе, которому теперь предстоит стать новой ареной битвы древних корейских рептилий-Имуги.

На деле это означает, что в перерывах между зрелищными батальными сценами зритель вынужден следить за историей девушки, всеми силами старающейся избежать предопределенной, а потому неотвратимой встречи с одним из гигантских змеев.

Матвей ГРИБКОВ

ПЕРСОНАЖ

(STRANGER THAN FICTION)

Производство компании Mandate Pictures (США), 2007.
Режиссер Марк Форстер.
В ролях: Уилл Феррелл, Мэгги Джилленхал, Дастин Хоффман, Эмма Томпсон.
1 ч. 48 мин.

В современном кино существует довольно любопытное направление, которое можно было бы охарактеризовать так: фантастико-комедийная мелодрама с философским уклоном. В подобных фильмах все начинается с некоего фантастического допущения, каковое приводит к возникновению множества забавных житейских ситуаций. Потом проявляется мелодраматическая линия: главный герой встречает главную героиню, их отношения сперва довольно холодны, но по ходу действия становятся все жарче и жарче. В финале оказывается, что фильм-то был об обретении героем себя: чтобы выпутаться из всех передряг и завоевать любовь героини, ему приходится полностью изменить свои привычки и систему духовных ценностей. Именно это происходит в таких на первый взгляд разных картинах, как «День сурка», «Множественность» или, скажем, «Брюс всемогущий». По той же схеме построен и

«Персонаж».

В «Персонаже» главным героем сделали налогового инспектора — черствого, лишенного каких-либо эмоций человека, жизнь которого, похоже, состоит из одних только цифр. Однажды утром у него в голове начинает звучать женский голос, детально описывающий все, что с ним происходит, и вскоре герой к своему ужасу понимает: он всего лишь действующее лицо какой-то книги. Но какой именно? И кто ее пишет? Эти вопросы кажутся инспектору очень важными, ведь от голоса он узнал, что жить ему осталось недолго. Состояние героя усугубляют переживания, вызванные встречей с очаровательной хозяйкой кондитерской лавки, которая не заплатила всех налогов и поначалу относится к нему враждебно… Как видим, фильм ни на йоту не отклоняется от шаблона, его сюжет предсказуем и малоинтересен. Смотреть картину стоит, однако только ради блистательно сыгранных персонажей второго плана — писательницы-неврастенички (Томпсон) и литературоведа (Хоффман), который и в бассейн-то ходит не для того, чтобы плавать, а с целью раздачи ценных указаний. Но это еще по-доброму у Форстера получилось — горячий индийский парень М. Найт Шьямалан в «Девушке из воды» критика просто убил.

Александр РОЙФЕ

ГЕРОЙ ЭКРАНА

ШОУ МАСКИ

Аркадий ШУШПАНОВ

Он вызывает полярные эмоции, от восторга до раздражения. Легко меняет амплуа, как выражения «резинового» лица. Джим Кэрри — человек-маска, в чьей головокружительной карьере фантастика сыграла ключевую роль.

Первые маски

Джеймс Юджин Кэрри родился 17 января 1962 года в канадском городке Ньюмаркет, провинция Онтарио. Отец будущей суперзвезды, младшего из четырех детей, был французским эмигрантом, поэтому фамилия изначально звучала как Кэрро. Именно от отца, большого выдумщика и прирожденного артиста, маленький Джим унаследовал талант лицедея. А склонность комиковать проявилась еще в школьные годы. В десять лет Джим уже отправил свое резюме руководству популярного телешоу.

Когда Кэрри-старший потерял работу бухгалтера, большая семья пережила нелегкие годы и была вынуждена часто менять жилье. Одно время домочадцы даже ютились в трейлере. А тринадцатилетний Джим получил дополнительную «нагрузку» — подрабатывал по восемь часов в день. Со сверстниками он не

ладил и в свободное время паясничал перед зеркалом, корча гримасы и стараясь пародировать известных актеров. Отец, который даже в трудные времена не терял чувства юмора, заметил ужимки сына и помог отработать первый профессиональный номер. С ним Кэрри в пятнадцать лет вышел на сцену клуба «Юк-Юк» в Торонто. Однако публика столь жестоко освистала дебютанта, что он надолго утратил веру в себя. Но и тут отец не дал погаснуть искре надежды, и через два года, наработав репертуар, младший сын уже вызывал приступы хохота у публики.

Начинающий артист стал часто выступать в жанре stand-up comedy по клубам Канады. В 19 лет он решил переехать в Голливуд, где в 1982 году и получил свою первую небольшую телевизионную роль. Широкого успеха оставалось ждать еще больше десятилетия.

А на эстраде Кэрри довольно быстро приобрел известность. В 1984 году журнал «People» даже объявил его лучшим молодым пародистом. Однако в кино и на телевидении приходилось довольствоваться эпизодами. Главная роль в комедии «Гора Коппер» (1984) не принесла никаких дивидендов. Однажды Кэрри попал на съемочную площадку к самому Фрэнсису Форду Копполе в картине «Пэгги Сью вышла замуж». В другой раз на его выступлении побывал именитый Клинт Иствуд и, увидев пародию на самого себя, предложил небольшую роль в фильме «Розовый Кадиллак». Между двумя этими появлениями Кэрри исполнил роль второго плана в мистической комедии «Однажды укушенный» (1985). Он сыграл паренька Марка Кендала, жертву обольстительной вампирши, жаждущей крови восемнадцатилетнего девственника. В ранних работах Кэрри еще почти нет тех фирменных «кривляний», что принесли ему успех на эстраде и впоследствии в кино.

Новый шаг к известности актер сделал опять же в фантастической комедии «Земные девушки легко доступны» (1988). Кэрри предстал перед зрителями в образе пришельца Уиплока, и в поведении его персонажа уже видны замашки будущего Эйса Вентуры. Облачение актеров в покрытые шерстью костюмы и нанесение грима занимало два с половиной часа. Впоследствии Кэрри нередко станет коротать время в кресле кудесников «мэйк апа». «Земные девушки…» стали поворотным моментом в его кинобиографии, хотя фильм не снискал шумного успеха. На съемках Кэрри познакомился с чернокожим комиком Дэймоном Уэйансом, и тот пригласил приятеля в новое телевизионное шоу «В живых красках», которое создавал брат Дэймона — Кинен Айвори Уэйанс.

Шоу продержалось три сезона. Кэрри оказался единственным белым в афроамериканской группе центральных актеров сериала, и это обеспечило ему дополнительное внимание публики. Он пародировал все и вся, от женщины-культуристки до президента Билла Клинтона, и сам же для себя писал скетчи. Это умение помогло и в кино. Кэрри с режиссером Томом Шедьяком переработали сценарий комедии о детективе по розыску домашних животных. Ведущие комики, в том числе Эдди Мерфи, сниматься отказались. Кэрри получил свой шанс и выжал из него все, что мог.

«Эйс Вентура» неожиданно стал настоящим хитом. Кэрри продемонстрировал весь набор приемов, которые в дальнейшем сделались его визитной карточкой. Запрокинутая голова с нестандартной прической, постоянные гримасы и кривляния, сочетание балетной пластики и нарочито неестественных, «дерганых» движений — отныне все это будет ассоциироваться с именем: «Джим Кэрри». Сыщик Эйс Вентура не столько кино-, сколько мультперсонаж, перенесенный на целлулоид. А уровень остроумия показывает хотя бы сцена имитации разговора… ягодицами.

Кэрри презрел старинную актерскую боязнь играть вместе с животными, он один стоил целого зверинца, с легкостью опускаясь на уровень своих меньших братьев. Но, как ни странно, в том же образе проявилось и желание актера создать более глубокий характер. В одном из лирических эпизодов фигляр Вентура вдруг приоткрывается с неожиданной стороны: оказывается, под личиной паяца живет тонкий и ранимый человек, которому с животными ладить намного легче, чем с людьми. Подобную «раздвоенность» Кэрри будет воплощать раз за разом в других своих ролях.

Маска Локи

Поистине звездного часа актер дождался, когда вышла фантастическая комедия «Маска» (1994). С нее началась мировая слава Кэрри. Отечественные видеопираты даже ухитрялись выдавать снятого ранее «Эйса Вентуру» за вторую часть хита. Тем не менее «Маска» стала одним из первых голливудских фильмов, которые в начале 1990-х почти сразу попали в российские кинотеатры, а не только на контрафактные кассеты.

На успех повлияло сразу несколько факторов. Фильмы про супергероев опять входили в моду, а «Маска», тоже будучи экранизацией комиксов, удачно и ярко пародировала жанр.

Спецэффекты для своего времени щеголяли новизной, да и компьютерная графика еще удивляла сама по себе, применяясь не столь повсеместно, как сейчас. Но цифровые технологии, удивительное дело, не сумели заслонить актера, точно попавшего в образ. Типаж был не нов, уже выходили на экраны и «Битлджюс» Тима Бартона, и менее известный, но не менее искрометный «Вредный Фред» Эйта Де Джонга. Голливуд знал и артистов с амплуа «взрослый ребенок» (Коротышка Герман), и эксцентриков (ранний Николас Кэйдж, кстати, близкий друг нашего героя в реальной жизни). Но именно Кэрри собрал все эти находки воедино и довел до апогея. Специальные эффекты только подчеркнули его индивидуальность, фирменную манеру «мультипликационного» поведения в кадре. Фактически картина встала в один ряд с анимационно-игровой лентой Роберта Земекиса «Кто подставил кролика Роджера?».

В истории о том, как в руки скромного клерка Стэнли Ипкиса угодила чудесная маска скандинавского бога-озорника Локи, для Кэрри нашлось где развернуться. Он самозабвенно перевоплощался то в закомплексованного «яппи», то в безбашенного фрика с зеленым лицом и белозубым оскалом. Его маска стала таким же узнаваемым элементом поп-культуры, как синее трико Супермена.

Интересно, что на съемках Кэрри никакой маски на самом деле не надевал. Зеленый грим решили накладывать прямо на подвижное лицо актера, которое заслужило прозвище «резинового». Кэрри как будто сам выпустил на волю дух Локи, удивляя съемочную группу кипучей энергией и работоспособностью. После одного из дублей зажигательной танцевальной сцены под песню Cuban Pete его даже увезли на «скорой» — переутомление.

Но усилия того стоили. О Кэрри заговорили как о самой яркой звезде десятилетия, а его гонорары быстро взлетели до чисел с шестью нулями. Критики морщились, зрители просили добавки. Кэрри словно вернул кинематограф на новом этапе к его началу, к балагану и шуткам в духе «Облитого поливальщика». А слово «лицедейство» в его случае приобретало исходный смысл. Он даже удостоился сравнений с великим Бастером Китоном, хотя тот добивался комического эффекта с непроницаемым выражением лица.

Очень скоро новоявленная звезда получила роль в другом комиксе — третьем фильме о Бэтмене. В новых декорациях Кэрри разыграл этюд на старую тему, даже надел еще одну зеленую маску. Его персонажем стал безумный ученый Эдвард Нигма, превратившийся в суперзлодея Риддлера. «Бэтмен навсегда»

продолжил традицию, когда у главного героя были сразу два антагониста. Вторым (или первым?) выступил Харви Двуликий в блестящем гротескном исполнении Томми Ли Джонса. И если более опытного коллегу Кэрри превзойти не сумел, то вдвоем они с разгромным счетом «обыграли» Вэла Килмера, хотя тот в образе Человека-Летучей мыши тоже смотрелся вполне органично.

Кэрри продолжил наращивать обороты. Единственный раз за всю карьеру появившись в продолжении своего фильма, он снова взбил прическу зоодетектива. В «Эйс Вентура: Когда зовет природа» (1995) уже и намека не было на «двойное дно»: Вентура стал чистой комик-маской. Зато кассовые сборы значительно превысили достижения первой части. Режиссером выступил Стив Одекерк; ранее Кэрри снимался с ним в роли Смерти в малобюджетной комедии «Нервы на пределе» (1991). Интересно, что впоследствии Одекерк сам попробовал надеть на себя «кэрриобразный» типаж в пародийном боевике «Кунг По: Нарвись на кулак».

В картине «Лжец, лжец» (1997) Кэрри попробовал на шажок отойти от буффонады и чуть более очеловечить своего персонажа. Его герой, адвокат Флетчер Рид поначалу выглядит субъектом вполне вменяемым, хотя и бессовестным. Пружиной действия становится единственное сказочное допущение: сын Флетчера желает, чтобы отец хотя бы на один день прекратил обманывать, — и желание сбывается. Следующий час экранного времени героя Кэрри буквально «плющит и колбасит» от необходимости быть честным, а исполнитель передает эти душевные борения, беспрерывно паясничая в своем любимом стиле.

Драма комика

Кэрри превратился в самого высокооплачиваемого комика планеты. Он стал первым членом «клуба» голливудских кинозвезд, получающих двадцать миллионов долларов за фильм. Казалось, в плане зрительского успеха своими ужимками он выигрывал не только у спецэффектов, но и у классических школ актерского мастерства. Ни один артист, глубоко проживающий роль, не мог привлечь в кинозалы столько публики, сколько этот «шут гороховый». В интервью сам Кэрри заявлял, что терпеть не может интеллектуальные комедии, а зритель должен до колик смеяться каждую минуту. Однако на деле уже хотел большего, подтверждая старую мудрость: нет такого комика, который не мечтал бы стать трагиком. Да и судьба «всегда быть в маске» его

явно не прельщала.

И случай представился — в виде сценария Эндрю Никкола «Шоу Трумана». Здесь также присутствовал значительный элемент фантастики и даже антиутопии. Главный герой, Труман Бербэнк, с младенчества живет внутри «реалити-шоу», где каждый его шаг транслируется на телеэкраны всей Америки. Продюсеры позаботились создать практически идеальный обывательский мирок под огромным куполом, откуда для ничего не подозревающего Трумана нет выхода. Даже все его чувства и отношения развиваются согласно сценарию и рекламному бюджету.

Тема взаимоотношений личности и телевидения интересовала Кэрри давно, потому что телевизионную «кухню» он прекрасно знал изнутри и в начале девяностых сам предлагал продюсерам сюжет, подобный «Шоу Трумана». А на киноэкране впервые подступился к этому в комедийном триллере «Кабельщик» (1996), сыграв парня по имени Чип Даглас, которому практически весь жизненный опыт заменил просмотр телепрограмм. Кэрри лепил образ Чипа, выкидывая свои привычные коленца, однако его трюки здесь уже не столько смешили, сколько пугали. Возможно, поэтому «Кабельщик» стал первым серьезным провалом в его карьере.

К роли Трумана Бербэнка Кэрри сначала тоже подошел с наработанным арсеналом приемов. Но быстро от этого отказался. Актер понял что образ современного «простодушного» можно создать, только играя очень просто, без коронного шутовства. И такое оказалось ему вполне по плечу «Прежний» Кэрри нет-нет, да промелькнет в широкой улыбке, забавной рожице или порывистом жесте, но его Труман — это в первую очередь глаза. Глаза большого ребенка, у которого все же хватило мужества сделать выбор в пользу мира за пределами купола с бутафорским звездным небом.

«Шоу Трумана» ждал успех и у зрителей, и у профессионалов. На «Оскара» Кэрри, правда, не выдвинули, но престижный «Золотой Глобус» за лучшую мужскую роль он получил. Актер решил закрепить новый, драматический, имидж и снялся у Милоша Формана в трагикомедии «Человек на Луне». На этот раз Кэрри перевоплотился в образ реального лица, известного американского комика Энди Кауфмана. Несмотря на заголовок, в сюжете не было фантастики. Она творилась на съемочной площадке.

Скончавшийся от рака в 1984 году Энди Кауфман, звезда эстрады и телевидения, был человеком экстравагантным. Этим он, видимо, и привлек Кэрри, ощутившего глубокое духовное и

биографическое родство со своим новым персонажем. Они даже родились в один и тот же день. Обоим словно было тесно находиться в рамках обыденного мира и его приличий. Кауфман не уставал эпатировать публику, Кэрри тоже: однажды он даже вышел на сцену голым, с носком в качестве фигового листа. Будучи не слишком похожим на своего героя внешне, по ходу съемок актер стал его двойником, даже не отзывался на собственное имя. По своей давней традиции он сыграл две роли: самого Энди и его постоянную «маску», толстяка-кривляку Тони Клифтона, отдельно упомянутого в титрах. Погружение Кэрри в образ было так велико, что поползли слухи о скором воскрешении Кауфмана, сделавшего себе имя на громких розыгрышах зрителя. Говорили, преждевременная кончина Энди вполне могла оказаться главным розыгрышем его короткой артистической жизни. Реального восстания из мертвых не произошло, но «Человек на Луне» имеет сюрреалистический финал. Мы видим, как Тони Клифтон продолжает выступать на сцене уже после смерти своего создателя, а в это время соавтор и дублер Кауфмана-Клифтона в исполнении Пола Джиаматти стоит и аплодирует среди зрителей.

Новая «выходка» Кэрри на этот раз получила большее внимание критиков, чем зрителей. И актер выбрал стратегию чередования: на одну драматическую роль — две-три комедийных. В ерническом фильме братьев Фаррелли «Я, снова я и Ирэн» (2000) он вновь изобразил раздвоение личности: застенчивый полицейский Чарли Беллигейтс пробуждает в себе темное начало — Хэнка Эванса, своеобразную инкарнацию все того же Локи, но без маски. Сцена, когда одно «эго» укладывает другое в автомобиль, сделанная без спецэффектов и монтажных приемов, только на актерской пластике, — одна из самых виртуозных в послужном списке Кэрри.

В сказке Рона Ховарда по мотивам детской книги доктора Сьюсса «Гринч — похититель Рождества» (2000) Кэрри опять «позеленел», забравшись в костюм уродца Гринча, сделанный прославленным Риком Бейкером. На протяжении всего фильма зритель не видит даже глаз актера (при наложении грима ему несколько раз повредили роговую оболочку), но телодвижения нельзя спутать!

Провал драмы Фрэнка Дэрабонта «Мажестик» (2001) компенсировался бешеным успехом комедии «Брюс Всемогущий» (2003). Кэрри на экране снова превратил американского невротика в бога, только уже не в бога-озорника, а в Творца. Впрочем, получив божественную власть, демиургом Брюс становиться и не подумал, а в его повадках и интонациях опять

вылезает зеленолицый Локи.

В череде фантастических ролей последнего времени особо заметна лирическая работа в картине француза Мишеля Гондри «Вечное сияние чистого разума». Название — строка из поэмы Александра Поупа «Элоиза — Абеляру», русский литературный перевод Д. Веденяпина: «Невинностью лучатся их сердца». Здесь Кэрри показывает не столько метаморфозы своего героя, Джоэла Бэрриша, сколько метаморфозы чувства. Бэрриш напоминает Трумана Бербэнка, только уже вкусившего горечь одиночества в большом мире. Герой заперт не под колпаком искусственного рая, а в глубинах собственного сознания. В то время, как сам он спит в период необычной операции по стиранию болезненных любовных воспоминаний, его внутреннее «я» с обликом того же Кэрри заново переживает все перипетии романа с возлюбленной (Кэйт Уинслет) и пытается сопротивляться вмешательству. Образ Джоэла оказался близок и понятен актеру, уже имевшему за плечами два развода и расторгнутую помолвку. В интервью Кэрри признавался, что после фильма Гондри иначе взглянул на прежние отношения в собственной личной жизни.

Зато в следующем проекте он на полную мощность включил отрицательную энергетику, «вписавшись» на сто процентов в комедийный типаж графа Олафа, центрального антигероя серии детских книг Лемони Сникета под общим заголовком «33 несчастья». Самозваный граф зловещ, мерзок — и уморителен в своих потугах на актерское мастерство. Кэрри воспользовался случаем поиронизировать и над собой, и над своими ранними «балаганно-шутовскими» ролями. К сожалению, черноватый юмор картины ожидаемого отклика у зрителей не нашел.

Дальше всего от комического амплуа Кэрри на данный момент отошел в триллере с элементами фантастики «Номер 23». Здесь он опять играет две роли: «среднего американца» Уолтера Спэрроу и вымышленного детектива Фингерлинга — связанных через таинственную книгу, построенную на загадке числа 23. Актер сам увлекался магией этого числа. Хотя в финале большинство событий объясняется парадоксальным, но вполне реалистичным образом, Кэрри тонко выстраивает линию медленного погружения вполне адекватного человека в ирреальное. Выбор, который приходится делать его двуединому герою, намного сложнее, чем даже «божественные» выборы Брюса Всемогущего. Однако, получив выигрышный сценарный материал, Кэрри, думается, на этот раз заплатил за него слишком высокую цену, потеряв свою уникальность. Представить кого-то иного в ролях Стэнли Ипкиса, Эйса Вентуры или Энди Кауфмана сейчас неимоверно трудно. А вот сыграть Уолтера Спэрроу могли бы,

например, Николас Кэйдж или Робин Уильямс. Впрочем, скромные кассовые результаты драматических опытов актера неизменно возвращают его на благодарную комедийную стезю.

Ненадетые маски

Не менее любопытен список ролей, которые Кэрри мог сыграть, но по каким-то причинам этого не сделал. Львиная доля — тоже проекты, связанные с фантастикой или фэнтези.

Так, Кэрри планировался на роль доктора Зло в фантастической пародии на сериал о Джеймсе Бонде «Остин Пауэрс, международный человек-загадка», но отказался сниматься из-за конфликта с производственным графиком «Лжеца». В результате Майк Майерс вместо одной заглавной роли исполнил в фильме сразу две и стал увеличивать их число от продолжения к продолжению.

Кэрри рассматривался и в качестве основной кандидатуры на «должность» капитана Джека Воробья в «Пиратах Карибского моря». Но в итоге ее занял куда менее популярный в то время Джонни Депп — и прорвался в высшую голливудскую лигу, а заодно в число соискателей «Оскара». Тот же Депп «увел» у своего звездного коллеги роль Вилли Вонки в «Чарли и шоколадной фабрике» Тима Бартона. Скоро Кэрри представился другой шанс сняться у Бартона — в картине «Веришь или нет?» о прославленном собирателе диковин Роберте Рипли. Однако бюджет вырос до полутора сотен миллионов, продюсеры потребовали сократить расходы и переписать сценарий, и, пока суд да дело, режиссер занялся мюзиклом «Суини Тодд» (снова с Деппом!). На данный момент кинобиография Рипли еще не обрела нового постановщика. Призрачный шанс на возвращение Бартона все же остается, а Кэрри по-прежнему значится исполнителем главной роли.

Еще раньше актеру не повезло со Стивеном Спилбергом. Оба подписали контракты на участие в римейке комедии 1947 года «Тайная жизнь Уолтера Митти». Кэрри должен был создать образ скромного автора комиксов, который живет еще и в своих воображаемых мирах. Но главные участники выбыли из проекта. Закрылась из-за превышения бюджета и футуристическая комедия Джея Роуча «Подержанные мужчины». В этой вариации на тему давней польской «Секс-миссии» Кэрри отводилась роль одного из двух неудачников, попавших в будущее, где они оказывались единственными представителями сильного пола.

Тем не менее с фантастикой актер порывать не собирается.

Роберт Земекис снимет его в своей третьей подряд картине, сделанной по технологии «захвата движения» (motion capture). Это будет экранизация «Рождественской песни» Чарлза Диккенса, где Джим Кэрри послужит моделью сразу для четырех цифровых персонажей: бессердечного Скруджа и троих призраков Рождества, желающих пробудить в нем совесть.

А уже в 2008 году на экранах появится «трехмерный» анимационный фильм «Хортон слышит голос». Кэрри вернулся в сказочный мир доктора Сьюсса и озвучил говорящего слона. По иронии судьбы, другого персонажа озвучила актриса Кэрол Бернетт — именно в ее шоу десятилетний Джим когда-то давно отправил свое самое первое резюме.

* * *

Избранная фильмография фантастики Джима Кэрри

1985 — «Однажды укушенный» (Once Bitten)

1988 — «Земные девушки легко доступны» (Earth Girls Are Easy)

1991 — «Нервы на пределе» (High Strung)

1994 — «Маска» (The Mask)

1995 — «Бэтмен навсегда» (Batman Forever)

1997 — «Лжец, лжец» (Liar Liar)

1998 — «Шоу Трумана» (The Truman Show)

2000 — «Я, снова я и Ирэн (Me, Myself & Irene)

2000 — «Как Гринч украл Рождество / Гринч — похититель Рождества» (How the Grinch Stole Christmas)

2003 — «Брюс Всемогущий» (Bruce Almighty)

2004 — «Вечное сияние чистого разума» (Eternal Sunshine of the Spotless Mind)

2004 — «Лемони Сникет: 33 несчастья» (Lemony Snicket's A Series of Unfortunate Events)

2007 — «Номер 23» (The Number 23)

КРИТИКА

ОБИТАТЕЛИ ПОТЕРЯННЫХ КОВЧЕГОВ

Сергей ШИКАРЕВ

В этих мирах в начале было не Слово. В начале была Цель: звезды и планеты, манившие к себе человека, но находящиеся столь далеко, что для преодоления расстояния потребовалось бы время, превышающее продолжительность человеческой жизни. И тогда мечтатели и фантасты придумали «звездные ковчеги» — гигантские корабли, созданные для того, чтобы доставить к пункту назначения своих пассажиров и тем самым послужить космической экспансии человечества.

На протяжении всей истории человечества экспансия была одной из главных сил, движущих развитие науки и общества. После освоения земных пространств и водных просторов новым объектом внимания для пытливых умов стали звезды.

Одним из идеологов космической экспансии человечества и колонизации других планет был калужский мыслитель Константин Эдуардович Циолковский, впервые предложивший идею «кораблей поколений», или «космических ковчегов», призванных переселить человечество из тесной колыбели в космические дали. Согласно «Плану завоевания межзвездных пространств», разработанному еще в 1926 году, после организации поселений вокруг Земли заселению подлежит Пояс астероидов и другие небольшие небесные тела, а затем и весь Млечный Путь.

Позже к подобным идеям пришли и другие ученые, столь же страстные популяризаторы освоения космоса. Известный астроном и автор НФ-романа «Контакт» Карл Саган рассматривал в качестве возможного объекта колонизации Венеру. Американский астрофизик Джерард К. О'Нейл, стоявший во главе Принстонской группы инженеров и ученых, еще в середине прошлого века предложил проект создания огромных сигарообразных станций диаметром 1,5 километра, которые должны были бы обеспечить своим жителям земную гравитацию (за счет вращения станции) и суточные циклы (за счет системы зеркал, отражающих солнечный свет). Станции использовали солнечную энергию. Проблема питания решалась благодаря созданию замкнутых экологических систем жизнеобеспечения человека под автономным управлением. Внутри станции предполагалось разместить промышленные предприятия, а ее население должно было составить порядка 10 000 человек.

Главной задачей называлось не только переселение человечества в ближний космос, но и восстановление биосферы Земли. По оценкам ученых, для реализации Принстонского проекта и сооружения в космосе колоний с населением около 10 миллиардов человек потребовалось бы всего 250 лет.

Создание искусственной биосферы вокруг Солнца является следующим закономерным этапом в развитии цивилизации и знаменует собой ее переход на второй уровень, согласно известной шкале Кардашева, определяющей тип цивилизации в зависимости от уровня ее энергопотребления. На первом уровне находятся цивилизации, потребляющие энергию, равную по мощности получаемой планетой от центральной звезды. Энергопотребление цивилизации второго типа сравнимо с мощностью центральной звезды планетной системы. Для получения необходимого объема энергии было предложено соорудить искусственную сферу вокруг звезды — так называемую сферу Дайсона, позволяющую перехватывать солнечное излучение.

Время освоения ресурсов Солнечной системы, по расчетам известного ученого Иосифа Шкловского, для такой цивилизации составит от 500 до 2500 лет. Вслед за этим возникнет необходимость в использовании ресурсов ближайших областей Галактики, а потом и всей нашей звездной системы. Ведь новый, третий тип цивилизации, по Кардашеву, отличается энергопотреблением, сравнимым по мощности с галактикой.

Впрочем, реализация таких грандиозных картин космической экспансии требует не только решения научно-технических задач, но и осмысления новых возможностей и реакций в общественном сознании. Традиционно подобная рефлексия осуществлялась посредством культуры. Для инноваций, вызванных научным прогрессом, таким механизмом является научная фантастика.

Задачи НФ заключаются в том числе и в моделировании возможного общественного устройства будущего человечества, путей его развития и поисков способов разрешения ранее не существовавших проблем. С этой точки зрения, «космические ковчеги», известные как «корабли поколений», являются идеальной площадкой для социального моделирования. Возможность, пусть и на уровне художественного вымысла, проследить развитие общества, находящегося в замкнутом пространстве, представляется весьма заманчивой.

Характерен сюжет одного из первых, согласно энциклопедии Клюта, рассказов, действие которого происходит в «космическом ковчеге». «Шестисотлетнее путешествие» Дона Уилкокса, опубликованное в 1940 году в журнале «Amazing Stories»,

рассказывает о капитане космического корабля, который просыпается раз в сто лет, чтобы проверить курс, и каждый раз сталкивается со значительными социальными изменениями в корабельном обществе.

Таким образом, художественные описания «кораблей поколений» можно рассматривать как проекцию тенденций социального развития и общественных фобий.

Хронологически же первым художественным произведением о «космическом ковчеге» (ранее эту идею развивал в своих очерках К. Э. Циолковский) был роман советского фантаста Александра Беляева «Прыжок в ничто» (1933). Правда, бегство капиталистов с революционной Земли обернулось не запланированным длительным космическим вояжем в ожидании реставрации капиталистического строя, а неожиданным путешествием на Венеру. Так, в 1930-е годы «регламент» для полетов фантазии существенно урезали идеологи. Венера — еще туда-сюда, а вот звезды — это уж позвольте! Тем не менее идея Беляевым схвачена точно.

Наиболее же значительным сочинением стал роман Роберта Хайнлайна «Пасынки Вселенной». Первоначально роман был опубликован в два захода в виде двух повестей в журнале «Astounding Science Fiction» в 1941 году. Лишь в 1963 году обе части вышли под одной обложкой в качестве романа.

Хайнлайн описывает ставшую позднее канонической картину жизни на борту «космического ковчега», когда команда и пассажиры забыли свое предназначение и стали просто обитателями маленькой вселенной, ограниченной размерами корабля. В характерной жесткой манере писатель показывает взросление героя, его становление как лидера и открытие им реального положения дел.

Следует обратить внимание на время появления книги. 1941-й, вторая мировая война. Идеалистические мечты о всеобщем светлом будущем, порожденные прогрессом науки и техники и надломленные первой мировой (а также гибелью «Титаника» и «Гинденбурга»), сменились столь же всеобщим разочарованием и растерянностью. Неудивительно, что мотивами книги стали консервация, дезориентация и обновление. Действительно, отправка колонистов к Проксиме Центавра (кстати, излюбленный маршрут «космических ковчегов») символизирует стремление общества сохранить себя. Забвение целей полета и сущности Корабля, ставшего вселенной, отражает потерю ориентиров и разрушение прежнего облика грядущего.

Если одним из результатов первой мировой войны стало

появление «певцов потерянного поколения» (Олдингтон, Ремарк), то в начале новой войны Хайнлайн описал поколение «заблудившееся».

Еще одним ключевым произведением, описывающим «звездный ковчег», стала небольшая повесть Клиффорда Саймака «Поколение, достигшее цели» (1953). Как и во всем своем творчестве, Саймак добродушен, сентиментален, патриархально рассудителен и главное — оптимистичен. Фабула обоих произведений во многом совпадает. Так же, как и в романе Хайнлайна, обитатели космического корабля утратили знание не только о цели своего путешествия, но и о том, что они находятся на космическом корабле. Однако в отличие от хайнлайновских персонажей героями Саймака руководит не эгоизм, а чувство долга. Кроме того, повесть Саймака имеет ярко выраженную антидогматическую и отчасти антиклерикальную направленность. Дихотомия веры и знания характерна для литературных «звездных ковчегов» (и для современного общества). Хотя можно вспомнить, что в Средние века именно монастыри выступили хранителями и носителями знаний, послужив основой для последующего Возрождения. Позиция Саймака направлена не столько против религии, сколько против догматического образа мышления, отрицающего возможность развития и изменения. Неслучайно в «ковчегах» и Саймака, и Хайнлайна, да и многих других авторов, самым ценным грузом оказываются книги — кладезь знаний и источник самостоятельного мышления.

Забытая обитателями «корабля поколений» цель путешествия, открытие главным героем истины и его дальнейшее противостояние закостеневшему в своих устоях обществу — все это стало своего рода обязательным минимумом для авторов, обращающихся к данной тематике.

По этой же схеме написаны, например, «Альфа Центавра — или смерть!» (1953) Ли Брэкетт дилогия Томаса Баса, состоящая из романов «Наполовину сверхчеловек» (1970) и «Бог-кит» (1974), роман Эдмонда Купера «Семя света» (1959), «Ной-2» (1970) Роджера Диксона. Джеймсу Блишу идея «звездных ковчегов» так полюбилась, что он разразился целой серией книг «Города в полете», включающей в себя романы «Приди домой, землянин» (1953), «Звезды будут принадлежать им» (1954), «Триумф времени» (1958), «Жизнь для звезд» (1962). Позднее автор еще раз вернулся к этой теме в работе «…И звезды — сцена» (1971). Развил тему Франсис Карсак в образующих дилогию романах «Этот мир — наш» (1962) и «Космос — наш дом» (1962). Интересной вариацией классической темы является цикл Джина

Вулфа «Книга Долгого Солнца», герои которого исследуют мир «звездного ковчега» на протяжении нескольких книг, не догадываясь о его происхождении. Столь же удручающую картину вырождения представил в «Корабле призраков» (1969) Фриц Лейбер.

Проблема создания стабильного, здорового общества, не предрасположенного к социальным потрясениям, весьма оригинально решается в повести Гарри Гаррисона «Плененная Вселенная» (1969). На сей раз строители «ковчега» не ограничились созданием корабля, а смоделировали для его обитателей культурную и социальную среду, взяв за основу цивилизацию древних ацтеков. Герой Гаррисона — Чимал, рожденный в результате нарушения табу на кровосмешение жителей соседских деревушек, оказывается «первой ласточкой» — незапланированной, но своевременной — из числа детей, генетически предрасположенных к гениальности. В этом «звездном ковчеге» также не обошлось без руководящей и направляющей роли служителей культа, обеспечивающих надлежащее функционирование корабля. Однако идея разделения социальных обязанностей, подкрепленная генной инженерией, могла быть реализована, как подчеркивает сам автор, только в авторитарном государстве, возглавляемом Великим Создателем.

В советской фантастике, как, впрочем, и в НФ Восточной Европы, идея «звездных ковчегов» широкого распространения не получила. Классическая схема, предполагающая противостояние человека и общества, давала осечку в силу известных причин: изначально общинного уклада и вообще классовой чуждости. Если представить себе конфликт человека и коллектива еще было возможно, то предположение, что победителем из него может выйти человек, было за гранью даже фантастического. И произведения, затрагивающие тему «звездных ковчегов», так или иначе, специфику общества отражали. Исключениями, своего рода аутсайдерами социалистической фантастики, стали романы двух видных болгарских писателей — «Гибель «Аякса» (1973) Павла Вежинова и «Путь «Икара» (1974) Любена Дилова. В основе обоих сюжетов — многовековая экспедиция землян к дальним пределам (у Дилова в роли звездолета выступает целый астероид), но авторское внимание сосредоточено на психологических и нравственных проблемах (например, конфликт поколений), возникающих в среде звездных скитальцев. Обе книги не только увлекательны, но достаточно смело написаны. Откровенно дискуссионный характер романов привел к тому, что вежиновская книга была издана на русском в сильно урезанном

варианте, а сага Дилова и вовсе не публиковалась в СССР.

Однако главной книгой социалистической НФ остается «Магелланово облако» (1954) Станислава Лема — своеобразный гимн коммунистическому будущему человечества и его лучшим представителям. Действие книги происходит в XXXII веке, когда решено большинство земных проблем, и люди направляют корабль «Гея» к созвездию Центавра. Лем делит свое внимание между описанием общества будущего и обитателями корабля, людьми «новой формации». Известно, что сам автор был против переиздания своих ранних произведений именно по причине их «идеологизированности», но образы сильных и мужественных покорителей космоса Лему удались. Несмотря на то, что этих персонажей сложно представить вне коммунистического общества, а большинство конфликтов в книге связаны с творческими поисками, преодолениями себя и покорениями природных сил.

В советской НФ подобной теме посвящены разве что роман Владимира Михайлова «Дверь с той стороны» (1974), правда, довольно опосредованно, и изрядно нашумевшая повесть Бориса Лапина «Первый шаг» (1973). Интернациональная экспедиция, длящаяся почти пятьдесят лет, в итоге оказывается не путешествием к далеким звездам, а устроенным в специальном бункере на Земле грандиозным и циничным экспериментом. Впрочем, самому автору такой эксперимент (в который были вовлечены несколько поколений несостоявшихся космических странников) циничным не показался. Любопытно, что после выхода повести один из критиков, сопоставляя «Первый шаг» с повестью Саймака, обвинил в жестокости и антигуманном характере произведения как раз американского писателя.

Еще со времен Беляева одной из главных задач строительства «звездных ковчегов» стало спасение элиты или всего человечества от глобальной катастрофы, нависшей над Землей, будь то пандемия или мировая революция. Рассказ Артура Кларка «Спасательный отряд» (1946) повествует об обнаружении инопланетной цивилизацией гибнущей Земли, все население которой покинуло планету внутри целой армады «звездных ковчегов». Трилогия Д. Макинтоша, состоящая из романов «Прирожденный лидер» (1954), «Один из трех сотен» (1954) и «Двести лет до Рождества» (1961), описывает отбор кандидатов для полета перед грозящей Земле катастрофой и сам полет. Спасается бегством с Земли, гибнущей в результате мощного выброса солнечной радиации, и человечество в рассказе Харлана Эллисона «Задним числом: 480 секунд».

Этот автор, кстати, способствовал и появлению на свет самого заметного из кино- и телепроектов на тему «звездных ковчегов» — он написал сценарий сериала «Затерянные среди звезд». В основе сюжета — очередной исход человечества, бегущего от катастрофы в космос. К новым мирам они отправляются на гигантском «ковчеге», представляющем собой цепочку замкнутых биосфер, населенных представителями различных культур. Впрочем, писатель был настолько разочарован результатом воплощения своего сценария, что снял свое имя с титров картины. Эллисон получил премию Гильдии писателей Америки за оригинальный сценарий пилотного эпизода под названием «Феникс из пепла», а позднее выпустил совместно с Эдвардом Брайантом его одноименную новеллизацию (1975).

Отнюдь не всегда приключения заканчивались неожиданным «прозрением» потомков «ковчега», узнавших истинную цель своего полета.

В «Свидании с Судьбой» (1957) Джона Браннера рассказывается о «беженцах с Земли», для которых корабль стал суррогатной матерью. И даже после прибытия к месту назначения пассажиры не смогли его покинуть. Брайан Стэблфорд в «Завещанных землях» (1974) описывает общество, перенесшее в колонию социальную структуру, сложившуюся на «корабле поколений». А Чад Оливер в рассказе «Сквозняк» (1957) демонстрирует, как единственный обитатель «ковчега», не страдающий клаустрофобией, открывает внешний люк и обнаруживает, что корабль приземлился еще несколько столетий назад.

В романе Брайана Олдисса «Нон-стоп» (1958) действие тоже происходит в «звездном ковчеге», но возвращающемся домой. На этот раз звездным скитальцам на пути обретения истины приходится столкнуться не только с соплеменниками (а именно до племенного строя деградировали обитатели корабля), но и с представителями других видов: загадочными Гигантами и разумными крысами. Интересной находкой автора стала своеобразная религия, сформировавшаяся на базе психоанализа и других психологических школ и призванная облегчить душевные тяготы путешествия. С изрядной иронией Олдисс описывает финал путешествия, когда вдруг выясняется, что корабль достиг-таки земной орбиты и на протяжении уже нескольких лет является объектом пристального изучения землян.

Действительно, «ковчеги» и их обитатели — благодатный объект для изучения. В повести «Баллада о Бете-2» (1965)

Сэмюэля Дилэни студент-антрополог изучает старинную балладу о таинственном происшествии на одном из «ковчегов», что приводит его к выдающемуся открытию. Важной отличительной чертой повести Дилэни стало то, что место ее действия, в отличие от большинства произведений, не ограничено пространством корабля. И главное — Дилэни был первым, кто предположил, что не менее значимыми, чем социальные, будут изменения культурологические, в том числе сдвиги языковых норм. Хотя нужно отметить, что Лем в «Магеллановом облаке» упомянул саму возможность таких метаморфоз.

Не менее интересны, с антропологической точки зрения, и другие произведения. Классический роман Алексея Паншина «Обряд перехода» (1968), выросший из рассказа «Внизу миры для настоящих мужчин» (1963), повествует о ритуале выживания, которому подвергаются обитатели «ковчега». В повести Артура Селлингса «Вступление в жизнь» (1951) рассказывается о воспитании двоих уцелевших после эпидемии детей на борту корабля, причем в роли воспитателей выступают роботы. А роман «Земное семя» (1983) Памелы Сарджент повествует о взрослении детей, путешествующих на астероиде. Кстати, астероиды вообще часто выступают в качестве звездных кораблей для долгих путешествий (роман Дилэни мы уже упоминали). Путешествуют в астероиде герои романа «Искатели звезд» (1953) Милтона Лессера; в «Макрожизни» (1979) Джорджа Зебровски люди основали целую колонию-поселение; гигантский корабль-астероид, неожиданно появившийся в Солнечной системе, описан и в дилогии Грега Бира «Эон» (1985) и «Вечность» (1988). В трилогии Джона Варли «Титан» пришельцы и вовсе прибыли на одноименном спутнике Юпитера. Но, пожалуй, самый необычный «звездный ковчег» предложила Алиса Шелдон, более известная как Джеймс Типтри-младший. В ее повести «Мимолетный привкус бытия» (1975), хорошо известной читателям «Если», сами люди оказываются носителями витальной сущности, своего рода сперматозоидами, отправляющимися в глубины космоса, чтобы исполнить свое предназначение — оплодотворить Вселенную.

Среди фантастических проектов астроинженерии наличествуют и предложения превратить в космический звездолет нашу родную планету. Вот что говорит один из персонажей романа С. Лема «Магелланово облако»: «В межзвездное путешествие следовало бы отправить не ракету, а всю Землю; мощными взрывами атомной энергии надо выбить ее из орбиты, медленно развернуть по спирали, все больше удаляющейся от Солнца, и, наконец, направить к избранной звезде». Ярче других эту идею реализовал французский фантаст

Франсис Карсак в знаменитом романе «Бегство Земли» (1960). Впрочем, с астрономической точки зрения, проиллюстрированной юмористическим рассказом Сергея Лукьяненко «От Голубя к Геркулесу», наша планета вместе со всей Солнечной системой уже совершает свое путешествие…

Чаще всего идею «звездных ковчегов» фантасты использовали в качестве площадки для художественного эксперимента: а вот как поведет себя человек в замкнутом пространстве, оторванный от привычных социальных и культурных корней?

Сегодня подобные исследования проводятся не на страницах романов, а на практике. В числе наиболее известных — проект «Биосфера-2». Он заключался в создании в аризонской пустыне искусственной биосферы, разделенной на несколько зон, и был призван определить принципы развития ограниченных экосистем и возможности существования в них человека. За время реализации эксперимента восемь человек провели в «Биосфере» около двух лет, что дало интересные результаты не только с точки зрения выживания человека, но и с точки зрения изучения социальной динамики малых групп.

Менее известен проект БИОС красноярского Института биофизики, направленный на разработку замкнутых экосистем, способных обеспечивать жизнедеятельность человека в условиях космоса. В БИОС-3 максимальная продолжительность эксперимента с участием людей составила порядка полугода. В настоящий момент исследования проводятся совместно с Европейским космическим агентством.

Вернемся, однако, к фантастике. На сегодняшний день сюжеты о «звездных ковчегах», практически исчезли из литературы. Думается, снижение интереса к некогда популярной теме во многом связано с угасанием интереса к космическим полетам и космической тематике в целом — и в нашей реальности, и в НФ. Космос, звездные системы и планеты описываются авторами как уже освоенные пространства.

Межзвездные просторы стали привычным фоном для историй, персонажи которых с легкостью преодолевают астрономические расстояния, перемещаясь от планеты к планете разнообразными, но одинаково квазинаучными способами. А вот покорение и освоение космического пространства оказалось делом прошлого для НФ и заботой нашего возможного будущего.

Впрочем, как говорил Иосиф Шкловский: «Закономерно начатый на определенном этапе развития цивилизации логически неизбежный процесс освоения Космоса должен стать неодолимым, подобно освоению новых земель и Мирового океана

в эпоху великих географических открытий». А значит, «звездные ковчеги» однажды вполне могут перейти из области фантастического в сферу действительности.

РЕЦЕНЗИИ

Александр ГРОМОВ
РУССКИЙ АРКАН
Москва: ЭКСМО, 2007. — 480 с.
(Серия «Русская фантастика»).
10 000 экз.

Первая часть дилогии, «Исландская карта», как самостоятельный роман успела завоевать и читательское признание, и целый букет литературных премий. Поэтому продолжение ожидалось с нетерпением — но и с опасениями, что текст будет поражен распространенной «болезнью сиквела», когда автор начинает вымучивать дальнейшие приключения героев в прежнем мире и при этом наспех связывать одни сюжетные нити, безбожно разрывая другие. «Русский аркан» (нетрудно заметить, что аббревиатура названий книг дилогии складывается в слово ИКРА) оказался не похож на первую часть. В многожанровости текста происходят подвижки, авантюрная линия смещается на второй план, уступая место линии любовной.

Нет, приключений хватает, и роман читается на одном дыхании. Однако создается ощущение, что цель автора во второй части — не герои, а мир. Мир, в котором отсутствует Америка, прописан с особой тщательностью; особенно «досталось» России (великая княжна Екатерина Константиновна предпринимает путешествие через всю страну) и Японии (куда прибывает русская миссия). Громов с привычной основательностью создает политико-экономическую картину происходящего на альтернативно-географической Земле.

Другим выделяющимся тоном в полифоническом жанровом звучании книги стала детективная линия, построенная по всем классическим канонам: чтобы вычислить преступника, требуется логика, а не мышцы. Кто окажется предателем на «Победославе», кто его хозяева в России, какая страна организовала цепь убийств английских дипломатов в Японии, проницательный читатель может попробовать догадаться сам, но графу Лопухину это наверняка удастся раньше. Добавим также, что любителям фантастики придется мобилизовать всю свою начитанность, чтобы оценить появление в книге отдельных эпизодов и персонажей.

Максим Митрофанов

Сергей ЛУКЬЯНЕНКО
ЧИСТОВИК

Москва: АСТ, 2007. — 352 с.
70 000 экз.

Как известно, излюбленный литературный формат Сергея Лукьяненко — дилогия. Но если раньше второй том дилогии Лукьяненко непременно содержал в себе какой-то сюжетный переворот, заставляющий заново оценить события, описанные в первом томе, то в последние годы сиквелы от Лукьяненко — это чисто линейное развитие прежней интриги. Просто всего становится больше: миров, персонажей, магических навыков… Таков и роман «Чистовик», продолжение «Черновика». Его главный герой Кирилл, «стертый» когда-то из обычной жизни и ставший таможенником, чья функция — открывать и контролировать проходы между параллельными реальностями, продолжает свою схватку с жителями «главного» мира Аркан и их приспешниками на нашей Земле. Раньше Кириллу казалось, будто от арканцев и исходит все зло: они вроде как экспериментируют над иными реальностями, чтобы в своем-то мире всё устроить наилучшим образом. Теперь, однако, экс-таможенник подозревает, что и сами арканцы — только пешки в чьей-то игре. После утомительных блужданий по мирам Кирилл все-таки выясняет, что к чему, и оказывается перед типичным для героя Сергея Лукьяненко выбором: принять почти безграничную власть или отказаться от нее…

Слово «утомительный», кстати, автор рецензии употребил неспроста. Большего любителя комфортной и спокойной жизни, чем этот Кирилл, трудно себе представить. Посидеть на удобном диване, съесть и выпить что-нибудь вкусное, предаться мечтаниям о красивых девушках — вот к чему на самом деле стремится герой, а вовсе не к возвышению над себе подобными. Конечно, можно и усомниться в способности такого героя совершать героические поступки, а с другой стороны, очевидно, что отождествить себя с Кириллом большинству читателей «Чистовика» будет несложно. А это решающий фактор для успеха книги. К тому же новый роман Лукьяненко сделан очень изобретательно и более чем способен скрасить читательский досуг.

Александр Ройфе

Рэй БРЭДБЕРИ
ЛЕТО, ПРОЩАЙ
Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2007. — 192 с.
Пер. с англ. Е. Петровой.
(Серия «Интеллектуальный бестселлер»).
5000 экз.

Судя по аннотации, «Лето, прощай» — вторая часть знаменитого «Вина из одуванчиков», книги о детстве в маленьком американском городке Гринтаун, штат Иллинойс. Эта книга о приключениях — когда грустных, а когда веселых, когда страшных, а когда мистических — подростка Дугласа Сполдинга и его младшего брата Джона. Она сделала для взаимопонимания двух народов больше, чем все официальные речи политиков, вместе взятые.

Добавим блестящий перевод Э. Кобалевской, сумевшей уловить и ритм, и интонацию, и тоску автора по утраченному времени.

Сразу предупреждаю: поклонники «Вина из одуванчиков» будут горько разочарованы. И хотя сам автор утверждает, что «Лето, прощай» есть не вошедший в первоначальный вариант фрагмент романа, в это верится с трудом. Знаменитые поэтические метафоры писателя куда-то делись, образы громоздятся друг на друга. «Из квашни вылезала опара, будто внушительная голова инопланетянина, объевшегося на урожае прошлых лет. Приподняв шапочку-холстинку, бабушка потрогала эту гору. Такой была земля в то утро, когда на нее сошел Адам. То утро сменило собой ночь, когда Ева соединилась с незнакомцем на ложе в райских кущах»…

Что до сюжета, то Брэдбери вновь эксплуатирует свою любимую тему взаимоотношений детей и стариков. Дуг поднимает сверстников на войну против мистера Квотермейна, попечителя школьного совета. И каждый раз мудрый дедушка разрешает очередной конфликт. Под конец следует примирение поколений, а в завершение — пошлейшая сцена, когда старый Квотермейн метафорически передает Дугу свою сексуальную силу…

Добавим к этому неудачный перевод Е. Петровой, которая никак не может определиться, остановиться ли на «как бы» молодежном жаргоне или на романтически-возвышенном стиле.

В общем, лучше перечитать «Вино из одуванчиков». Желательно в старом переводе.

Мария Галина

Урсула ЛЕ ГУИН
ПРОКЛЯТЫЙ ДАР
Москва: ЭКСМО, 2007. — 314 с.
Пер. с англ. И. Тогоевой.
(Серия «Звезды фантастики»).
5100 экз.

Новый роман известной писательницы не стал вехой в ее

творчестве, однако, к немалому облегчению поклонников, подтвердил, что ее дар не изменил автору. Чего не скажешь о главном герое книги.

А ведь Дар для жителей Верхних Земель, горцев, это их естество. Свидетельство принадлежности к роду. Способ защиты от враждебного окружения. Основа иерархии в общине. Весь миропорядок.

У каждого клана дар свой, особый. Одни умеют творить смертельные чудеса с холодным оружием, поражая врагов на расстоянии: главное — увидеть противника. Другие могут наслать мгновенную хворь, скрутив супостата почище жесточайшего приступа ревматизма. Третьи способны взглядом поджечь любое строение — естественно, вместе с недругами… Почти каждое из наследственных дарований смертоносно, но это и понятно, поскольку лишь страх позволяет поддерживать на этой скудной земле подобие мира, который, впрочем, постоянно грозит рухнуть.

Как водится, самый малочисленный клан обладает и самым опасным оружием. Род Каспро способен «нарушать все связи» в живом организме или предмете материального мира — достаточно лишь взгляда, движения руки и то ли заклинания, то ли просто непроизвольного выдоха. Глава рода наделен этим убийственным даром в полной мере. И только его сила — поскольку сподвижникам досталась лишь малая толика природного таланта — позволяет держать завистливых соседей на расстоянии.

Но какое будущее ждет род Каспро, если подрастающий наследник не в состоянии совладать со своим смертельным талантом? Если не сам он владеет даром, а дар — им?

Автор все дальше уходит от своих мифопоэтических корней. В каждой новой книге все больше внимания уделяется психологии персонажей и, говоря словами одного из героев, «непостижимо сложному миру». Быть может, сама писательница знает ответы на вопросы, которые задает этому миру, однако не устает ему удивляться.

Вероника Ремизова

Инна ЖИВЕТЬЕВА
ОРЛИНАЯ ГОРА
Москва: АСТ — Хранитель, 2007. — 320 с.
(Серия «Заклятые миры»).
4000 экз.

Место действия романа Инны Живетьевой — условная Европа-2, декорированная славянскими прививками. Война в

фэнтезийном королевстве, находящемся на пороге Нового времени, проверяет на прочность молодых отпрысков нескольких аристократических семейств. Автор книги демонстрирует максимум твердости в этических вопросах, не признавая никаких оправданий нарушению верности и утрате чести. Для современной фантастики и тем более фэнтези это редкий случай. Живетьева как будто говорит читателям: «Вас попросят увидеть, как сложно то и сё. Вас попросят «войти в положение». Вас попросят проявить понимание… Но вам следует кое в чем быть стойкими до конца, не поддаваясь давлению любого рода». Персонажи «Орлиной горы» платят очень высокую цену за свою несгибаемость. Им приходится вынести многое — вплоть до пыток, позора и гибели. Но когда один из них не выдерживает и становится предателем, ему приходится заплатить гораздо больше.

Достоинством романа является и умелая работа автора с сюжетом. Живетьева пишет динамично, умеет эмоционально завлечь читателя, заставить его сопереживать героям и максимально долго оттягивает развязку, на которую настроила публику еще в середине книги.

Слабых сторон у «Орлиной горы», как минимум, две. Во-первых, стилистическая грязь и скудость лексики. Во-вторых… о-о, тут нечто особенное. Крапивина и Лукьяненко порой обвиняют в том, что мальчики и девочки в их книгах слишком напоминают взрослых людей. В данном случае прямо противоположное впечатление: пятнадцатилетние юноши в романе кажутся заметно моложе своих лет…

Но в целом минусы романа Инны Живетьевой компенсируются плюсами. В книге начинающего писателя-фантаста четко выражен авторский стиль и не видно ориентации на какие-либо авторитетные в фэндоме книги. Со временем из этой самостоятельности может вырасти нечто серьезное.

Дмитрий Володихин

Дуглас ПРЕСТОН, Линкольн ЧАЙЛД
ГРАНИЦА ЛЬДОВ
Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2007. — 512 с.
Пер. с англ. Ж. Катковник.
(Серия «Книга-загадка, книга-бестселлер»).
10 100 экз.

Не слишком понятное название романа обозначает всего лишь черту, «где замерзающие воды вокруг Антарктиды встречаются с теплыми северными водами Атлантики и Тихого океана… Там непроглядные туманы и, конечно, очень опасные

льды».

Впрочем, за границей льдов сюжет будет разворачиваться лишь в самых последних, наиболее динамичных главах книги. Большая часть романа связана с островком Десоласьон, якобы находящимся недалеко от Огненной Земли. Именно здесь профессиональный охотник за метеоритами Нестор Масангкей обнаружил самый большой метеорит в мире, весящий около 10 000 тонн. А миллиардер из США Палмер Ллойд возжаждал этот небесный камень заполучить. Ради этого он нанял специалистов из лучшей в мире фирмы по перевозкам «Эффективные инженерные решения», что в итоге привело к самым печальным последствиям и человеческим жертвам.

«Граница льдов» относится к неожиданно возродившейся в последнее время и набирающей новые обороты географической фантастике ближнего прицела. Для подобной литературы характерны очень слабый НФ-посыл (в данном случае — метеорит, прилетевший из иной звездной системы), запутанная приключенческая интрига и пристальное внимание к разнообразным техническим деталям.

Удивительный факт — при всей ходульности персонажей и вторичности сюжетных ходов роман не навевает пронзительной скуки. Более того, последние главы заставляют с напряжением следить за злоключениями героев, все же угодивших за эту самую границу льдов. Впечатление от книги портит лишь открытый финал. Там, где прежние мастера НФ только-только начинали бы рассказ, объяснив читателям, что перед ними, мягко говоря, не совсем метеорит, а нечто, несущее угрозу жизни на Земле, Престон и Чайлд почему-то ставят точку.

Глеб Елисеев

Иэн М. БЭНКС
ИНВЕРСИИ
Москва — СПб.: ЭКСМО — Домино, 2007. — 432 с.
Пер. с англ. Г. Крылова.
(Серия «Матрица. Киберреальность»).
4100 экз.

Иэн Бэнкс одинаково успешно работает на двух фронтах: как автор мейнстрима и как писатель-фантаст. Во втором случае он добавляет инициал к своему имени, дабы не вводить читателей в заблуждение.

«Инверсии» — пятый роман популярного среди интеллектуалов цикла о сверхцивилизации Культура.

Культура успешно разрешила большинство проблем, стоящих перед человечеством, и обрела взамен новые. В частности

взаимодействие с менее цивилизованными и культурными мирами. Чаще всего это тайное прогрессорство, но иногда приходится браться за оружие.

Практические сложности и этические вопросы прогрессорской деятельности читателю, разумеется, в новинку не будут. Впрочем, Бэнкса больше интересуют личные истории его героев.

В «Инверсиях» сконцентрировались все основные признаки прозы Бэнкса, в равной степени характерные как для его НФ-книг, так и для произведений общего литературного потока: семейные узы, связывающие персонажей подчас странным образом (на этот раз, правда, все остается в рамках приличий), хитросплетение историй и приберегаемая для ударного финала тайна. Увы, тайна эта очень сильно уступает по силе воздействия и форме подачи завершающему кунштюку в романе «Выбор оружия» из того же цикла.

Самобытность Бэнкса лучше выражена в других книгах, относящихся прежде всего к мейнстриму Собственно с Культурой читателю в этом романе также познакомиться близко не удастся — действие книги развивается на обособленной планете, а рассказчик относится к ее коренному населению, не имеющему никакого представления о Культуре.

Роман — лишь осколок мира, выведшего его создателя в лидеры интеллектуальной космооперы. Существенный плюс: «Инверсии» вполне можно читать независимо от предыдущих книг цикла. Стоит отметить и достойный перевод. Любителям сложных игр на космических просторах рекомендую.

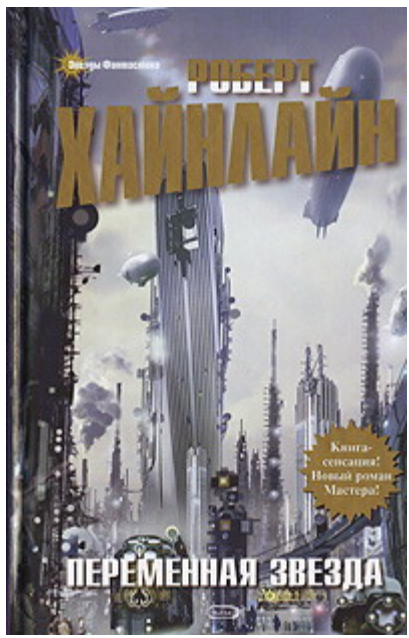
Сергей Шикарев

КРУПНЫЙ ПЛАН

ДЖАЗ В СТИЛЕ КОСМО

Роберт Хайнлайн, Спайдер Робинсон ПЕРЕМЕННАЯ ЗВЕЗДА. ЭКСМО. Серия «Звезды фантастики»

Евгений ХАРИТОНОВ



О скором появлении нового, неизданного романа Хайнлайна слухи стали бродить еще года два-три назад. Правда, ожидалось, что это будет «поздний Хайнлайн» — какой-нибудь из романов, который Грандмастер фантастики не успел завершить перед смертью. И только в 2006 году, когда «Переменная звезда» появилась на английском языке, к вящему удовольствию многих выяснилось, что подняты архивы писателя самого что ни на есть Золотого периода как в творчестве самого автора, так и в истории англо-американской фантастики. Примечательно, что на русском книга появилась в год 100-летнего юбилея фантаста.

Крупные писатели оставляют после себя шлейф неудовлетворенности — у читателей, издателей и, конечно, младшего поколения сочинителей. Слишком рано ушли. Слишком мало книг написали. Слишком много мыслей, идей

недовысказали. Вот и появляются «новые» (дописанные, переписанные, продолженные) романы-повести-рассказы Толкина, Херберта, Уэллса… Даже удивительно, что подобная участь так долго обходила стороной Хайнлайна. Ведь никто не станет спорить, что это Абсолютная Величина в истории американской НФ, как ни относись к тем или иным философским и политическим закидонам автора. Хайнлайн — классик и, как всякий классик, еще при жизни получил право на странности, ошибки и заблуждения. Надо признать, однако, что даже в заблуждениях и творческих неудачах он оставался крупным писателем. И значение, и популярность его с годами не убавились. А длительное отсутствие «нового» Хайнлайна на книжном рынке легко объяснимо, если знать, сколь строгим и ревностным хранителем авторских прав и наследия писателя была его вдова Вирджиния.

Немного удивляет, что за «дописку» Хайнлайна взялся американский канадец Спайдер Робинсон, более известный произведениями юмористической (сериал о космическом салуне Кэллахана) и лирико-философской фантастики. Не особенно он вписывается в образ наследника Адмирала. Тут уже, скорее, более ожидаемой фигурой был бы, например, «дорсаец» Гордон Диксон.

Известно, что эту книгу Хайнлайн даже и не начал. Сохранились лишь какие-то черновые наброски и более или менее подробный план романа, датированные 1955 годом. Это период увлечения писателя литературой для юных читателей. Судя по сюжету и тематике «Переменной звезды» роман должен был войти в известный «подростковый цикл». Досадно, что сам Мастер бросил работу над книгой. Досадно, потому что это должно было стать возвращением фантаста к теме, которую он и ввел в западную НФ — «космические ковчеги».

Зачин романа незамысловат: 17-летний Джоэль Джонстон, осиротевший и изрядно нуждающийся в деньгах парень (при том, что он сын великого ученого, Нобелевского лауреата), выпускник школы и подающий надежды музыкант, вдруг узнает, что его возлюбленная — представительница самого богатого и влиятельного клана во всей Солнечной системе. Более того, глава клана уже одобрил его кандидатуру как потенциального мужа внучки (хорошая наследственность) и определил всю дальнейшую жизнь юноши.

А что же наш герой? Он совершает самый неразумный, с точки зрения обывателя, поступок — стремительно бежит от халявного обеспеченного будущего и записывается на борт отправляющегося в 20-летний (по корабельному времени) звездный полет очередного «ковчега». Вместо богатства и власти

— 20 утомительных лет взаперти и карьера фермера в новой человеческой колонии.

В соответствии с хайнлайновской «концепцией воспитания»: человека, во-первых, нельзя лишать права выбора своего жизненного пути, а во-вторых, блага, свалившиеся с неба, призрачны и лживы. Юноша должен познать трудности жизни и *завоевать* счастье в суровых испытаниях. Проще говоря, стать мужчиной и человеком. Так и происходит в «Переменной звезде»: Джоэль в долгом нелегком пути обретает себя и в качестве бонуса — настоящую Большую Любовь.

Весь прочий сюжет — собственно, полет «ковчега» — выписан в духе «производственного романа». Робинсон ухватил не столько манеру Хайнлайна, сколько стиль ранней НФ. Пожалуй, даже излишне — текст изобилует многостраничными лекциями, например, о принципе релятивизма, устройстве двигателей космического корабля или физике звезд. Собственно, в этом есть какая-то ностальгическая прелесть. Однако Хайнлайн умудрялся познавательную информацию подавать более компактно и ненавязчиво — «начитывая» ее в диалогах. Хайнлайн вообще был мастер диалогов — емких, сочных, динамичных. Для Робинсона диалог представляет определенную трудность. Часто он прибегает к прямому высказыванию, порой изрядно перегруженному.

Надо, однако, отдать «соавтору» должное. Он честно пытался «попасть» в стиль Хайнлайна. Правда, получилось совмещение двух хайнлайнов: «компактного», «упругого» — раннего; многословного, «расплывшегося» — позднего. Причем в ритм Хайнлайна 1950-х Робинсон вошел ближе к концу книги. И так хорошо у него это получилось, что, кажется, он сам испугался и спешно скомкал концовку.

Внимательно читая книгу, легко заметить: Робинсон то и дело «сопротивляется» Хайнлайну. Практически во всем — ив стиле, и во взглядах на социальную функцию человека, и даже в пристрастиях. Как известно, едва ли не в каждом романе Хайнлайн популяризировал нудизм (напомним, что в молодости писатель был организатором первого в Штатах нудистского пляжа). Ну а Робинсон — страстный фанат и знаток джаза. Джаз «звучит» на всем протяжении книги, перманентно «соавтор» превращает роман в популярную энциклопедию джаза XX века.

Действие книги отнесено в XXII век. И вот тут Робинсон не по-хайнлайновски скуп в презентации грядущего мира. Мы ничего не узнаем о его социальном устройстве. Лишь походя проскальзывает информация, что с войнами покончено, была какая-то невнятная эпоха теократии (реверанс в сторону

«основного» автора?) да, пожалуй, и все. Зато бесконечное число отсылок к веку двадцатому — словно бы ничего примечательного за последующие полтора столетия и не произошло. О неизбежных следах политкорректности, доходящей до абсурда, пожалуй, и не стоит говорить. Ну и, конечно, нашлось место традиционной американской параноидальности — стремлению обязательно найти внешнего врага… Впрочем, не станем раскрывать все карты.

«Переменная звезда» оставляет противоречивые ощущения. Вроде Хайнлайн, но и не он. Но книга тем не менее понравится многим. Главное, помнить: это не новый роман Р. Э. Хайнлайна, а новый роман Спайдера Робинсона, написанный по сюжету Р. Э. Хайнлайна.

К звездам лететь вы, вероятно, передумаете, но джаз полюбите наверняка. Так почему бы не прочитать?

СТАТИСТИКА

ОДИНОКАЯ ПЛАНЕТА ЖЕЛАЕТ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

Игорь ПРОНИН

Московский писатель Игорь Пронин предложил читателям задуматься над вопросом, который, без преувеличения, хотя бы раз в жизни задавал себе каждый поклонник фантастики, а именно: почему мы до сих пор не встретились с инопланетянами?

Ответы распределились следующим образом:

А никакого иного разума нет, мы уникально одиноки — 8 %;
Разминулись на бескрайних просторах пространства и времени — 29 %;
Не заметили друг друга, слишком разные — 11 %;
От нас прячутся, мы жадные и агрессивные — 7 %;
Нас нашли, но не сочли разумными — 17 %;
Встреча уже состоялась, но мы этого не поняли — 28 %.
Всего в голосовании приняли участие 620 респондентов.

Несколько десятилетий назад поиск инопланетного разума, что называется, «занимал умы». С тех пор ситуация изменилась радикально, и ничего странного в этом нет — как-то же сумело человечество не бредить встречей с братьями по разуму всю свою историю. Мода пришла, мода ушла, да здравствует мода. Можно спорить о том, жива ли еще научная фантастика как таковая (космооперы и прочие звездороманы, понятно, не в счет), но романтика Великого Контакта отзвенела навсегда. Нет больше той свежести, нет миллионов юных читателей, задравших головы в небо и решивших отчего-то, что именно на них вот-вот свалятся пришельцы. Ну, или им самим, когда подрастут, удастся свалиться на пришельцев и рисовать там пифагоровы штаны, схемы Солнечной системы и химические формулы…

Читатели состарились, не дождавшись даже элементарного нашествия марсиан. Сказки о летающих блюдцах приелись однообразием, сговор мировых правительств, скрывающих трупы инопланетян, по-прежнему выглядит нерушимым. Что в подсохшем остатке? Полоумные упрямцы из серии «Ай вонт ту белив», методично, но безнадежно прощупывающие небо астрономы и веселые журналисты, время от времени подкидывающие скучающему пиплу «марсианских сфинксов».

Даже палеоконтакт, такой убедительный, настойчивый, постепенно вытесняется криптоархеологией, которая кроме как «нэ так все было!» вообще не знает, что сказать. Да нужны ли нам, в конце концов, эти инопланетяне?

Я думаю, да. Очень нужны. Без них Вселенная пуста. Мы перестали ждать и именно поэтому спокойно относимся к замедлению космической экспансии. Ну доберутся американцы до Марса — и что? Ученым будет интересно, безусловно. А тем, которые «простые люди»? О, они посмотрят пару репортажей, а потом перестанут отвлекаться от любимого сериала. Потому что ничего там нет. Нет марсиан, нет каналов, нет «сфинкса», нет никаких следов разумных существ.

Почему я так уверен? Потому что боюсь сглазить — вдруг все-таки есть? Вдруг есть хоть что-то? И все изменится. Откуда ни возьмись появятся миллионы энтузиастов, лицом к космосу повернется экономика, заработает военная машина — надо спешить на встречу! Они — есть! Дружить или воевать, но на их территории. Нам очень нужны инопланетяне… Ведь если этот мир принадлежит только нам, то завоевывать его ни к чему а изучать… некуда спешить.

Вот таким образом я вроде бы провел свою тонкую мысль от того, что инопланетяне никому не интересны, к тому, что они всем нужны. Где тонко, там и рвется, ничего не поделаешь. Жребий брошен, вопрос задан: «Почему мы до сих пор не встретились с инопланетным разумом?» Сразу хочу ответить на возможную критику: меня интересовал именно инопланетный разум, потому что разум иных измерений ничем принципиально от инопланетного не отличается, но все запутывает. А тот разум, который мы якобы еще можем отыскать на Земле, проходит несколько по другой категории — здесь придется разбираться, что есть разум, и объяснять поклонникам пчел, кошек и дельфинов, что под разумом я имею в виду нечто человекоподобное, словом, то, что постижимо хоть отчасти именно с помощью нашего головного инструмента. Все остальное… Я готов поверить, что разумна наша планета, но поскольку не понимаю ее логики, какой толк в моей вере? Нет, нам нужны *внятные* братья по разуму. И еще — вопрос предполагает, что мы не встретились. Опять же, извините, с теми, кто уже встретился, разговор нужен приватный и в другом месте.

Хватит о вопросе, пора об ответах. С крохотным отрывом лидером стал ответ: мы просто разминулись в континууме. Трудно ждать другого от читателей «Если» — они ведь тоже знают, что инопланетяне нам нужны, и потому верят. Надеются. Но практически не ждут — разминулись мы не только в

пространстве, но и во времени, вероятность встречи крайне низка.

Оптимисты эти 29 % или пессимисты? Трудно сказать. Но вторая по величине группа ответивших, 28 %, то есть практически столько же, склонна считать, что встреча уже состоялась, но мы этого не поняли.

Вот тут вопрос: мы имеем дело с двумя основными партиями или эти люди, скорее, солидарны, но по-разному прочли предложенные варианты? На первый взгляд, ответы противоположны — «разминулись» и «уже встретились». Но, с другой стороны, встреча состоялась таким образом, что ее как будто бы и не было. Ведь земляне этого не поняли. Палеоконтакт или несколько более поздний эпизод — все равно; раз земляне об этом не знают, значит, мы по-прежнему в состоянии «разминулись». Вот только шансы разминуться после «невстречи» неизмеримо возрастают — уж очень велики наши пространство и время. Если я рассуждаю верно, то проценты стоит сложить: 57 % ответивших — пессимистичные оптимисты. «Контрольный пакет» утех, кто надеется, но не ждет, ибо жизнь коротка, а космос огромен. Но я могу рассуждать и по-другому, профессия этому учит. А может быть, я просто не слишком удачно составил варианты ответов… Ответ: «Встреча уже состоялась, но мы этого не поняли», вообще-то говоря, не означает, что встреча, однажды состоявшись, тут же и закончилась. Можно предположить, что значительная часть ответивших имела в виду будто «блюдца» по-прежнему летают, бесчеловечные опыты над человеками в них проводятся регулярно, а прогрессоры говорят с избранными из электрических розеток. Мы не поняли, что встреча состоялась, но однажды поймем — по всей видимости, когда будет уже поздно что-то менять. В таком случае мы имеем дело с неисправимыми оптимистами, и пепел Фокса Малдера выбивает на их сердцах сириусянский боевой марш. Однако я думаю, что их не так много — все же сама постановка вопроса предполагала: исследователи НЛО его проигнорируют. Другое дело, что никогда не знаешь, как они себя поведут.

Третий по популярности вариант ответа: «Нас нашли, но не сочли разумными». Вот это для меня неожиданность. Я предполагал, что найдутся приверженцы этой точки зрения, но чтобы так много… А почему, собственно, нас можно не счесть разумными? Только потому что мы гробим экологию планеты? Убиваем сородичей поодиночке и миллионами? Надеемся на успешное выступление сборной России по футболу? Мне кажется, это какие-то несолидные причины. Глупость — как раз признак разума. Кактус глупым быть не может. В чем тогда дело?

Возможно, инопланетяне не считают разумными тех, кто употребляет в пищу мясо, или тех, кто не рожает в воде? Ну тогда они определенно разумны, ибо признак разума в виде глупости у них имеется. Некоторой проблемой является тот факт, что инопланетяне в таком случае даже глупее людей — однако почему бы и нет? С таким допущением я готов согласиться, в принципе, вот только никаких доказательств не вижу.

Напоследок предположу, что сюда же попали голоса тех, кто задумался о разуме «ином совершенно». Но, как говорилось выше, о таком разуме и рассуждать незачем, логика должна быть хоть немного близка — иначе какие ж мы «братья»?

А придется вернуться к той же теме — ведь был вариант ответа: «Не заметили друг друга, слишком разные». Снова покаюсь: и сюда могли поместить свои голоса приверженцы «совершенно иного» разума, даже с большей вероятностью. Ну, что поделаешь…

Я, конечно, имел в виду все же относительную «разность». Допустим, инопланетная цивилизация совершенно не интересуется радиоволнами, не подозревает об их существовании, так же, как земляне — о майшоволнах. Там, где у нас эфир трещит от сигналов, у них только белый шум, и наоборот. Так или иначе, 11 % проголосовавших склонились к этому варианту. Отнесу их к откровенным пессимистам — ведь, по их мнению, шансы на встречу настолько мизерны, что рассмотрению не подлежат. Правда, инопланетяне могут — да и должны — быть различных типов. Я так думаю. Но ответившие, скорее, имели в виду именно «врожденные и неисправимые» отличия всех иных цивилизаций. Мне эта логика, повторюсь, не близка, а выбравшие такой ответ — пессимисты.

«А никакого иного разума нет мы уникально одиноки», — заявили 8 %. Что ж, статистика официально зафиксированных контактов с инопланетянами, безусловно, на их стороне. Единственный союзник — зато какой сильный! Здесь речь даже не о пессимизме — об усталости. Сколько можно «тереть» об ином разуме, которого все нет и нет?! Поговорим о чем-нибудь другом, об одиночестве среди звезд, например… Мнится мне, что задай я этот вопрос лет через двадцать-тридцать, процент «уникалистов» был бы значительно выше… Хотите знать, что я думаю об инопланетянах? Покажите сперва хоть одного. Вот и все.

И, наконец, последний по популярности ответ: «От нас прячутся, мы жадные и агрессивные» — 7 %. Многовато. Я вот слабо представляю себе перепуганных инопланетян, соблюдающих у себя режим затемнения в страхе перед суматошной расой, впервые закинувшей хоть что-то на орбиту

всего пятьдесят лет назад. Да, жадные. Да, агрессивные. Но такие еще жалкие, слабенькие… Самое время давить, а не прятаться! Впрочем, у пришельцев издалека могут быть какие-то свои резоны, и семь процентов ответивших эти резоны понимают.

Ну что ж, главный итог — превалирование «пессимистичных оптимистов». Все еще может быть, все еще когда-нибудь будет! В крайнем случае — было… Жаль только, жить в это время прекрасное (вариант — ужасное) нам придется с невеликой долей вероятности. Хотя она все-таки есть. И даже несколько большая, чем вероятность повстречать живого эльфа, оставаясь трезвым. Главное — почаще смотреть на звезды и не переставать ждать. Примерно то же советовал Карлсон.

ВЕХИ

ОСЕНЬ ПАТРИАРХА

Вл. ГАКОВ

Артуру Кларку — 90. Если задуматься — фантастика… Видимо, и правда целителен климат на далеком тропическом острове, где писатель живет уже более полувека, раз он смог пережить всех патриархов той самой ScienceFiction, которая и сама необратимо уходит в легенду. Среди ныне здравствующих фантастов есть и постарше Кларка, но из живых классиков жанра, тех, кто этот жанр создавал и вел к славе, почтенный островитянин, вне всякого сомнения, — старейшина по праву. Неслучайно единственная в западной фантастике литературная премия «имени» живого и ныне здравствующего писателя — его, сэра Артура.

Писать о классиках и легко, и трудно. Казалось бы, все уже общеизвестно, писано-переписано тысячу раз — что тут добавишь нового? А с другой стороны, и сделано классиками обычно столько, что напомнить об этом еще раз не грех. Шесть десятков лет творчества, шесть с лишним десятков книг — таков вклад в литературу Артура Чарлза Кларка.

Он родился 16 декабря 1917 года в городе Майнхэде, расположенном на юге Англии — в графстве Сомерсет. Спустя два года его отец приобрел ферму за городом, но вскоре умер, и матери пришлось вести хозяйство в одиночку.

С самого детства будущим писателем владели две страсти, не оставлявшие его всю жизнь, — море и звезды. Не заболеть морской романтикой, живя на приморском курорте, в городе рыбаков и портовиков, согласитесь, трудно. А к тайнам звездного неба пытливый подросток приобщился, штудируя в городской библиотеке астрономические атласы и появившиеся в конце 1920-х первые НФ-журналы. Писатель и сегодня чрезвычайно горд картой Луны, составленной им в 11-летнем возрасте с помощью детского телескопа.

Сыграла свою роль и близость достопримечательности общенационального масштаба — камней-мегалитов Стоунхенджа. Каково назначение этого гигантского сооружения, возведенного пять тысячелетий назад, никому по сей день доподлинно неизвестно, но, согласно одной из популярных версий, это не что иное, как развалины древней обсерватории.

После окончания школы, не имея средств на учебу в колледже, юноша отправился в поисках работы в Лондон. Там он нашел ее довольно быстро — стал ревизором в казначействе, а

свободное время по-прежнему посвящал космосу. Но уже на другом уровне: Кларк вступил в только что созданную фанатами космических путешествий организацию — Британское межпланетное общество, а позже стал его президентом. Но произошло это уже после войны, которую лейтенант Королевских ВВС Артур Кларк провел на сверхсекретном оборонном объекте — первой в мире экспериментальной радарной станции.

Демобилизовавшись, Артур Кларк как участник войны получил от правительства пособие на продолжение учебы в престижном лондонском Кингс-колледже. Его он закончил с отличием, получив два диплома — физика и математика.

На те же годы приходятся и первые публикации Кларка в жанровых журналах. Сначала это были, как водится, фэнзины, но в 1946 году сразу два рассказа — «Амбразура» и «Спасательный отряд» — вышли в профессиональном журнале, в «Astounding Science Fiction», который редактировал уже тогда легендарный Джон Кэмпбелл. Впрочем, в те годы начинающий писатель считал приходившие из-за океана чеки «случайными радостями вроде джема» (его собственные слова), а на «хлеб и масло» зарабатывал в редакции сугубо научного издания «Physics Abstracts», издаваемого Лондонским институтом электроинженерии (IEE). Там Кларк имел доступ ко всей мировой научной периодике — неслучайно читатели жанровых журналов отмечали потрясающую специальную подготовку новой звезды, взошедшей на небосклоне их любимой литературы.

Уже в начале 1950-х Кларк смог оставить работу в журнале и полностью сосредоточиться на главном деле жизни, одинаково преуспевая в обеих своих писательских ипостасях. Его фантастика на долгие десятилетия превратилась в эталон научной достоверности и основательности, а научно-популярные книги Артура Кларка всегда содержали выводы и предположения «на грани фантастики», бесившие специалистов, но зато гарантировавшие его произведениям в жанре non-fiction широчайшую аудиторию и статус бестселлеров.

В 1953 году Кларк женился на разведенной американке, имевшей сына, однако брак продлился всего полгода, хотя официально супруги развелись лишь спустя десятилетие. С тех пор все расспросы журналистов о его отношении к женщинам писатель обходил гордым молчанием…

В 1954-м один из друзей-фэнов — и по совместительству страстный энтузиаст дайвинга — подбил Кларка на участие в британской научной экспедиции, отправившейся исследовать Большой Барьерный риф у австралийского побережья, известный как лучшее место на планете для погружения.

После этого Кларк посетил бывшую английскую колонию — остров Цейлон (ныне Шри-Ланка), также знаменитый своими коралловыми рифами. Впервые погрузившись на морское дно с аквалангом, Кларк буквально заболел подводным плаванием и подводной фотографией. Спустя два года он окончательно перебрался на тропический остров в Индийском океане, организовав неподалеку от Коломбо собственную школу дайвинга.

На Шри-Ланке Артур Кларк проживает по сей день. Получив второе — ланкийское — гражданство, он все это время не прерывал связей с метрополией. Кларк остался британцем до мозга костей, убежденным, что «пятичасовой чай — столь же незыблемое явление природы, как восход солнца по утрам».

Вот, собственно, и вся биография, занявшая без десяти лет целый век. Потому что, как у всякого большого писателя, главная жизнь Артура Кларка протекала в ином измерении — литературном. И вот эту вторую жизнь — жизнь его книг — в несколько страниц вряд ли уместишь.

Подробно останавливаться на разборе его романов было бы оскорблением для читателей «Если» — сомневаюсь, что кто-то из них не читал книг и рассказов Артура Кларка. Моя задача — лишь напомнить «этапы большого пути». Да и то пунктирно. Дело даже не в количестве им написанного — иные коллеги Кларка вели счет книгам и на сотни, — а в их «научно-фантастическом качестве».

Думаю, не обижу поклонников творчества Кларка, если констатирую, что его ранние вещи были в большей степени «science», нежели «fiction». Иными словами, тогда доминировал Кларк-ученый и популяризатор науки, а Кларк-писатель пребывал в тени. То, что был и второй, читатели смогли убедиться быстро — уже в начале 1950-х появились произведения Кларка, породившие бурю в мире англоязычной НФ. Шок и активную полемику вызвало то обстоятельство, что автор этих произведений, оставаясь убежденным рационалистом и технократом (своим убеждениям писатель не изменил по сей день), смело углубился в область практически нехоженную, тогда еще заповедную terra incognita научной фантастики — религию.

И не столько смело, сколько умно, глубоко, нетривиально. Разрушителей табу и «шокотерапевтов» в этой литературе всегда хватало. Желающих и, главное, умеющих размышлять, доводить любую мысль до логического конца, каким бы дискомфортным он ни оказался, — таких можно пересчитать по пальцам. Ранний Кларк, безусловно, был из их числа.

Говорить о его «религиозности» можно с теми же натяжками, что и в случае Станислава Лема. Размышления обоих фантастов и мыслителей о Творце (или творцах) всего сущего, экскурсы в эсхатологию и телеологию весьма далеки от традиционных религиозных воззрений. Тем более от той «поп-религии», которую подавляющее большинство людей, считающих себя сегодня верующими, искренне полагают самой что ни на есть аутентичной «духовной жизнью». Кларк же в своих знаменитых произведениях пятидесятых — рассказах «Звезда» и «Девять миллиардов имен Бога», в романе «Конец детства» — проявил настоящую интеллектуальную смелость, вторгаясь в сферы, казалось бы, по определению не допускающие какие бы то ни было вольности. Не с целью кого-то оскорбить или шокировать — но заставить задуматься. А из более поздних произведений первым приходит на ум фильм и роман «2001: космическая одиссея», но отом, что в них осталось от Артура Кларка, а что было привнесено режиссером Кубриком, чуть ниже.

Понимая, насколько все эти материи деликатные и взрывоопасные, хочу все же привести две довольно рискованные цитаты из Кларка-публициста, а не научного фантаста.

Итак, высказывание первое: «Хотя иерархия Вселенной все еще не доступна нашему пониманию, одна поистине леденящая правда нам уже открылась: если и существуют боги, главным объектом внимания и забот которых является человек, очевидно, это не самые важные боги в небесном пантеоне». И второе — лаконичное: «Аннексия морали религией — одна из величайших трагедий в истории человечества».

После рассказов пятидесятых и романов «Конец детства» и «Город и звезды» Артур Кларк уверенно занял свое место в Зале Славы современной фантастики (хотя формально был прописан там гораздо позже). Однако до конца 1960-х его имя было известно в основном только поклонникам этой литературы. Кумиром масс-медиа, желанным гостем «глянцевых» журналов и телевизионных ток-шоу, наконец, просто автором категории VIP, чьи гонорары стали измеряться семизначными числами, сделал Кларка один-единственный рассказ — «Страж», впервые опубликованный в 1951 году. Точнее, то, во что он трансформировался спустя почти два десятилетия в результате творческого симбиоза двух самобытных талантов — английского писателя Артура Кларка и американского кинорежиссера Стэнли Кубрика.

Любители фантастики в курсе, что речь в данном случае шла не об экранизации, а наоборот — о новеллизации, «книги по

фильму». Чтобы понять, что именно в знаменитом фильме «2001: космическая одиссея» было от Кубрика, а что от Кларка, достаточно просто перечитать сегодня тот самый рассказ — спокойно и беспристрастно. И нужно быть яростным и безоговорочным фанатом Кларка, чтобы утверждать, что роман «2001: космическая одиссея» дотягивает до своего экранного первоисточника…

Так или иначе, фильм о том, каким виделся 2001 год из далекого для нас 1968-го, сыграл роль мощной ракеты-носителя, которая вывела имя Артура Кларка на орбиту мировой славы. Облетевшие Луну на «Аполлоне-8» американские астронавты, вернувшись на Землю, огорошили мировые СМИ и лично Кларка признанием: более всего они мечтали сообщить землянам об открытии на Луне инопланетного артефакта — черного монолита («такого же, как в вашем фильме»).

С тех пор Артур Кларк не покидал ряды неформального клуба избранных — авторов бестселлеров, о членстве в коем явно или тайно мечтают все пишущие. И хотя созданные им с тех пор многочисленные романы заметно уступали тому же «Концу детства», но здесь действовали законы уже не литературы, а книжного рынка. Теперь читательский интерес подогревали сообщения прессы — о схватках между издателями за обладание правами на еще не написанные, а лишь заявленные продолжения «Космической одиссеи» и другие книги признанного мэтра, о миллионных авансах, выплаченных ему победителями этих аукционов…

Сам Кларк и не скрывал, насколько увлекла его эта игра — «как стать миллионером». А для пиара все средства хороши — приходилось прибегать даже к такой тяжелой артиллерии, как политическая конъюнктура. Читатель со стажем, полагаю, не забыл скандала, случившегося с попыткой опубликовать у нас в 1984 году перевод романа «2010: одиссея-2». Посвящение романа ссыльному Андрею Сахарову и фамилии членов экипажа советского космического корабля «Алексей Леонов», одна к одной совпадающие с фамилиями видных отечественных диссидентов, гарантировали сенсацию, внимание ведущих СМИ и статус бестселлера. Хотя в те годы Кларк мог вполне обойтись без политической шумихи — его романы и так прекрасно продавались.

В связи с преклонным возрастом и ухудшившимся здоровьем мэтр в последние два десятилетия все чаще прибегал к посторонней помощи — подавляющее большинство вышедших за эти годы романов написаны Кларком в соавторстве. «Ракетой-носителем» для соавторов, очевидно, теперь уже служит имя

самого Артура Кларка.

Зато в другой сфере он отлично обходился собственными силами. И уходить на заслуженную пенсию, кажется, не намерен.

Автор шести с лишним десятков научно-фантастических книг многие из которых стали бестселлерами, Кларк, несмотря на почтенный возраст, все последние десятилетия оставался ньюсмейкером номер один в мире и «по другому делу» — по части научных прогнозов.

Хотя и пророку, напрогнозировавшему за прошедший век более кого бы то ни было, случалось мазать мимо цели. А после отдельных точных попаданий в яблочко с годами испытывать еще большую досаду. Никакого парадокса тут нет: отдельные предвидения сэра Артура, в отличие от книг принесших ему миллионы, могли бы сделать его миллиардером — догадайся он вовремя облечь их в форму патентной заявки.

Являясь бесспорным авторитетом в футурологии, Кларк в то же время энергично борется с многочисленными шарлатанами и лжепророками, превратившими сей промысел в беспроигрышный бизнес. Во всяком случае, его собственные предвидения и прогнозы, в изобилии рассыпанные по страницам НФ и футурологических книг Кларка — «Черты будущего» (1962), «1984: весна, выбор будущего» (1984), «20 июля 2019 года. Жизнь в 21 веке» (1986) и другие, — выполнены на высоком научном уровне.

Если, конечно, считать, что футурология — это наука, а не искусство гадания на кофейной гуще. Кларк относится к прогнозам, как к науке, формулируя основной закон ее (названный его именем) так: «Когда заслуженный, но старый ученый заявляет, что нечто возможно, он почти наверняка прав. Когда он утверждает, что нечто невозможно, то почти наверняка ошибается». Часто цитируют и другой Закон Кларка: «Всякая высокоразвитая наука неотличима от магии» — разумеется, для представителя «низкоразвитой» цивилизации.

Сам он предпочитает «стрелять» по мишеням, в основном, научным и технологическим. Пытаться угадать социальные и политические изменения — все равно что палить вокруг себя с завязанными глазами: если попадешь, то лишь благодаря редкому везению. Другое дело, что многие из его предвидений в сфере технологической — те, что сбылись — разительно изменили и само общество, в котором мы живем.

Самый яркий пример — геостационарные спутники связи. Обстоятельная статья Артура Кларка «Внеземная трансляция: смогут ли орбитальные космические станции обеспечить

глобальную радиосвязь?» была опубликована в середине сороковых годов в фэнзинах, а затем вышла в октябрьском номере за 1945 год серьезного научного журнала «Wireless World». Иначе говоря, за 12 лет до запуска первого искусственного спутника Земли.

Надо сказать, в этом вопросе Кларк не был пионером. В конце позапрошлого века та же идея занимала мысли Циолковского, а в 1920-х годах — немецких пионеров космонавтики Германа Оберта и Германа Поточника. Однако англичанин пошел дальше. Он рассчитал характеристики орбиты, на которой три спутника-ретранслятора «зависнут» над планетой так, чтобы зона устойчивой радиосвязи покрывала всю Землю, прикинул возможные частоты и мощности передатчиков, а также предложил использовать для постоянной подпитки спутников солнечные батареи. И даже предвидел проблему «сезонных» сбоев связи, вызванных солнечными затмениями во время весеннего и осеннего равноденствий.

Значительно позже поклонники творчества Кларка (по стечению обстоятельств ими оказались сотрудники британского патентного бюро) преподнесли своему кумиру сюрприз. Профессионально изучив его статью, они пришли к заключению, что при минимальной редактуре работа вполне тянула бы на патентную заявку. Если и не в 1945-м, когда сама идея спутников попахивала научной ересью, то полтора десятилетия спустя — точно. Это не пустые слова. Когда в 1963 году специалисты НАСА приступили к практической реализации идеи геостационарных спутников связи (первым на орбите заработал «Syncom 3», запущенный 19 августа 1964 года), за основу была взята та самая статья Кларка двадцатилетней давности.

Автор идеи неоднократно признавался: его греет мысль, что вычисленные им орбиты сегодня называются «орбитами Кларка». И одновременно зло берет, что не догадался своевременно запатентовать золотую идею!

И конечно, престарелому пророку было приятно узнать, что в 2003 году несколько американских компаний вновь вернулись к другой распропагандированной им идее — «космического лифта» на геостационарный спутник. Впервые ее высказал наш соотечественник Юрий Арцутанов, а развил и блестяще «раскрутил» Кларк — в романе «Фонтаны Рая» (1979). Писатель впоследствии не раз повторял: «Подобный лифт построят через пятьдесят лет после того, как все перестанут смеяться над этой идеей».

Между прочим, и в ранних произведениях Кларка полно чрезвычайно смелых технических предвидений, многие из

которых сбылись — или имеют все шансы осуществиться в ближайшем будущем. Взять тот же роман «Конец детства» — казалось бы, отнюдь не футурологический, скорее религиозно-философский. Процесс эмбрионального определения пола будущего ребенка (поразительно напоминающий сегодняшний тест на ДНК), противозачаточные пилюли, передача документов по телефонным линиям с помощью прибора, для которого автор угадал даже название — «факсимильный аппарат»!.. Среди каталога технических предвидений как-то затерялась точно пораженная мишень социальная — Кларк предположил, что к началу XXII века социализм как политический строй исчезнет с лица земли.

Хотя другие прогнозы из того же романа по-прежнему далеки от реализации. Это и окончательная победа над раком, гриппом и, смешно сказать, обычным кариесом. И замена умозрительного психоанализа точной наукой — «оперативной психологией», позволяющей лечить душевные недуги с той же эффективностью, с какой сегодняшняя медицина справляется с телесными. И освоение ближайших планет Солнечной системы…

Было очевидно, что наступление Миллениума — реального 2001 года — вызовет в прессе волну ревизий всего, что напрогнозировал Кларк в «2001: космической одиссее». Так и произошло.

Среди самых впечатляющих и хотя бы частично воплощенных прогнозов отмечены следующие: космические «челноки», ионный двигатель, орбитальная станция, видеофоны и портативные компьютеры-блокноты (notepads) с функциями электронной почты. «Челноки» давно превратились в обыденную реальность. Ионный двигатель был испытан НАСА в 1998 году при запуске спутника «Deep Space One». Находится в стадии строительства и большая орбитальная станция — хотя и поскромнее той, что в фильме (если ее перспективы сегодня и представляются туманными, то виной тому проблемы не технические, а финансовые). Видеофоны стали незаменимым средством проведения телеконференций.

А вот что касается электронных блокнотов и e-mail, то тут оракул и угадал, и не угадал. Разглядев в близком будущем появление электронной почты, обычно прозорливый Кларк почему-то не заметил одной мелочи, сделавшей возможной сам обмен посланиями через компьютеры. Глобальной сети интернет.

Другие прогнозы в наши дни выглядят чересчур оптимистично. Ненамного, по сравнению с 1968 годом, приблизилось человечество к постоянно действующей лунной

станции, и даже попытки построить экспериментальную замкнутую биосистему на Земле (проект «Биосфера-2») потерпели неудачу. О полете людей к Юпитеру в обозримом будущем говорить не приходится — до Марса бы добраться. В одном из рассказов 1970 года Кларк планировал высадку на Красную планету в 1994 году, а сегодня считает, что хорошо, если это произойдет в 2010-м.

Да и один из главных героев фильма и книги, «разумный» бортовой компьютер ХАЛ-9000, все еще остается радужной мечтой компьютерных энтузиастов. Или мрачным кошмаром их оппонентов, напоминающих о той роковой роли, которую сыграл взбунтовавшийся искусственный интеллект в судьбе членов экипажа. Правда, в шахматы нынешние «предки» ХАЛа — суперкомпьютеры «Deep Blue» и «Deep Junior» — уже играют на равных с чемпионами мира.

Оценивая прогностическую меткость стрельбы Артура Кларка в целом, можно резюмировать: откровенно провальных, принципиально неосуществимых прогнозов в его обширной коллекции нет. Есть лишь не сбывшиеся — пока.

В преддверии нового тысячелетия и сам Кларк предпринял вторую — после книги «Черты будущего», опубликованной почти 40 лет назад — масштабную попытку вырисовать хронологию достижений наступающего столетия. Предварив ее заверением, что пророком сам себя не считает:

«Несмотря на многочисленные утверждения обратного, никто не в состоянии предсказать будущее. И лично я всегда сопротивлялся любым попыткам наклеить мне ярлычок пророка, предпочитая другой термин — «экстраполятор». Все, что я пытался сделать — по крайней мере в своих научно-популярных книгах, — это представить читателю веер возможных будущих. При этом не забывая добавить, что любое, пусть и самое замечательное предвидение может не пережить и считанных лет и превратиться в абсурд благодаря какому-нибудь абсолютно непредвиденному изобретению или событию… Но даже приняв во внимание все сказанное выше, мою схему предвидений на XXI столетие непременно следует воспринимать с оговорками, подобными тем предупреждениям, что печатают на пачках сигарет. Что-то вроде: «Помните — чтение прогнозов опасно для вашего здоровья!» В любом случае у вас остается возможность проверить, прав я был или нет. Поговорим об этом в декабре 2100 года».

Впрочем, чтобы убедиться в истинности или ошибочности многих из этих прогнозов, необязательно ждать так долго. Уже к

2015 году Кларк «обещал» полный контроль над материей на атомном уровне, к 2020-му — появление искусственного интеллекта, не уступающего человеческому. И еще через пять лет — окончательное воцарение виртуальной реальности, которую, в принципе, будет невозможно отличить от естественной. Так что ждать осталось всего ничего.

Сегодня обладатель двух десятков литературных премий и научных наград, почетный доктор многих университетов Старого и Нового Света, кавалер Ордена Британской империи, в 1998 году возведенный королевой в рыцарство, живет на острове вместе с «приемной» интернациональной семьей. Часть ее составляют аборигены-ланкийцы, часть — выходцы из Австралии, законным членом семейства считается и пес породы чихуахуа по кличке Пепси. И, несмотря на то, что в последние годы писатель передвигается исключительно в инвалидном кресле (результат осложнений после перенесенного полиомиелита), Кларк все так же продолжает будоражить мир своими пророчествами.

Его окруженное стеной поместье-убежище на берегу океана представляет собой не фантастическую, а реальную ячейку той самой «глобальной деревни», которую Кларк предвидел одним из первых. Это своего рода медийный центр, мощная компьютерная рабочая станция и радиообсерватория «в одном флаконе». Первую телевизионную «тарелку» Кларк получил в подарок от индийского правительства в 1975 году, и с тех пор в саду у его дома вырос целый лес подобных антенн. С их помощью писатель участвует в различных конференциях и международных форумах и получает со всего мира самую оперативную научную информацию.

Жилище Артура Кларка набито техническими «игрушками», а голова — предвидениями тех, которые придут им на смену. Таким образом, подтверждается справедливость придуманной писателем и футурологом автоэпитафии: «Он так и не вырос, хотя никогда не переставал расти».

А мне хочется закончить это затянувшееся поздравление с поистине фантастическим юбилеем еще одной цитатой из Артура Кларка. Финальным абзацем из его книги «Черты будущего», где автор пишет о наших далеких потомках:

«Они не будут похожи на богов, ибо никто из богов, которых мы можем вообразить, не обладал таким могуществом, каким будут располагать эти существа. И все-таки они, наверное, позавидуют нам, гревшимся в ярком свете мироздания; ибо мы знали Вселенную, когда она была юной».

А теперь замените «богов» на будущих писателей и

читателей, а «Вселенную» — на «научную фантастику».

КУРСОР

Нобелевская премия

в области литературы впервые вручена писателю-фантасту. Правда, многие специалисты полагают, что именно из-за фантастики новоявленная лауреатка, 87-летняя британская феминистка Дорис Лессинг, заслужившая премию еще несколько десятилетий назад, так долго не удостаивалась награды — шведские академики просто не решались рассматривать этот жанр. Лессинг начинала в конце 1940-х годов как реалист — ив этом качестве была известна читателю, в том числе и советскому (за «железный занавес» ее книги пробивались благодаря общественной позиции автора). Однако в конце семидесятых писательница переключилась на фантастику — выпустила пенталогию о будущем «Канопус в Аргосе». Некоторые из романов, написанных Лессинг в последнее время — например, «Марта и Дэн», «Трещина», — тоже можно причислить к фантастике.

Тяжелая болезнь

Александра Абдулова резко затормозила съемки экранизации повести А. Н. Толстого «Гиперболоид инженера Гарина». Абдулов не только исполнял главную роль — Гарина, но был режиссером и продюсером картины. Теперь отснятый на четверть материал практически пропал. Ныне подыскивается новый режиссер (возможно, это будет Дмитрий Месхиев) и исполнитель главной роли (это место может занять Леонид Ярмольник). Роль Шельги исполнит Сергей Степанченко. Если здоровье позволит, то Абдулов останется продюсером фильма.

Определено название

столь ожидаемой четвертой части саги о приключениях Индианы Джонса. Джордж Лукас сообщил, что называться фильм будет «Индиана Джонс и Королевство Хрустального черепа», а премьера состоится 22 мая 2008 года. В фильме мы вновь увидим Гаррисона Форда, но, увы, не встретим Шона Коннери — знаменитый шотландец отказался от участия в съемках.

Осень

— время подведения фантастических итогов предыдущего года во многих странах. Так, канадские премии «Аврора», вручавшиеся на конвенте VCon, достались: за лучший англоязычный роман — Дэйву Дункану («Дети хаоса»), за лучший франкоязычный роман — Элизабет Вонарбур («Повелительница воспоминаний 4: Принцесса мести»), за лучший англоязычный рассказ — Роберту Сойеру («Ожидание момента»), за лучший

франкоязычный рассказ — Марио Тессиеру («Взгляд трилобита»).

А в Германии определялись лауреаты Deutsche Phantastik Preis Awards: лучшим романом признали «Мощь огня» Маркуса Хайтца, лучшим рассказом — «Тролль» Кристофа Гардебуша. Лучшими переводными романами объявлены «Гильдия черных магов» Труди Канаван, «История Лиззи» (в Германии книга вышла под названием «Любовь») Стивена Кинга и «Дневной Дозор» Сергея Лукьяненко и Владимира Васильева.

В Польше во время 22-го «Полкона» (рекордного по количеству участников — около двух тысяч человек) объявлены очередные лауреаты премии им. Януша Зайделя. На этот раз ими стали Мая Лидия Коссовска и Ярослав Гжендович.

Звание

«Заслуженный работник культуры Российской Федерации» присуждено известному фантасту, публицисту и историку НФ Геннадию Мартовичу Прашкевичу. Писатель вошел в литературу еще в 1960-х годах и до сих пор остается одним из наиболее популярных авторов фантастической прозы.

Памятник Толкину,

который планируют поставить в британском Бирмингеме, будет выглядеть весьма оригинально — шестиметровый Онт из нержавеющей стали, покрытой бронзой и медью, бредет по ковру из серебряных листьев. Самое интересное, что на каждом из листьев будет написано имя или название спонсора — фанаты Профессора уже могут приобретать «рекламную площадь» на интернет-аукционах по цене примерно 500 фунтов. Часть из четырехсот листьев зарезервирована за Толкиновским обществом. Также предусмотрено 30 крупных бронзовых листьев — для спонсоров рангом повыше. Скульптором памятника стоимостью 80 тысяч фунтов станет Тим Толкин, внук младшего брата Толкина.

Экипаж «Энтерпрайза»

завоевывает очередное небесное тело. Астероид, ранее известный как 1994 GT9, теперь будет назван в честь Джорджа Такеи, сыгравшего Хикару Сулу в сериале «Звездный путь». Напомним, что уже есть астероиды, названные в честь создателя сериала Джина Родденберри и актрисы Ничель Никольс, исполнившей роль лейтенанта Ухуры.

В космос

отправилась и рукоять меча Люка Скайуокера, которая использовалась при съемках киносаги «Звездные войны». В честь тридцатилетия саги такую акцию провел экипаж шаттла «Дискавери», стартовавшего в конце октября с мыса Канаверал.

Том Круз,

звезда многих фантастических фильмов, решил по-настоящему защититься от нападения пришельцев. Он планирует построить бункер в своем поместье в Колорадо, чтобы спасти семью в случае нашествия инопланетян. Стоимость автономного бункера с новейшим фильтром очистки воздуха составит 10 миллионов долларов. В бункере свободно могут разместиться 10 человек. Напомним, что Круз — убежденный сайентолог, и это наверняка повлияло на подобное решение голливудской звезды.

Франкенштейн

станет добрым супергероем. В постмодернистском комиксе Майкла Олдреда «Безумец» человека, погибшего в автокатастрофе, возвращает к жизни, добавив огромную силу и обостренные чувства, некий эксцентричный доктор. Получив имя Фран Энштейн, но не получив лица, новоявленный спаситель начинает творить добрые дела в масках любимых персонажей. Компания Dimension Films, получившая права на экранизацию комикса, поручила создание фильма Роберту Родригесу. Не факт, что сам Родригес займется постановкой, но фильм будет делаться на его студии в стилистике «Города грехов».

«Зиланткон-2007»,

семнадцатый по счету фестиваль любителей ролевых игр, проходил в Казани со 2 по 5 ноября. На этот раз самый массовый праздник фантастики принял три тысячи гостей. Как всегда, состоялось большое количество мероприятий: в основном их темой стали ролевые игры и турниры на любой вкус. Но были и попытки сблизить действо с литературой — например, на семинаре «ЛитИгроСтрой», где фантасты встречались с мастерами игр. Кроме рабочих мероприятий — мастер-классов, литературных семинаров и т. д.

— участники побывали на концертах, в частности, на театрализованном шоу-состязании авторов-исполнителей «Турнира на песнях», историческом балу, показательных выступлениях фехтовальщиков на мечах. По доброй традиции «Зиланткона» организаторы в рамках «Детского проекта» устроили праздник для воспитанников социальных приютов Казани.

Литературная премия «Большой Зилант», вручаемая за недооцененное фантастическое произведение, досталась роману Юрия Брайдера и Николая Чадовича «Жизнь Кости Жмуркина».

In memoriam

6 сентября в возрасте 88 лет в Литчфилде (Калифорния)

умерла известная американская писательница Мадлен Л'Энгль, автор более 60 книг разных жанров, лауреат World Fantasy Award за заслуги перед фантастикой. Российским читателям Мадлен Л'Энгль знакома по ставшему классическим рассказу «Бедный маленький Суббота» и самой известной на Западе повести писательницы «Складка времени» (канадская экранизация этой детской повести у нас проходила под названием «Скачок во времени»).

16 сентября 2007 года после тяжелой болезни (амилоидоз — редкое заболевание крови, известное как синдром Аберкромби) в возрасте 58 лет скончался знаменитый фантаст Роберт Джордан (настоящее имя — Джеймс Оливер Ригни-младший).

Джордан родился 17 октября 1948 года в городе Чарльстон, Южная Каролина. С 1968 по 1970 годы дважды воевал во Вьетнаме. Выпускник военного колледжа Цитадель (где изучал физику), он работал на Военно-морской флот США в качестве инженера-атомщика. Писать начал еще в 1977 году. Сначала создавал продолжения саги о Конане, затем опубликовал историческую трилогию под псевдонимом Рейган О'Нил. Но наибольшую известность автору принес цикл «Колесо времени». Осталась недописанной последняя, двенадцатая книга цикла «Память света». В планах писателя были новая серия фэнтези, два приквела к «Колесу времени» и несколько романов, действие которых происходит в этой же вселенной.

Агентство F-пресс

PERSONALIA

ГОРНОВ Николай Викторович

Омский фантаст и журналист родился в 1966 году. Высшее образование получил в Сибирском автомобильно-дорожном институте, после окончания которого работал инженером-дорожником, мастером теплового участка. Несколько лет занимался книготорговым бизнесом, с 1999 года — профессиональный журналист. Работал заместителем редактора делового омского еженедельника «Коммерческие вести». В настоящее время обозреватель-аналитик того же издания.

В 1989 году создал известный юмористический фэнзин «Страж-птица», примерно к этому же времени относятся и первые литературные опыты. В 2001-м рассказ Н. Горнова «Пароход идет в Кранты» победил в литературном конкурсе «Альтернативная реальность» журнала «Если» и одновременно стал профессиональным дебютом автора в фантастике. С тех пор писатель опубликовал несколько повестей и рассказов в жанровой периодике, в том числе в журнале «Если».

ГРОМОВ Александр Николаевич

Писатель-фантаст Александр Громов родился в 1959 году в Москве, где проживает и по сей день. Окончив Московский энергетический институт, долгое время работал в НИИ Космического приборостроения. С конца 1990-х живет исключительно литературным трудом.

Дебютом А. Громова стал рассказ «Текодонт», опубликованный в 1991 году, а в 1995-м увидела свет и первая книга писателя — сборник «Мягкая посадка». Критика единодушно признала книгу одним из лучших российских дебютов 1990-х, а заглавный роман был отмечен премиями им. А. Р. Беляева и «Интерпресскона». С тех пор Александр Громов прочно удерживает позицию одного из ключевых авторов «твердой» НФ в отечественной литературе.

Напомним читателям книги московского фантаста: «Властелин Пустоты» (1997), «Год Лемминга» (1997), «Ватерлиния» (1998), «Шаг влево, шаг вправо» (1999), «Тысяча и один день» (2000), «Запретный мир» (2000), «Крылья черепахи» (2001), «Завтра наступит вечность» (2002), «Феодал» (2005). В 2004 году в соавторстве с Владимиром Васильевым выпустил роман «Антарктида online», открывший новый поджанр фантастики — «альтернативная география» (термин А. Громова). Дальнейшее развитие жанра А. Громов продолжил в дилогии

«Исландская карта» — «Русский аркан» (2006–2007).

Произведения А. Громова неоднократно удостаивались жанровых премий: «Сигма-Ф», «Интерпресскон», «Роскон», «Филигрань», «Странник», «Золотой кадуцей».

КАЛУГИН Алексей Александрович

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 2 за этот год)

Корр.: Последние ваши произведения отчетливо сместились в плоскость антиутопического, а то и апокалиптического мировосприятия. С чем это связано?

А. Калугин: В последнее время у меня появилось устойчивое чувство, будто в какой-то момент мы допустили очень серьезную ошибку. Что-то упустили из виду, повернули не в ту сторону. И сейчас мы уже вплотную приблизились к «точке возврата», пройдя которую, что-либо изменить будет решительно невозможно. Вспомните 1970-е, как мы тогда представляли себе новое тысячелетие, мир 2000-го года? И что в итоге? Вместо летающих городов — городские трущобы. Вместо освоения космоса — космические туристы. Вместо мира во всем мире — горячие точки по всей планете. Вместо культуры — бесконечные нелепые телешоу и еще более убогие варианты «Аншлага». Такое впечатление, что кто-то нам все время старательно мешает… Собственно, об этом и мой новый рассказ.

КОЛОДАН Дмитрий Геннадьевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 1 за этот год)

Корр: Дмитрий, ходят слухи, что ваш первый роман «Другая сторона» уже довольно долго путешествует из одного издательства в другое. Это правда?

Д. Колодан: Слухи сильно преувеличены. Роман, действительно, не самый «форматный», но взяли его практически сразу, и в первом квартале 2008 года он выйдет в издательстве «АСТ». Пока единственным серьезным «приключением романа» остается его обсуждение на семинаре Бориса Стругацкого. Подводя итог тому заседанию, Андрей Лазарчук сказал: «Вещь, по моему мнению, достаточно глубока, чтобы быть прочитанной многими и многими». Хочу надеяться, что так и будет.

В нескольких словах: «Другая сторона» — это книга в духе Джеймса Блэйлока, в которой сосуществуют горнодобывающая корпорация, ископаемые чудовища, дешевые фильмы ужасов, ведьма, разумные еноты, марсианская принцесса, а на заднем дворе маяка строят космический корабль. На самом же деле это

история о возвращении домой.

ПОШТАКОВ Христо (ПОЩАКОВ, Христо Димитров)

Болгарский писатель-фантаст, переводчик и активный участник фэн-движения Христо Поштаков родился в 1944 году в городе Павликени. Окончил Софийский технический университет, после чего в течение нескольких лет был техническим советником на Кубе; в нестабильные 1990-е сменил ряд профессий, так или иначе связанных с бизнесом. С 1998 года — профессиональный писатель.

По собственному признанию, фантастику начал писать в 1984-м, лежа со сломанной ногой (хрестоматийный случай: поскользнулся на банановой кожуре) в одной из кубинских клиник, и к моменту выписки набралось уже с десяток рассказов. Печатным же дебютом стал рассказ «Идем в гости» (в рус. пер. — «Кто ходит в гости по утрам…»), появившийся в 1987 году. В 1993-м увидела свет и первая книга фантаста — сборник рассказов «Дежурство на Титане», получивший поощрительный приз «Еврокона» за лучший дебют европейского автора.

НФ-рассказы Х. Поштакова составили авторские сборники «Дежурство на Титане» (1993), «Приключение в Дарвиле» (1996) и «Планета Скали» (2001). Выпустил три романа — футуристический детектив «Приключение в Дарвиле» (1996), сатирическую космооперу «Нашествие грухилов» (1998) и юмористическую фэнтези «Меч, мощь и магия» (2003, под псевдонимом Кристофър Поустмън), герои которой — средневековые рыцарь, маг и дракон — оказываются в современном Голливуде. В Болгарии роман стал лидером продаж, а в 2006 году, переработанный в соавторстве с российским фантастом Андреем Беляниным, под названием «Меч, магия и челюсти» был издан в России.

РЕЗАНОВА Наталья Владимировна

Нижегородская писательница, эссеист, критик и редактор Наталья Резанова родилась в 1959 году. Филолог по образованию, работала на местном ТВ и в различных нижегородских издательствах, в настоящее время — редактор издательства «Деком». В 1980-1990-е Резанова была активисткой КЛФ-движения, долгое время возглавляла городской КЛФ «Параллакс», редактировала одноименный литературный и критико-публицистический фэнзин, издавала информационно-критический ньюслеттер «Славная подруга».

Первой прозаической публикацией стал рассказ «Вид с горы», напечатанный в 1989 году, а спустя десять лет увидели свет сразу

два фантастических романа — «Последняя крепость» и «Открытый путь». Первый из них в 2000 году был удостоен премий «Старт» и «Большой Зилант». С тех пор Наталья Резанова, одна из самых заметных представительниц интеллектуальной и исторической фэнтези, выпустила еще семь книг — «Удар милосердия» (2002), «Чудо и чудовище» (2003), «Ветер и меч» (2004), «Кругом одни принцессы» (2003), «Не будите спящую принцессу» (2005), «Явление хозяев» (2005; премия «Портал»), «Дети Луны» (2006).

РОЗЕНКРАНЦ Чарли (ROSENKRANZ, Charlie)

Чарли Розенкранц родился в 1955 году в американском городе Балтимор, штат Мэриленд. Живя под деревенским небом, в возрасте 12 лет построил телескоп. Потом переехал в Вашингтон, и звезды сразу исчезли, однако сохранился стойкий интерес к наукам и научной фантастике.

О себе он пишет: «Я владел разным бизнесом — искусство, спутниковое телевидение, даже итальянский ресторан. Но фантастика — это моя страсть. Моя любимая НФ-книга — «Игра Эндера» Орсона Скотта Карда. Я нахожу его стиль очаровательным. Но самая замечательная книга — это «Дианетика» Рона Хаббарда. Применяя методы, описанные в книге, я не только развил свои писательские способности, но и укрепил память, здоровье, стал более счастливым, поскольку улучшилась способность общения с людьми».

Рассказ «Угроза Галактике» — дебютный. Он был напечатан в журнале «Аналог», заявлен в списке произведений, рекомендуемых для прочтения, в журнале «Локус» и выбран завершающим рассказом для антологии «Year's Best SF».

РУДЕНКО Борис Антонович

Писатель и журналист Борис Руденко родился в Москве в 1950 году. Окончил Московский автомобильно-дорожный институт. Полгода «пылился» (по его собственному выражению) в одном из КБ, а затем перешел на работу в милицию, где прослужил полный срок и уволился в чине подполковника. После демобилизации занялся журналистикой, в настоящее время работает в журнале «Наука и жизнь».

Участник легендарных Малеевских семинаров, в фантастике Б. Руденко дебютировал рассказом «Вторжение» («Техника — молодежи», 1978), в течение следующего десятилетия его НФ-рассказы и повести регулярно публиковались в периодической печати и сборниках. Однако в 1989 году писатель неожиданно ушел в детективную прозу («проба пера» — повесть «До весны еще

далеко» в «Искателе»). В этом жанре он выпустил книги «Всегда в цене» (1994), «Исполнитель» (1995), «Смерть откладывается на завтра» (1995), «Время черной охоты» (1996), «Мертвых не судят» (1996), «Снайпер» (1997), «Беглец» (1998) и другие.

В 2003-м на страницах «Если» состоялось долгожданное возвращение писателя к литературным истокам. С тех пор Б. Руденко — постоянный автор журнала. В феврале 2005 года вышла и первая НФ-книга Б. Руденко — роман «Те, кто против нас».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

notes

Примечания

1

Дядя Сэм (Uncle Sam) — известное прозвище правительства Соединенных Штатов, иногда всей страны, шутливая расшифровка букв «US». Любопытно, как оно возникло. По наиболее распространенной версии, это произошло во время англо-американской войны 1812–1814 гг. На складах поставщика военного имущества Э. Андерсона в г. Трой, штат Нью-Йорк, работал инспектор Сэм Уилсон — дядюшка Сэм, ставивший на тюках и ящиках клеймо «U.S.». Грузчики шутили, что это сокращение может означать не только «США», но и «Uncle Sam». Образ Дядюшки Сэма прочно закрепился в общественном сознании в период первой мировой войны, когда в 1917 году его изображение появилось на агитационном плакате. (Здесь и далее прим. перев.)

2

Так называют того из двух сенаторов от одного штата, который обладает меньшим стажем работы в Сенате.